

8(c)
Б-8

19482
ГЛАВНѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

8/ 8729
Проф. Брюкнеръ.

Русская литература

въ ея историческомъ развитіи.

ВЪ 2 ЧАСТЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. А. Саввинскаго,

подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

Часть II

СЪ ПОРТРЕТАМИ И СНИМКАМИ СЪ БАРТИНЪ.

89/09/
Б. 89.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе «Вѣстника Знанія» (В. В. Битнера).

1906

8885 7880 1906

89/09/ 89

5

6

Проф. Брюкнеръ.

Русская литература въ ея историческомъ развитіи.

Часть вторая.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Романъ и Гоголь.

Сатирическіе и историческіе романы Булгарина и Заюшкина, Марлинскій и Полевой. Комедія, Тормозащее вліяніе цензуры. Гоголь; ея юническіе труды. Божественный смѣхъ «Ревизора» и «Мертвые души». Религіозность Гоголя. Голоса современниковъ.

Только въ тридцатыхъ годахъ русскіе оригинальные романы начали удовлетворять народной потребности въ чтеніи, которая прежде довольствовалась переводами. Совершенно уединенныя, отчасти, не оцененныя по справедливости произведенія Измайлова и особенно Наръжнаго не создали ни общей связи, ни литературной традиціи. Впрочемъ, оригинальнаго въ новыхъ романахъ было немного; столь смѣлая попытка, какъ сатирико-аллегорическій романъ Наръжнаго, который ради безопасности автора былъ изданъ только послѣ его смерти, «Черный годъ или горекіе князья» (1829), мнимо дѣйствующій въ Грузіи, но изображающій русскіе типы, не была возобновлена. Новый романъ носилъ болѣею частью, или старый, правдиво-сатирическій характеръ или историческій по образцу В.-Скотта, въ обоихъ случаяхъ съ крайне запутанной фабулой, полной всевозможныхъ причудливыхъ сплетеній, къ удовольствію паниковаго читателя, либоньство котораго

держалось въ величайшемъ напряженіи. Въ обоихъ родахъ блистаетъ, давно забытый навсегда, экс-поэтикъ Булгаринъ, который около 1830 г. былъ столь популяренъ, что могъ поддѣлаться своимъ благоволеніемъ читателей и съ Пушкинымъ. Его главнымъ сатирико-моральнымъ трудомъ былъ «Иванъ Выжигинъ» (1829); цѣль—«благомыслящая сатира, о процвѣтаніи которой въ Россіи съ давнихъ поръ уже заботилось наше мудрое правительство», т. е. сатира вѣчно улыбающаяся, останавливающаяся на мелочахъ и робко проходящая мимо важнаго, съ постоянными комплиментами по адресу неуспѣшнаго ока мудраго и справедливаго начальства. Въ виду того, что Булгаринъ таскалъ своихъ героев по всей Россіи, онъ, разумѣется, не могъ замолчать крестьянскаго вопроса; онъ разрѣшаетъ его прославленіемъ обрацоваго хозяйства господина Россіянинова— имя избрано, каждый «Россіянинъ» долженъ быть таковымъ, его учителями Mr. Instruit и Herru Lutmann—все названія все еще этикетки и т. д. Радость «благомыслящаго» автора о своемъ успѣхѣ у русскихъ людей, «превосходящихъ» весь свѣтъ разумомъ, добротою, благодарностью», была нѣсколько омрачена съ одной стороны, ядовитыми эпиграммами Пушкина, для котораго Булгаринъ былъ только полицейскимъ сыщикомъ, а Выжигинъ—скотиной, съ другой же стороны, пародіями бѣднака Орлова, возводившаго генеалогію Выжигина къ Вайкѣ-Канну, вору изъ воровъ. Наоборотъ, историческіе романы Булгарина, несмотря на весь свой патріотизмъ, не имѣли никакого успѣха, для этого они были слишкомъ кожаны; здѣсь птицу застрѣлили другіе.

Загоскинъ перешелъ отъ комедіи къ роману; его «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году» (1829) былъ принятъ обществомъ съ энтузіазмомъ, въ двадцать лѣтъ онъ пережилъ восемь изданій и переводился много разъ. Еще Тургеневъ и даже Александръ III воодушевлялись этимъ сентиментальнымъ и патріотическимъ, но не историческимъ романомъ. Популярность обезпечивали ему любовная интрига, маленькіе люди, слуга Кирша, болѣе интересный, чѣмъ его господинъ Юрій, юродивый ниній Митя и выразительность языка. Попытка изложить подобнымъ же образомъ событія 1812 г. въ «Рославлевѣ или русскіе въ 1812 году» (1831) удалась значительно слабѣе, а «Аскольдова могила», возвращавшая читателей къ временамъ Владимира Святаго, сдѣлалась также и могилой славы Загоскина. Онъ снова вернулся къ театру, писалъ новые романы изъ временъ Петра Великаго, гдѣ, какъ настоящий москвичъ, врагъ всего иноземнаго—недаромъ же предки его происходили изъ Золотой Орды—идеализировалъ приверженцевъ старины. Загоскинъ интересенъ, какъ первый, впрочемъ, совершенно наивный, прославитель патріотической, сельской русской старины, предостерегавшій въ своихъ комедіяхъ дворянъ отъ столицы и ея расточительности, отъ заграницы и ея идей, который на чужбинѣ тоскуетъ по своей Россіи и въ сборникѣ «Москва и москвичи» является воодушевленнымъ чичероне «первопрестольной». Совершенно противоположность ему—Кукольникъ, въ романахъ котораго изображаются русскіе XVIII столѣтія,—все эти негодяи и добродѣтельные герои среди новой молодежи; но какъ писатели, драматурги и романисты оба могли подать другъ другу руку; въ безконечныхъ новѣстяхъ Кукольника представлены, главнымъ образомъ, чужіе, литовскіе,

Мих. Ивн. Загоскинъ.

пруссіе, французскіе сюжеты. Симпатичнѣе, чѣмъ эти двое, былъ сынъ купца, Лажечниковъ, который послѣ «Мемуаровъ русскаго офицера», 1812—1815, описывающихъ собственные приключенія и впечатлѣнія, затронувъ сюжеты изъ XVIII ст. написалъ свои, наиболѣе достойныя вниманія читателя вещи, напр. «Ледяной домъ» и др., не выходящія, конечно, изъ предѣловъ чисто вышней занимательности искусной интриги. Писатель старой школы, онъ сохранилъ свой умъ и сердце для новой школы и, одинъ изъ немногихъ, открыто шелъ ей навстрѣчу. Самымъ интереснымъ между ними всѣми, одно время любимѣйшимъ повѣствователемъ, былъ остроумный, многосторонній, страстный Бестужевъ. Блестящій гвардейскій офицеръ, покоритель женскихъ сердецъ, вѣрно слѣдовавшихъ за нимъ и въ Якутскъ, какъ за политическимъ «преступникомъ», и на Кавказъ, какъ за простымъ солдатомъ. Наряду со своими красотами онъ интересовался литературой и попалъ къ декабристамъ, какъ Платъ въ символъ вѣры. Начатую въ Петербургѣ литературную дѣятельность, въ качествѣ критика и романиста, Бестужевъ продолжалъ и въ ссылкѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, подъ именемъ «Марлинскаго»; въ отличіе отъ современниковъ, онъ не писалъ никакихъ многотомныхъ

Ив. Ив. Лажечниковъ.

романовъ и скоро оставилъ историческій жанръ, въ которомъ, опять въ противоположность Загоскину и сотоварищамъ, разрабатывалъ не русскія, но лифляндскія и другія темы—«брось нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ», просилъ его Пушкинъ. Бестужевъ сталъ изображать современную жизнь общества и въ повѣстяхъ «Аммулатъ-Бей», «Мулла, Нуръ» и др. далъ нѣсколько восточныхъ типовъ, взятыхъ съ Кавказа. «Марлинскій»—настоящій романтикъ въ прозѣ, каждое изъ его произведеній трескучій фейерверкъ, герой съ самой необузданной, дикой страстью; языкъ полонъ такихъ крайностей, что могъ бы казаться удачною пародіею на романтическій стиль, если бы все это не дѣлалось съ самымъ серьезнымъ видомъ. Отточенность и изысканность выраженій, постоянныя гиперболы, герой съ нефронтными взрывами чувствъ какъ разъ импонируютъ публикѣ, и къ тому же авторъ внесъ туда немало собственной буриности, собственной отчаянности—скоро послѣ этого (1837) онъ былъ такъ пораженъ черкесскими саблями, что даже не нашелъ и тѣла его,—собственной любви къ женщинамъ; все невозможное становилось дѣйствительностью. Въ литературномъ наслѣдїи Бестужева не было недостатка и въ болѣе простыхъ повѣстяхъ; его неоспоримую специальною оставались, до севастопольскихъ очерковъ Толстого, солдатскія исторіи, въ которыхъ рядомъ съ офицеромъ въ первый разъ изображался простой солдатъ и его житье-бытье. Полнота этихъ драматическихъ картинъ, во всевозможныхъ варіаціяхъ мѣста и времени, прямо удивительна.

Болѣе всѣхъ достойнъ сожалѣнія изъ этихъ романистовъ, несмотря на нѣкоторый кратковременный успѣхъ, Полевой. Прирожденный журналистъ, лишившись своего журнала, прекращеннаго за умную критику глупой, зато тѣмъ болѣе патріотической и въ Петербургѣ очень уважаемой драмы Кукольника—онъ былъ вытѣсненъ на путь литературнаго поддѣльвателя, поставщика фальшивыхъ романовъ и драмъ. Нужда поддерживать суще-

Горька.

Саловицъ, Погодинъ, Лавинъ,
Тургеневъ, Щепкинъ, Живковъ.

Шуваловъ.

Тоталь читаетъ „Ревизора“ передъ артистами Московскаго театра и приглашенными лицами. (Съ рис. Тобруна).

въ уѣздномъ городѣ» съ ихъ легкою сатирической тенденціей, съ эпизодическими народными фигурами, съ прогнанымъ деревенскимъ писаремъ Шельменко, со сбродомъ мелкаго дворянства и чиновниковъ; послѣдняя пьеса живо напоминаетъ «Ревизора», можетъ считаться его прототипомъ, ея Пустолобовъ походить на Хлестакова и т. д.

«Первая русская комедія послѣ сатиры Грибоедова и первыхъ русскихъ бытовыхъ романовъ, первый проявленія реалистическаго или, какъ выразился Булгаринъ, «натуральнаго» направленія, были даны въ произведеніяхъ Гоголя. Чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, необходимо сдѣлать короткое отступленіе въ область факторовъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ самой литературы, но способствовавшихъ или задерживавшихъ ея развитіе.

Къ первымъ принадлежало щедрое меценатство великой императрицы и ея обоеихъ внуковъ. Съ благодарностью воспоминаетъ литературная исто-

Николай Васильевичъ Гоголь.

ри о тѣхъ почестяхъ и матеріальной поддержкѣ, которыя обязаны были Державину, Карамзину, Жуковскому, Пушкину, Гоголю и др., что придавало имъ двойной вѣсъ въ обществѣ, для котораго моральная сила, влияние и уваженіе, которыми пользовался писатель, было дѣломъ еще весьма проблематичнымъ. Конечно, въ XIX ст. и въ Россіи литература могла освободиться отъ меценатовъ. Публика и книготорговцы заняли ихъ мѣсто, напр., Смирдинъ въ Петербургѣ. Загоскину, послѣ успѣха «Юрія Милославскаго», московскіе книготорговцы предлагали 40000 ассигнаціями за его новаго, весьма неудачнаго «Рославлева». Пушкинъ увѣрилъ, правда, и здѣсь подражая своему

тогдашнему идолу Байрону, что онъ пишетъ и печатаетъ только ради денегъ. Уже рѣшаются не придворное благоволеніе и протекція, но лишь одинъ талантъ, и на всемірное выставленіе рядомъ съ дворянникомъ, дававшимъ прежде какъ офицеровъ и чиновниковъ, такъ и литераторовъ, могутъ являться теперь плебей, разночинецъ, купеческій сынъ или ученикъ духовной семинаріи. Непосредственное покровительство литературы, не говоря о побочномъ влияніи школы и т. п., не было уже дѣломъ двора и правительства; литература была независима, она сдѣлалась совершенною дѣлою съ матеріальной стороны — къ сожалѣнію, пока еще не съ духовной.

Среди многихъ привилегій и вольностей, которыя Екатерина даровала дворянству, не было даровано права открыто высказывать свои мнѣнія. Какъ крестьяннинъ физически, такъ и дворянинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вообще писатель, духовно были закрѣпощены. Почти въ одно время пали и тѣ и другія цѣпи, правда не съ одинаковымъ результатомъ; крестьяннинъ съ 1861 г. сдѣлался дѣйствительно свободнымъ, писатель довольствуется еще и теперь только видомъ свободы.

Привѣтство стерегло крестьянъ, подавляя безкастно всякое возстаніе; съ писателями то же самое дѣлала цензура. Всякая мысль или тема, которая не нравилась властителю, просто запрещалась: «Мертвыя души» Гоголя не только не были допущены московской цензурою къ печати, казалась ей соблазнительнымъ уже самое заглавіе, которое противорѣчило догмѣ о безсмертіи души. Одноактная пьеса Гоголя, «Утро чиновника», могла быть напечатана только, какъ «Утро дѣловаго человѣка». Какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ крѣпостничествѣ были болѣе слабые періоды и такіе, когда для честныхъ людей почти невозможно было писать; такъ, при Павлѣ, когда простые слова: «общество», «граждане», «отечество» были наипостройшій воспрещены. Первое вообще не могло употребляться, вмѣсто другихъ слѣдовало ставить «жители» и «государство». Къ этой крайности приближалась медленно, но постоянно Николаевская цензура, которая подъ конецъ стала вести борьбу не противъ писателей, произведеній и идей, а противъ словъ. Буличъ написалъ напр., научное изслѣдованіе «Сумароковъ и сатира его времени», но книга появилась подъ заглавіемъ «Сумароковъ и критика его времени», хотя при Сумароковѣ и не существовало никакой критики, а только сатира. Простое имя великаго Бѣлинскаго годами не могло быть упоминаемо; впрочемъ, съ именами Герцена и Чернышевскаго во второй половинѣ XIX стол. въ этомъ отношеніи было не лучше.

Существовалъ странно реакціонный цензурный уставъ «славянскаго» свѣтопомярчителя Шишкова, но даже этотъ былъ нарушаемъ, такъ какъ на Руси законы и уставы существуютъ только для все терпящей бумажки и для доверчивой Европы; поступаютъ же по инструкціямъ, которыя рѣзко расходятся съ закономъ. Согласно цензурному уставу, ленивыя слова писатели не дозволялось подвергать произвольнымъ передержкамъ; и однако, часто создавали толкованія, о которыхъ авторы и не думать, и запрещали его трудъ. Одинъ начинающій писатель зарабатывалъ себѣ деньги популярными статьями и доставилъ однажды статью о тигрѣ, охотѣ на него и т. п. Но она не могла появиться, такъ какъ въ томъ же номерѣ случайно рѣчь была и о царѣ! Московское духовенство черезъ нѣкогда гуманнаго и просвѣщеннаго митрополита Филарета, свѣточа церкви, жаловалось на цензуру, которая въ Пушкинскомъ «Онѣгинѣ» допустила выраженіе:

«Вороны опустились на церковный крестъ». Раздраженный цензоръ защищался тѣмъ, что это не его дѣло, а полиціймейстера запрещать воронамъ подобныя вещи. При необыкновенномъ удобствѣ, которое предоставляло подобное стѣненіе свободнаго слова, всякаго рода учрежденія, даже

правление коннозаводства, поспѣшили обзавестись особыми цензурами, которыя въ виду вычеркивали то, чего не успѣла постановить обычная цензура. Въ провинціи цензура вообще не знала никакихъ границъ, она выбрасывала изъ газеты даже официальные данія о слишкомъ низкомъ уровнѣ воды въ Волгѣ, такъ какъ въ этомъ могъ заключаться косвенный упрекъ правительству и его непрестанной бдительности. Въмѣсто одного, вѣрнѣе двухъ: — духовенство всегда пользовалось особымъ цензурнымъ правомъ — возникло наконецъ, отъ десяти до двѣнадцати цензурныхъ комитетовъ, которые пресѣдовали всякое разумное слово.

Послѣ революціоннаго, 1848, года, хотя въ Россіи нѣтъ и не бунтовать, паническій страхъ объялъ правительство; были учреждены еще особый комитетъ, Бутурлинскій, который разъ уже процензурованную литературу долженъ былъ снова разсматривать съ «высшихъ» точекъ зрѣнія, чтобы въ корнѣ заглушить всякую искру правды и ума. Снова возродились Павловскіе проекты. Этотъ въ своемъ безумномъ страхѣ передъ революціей запретилъ ввозъ въ Россію всѣхъ книгъ и музыкальных произведеній; теперь вся книжная торговля должна была быть монополизирована. Въ счастіе для Россіи англическія и французскія пушки разгромили Николаевскую систему, кусавшуюся, какъ бѣшеная въ своихъ послѣднихъ судорогахъ. Когда умеръ ея величайшій писатель и поклонникъ, Гоголь, ея другой прихлебатель, профессоръ исторіи Погодинъ, осмѣлился въ «Москвитинѣ» okayмѣть черною рамкою извѣщеніе о смерти, онъ былъ, впрочемъ, и за другія столь-же тяжкія преступленія, отданъ подъ полицейскій надзоръ. ✕

Иногда, правда, удавалось провести эту цензуру, напечатать «опасную» статью, но тѣмъ хуже были послѣдствія. За напечатаніе письма Чаадаева, въ которомъ была сказано спокойно, съ достоинствомъ горькая правда не о правительствѣ, но объ обществѣ, журналъ былъ запрещенъ навсегда, издатель, сосланъ, цензоръ смѣненъ, Чаадаевъ объявленъ сумасшедшимъ. Для критика Блиннаго прѣберегали уже его знакомый укромную комнатку въ Петропавловкѣ, и только сострадательная смерть спасла несчастнаго отъ этого царскаго «поощренія». Зато въ этомъ болѣтъ самодовольно плескались продажныя созданія вроде Булгарина и Греча, проиизированнаго надъ лѣтѣмъ, особенно надъ каждою серьезною мыслію «барона Брамбеуса», ориенталиста Сениковского, поляка, бласетителя чистоты русскаго стиля и презиравшаго Гоголя за его «вульгарный» языкъ, стихотворствующихъ жандармовъ и т. д. Только свиньи особенно жизнеспособны въ Россіи, жаловался Гоголь. Что общаго имѣютъ эти указанія съ беллетристичной и спеціально съ Гоголемъ? Должны ли они послужить къ удобному оправданію писателя, который собралъ тучи, но у котораго цензура конфисковала молнии?

Прежде всего они объясняютъ, почему первымъ, самымъ безпощаднымъ цензоромъ и разрушителемъ своихъ собственныхъ трудовъ былъ самъ ихъ авторъ. Мы выше отмѣтили относящееся къ этому признаніе Грибоедова. Теперь послушаемъ Гоголя:

«Я помѣшался на комедіи, и сколько (было) злости, смѣху, соли... Но вдругъ остановился — что изъ того, что пьеса не будетъ играть? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ не могъ бы обидѣться даже квартальный».

Такъ объясняется, почему Гоголь для своей безсмертной комедіи избралъ столь невинную тему, — однако, онъ забывался и здѣсь: его комедія ни за что не прошла бы черезъ цензуру, если бы не содѣйствіе самого царя. Только внимательство Николая сдѣлало возможнымъ появленіе этой

пшесы, въ которой, какъ выразился Императоръ послѣ представленія «вѣхъ получили свое и я большіе вѣхъ». Гоголь самъ понималъ незначительность, ничтожность своей темы, такъ какъ онъ зналъ настоящую язву Россіи; какъ разъ при Николаѣ I бюрократія усилилась до страшнаго всемогущества, душащаго всякую жизнь и мысль, усилилась власть, произволомъ ибмедкихъ мамелюковъ царя, вѣхъ этихъ дорфъ-берги-бекъ.

Гоголь долженъ былъ сказать правдивое слово объ этомъ, однако, онъ не рѣшился этого сдѣлать и преслѣдовалъ самыхъ мелкихъ ворсинокъ, осторожно побранивая большихъ. Ибо что значила, напр., такая нибудь комическая сцена сообщанія въ «Ревизорѣ», съ хлѣбными героями о фактомъ табачномъ дымѣ въ корридорахъ маленькаго госпиталю, о разбитомъ «казенномъ» стулѣ въ сравненіи напр., со сценой засѣданія въ московскомъ цензурномъ комитетѣ при испытаніи «Мертвыхъ душъ», гдѣ не знаешь, какимъ цензоромъ отдать пальму идиотизма и позора, азіатскимъ или европейскимъ — а вѣдь дѣло шло о духовномъ питаніи великой націи! Не Гоголь, цензура несетъ вину за выборъ матеріала. Гоголь хотѣлъ выставить Петербургъ у позорнаго столба и ограничился вмѣсто этого безмяннымъ городкомъ и безмяннымъ героемъ.

То, что мы говоримъ о Гоголѣ, относится ко всякому писателю. Напримѣръ, «Аббадону» Полевого, гдѣ дѣйствіе проходило въ Германіи и съ Россіей ничего общаго не имѣло, цензоръ не могъ всетаки принять на свою совѣсть, отправился къ министру, который и учредилъ особую комисію для испытанія и изслѣдованія романа. Въ цензурномъ раѣ обратили должное вниманіе, напр., на то, что баронъ Кальвоушъ злоупотреблялъ своею властью министра для выполненія личной мести. Нужно только удивляться мужеству и самопожертвованію русскаго писателя, который при такихъ условіяхъ отстаивалъ свой трудъ противъ всей этой глупости и злобы, нужно удивляться тому, что вообще еще было сдѣлано такъ много.

Вредъ, который правительство принесло литературѣ цензурою и постоянно дрожащими за свою шкуру цензорами, не поддается никакому вычисленію, въ то время, какъ мы могли бы высчитать до полунки, такъ называемое «покровительство» властей, — сумма весьма скромная. Однако, обратимся наконецъ послѣ отступленія къ Гоголю.

Самъ Гоголь, — фигура трагическая, пожалуй интереснѣе, чѣмъ его собственныя произведенія. Для поверхностнаго наблюдателя онъ могъ бы показаться повтореніемъ Толстого: неподражаемый реалистъ отрывается отъ своего безцѣльнаго таланта и дѣлается аскетомъ и моралистомъ. Столь же удобно можно сравнивать его съ Тургеневымъ; какъ и этого послѣдній, Гоголь началъ съ романтическихъ стихотвореній, но скоро не хотѣлъ и слышать о своей поэзіи и обратился къ прозѣ. Однако, эти и другія внѣшнія стороны ничего не объясняютъ бы въ Гоголѣ. Русская беллетристика, которая, преимущественно, брала темою трагическую судьбу художниковъ, прошла безъ вниманія мимо глубокой, настоящей трагедіи, самой потрясающей изъ вѣхъ извѣстныхъ намъ. Даже въ нашемъ изложеніи, которое посвящено не личностямъ, а направленіямъ и трудамъ, мы не можемъ не коснуться загадки, почему Гоголь преждевременно сломалъ свое перо.

Онъ былъ сынъ Украины, малороссъ, какъ Гребенка или Основьяненко, которые почти одновременно съ нимъ не безъ успѣха писали сатирическіе, комическіе и сентиментальные разсказы, и драматическія повѣсти изъ жизни народа, чиновниковъ и мелкаго дворянства Украины, не говоря уже о болѣе старомъ Нарѣжкомъ. Болѣзненное честолюбіе, мысль о предпріятіи Providѣнемъ чего-то высшаго, заставили Гоголя вырваться изъ тѣснаго домашняго круга, съ его спокойно-созерцательною жизнью, и направиться въ Петербургъ, гдѣ онъ надѣялся найти свое высокое призваніе въ карьерѣ

чиновника, потомъ ученаго. Но дѣло не пошло далеко впередъ, несмотря на всевозможную поддержку его друзей и покровителей; ибо Гоголь не былъ ни чиновникомъ, ни профессоромъ исторіи, а лишь поэтомъ. Въ этомъ все болѣе убѣждало его отношенія, въ которыя онъ вступилъ съ кружкомъ Пушкина, съ Жуковскимъ, петербургскимъ профессоромъ литературы Плетневымъ и др. Особенно Пушкинъ, былъ всегда его вѣрнымъ совѣтникомъ. Безъ него Гоголь не предпринималъ ничего, ему онъ былъ обязанъ и темой своей комедіи и своего романа. Въ качествѣ сентиментальнаго романтика, Гоголь началъ съ элегической идилліи «Гансъ Кюхелгартенъ», которую онъ потомъ преслѣдовалъ и уничтожалъ съ тою же ненавистью, съ какою Тургеневъ уничтожалъ свои произведенія. Вѣнныя рамки были заимствованы у Фоссовекой «Луизы», духъ—другой. Ибо героемъ былъ самъ Гоголь, со своимъ нервнымъ безпокойствомъ, неудовлетвореннымъ влеченіемъ, стремленіемъ въдалѣ, въ широкій міръ, съ разочарованіемъ въ дѣйствительности. Только Гансъ примирился съ этою пошлостью, отказался отъ всего за обладаніе спокойнымъ, домашнимъ счастьемъ рядомъ со своей Луизой, о чемъ и не думать Николай, который никогда не нашелъ Луизы, да, конечно, и не искалъ ея.

Петербургъ разочаровалъ поэта; онъ постоянно чувствовалъ себя здѣсь человекомъ, городъ казался ему лишеннымъ всякой характерности, жители какъ будто всѣ были на должности и въ чинахъ, бездушные и не интересующіеся ничѣмъ другимъ, кромѣ службы. Гоголь скоро формулировалъ свои сатирико-юмористическіе афоризмы о Петербургѣ и Москвѣ и первый коснулся темы, которую поэтъ него занимался Вяземскій, Герценъ, Некрасовъ, Добролюбовъ и др., о противоположности между обоими городами. Москва представлялась ему «русской бородой», русскимъ дворянствомъ, Петербургъ, Ловкимъ европейцемъ, аккуратнымъ немцемъ. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ и Шеллингѣ, идутъ на ряду съ вѣкомъ и опаздываютъ книжками, — петербургскіе говорятъ только о публикѣ и благомыслии, не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ пунктуально. Москва необходима для Россіи, Россія необходима для Петербурга и т. д. Его отвращеніе къ городу шло отъ того, что время все дальше, направляясь противъ «нихъ», русскихъ, доходило до отрицанія у «нихъ» славянскаго характера, что Гоголь доказывалъ противоположностью суровой угрюмой русской народной пѣсни по отношенію къ малороссійской пѣжной, кроткой, славянской. Конечно, подобныя проявленія весьма опредѣленного и страстнаго чувства нельзя принимать буквально. Поэтъ лишь поддавался впечатлѣніямъ временной обстановки, и выраженіе этого впечатлѣнія чисто вѣннское; внутри онъ хранилъ свою тайну, свои убѣжденія; такъ вообще часто дѣлаютъ славяне, за что и подвергаются упрекамъ въ неискренности, хотя это вѣдь только осторожное воздержаніе отъ собственнаго и утѣное, часто только пророческое соглашеніе съ чужимъ мнѣніемъ. Обманулся Мицкевичъ и Зальцкій въ Парижѣ, думая, что открыли у Гоголя рѣзкую антипатию къ «москалямъ», обманулся, однако, въ значительно меньшей степени — и польскіе члены ордена резуррекціонистовъ, видя въ Гоголѣ неопита, котораго можно приобрести для католической церкви. Подъ конецъ, Гоголь сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ въ сущности быть можетъ всегда и былъ, убѣжденнымъ представителемъ официальной программы, которая въ Россіи признавала и требовала одного Бога, одного царя, одинъ языкъ, православіе, самодержавіе, господствующую національность. Но нельзя отрицать любви Гоголя къ его малорусской родинѣ, особенно, во время пребыванія въ Петербургѣ, 1829—1836 г.; его цоложительно грызла тоска по Малороссіи; онъ рвался отъ перадргъ пошлой жизни Петербурга, климатъ котораго былъ ему вреденъ, и въ мечтахъ стремился туда, на югъ въ свѣтой Кіевъ, въ дѣтущія и благоуханныя степи. Эта тоска диктовала поэту его очерки, въ которыхъ онъ изображалъ пре-

лести провинции, веселую жизнь ее обывателей и въ романтическомъ духѣ поэтизировалъ тамошнія преданія, сказки и сказанія. Такъ появились, сначала отдѣльно въ журналахъ, потомъ изданныя вмѣстѣ, (1832 г.) малорусскія повѣсти, «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», за которыми потомъ (1834 г.) послѣдовали, какъ продолженіе—«Миргородъ». Уже здѣсь выступала двойственность натуры Гоголя: романтизмъ, доходящій до фантастическихъ размѣровъ, съ сверхчеловѣческими образами, ужасными преступленіями, страшными приключеніями, впадаетъ въ стилъ Гофмана; съ другой стороны, удивительно вѣрный и проницательный даръ наблюденія, рѣзкій реализмъ, смягчаемый только юморомъ. Особенно богатъ былъ имъ—изъ этого видно, какъ расло реалистическое направленіе—второй сборникъ, съ его «Старосвѣтскими помѣщиками», Филимономъ и Бавкидою въ Украинѣ—съ жизнью одного прекращается жизнь и другого—и съ его «Разсказомъ о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», какъ два сердечныхъ друга случайно и изъ за пустяковъ сдѣлались смертельными врагами, что при страсти этихъ людей спорить и судиться повело къ безконечнымъ столкновеніямъ, и какъ эти столкновенія были улажены. Рядомъ фигурировалъ производившій наибольшій эффектъ историческій романъ «Тарасъ Бульба», въ которомъ историческій элементъ заключался только въ обстановкѣ и фонѣ, въ то время, какъ интрига и главное лицо, Андрей и его романтическая любовь къ романтической полковѣ, были описаны совершенно по условному шаблону романтической эротики. Но за кричащее несоотвѣтствіе правды, вознаграждали отдѣльныя весьма эффектныя мѣста, картины казачьей жизни, юмористическія сцены, напр., съ евреемъ. Это, однако, было послѣднее даніе, которую Гоголь заплатилъ своей родиной и ея исторіи, ея борьбѣ съ поляками—только эти темы привлекали его; по крайней мѣрѣ, поздѣе онъ не шель дальше простыхъ начинаній историческаго романа и т. п.

Въ духъ дальнѣйшихъ сборниковъ, «Арабески» 1834 г., «Повѣсти» 1836 г., поэтъ приближъ уже другой тонъ. Тутъ сказывается романтическая любовь къ средневѣковью и его готическимъ памятникамъ, грызущая тоска по дивной странѣ великаго искусства, Гофмановская фантазія въ повѣсти «Портретъ»,—какъ великій художникъ среди матеріальныхъ наслажденій забылъ объ идеальныхъ стремленіяхъ, и какъ онъ былъ отомщенъ за это,—и въ причудливой повѣсти «Ночь»—похожденія пропавшаго носа и поиски его. Но рядомъ, мы встречаемъ и перлы реалистическаго юмора, и выразительности языка въ «Коляскѣ», правда, съ поворотомъ къ трагическому, особенно, въ знаменитой повѣсти «Шинель»: маленький чиновникъ путемъ дивнишихъ годами лишений скопилъ средства на приобретение новой шинели. Въ первый же день, когда бѣднякъ надѣлъ ее, она была похищена. Заключеніе оныя Гофмановское. Впервые выступилъ здѣсь передъ взоромъ наблюдателя одинъ изъ типовъ безконечной русской галлерей «униженныхъ и оскорбленныхъ», и несмотря на всю свою неприглядность, несмотря на многія смѣшныя свои стороны, онъ приобрѣлъ наше глубокое сочувствіе. Этого настроенія не измѣняетъ и страшный конецъ, гдѣ романтический авторъ какъ будто робко вступилъ на путь реализма. То же самое и съ «Записками сумасшедшаго».

Вся романтическая мишура исчезла въ сценическихъ произведеніяхъ, надъ которыми Гоголь работалъ долгіе годы; онъ написалъ отдѣльныя сцены, «Игроки», «Лакейская» и др., раздробилъ на одноактные шесмы свой трудъ, иначе невозможный, благодаря цензурѣ: «Процессъ», «Утро дѣлового человѣка», «Женитьба», гдѣ надворный совѣтникъ Подколотинъ смѣлымъ прыжкомъ изъ окна ускользнулъ изъ сѣтей Гименея; тутъ же мы находимъ замѣчательную галерею всевозможныхъ кандидатовъ въ женихи. Наконецъ, поэтъ окончилъ и поставилъ на сцену послѣ сильной

борьбы съ собою, съ цензурою, съ актерами, съ критикой и публикой, своего «Ревизора», чтобы послѣ первыхъ представленій навсегда бѣжать въ свою милую Италію, въ свой чудный городъ мертвыхъ, — Римъ. Ибо Гоголь всегда сознавалъ противоположность между умирающей католической цивилизаціей и своею принадлежностью къ юношески свѣжему, стремящемуся впередъ народу; все его очарованіе, какое поэтъ испыталъ, какъ никто другой изъ русскихъ, онъ пытался передать въ своей недоковченной повѣсти «Римъ».

Въ Россіи между тѣмъ продолжались представленія его пьесы и споры по поводу нея. Сюжетъ его пьесы уже раньше обрабатывался Основяненко; особенно, Пушкинъ, который самъ однажды былъ принятъ въ Новгородъ за ревизора, т. е. за чиновника, посланнаго отъ министерства въ провинцію для раскрытія злоупотребленій, указывать Гоголю на эту комическую тему. Чиновничество одного отдаленнаго маленькаго городка встревожено въ своемъ идиллическомъ спокойствіи извѣстіемъ, что его посетитъ разбѣгающийся нигогити ревизоръ; Петербургскій вѣтренникъ, котораго случай загоняетъ въ городокъ, принимается всѣми, правыми и виноватыми за ожидаемаго ревизора; Хлестакомъ прекрасно входитъ въ свою новую роль, ведетъ привольную жизнь на счетъ жителей и своевременно убирается во своен. Въ новомъ собраніи «правящихъ властей» городка выясняется это quiproquo къ величайшему сожалѣнію пострадавшихъ и посрамленныхъ, и докладъ о действительномъ только прибывшемъ ревизорѣ раздражаетъ издѣлками, какъ гроза. Еще въ 1845 г. Булгакинъ въ «Сѣверной Ичелѣ» заставлялъ обливаться кровью свое сердце при мысли, что весь высшій свѣтъ Петербурга появляется на представленіяхъ «Ревизора» и, не имѣя понятія о чиновникахъ, полагаетъ, что эти епископы съ натурой... «нѣтъ, милостивые государи и государины, такихъ чиновниковъ не существуетъ» и т. д.

Комедія Гоголя отлучалась отъ предшествовавшихъ Грибоедова, у котораго Чацкій является провозвѣстникомъ нной молодежи, полной надежды и бодрости, и Визинга, у котораго кинѣло добродѣтельными героями, своимъ полнымъ отсутствіемъ «положительныхъ» типовъ. Все чиновничество представляло порочный сбродъ, забывшій о долгѣ («Ты крадешь не по чину»), въ безграничномъ произволѣ признававший только одинъ страхъ, какъ бы не попасться вышему начальству. Въ этомъ отношеніи эта сатира не представлялась вовсе въ невинномъ, улыбающемся тонѣ. Гоголь могъ отлично бы представить, что подобное состояніе терпимо только по невѣжеству, что неподкупный, бодрствующій глазъ мудраго правительства сейчасъ же съ ужасомъ положитъ рѣшительный конецъ безобразію, посылъ куда нужно ревизора. Однако, комедія бросала неблагоприятный свѣтъ на бюрократію и на систему; для недовольныхъ, либераловъ, брызгъ она доставляла достаточный матеріалъ. Самъ Гоголь, ультра-лояльный консерваторъ изъ кружка Пушкина, конечно, не имѣлъ никакихъ «потресательныхъ», критическихъ или даже только либеральныхъ побужденій. Сначала онъ писалъ все лишь въ собственномъ увеселеніи и отводить «святому смѣху» еще больше мѣста, чѣмъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ; но бюрократію онъ ненавидѣлъ яростно, какъ Пушкинъ, и этимъ объясняется не только направленіе цѣлаго, но и отдѣльная часть невиннаго мѣста, напр., сейчасъ же во вступительной сценѣ: «нѣтъ человека, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ». Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтерянцы напрасно противъ этого говорить». Учитель дѣлаетъ только гримасы, но смотритель получаетъ выговоръ, «зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству» и т. п.

Легкомысленная публика поняла комедію, какъ фарсъ и каталась со смѣху, ея vis comica и до нихъ не была превзойдена. Желчный, холод-

ный великорусскъ совѣтъ не быть способенъ къ такому юмору, онъ лежалъ въ натурѣ добродушно-лукаваго малоросса. Одни смѣлялись умышленно, другіе кричали о неспроверженіи авторитетовъ. Поэтъ, для котораго комедія изъ простаго смѣхотворнаго средства сдѣлалась большимъ, серьезнымъ дѣломъ, протестовалъ противъ всѣхъ обвиненій въ своей, шесть лѣтъ спустя (1842) сочиненной пьесѣ «Театральный разбѣздъ послѣ представленія новой комедіи», гдѣ онъ съ гениальною виртуозностью характеризовалъ самыхъ различныхъ зрителей и ихъ сужденія или всякое отсутствіе таковыхъ. Маленькіе люди у него инстинктивно высказываютъ наиболѣе правильныя мнѣнія; «большіе» держатся равнодушно или враждебно. Наконецъ, авторъ беретъ слово въ защиту единственной честной личности своей комедіи, смѣха, въ которомъ ничего низкаго нѣтъ, въ которомъ нашли бы искры глубокаго чувства; кто болѣе всѣхъ смѣется, проливается часто глубокія, искреннія слезы. Эта защита была сама по себѣ излишня; кто не дѣлалъ себя намѣренно слѣпымъ, долженъ былъ уже изъ озлобленнаго заключительнаго вопля обманутаго полицеймейстера узнать значеніе мнимаго фарса: «мало того, что пойдешь въ посѣтѣнщике—найдется шелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Эхъ, вы!.. Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, шелкоперы, либералы проклятые! Чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!»...

Напряженныя ожиданія болѣзненно нервнаго автора менѣе всего были удовлетворены первыми впечатлѣніями отъ игры—такъ какъ актеры все превращали въ шутовство—и прѣломъ у публики, и онъ поспѣшно бѣжалъ изъ Россіи, «разсѣлить свое горѣ, обдумать основательно свой авторскій долгъ, свои будущія произведенія и возвратиться освѣженнымъ, обновленнымъ».

Онъ давно обрабатывалъ другой сюжетъ и уже прочиталъ Пушкину первую главу своей прозаической поэмы «Мертвыя души», первая часть которой появилась потомъ въ 1842 г.; только границей онъ чувствовалъ себя по отношенію къ своей Россіи свободнѣе. Правда, тоска влекла поэта на родину, но пребываніе въ ней слишкомъ скоро изнурило его. Люди, которые на практикѣ выказываютъ себя очень неловкими, въ теоріи представляются мастерами; и вотъ Пушкинъ придумалъ слѣдующее: просмотры ревизіонныхъ листовъ дѣлались каждые десять лѣтъ; въ темнѣ этого времени помѣщикъ долженъ былъ платить поголовную подать и съ умершихъ «душъ» (т. е., мужчинъ, женщинъ и дѣти не считались); эти мертвыя души были ему въ тягость. Если бы теперь нашелся чудакъ, который купилъ бы эти души и платилъ бы за нихъ подать, хозяину была бы оказана помощь. Покупатель, въ свою очередь, могъ бы, переведа эти мертвыя души на какую-нибудь пустошь въ Крыму, заложить ихъ въ опекуномъ совѣтѣ, до 100 рублей за душу и съ этой выручкой испариться. И вотъ гоголевскій Чичиковъ путешествуетъ по Россіи съ цѣлью продѣлать подобную махинацію. Мы сопровождаемъ его въ большой губернскій городъ, изъ котораго онъ, какъ изъ центрального пункта, объѣзжаетъ цѣлый районъ помѣстій. Посѣщенія отдѣльных дворянскихъ имѣній, удача или неудача предпріятія, которое, наконецъ, рушится, такъ какъ неподвѣрчивые сначала хотѣли справиться въ городѣ о цѣнахъ на мертвыя души, описаніе города и его «милыхъ» чиновниковъ—здесь прорывается опять ненависть къ бюрократіи—составляютъ содержаніе «поэмы». «Какимъ же разбѣромъ она написана?»—спрашивалъ высокомерно Сенковскій.

спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капиталы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ скоро... появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда—они выбегутъ со свѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвши, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: «Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, прельщать объ этомъ?»... Этотъ патристизмъ боится глубоко проникающаго взора; онъ любитъ скользнуть по всему недумаящими глазами; онъ поспѣетъ даже отъ души надъ Чичиковымъ, даже похвалитъ автора: «Однако-жъ, кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселого нрава человекъ!» И самодовольно прибавитъ: «А, вѣдь, должно согласиться, страшные и пресмѣшные бываютъ люди въ некоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!»—вмѣсто того, чтобы спросить себя, итъ ли и въ немъ чего-нибудь Чичиковскаго».

Гоголь завидуетъ писателю, который изъ великаго омута ежедневновлекающихся образовъ, избралъ одинъ немногіе исключеніи, который не измѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спукался съ вершинъ своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ, въ то время какъ онъ «дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ, горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнулъ выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи»... «И долго еще определено мнѣ чудною властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримый, невѣдомый ему слезы!»... «Ничтожными и низкими назвать эти созданія современныя лицетрио-безувѣстныя судъ и ответить автору презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человечество; ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озаряющія солнце и передающія движенія незамѣченныхъ насекомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много пуще глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлы созданія; ибо не признаетъ современный судъ, что высочайшій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ ирически-мъ движеніемъ, и что дѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха!»

«Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ»,—Гоголь былъ неподражаемый чтець, вмѣстѣ съ тѣмъ перворазрядный комическій талантъ,—то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже! какъ грустна наша Россія!» Горькое чувство вызвала Россія и въ Герценъ. Въ самомъ дѣлѣ, это только «Мертвыя души», застывшія въ пошлой банальности, безъ некры Божіей; угнетающимъ долженъ быть видъ, какъ разъ для романтика. Гоголь «Ревизора», «Мертвыхъ душъ» и «Петербургскихъ повѣстей» недоволенъ нецѣлую, пустую жизнь. Онъ видитъ вредъ, который причиняется съ одной стороны пошлостью, равнодушіемъ, низостью, съ другой,—грубымъ самодовольствомъ, хвастовствомъ, ничтожностью моральныхъ основъ; онъ пытается поколебать ихъ нерушимое могущество оружіемъ юмора. Конечно, юморъ «Мертвыхъ душъ» былъ гораздо глубже, чѣмъ въ «Ревизорѣ»; тамъ неселый непринужденный смѣхъ надъ превратностями міра, смѣхъ украинца,—здѣсь онъ совершенно заглушенъ, надъ нимъ лежитъ

покровь великорусской фидой прони. Реализмъ, даже натурализмъ, торжествуетъ свой высшій триумфъ; тутъ мы видимъ—необыкновенную точность наблюдений и строгость передачи фактовъ, цѣльность фигуръ, изъ которыхъ каждая рѣзко индивидуальна, опредѣленно очерчена немногими типичными чертами. Только мѣстами обнаруживается романтизмъ: въ «Ревизорѣ»,—когда Хлестакову затуманиваетъ голову его собственный разсказъ, здѣсь—въ роли Гарпагона-Плюшкина, въ которомъ невинное «приобрѣтательство» переходитъ въ демоническую страсть, пожирающую его существо, убивающую въ немъ все человеческое. Но, какъ извѣстный англійскій карикатуристъ, Гоголь самъ пугается собственныхъ фигуръ; до сихъ поръ всегда подавляемый, глубоко въ немъ дремавшій романтизмъ, заявляетъ свои права. Поэтъ не можетъ болѣе удовлетворяться всѣми этими неканонами Божескаго образа, онъ такъ пренебрегаетъ сознаніемъ важности своего призванія, представленіе о которомъ въ немъ было заложено Пушкинскимъ кружкомъ съ его ученіемъ о поэтѣ-пророкѣ, избранномъ сосудъ благодати, что начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на проповѣдника, учителя своихъ собратьевъ—людей, готовящихъ указывать имъ путь ко спасенію. Этого нельзя сдѣлать при помощи мелкихъ повседневныхъ, низкихъ, комическихъ героевъ. Недостаточно святого смѣха, нужно создавать положительное. Русскій романъ о Жилъ-Блазѣ, впрочемъ, безъ любовныхъ приключеній, безъ начала и конца,—хотя по желанію можно было присоединить новые типы помѣщиковъ и другіе эпизоды,—составилъ только введеніе къ совершенно иному произведенію.

Во второй части дозволено быть представлено обращеніе Чичикова, въ третью—его просвѣтлѣніе; положительные герои, добродѣтельные губернаторы, винные откупщики и владѣтели большихъ помѣстій выступить, какъ предопредѣленные проводники орудія этого русскаго чистилища и райа. Плюшкинъ съ давнихъ поръ игралъ у Гоголя большую роль, онъ перемѣшивалъ задуманное и выполненное; ничего удивительнаго, если уже въ одиннадцати главахъ первой книги, «бѣднаго вѣзда въ большой городъ», были даны прекрасные виды на колоссальныя картины, скрытые рычаги обширнаго романа. «Но, можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почтуются пылая, еще доселѣ небрашныя струны, предстанетъ несметное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивною красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ!... Увидать, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что сколынуло только по прирѣдѣ другихъ народовъ». «И далеко еще то время, когда грозная буря вдохновенія подымется изъ облеченной въ свинцовый ужасъ и блистаніе главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей»... Отсюда и произошло предполагающее все это названіе для цѣлаго «поэма».

Славянофилы были восхищены этими объявленіями: они великодушно прощали за это поэту односторонности перваго тома. Когда у западника Бѣлинскаго первый пылъ восхищенія нѣсколько охладѣлъ, эта музыка будничности сдѣлала его недоувѣрчивымъ; онъ писалъ: «много, слишкомъ много обѣщано для продолженія, столь много, что неоткуда взять, чѣмъ бы выполнить эти обѣщанія, потому что чего-либо подобнаго еще и на свѣтѣ не существуетъ. Намъ прямо ужасаетъ мысль, что первая часть, въ которой все комично, станетъ настоящей трагедіей, и остальная дѣль, гдѣ должно выступить трагическое, будутъ комическими, по крайней мѣрѣ въ патетическихъ мѣстахъ».

Проницательный взоръ Бѣлинскаго не обманулъ его; вышло такъ, какъ онъ предсказывалъ. Критикъ и прежде протестовалъ противъ этихъ и подобныхъ мѣстъ въ «Мертвыхъ душахъ», противъ лирическихъ отступлений, считая ихъ пятнами на картинѣ великаго мастера. Надъ второю и третью частью Гоголь работалъ до конца жизни (1852). Уже готовый трудъ онъ дважды бросалъ въ огонь. Мы обладаемъ теперь лишь набросками и отрывками. Кое-что превосходно: главы въ стилѣ первой части, новыя встрѣчи съ Тентетниковымъ и т. д. Положительные типы изобрѣтены, они—Россианиновы изъ «Выжигина» Булгакина, манекены, не люди. Какъ Достоевскій, такъ и Гоголь не былъ въ состоянii создать «просвѣтленнаго образа. Но для насъ достаточно воплотилъ Чичикова первой части; не такъ для поэта, который тщетно изнурялъ себя въ стремленii воплотить свои новые идеалы.

Трагедія человѣка началась еще раньше, чѣмъ трагедія художника. Религіозная основа его существа,—глубокая вѣра въ Провидѣнiе, которое направляетъ каждый шагъ этого паломника, высокое мнѣнiе о своемъ призванii, къ тому же характеръ времени, религіозные интересы котораго были снова пробуждены, возросли особенно въ римскомъ уединенiи поэта, доходя до забвенiя жизни, отчужденiя отъ міра и его суеты, что, наконецъ, должно было повести къ аскетизму и анахоретству.

Это особенно удивительно было какъ разъ въ русскомъ обществѣ, для котораго религія обозначаетъ ичто совершенно внѣшнее, только бюрократическую схему, для котораго религіозность совпадаетъ съ ханжествомъ и лицемеріемъ, религія дѣлается просто формой, надѣваемой въ извѣстныхъ случаяхъ, у народа она просто переходитъ къ суевѣрію. Какъ прямая противоположность совершенному религіозному индифферентизму общества въ Гоголѣ пробудилось святое рвеніе; въ сознании своего духовнаго значенiя и своего аскетическаго разума, онъ ваялъ иповѣдывать сердца, давать совѣты, убѣждать друзей и знакомыхъ, побуждая ихъ къ христіанскимъ добродѣтелямъ смиренiя, преданности, милосердiя и кротости: не возставать противъ авторитетовъ, противостоять искушенiямъ соблазнительнаго чувства, дѣлаться сокрушенными сердцемъ христіанами, совершенствовать себя, послѣ чего все остальное само собою приложится. И, чтобы приобщить возможно большее число къ благодатному дѣйствию этихъ словъ, онъ опометливо опубликовалъ, вмѣсто второго тома «Мертвыхъ душъ», «Письменная мѣста изъ переписки съ друзьями» (1847). И тутъ цензура нашла необходимымъ многое выкинуть. Дѣйствіе книги было губительнымъ для авторитета Гоголя. Тотъ, кто до сихъ поръ положительно поклонялся поэту, какъ идолу—Бѣлинскій, написалъ Гоголю знаменитое письмо отъ 15 іюля 1847 г. изъ Зальцбрунна, гдѣ критикъ проживалъ больной воспаленіемъ легкихъ. Обладаніе спискомъ этого письма, чтеніе его было опасно для жизни, способствовало приговору Достоевскаго къ смерти!—Бѣлинскій обращался къ своему прежнему идолу: «Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсiя, панегиристъ татарскихъ правотъ—что вы дѣлаете!... Великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творенiями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давшій ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркало—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учить варвара-помѣщика называть отъ крестьянъ больше денегъ, учить ихъ ругать побольше... Какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно болѣе сынъ Христа, нежели всѣ наши попы, архіереи, митрополиты, патріархи!» и т. д.

Страсть, священный гнѣвъ и глубокая скорбь, о разрушеніи, плачемъ къ ногамъ идолѣ пожалуй могутъ объяснить горячность этого обви-

ненія. Гоголь былъ свѣтой серьезности съ своими разъясненіями, но высокопарный, надменный тогѣ и рѣзкости нѣкоторыхъ утвержденій онъ смягчилъ въ послѣдующей «Авторской исповѣди». Если моралистъ уже убилъ въ поэтѣ художника, то теперь его окончательно уничтожилъ аскетъ. Гоголь совершилъ напоминчество ко Гробу Спасителя, проявлялъ благотворительности, особенно по отношенію къ бѣднымъ студентамъ, умерщвлялъ свою плоть, молился, бдѣствовалъ и постился, пока совершенно обезсиленный не палъ жертвою нервной лихорадки. Какъ писатель Гоголь не могъ создать своихъ положительныхъ идеаловъ, такъ и какъ человѣку не удалось ему осуществить, найти примиреніе съ жизнью.

Никто не нанесъ такихъ тяжелыхъ ударовъ романтизму, какъ этотъ тайный романтикъ, который въ противорѣчій съ самимъ собою, стремился къ простотѣ, естественности, и поэтому напр., глубоко презиралъ романтическое пустословіе какого-нибудь Кукольника. Еще въ началѣ своей дѣятельности, онъ высказался одному знакомому (1832): «Комичное скрыто всюду, только живя среди него, мы не замѣчаемъ его, но вотъ внесетъ его художникъ въ свое искусство, поставитъ на сцену—мы будемъ кататься со смѣху и удивляться, почему раньше не замѣчали ничего».

Этому основному положенію великій реалистъ остался вѣренъ, который совершенно справедливо поставилъ эпитафію своей комедіи: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Онъ былъ зеркаломъ Россіи, не льстилъ, не каррикуриль. Отсюда ярость однихъ, которые замѣчали, что ихъ безцѣпные товарищи не находятъ больше никакого сбѣга,—Булгаринъ и соговорники; возмущеніе старыхъ романтиковъ, Полевого, напр., которымъ эта естественность казалась измѣною искусству; вспомнить только, что въ первый разъ въ Россіи появились комедія и романъ безъ любовной интриги. Еще и теперь, въ Европѣ даже, любовь къ театральной пьесѣ относится, какъ бѣздна и парикъ, и къ роману—какъ бумага и типографскія краски. Единственное желаніе Петра Великаго—имѣть умную пьесу безъ любви было, наконецъ, исполнено. Тѣмъ бурнѣе было одобреніе молодежи, либераловъ, которые по недоразумѣнію сочли сверхъ-консерватора прямо своимъ и только поздно сознали ошибку.

Желаніе критики имѣть дѣйствительно національное произведеніе было выполнено не Пушкинымъ, не Лермонтовымъ, а Гоголемъ, хотя какъ разъ больше всѣхъ кричавшіе въ спорѣ не признавали совсѣмъ труда. Свободный отъ всякаго не только подражанія, но и иностраннаго вліянія, вышедшій изъ нѣдры Россіи, онъ могъ сказать про себя: «здесь Русь, здесь Русью пахнетъ!» Поразили этотъ реализмъ, однакоже мастерской какъ по образамъ, такъ и по выраженіямъ, для котораго противники сейчасъ же придумали названіе «натуральной школы», охотно подхваченное Блинскимъ натуральное направленіе въ противоположность ненатуральному, т. е. ложному; и это въ то время, когда въ Европѣ о реализмѣ и натурализмѣ еще не думали! Онъ сталъ образцомъ для цѣлыхъ поколѣній, производившихъ себя непосредственно отъ Гоголя, продолжавшихъ его полезный трудъ, которому недоставало не только женскихъ фигуръ, типовъ духовенства, войска и т. д., но даже и народа. Наконецъ, Россія нашла самое себя.

Этимъ нисколько не измѣнялось то обстоятельство, что Гоголь снова потерялъ самъ себя, и мы должны заимать отъ него собственные произведенія. Такъ, поэтъ готовъ былъ толковать своего «Ревизора» мистически. Городецъ со своими чиновниками,—это нашъ духовный городокъ, и онъ въ каждомъ изъ насъ. Настоящій ревизоръ—совѣтъ; Хлестаковъ—ложная, вѣтреная, мірская, продажная совѣтъ, которая позволяетъ страстямъ руководить собою. Смѣхомъ, вынужденнымъ любовью къ человѣку, не пустымъ

празднаго свѣта, хотѣмъ мы изгнать духовныхъ злодѣевъ» и т. д. Точно такъ же, какъ извѣстно, средневѣковые богословы умѣли истолковывать въ тройномъ аллегорическомъ смыслѣ каждое повѣствованіе библіи. Пришлось бы намъ защищать и Чичикова отъ посягательства Гоголя; мы знаемъ воспитаніе героя; знаемъ, какъ благонамѣренный отецъ постоянно поучалъ своего Павлушу: «Старайся угождать учителямъ и начальникамъ, съ товарищами не водись, развѣ ужъ съ богатыми; не угощай никого, а ведй себя такъ, чтобы тебя угощали, больше всего береги копейку, самаго надежнаго, единственнаго друга», и т. д. Просвѣтлѣніе Плюшкина, который по крайней мѣрѣ былъ способенъ къ страсти, или даже какого-нибудь скряги, было бы болѣе вѣроятно, чѣмъ преображеніе нашего, безчувственнаго, банальнаго и пошлаго, зато тѣмъ болѣе правдиваго героя.

Гоголь психологически необыкновенно интересная фигура, полная видимыхъ противорѣчій, менте всего извѣстная тѣмъ, которые думали, что лучше всѣхъ знаютъ ее. Поэтъ имѣлъ много искреннихъ друзей и почитателей, но никому онъ не позволялъ заглянуть близко въ свою сложную душу; онъ скрывалъ отъ нихъ даже подробности своего эскетизма. Конецъ пришелъ неожиданно, оторвалъ его, повидимому, отъ самой живой работы. Ужасъ передъ смертью, по поводу близкой для него утраты (госпожи Хомяковой), кажется, нанесъ разстроеному организму рѣшительный ударъ; но и въ послѣдніе дни мы стоимъ передъ настоящими загадками. Почему, напр., Гоголь слегъ въ ту несчастную ночь (на 12 февраля) второй томъ «Мертвыхъ душъ»? Онъ утверждалъ, что сдѣлалъ это по ошибкѣ, желая сжечь только кое-что, уничтожилъ все; злой духъ сыгралъ съ нимъ эту шутку. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что снова возстановитъ потерю. Но такое объясненіе скорѣе могло быть просто желаніемъ отдѣлаться и отвязаться отъ докучливыхъ вопросовъ. Совершенно другіе мотивы приписывали ему, говорили даже о намеренномъ пожертвованіи своимъ самымъ дорогимъ сокровищемъ по примѣру Авраама, принесшаго въ жертву Исаака; во всякомъ случаѣ, рѣшеніе, кажется, послѣдовало внезапно. Только одного нельзя допустить, что чаще всего принимаютъ, будто онъ сдѣлалъ это изъ неудовлетворенности своимъ трудомъ. Наоборотъ, мы знаемъ по собственному свидѣтельству поэта, какія глубокія перспективы открывались ему при этой работѣ, пусть она и была часто вынужденная. На нее онъ долго расчитывалъ, какъ на реваншъ за неудачу «Переписки».

Пушкинъ низвелъ русскую поэзію по содержанию и языку съ ея ходу, показалъ, какія сокровища скрываются въ простотѣ окружающей жизни, среди крестьянъ, на однообразной широкой равнинѣ, создалъ и положительные типы, его «Татьяна», напр. То же самое сдѣлалъ для романа Гоголь, только идеалы не удался ему, какъ слѣдуетъ; и онъ отказался отъ исторіи, отъ запутанныхъ сюжетовъ, отъ экзальтированныхъ художниковъ, устранился отъ всякой пошлой дидактики. Пушкинъ проложилъ свою дорогу одинъ. Его критики, которые цѣплялись за малѣйшіе промахи, въ родѣ употребленія падежа, и тѣ ничего не могли сказать ему, могли только самое большее удивляться или поносить. Гоголь попалъ въ эпоху, болѣе двинувшуюся впередъ уже находились такіе, которые умѣли толковать наивному читателю смыслъ его произведеній. Литературное творчество и критика отнынѣ идутъ рядомъ все равно, оспариваютъ ли они другъ друга или поддерживаютъ.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Романтическая критика. Вѣлинскій.

Предшествовавшее состояніе критики. Ея появленіе съ 1820 г.; романтическіе критики, Веневитиновъ, Бестужевъ, Виземскій, Полевой, Надеждинъ, Выступленіе Вѣлинскаго. Ею эстетико-философская и публицистическая критика. Ею вліяніе. Усиленіе реакцій. Преслѣдованіе мысли и людей. Петрашевцы.

Развитію изящной литературы предшествовала критика. Правда, прошло много времени, прежде чѣмъ вообще установилась эстетически и философски вышколенная критика; мы встречаемся съ ней лишь послѣ 1820 г. Старый русскій «Паризь» со своими строго опредѣленными авторитетами и непарушимыми уставами Лагарпа и Батто не терпѣлъ, какъ и всякая автократія, никакой критики, кромѣ хвалебнаго признанія. Карамзинъ первый въ своемъ «Московскомъ журналѣ» отвелъ мѣсто критикѣ, но снова изгналъ ее изъ «Вѣстника Европы», чтобы не утратить немногихъ литераторовъ. Даже не существовало никакой обособленной оцѣнки писателей XVIII ст., кромѣ статьи Карамзина о Богдановичѣ. Книзь Шаликовъ, напр., издатель «Дамскаго журнала» съ модами, жаловался, что обрушившаяся критика могла лишить бодрости наши вѣчные таланты, они могли бы упасть и завянуть, какъ весенніе цвѣты отъ непогоды! «Критическая» борьба велась до 1820 г. не по вопросамъ литературы, но изъ-за языка, между шинковцами и карамзинистами. Единственный большой трудъ, о Россіадѣ (1815), далъ классикъ, истый москвичъ, Мерзляковъ, примѣшавшій въ данномъ случаѣ эстетическую теорію Эшенбурга. Въѣсто критики были, самое большее, пародіи на оды, даже Державинскія, Марина и др., юмористическія стихотворенія Батюшкова, направленные противъ шинковцевъ, ихъ царства моли и мышей, затрагивающія ихъ мстительность по отношенію къ тѣмъ, кто вытаскиваетъ на нихъ эпиграммы, кто пишетъ какъ говорится, кого читають и дамы, или куплеты и эпиграммы, изготовлявшіеся на московскихъ вечерахъ у кн. Вяземскаго и др.

Романтики, прежде всего, принесли переоцѣнку всѣхъ цѣнностей; они пришли къ выводу, что еще вовсе не существовало русской литературы. Только одни говорили это болѣе рѣзко, другіе иносказательно, при этомъ иногда не щадили и романтизма, протестовали противъ введенія нѣмецкаго или англійскаго ига, вмѣсто французскаго, и зывали къ національной литературѣ. Философски образованнѣйшимъ между ними былъ московскій «архивный юноша» Веневитиновъ; его статьи общаго характера правильнѣе всѣхъ смотрятъ на дѣло: они сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: самопознаніе есть цѣль и вѣнецъ челоуѣка, задача просвѣщенія, которое коренится въ собственной почвѣ. Россія все получила отъ чужеземцевъ; безъ напряженія собственныхъ, внутреннихъ силъ было возведено призрачное зданіе литературы, лишенное всякаго фундамента. Бездѣйствіе нашей мысли есть причина нашей слабости; ложныя правила французовъ мы замѣнили теперь отсутствіемъ всякихъ правилъ, отсюда и всеобщая метроманія, знакъ духовнаго легкомыслія. Онѣ требовалъ работы мысли, основательнаго усвоенія философскаго образованія за счетъ количественнаго изобилія производства, которое на время слѣдуетъ даже совсѣтъ прекратитъ. Мысль радикальнѣе средствъ предлагали другіе, декабристы и, позднѣе, мистики, Кюхельбекеръ, нападавшій на романтиковъ за подражаніе подражаніямъ, за меланхолю. «Прочти одну только изъ нашихъ элегій и ты узнаешь ихъ всѣ», декабристы и романтисты Бестужевъ, который, впрочемъ, какъ издатель очень распространеннаго альманаха никого не хотѣлъ обидѣть, о всѣхъ разсуждалъ мягко, но все-таки спрашивалъ: «когда же мы, наконецъ, найдемъ собствен-

ную дорогу? Когда мы будемъ писать прямо по-русски? Одинъ Богъ знаетъ это».

Въ качествѣ критика выступалъ иногда и кн. Вяземскій, одинъ изъ многихъ русскихъ *grandseigneurs*, которые такъ охотно занимаются литературой, иначе, чѣмъ, напр., иѣмцы. Онъ достигъ настоящаго Маусанлова иѣка; его юность относится ко времени неограниченнаго господства классицизма—1808 онъ уже печатаетъ стихи—и литературная дѣятельность продолжается вплоть до смерти (1878). Отъ французовъ унаследовалъ онъ любовь къ гладкому выразительному слогу; иные его мѣткіе сарказмы облетали всю Россію. Несмотря на то, что Вяземскій выступалъ за Пушкина и романтику, онъ въ сущности оставался классикомъ. Человѣкъ остраго, свѣтлаго ума, обширнаго образованія, онъ былъ чуждъ всякой односторонности и преувеличенія въ то время, когда русскіе «упивались» опредѣленными идеями, такъ что постоянно находились въ состояніи извѣстнаго рода охмѣленія». Вяземскій не предавался никакимъ обманчивымъ мечтамъ; разсылая произведенія Пушкина, напр., въ извѣстномъ предисловіи къ «Бахчисарайскому фонтану» (1824), онъ говорилъ: «До сихъ поръ небольшое число хорошихъ писателей дало только нашему языку нѣкій образъ... существовать русскій языкъ, но нѣтъ литературы, нѣтъ достойнаго выраженія могучаго и мужественнаго народа... мы еще не имѣемъ въ литературѣ русскаго направленія, быть можетъ, мы его и не получимъ, такъ какъ и слѣдовъ его нѣтъ». Этотъ скептицизмъ характеренъ для ума холоднаго, лишеннаго темперамента, отсюда и не созданный для критики; Вяземскаго привлекаетъ скорѣе историческое обозрѣніе. Такъ, мы обязаны ему первымъ правильными выводами относительно Державина и Дмитріева и первымъ основательнымъ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ о Визинѣ (1849). Кромѣ того, Вяземскій въ теченіе десятилѣтій культивировалъ и стихотворное искусство и давалъ иногда образцы истинной поэзіи, напр. «Первый свѣтъ» (1817), глубоко прочувствованная элегія на смерть Пушкина. «Юный энкурсецъ», какъ и Батюшковъ, сѣмилѣ жить и чувствовать, но онъ брался и за политическіе мотивы, торопиль Жуковского (!!) на «гражданскій» путь, возглаголь: Свобода! съ пламеннымъ воодушевленіемъ дерзнулъ я, первый въ русской поэзіи, воззвать къ тебѣ и пробудить молчаніе и т. д. «Асмодей» Арзамаса, правда, сознавался на склонтъ своихъ дней: «Въ молодости мною владѣли либеральныя идеи времени, въ зрѣлыя лѣта обязанности государственнаго человѣка, наконецъ, заботы и пресрпатности старческаго возраста»; такъ скоро и основательно выцѣлѣ его либерализмъ. Онъ даже совершенно уклоняется съ прежней дороги, напр., въ знаменитой «Святой Руси», 1850, восхитившей даже Жуковского, гдѣ онъ послѣ преодолѣнія венгерцевъ, величалъ монархическій и религіозный гоній, т.-е. Николая, предотвратялъ Русь отъ переворотовъ; въ своихъ патріотическихъ солдатскихъ иѣтихъ во время Крымской войны. Вяземскій столь характерное явленіе, что стоитъ остановиться на немъ еще мгновеніе.

Этотъ отпрыскъ Рюрика и питомецъ петербургскаго іезуитскаго коллѣкта, лучшаго тогдашняго учебнаго заведенія въ Россіи, гдѣ воспитывались сыновья вельможъ, прошелъ тотъ же самый путь отъ либерализма къ его противоположности, какъ и Пушкинъ, только его тутъ не извиняетъ никакая поэтическая гениальность. Вяземскій впалъ сначала въ фрондериство; бранилъ въ письмамъ лицъ и порядки, напр.: почта существовала лишь для удовольствія чиновниковъ, читавшихъ письма, и упрекъ полицеймейстера къ почтмейстеру въ «Ревизорѣ» звучитъ совершенно наивно; показывать кулакъ въ карманѣ за страшно несправедливый приговоръ о декабристахъ, грозилъ эмигранцей. Но либеральній хмѣль, въ которомъ онъ выѣлѣ съ другими въ адресѣ Александру I требовалъ освобожденія

крестьянъ, скоро улѣтучился! Сатирическія стихотворенія перваго періода либеральнаго вѣка Пушкинъ, но написаны съ меньшимъ живостью. Было и сравненіе между Петербургомъ и Москвою, юмористическія изображенія русской масленицы и т. п., выпады противъ иностранцевъ. Впрочемъ, этотъ французъ былъ настоящимъ русакомъ въ стилѣ XVIII столѣтія, убѣжденнымъ во всемогуществѣ государства, которое онъ отождествлялъ съ Россіею, взирающимъ на остальныхъ славянъ съ презрѣніемъ, на поляковъ съ высокомернымъ сожалѣніемъ. По природѣ Вяземскій былъ нафлетистъ, съ другой стороны, безусловный поклонникъ Карамзина, новатора въ словахъ и консерватора въ политикѣ, наконецъ, литераторъ, но совсѣмъ странный; Тургенева и Толстого, напр., онъ не могъ оцѣнить. Старый бородинскій воинъ протестовалъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ уничтоженія Толстымъ славы русскихъ генераловъ въ своихъ историческихъ воззрѣніяхъ столь же узкъ консервативенъ и строго автократиченъ, какъ и въ дѣлахъ политики и юкса. Бѣлинскій и люди сороковыхъ годовъ были для него ужасомъ: живой анахронизмъ, обросшій мохомъ и пласенью, Вяземскій говорилъ, что закоснѣлъ, умолкъ навсегда, хотя это было само собою совершенно понятно, такъ какъ онъ никогда не написалъ бы чего-либо большаго. Выгодно возникало его надъ обстановкою пятидесятыхъ и слѣдующихъ годовъ: благородство чувствъ, тактъ, пренебреженіе къ мелкой политикѣ, булавочныхъ уколовъ, къ формальности, которая будетъ возмущаться, что имѣсто русскихъ березъ и сосенъ осмѣливаются расти тополи и липы; его вольтерьянизмъ облизывать еще кое къ чему. Однако, Вяземскій ограничивать его эпиграммами и цѣлыми томами пустыхъ замѣчаній.

Его пониманіе романтизма, хотя онъ переводилъ В. Константа и приходилъ въ энтузіазмъ отъ Байрона, все-таки весьма проблематично; но писателя манилъ видѣ борьбы и онъ сошелъ на арену публицистики, уже за тѣмъ, чтобы разрушить монополю петербургскаго триумвирата Булгарина, Греча, Воейкова, къ которымъ скоро должны были присоединиться Сенковский, и случилось такъ, что критикъ Вяземскій на нѣкоторое время сошелся съ Николаемъ Полевымъ, несмотря на то, что болѣе рѣзкій противоположности врядъ ли могли бы быть придуманы. Полевой былъ самоучка, лишенный чувства, такта и формы, односторонній, горячій. Онъ—первый русскій журналистъ по призванію, конечно, не въ европейскомъ смыслѣ слова, такъ какъ политика оставалась исключенною изъ журнала—правительство не допускало даже хвалебной оцѣнки своихъ дѣйствій. Полевой въ видѣ свѣжей новости въ простой и понятной формѣ, предлагалъ своей аудиторіи, вычитавшее или заимствовавшее у нѣмцевъ и французовъ, у Шлегеля и Нибура, Герана и Риттера, Кузена и Гизо, безпощадно нападать на все противоположное, устарѣлое, безъ слѣда почтенія осмѣливать «авторитеты», съ пылкимъ жаромъ вступался за новый романтизмъ, за Пушкина двадцатыхъ годовъ, въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825—1834), насчитывавшемъ 2,000 подписчиковъ, въ то время какъ другіе журналы должны были довольствоваться 100 или 150-ю, проводить и праздновать побѣду романтизма. Онъ отбавивался на все, писалъ въ противоположность Карамзинской «Исторіи государства русскаго» — «Исторію русскаго народа», которая, впрочемъ, доходила только до середины XVI столѣтія, гдѣ онъ по примѣру нѣмеднкихъ историковъ—его трудъ Нибуру посвященъ—выбросилъ изъ изложенія мораль и дидактику, равно какъ басню и произволъ или случай, настаивая на значеніи исторической связи, всесторонняго оживленія людей и временъ. Такъ Полевой прогнѣвалъ Карамзинистовъ; безпомянутое обходился онъ съ другими современными «величинами», съ обоими Дмитріевыми, съ Жуковскимъ, у котораго онъ оспаривалъ право на названіе романтика и др. Наоборотъ, Полевой, почитая

европейскій романтизмъ и Пушкина до 1830 г., боролся съ русскимъ за его незаконченность и зависимость, не понималъ великаго поэта послѣ 1830 г., когда эту статью у него «однообразенъ», потерялъ прелесть новизны, и еще менѣе могъ онъ сладить съ Гоголевскимъ реализмомъ. Полевой приветствовалъ автора повѣстей, но для закоренѣлаго романтика реализмъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» былъ ужасомъ. Онъ нападалъ на эти произведенія, какъ на обогащеніе Россіи, выставлялъ мнѣніе автора о моральной цѣнѣ своего труда, ставилъ Гоголя ниже Диккенса, котораго онъ такъ же ненавидѣлъ, несмотря на отдѣльныя сѣтаны страницы его романовъ, и ставилъ его на одну ступень съ Поль-де-Ковомъ. Полевой уже пережилъ себя, не могъ слѣдовать за нѣкомъ. Тѣмъ болѣе давило его это чувство, чѣмъ произвольнѣе лишали его средствъ къ существованію князьями запрещеніемъ «Телеграфа».

Противники Полевого праздновали триумфъ. Значеніе «Телеграфа» какъ оживленія мертвой русской журналистики, какъ популяризаціи новаго европейскаго значенія, какъ критической переоцѣнки вѣхъ произвольныхъ цѣнностей русскихъ классиковъ и романтиковъ, какъ зова къ «самостоятельности», хотя Полевою не особенно удавалось опредѣленіе этого понятія, это все—принадлежало теперь прошлому, и потерявшій вліяніе издатель долженъ былъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ надиратьсѣ наемными трудомъ—работая на своихъ бывшихъ враговъ. Романтическій критикъ, который безжалостно осмѣивалъ русскихъ «Оеокритовыхъ, Анакреоновыхъ, Гамлетовыхъ, Полупиллеровыхъ, Обезьяннихъ» и т. д., для котораго прекрасныя, многообѣщавшіе начатки русскаго романтизма, т. е. Пушкина, окончились «скупными пустяками», который хотѣлъ съ русскими литераторами только шутить и забавляться, «такъ какъ на дѣтей нельзя серьезно сердиться», сдѣлался теперь предметомъ зинграммъ со стороны своихъ враговъ, къ сожалѣнію и Пушкина, которые насмѣхались надъ его прежнимъ состояніемъ: «нужно кушть у него водки, кто хочетъ съ нимъ ужиться», дѣлали на него доносы. Особенно рѣзко выступилъ противъ Полевого и всего романтизма, причинявшаго только моральный вредъ, какъ созданіе революціи, Капна—Байрона, впоследствии московскій профессоръ Надеждинъ, дававшій несмотря на одностороннія преувеличенія часто превосходныя, идущія впереди времени сужденія по литературнымъ и историческимъ вопросамъ. Его предчувствіе, что святая Русь, призванная къ первой роли въ новой народной драмѣ, создастъ собственную поэзію, которая, обогащенная сокровищами классицизма и романтизма, укрѣпится до могучей самодѣтельности, должно было исполниться. А пока что, онъ видѣлъ въ русской литературной пустынѣ лишь уединенныя, чуждыя явленія, переводы и подражанія, тягловую работу русскихъ на европейскихъ господъ, быстрое отцвѣтаніе всякихъ попытокъ, безумное хозяйствованіе, «желтый домъ» поклонниковъ романтизма.

Большее значеніе имѣло выступленіе московскаго шеллингиада Кирѣевскаго; онъ захватывалъ глубже, касался связи, зависимости русскаго просвѣщенія, вообще. «Для почитателя и поклонника Запада наша національность была воплощеніемъ необразованности, грубости, китайской неподвижности; элементы нашего развитія мы должны почерпать изъ Европы, ибо своихъ мы не имѣемъ. Будемъ ходить прилежно въ европейскую школу она насъ научитъ только добру; чужія мысли стануть потомъ нашими собственными. Будемъ учиться, прежде всего, уваженію къ дѣйствительности: теперь отъ литературы требуютъ пониманія настоящаго, даже философіи и религіи приближаются къ жизни, дѣлаются практическими и полезными; того же самаго должна достигать и поэзія». Понятно, онъ не видитъ этого особенно въ русской поэзіи, при неестественномъ господствѣ

въ ней всевозможныхъ чужеземцевъ, отъ которыхъ насъ можетъ освободить только добрый гений. Для пропаганды своихъ мыслей Кирбевскій основалъ новый журналъ «Европеецъ», первую книжку (1832) которого открывала его статья «XIX столѣтіе». Журналъ имѣлъ лучшихъ сотрудниковъ, Виземскаго, Жуковскаго и др. Но графъ Бенкендорфъ, начальникъ «III-го отдѣленія», нашелъ, что эта статья, хотя она, повидимому, и занималась только литературой, преслѣдовала высшую политику, понимая подъ провозвѣщеніемъ «свободы», подъ дѣятельностью разума «революцію», подъ искусно установленной серединой «конституцію»; посему авторъ человекъ вовсе не «благочысливый». Журналъ былъ сейчасъ же воспрещенъ, цензоръ Аксаковъ, который пропустилъ статью, отрѣшилъ отъ должности, Кирбевскій высланъ изъ Москвы; лишь ходатайство Жуковскаго спасло его отъ худшаго.

Настоящаго творца русской литературно-публицистической критики, которая при невозможности всякаго другого проявленія своего свободнаго мнѣнія приобретаетъ чрезвычайное, нигдѣ прежде не слыханное значеніе, нужно искать не среди профессоровъ и аристократовъ-диздетантовъ. Выгнанный изъ университета плебей, почти самоучка, кандидатъ на чухотку, среди невозможныхъ условій кое-какъ боронившійся съ нуждою, едва обезпечивавшій себѣ самое скромное существованіе, чтобы попасть потомъ въ лапы III-го отдѣленія, изъ которыхъ его освободила только преждевременная смерть, этотъ человекъ сдѣлалъ для духовнаго воскресенія Россіи безконечно болѣе, чѣмъ всѣ министры и комитеты и осыпанные титулами и звѣздами господа. Мы разумѣемъ «русскаго Лессинга»; дурную привычку къ подобнымъ этикеткамъ XIX вѣкъ сохранилъ отъ XVIII-го. Какъ уступилъ Бѣлинскій Лессингу въ знаніи, критическомъ умѣ, философскихъ способностяхъ, образованіи и какъ превосходитъ живымъ дѣйствіемъ своего слова! Въ то время, какъ имя Бѣлинскаго еще до Александра II не могло быть произнесимо публично, его статьи составляли весь духовный капиталъ времени; въ провинціи молодежь прямо бредила имъ. За попытку поколебать авторитетъ критика уже спустя десятилѣтіе, Волынский долженъ былъ подвергнуться почти единодушному ostracismu (1864). Для оптики Бѣлинскаго достаточно вспомнить о состояніи литературы тридцатыхъ годовъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ Петербургѣ, гдѣ призванный толкователемъ литературныхъ явленій, шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, безъ всякихъ основаній, зато съ памятнымъ упрямствомъ снабжалъ необходимыми указаціями министра проsvѣщенія, графа Уварова, начальника цензуры, литература существовала только совершенно замкнуто, далекая отъ жизни и дѣйствительности. Она дѣлилась на два лагеря: аристократическій, который вращался въ салонѣ, напр., вдовы Карамзина, Пушкинъ, Соллогубъ, и т. д., стыдившійся литературовъ, отказавшійся отъ нихъ — лишь кн. Одоевскій дѣлалъ исключеніе; и плебейскій, рабочіе литературы, переводчики и т. д., которые жили только литературой, лишь къ ней чувствовали симпатію, которые напр. къ Франціи, несмотря на литературную моду и политическую жизнь страны были сочувствъ равнодушны, которые презрительно относились къ толгѣ и ея интересамъ, безусловно почитали авторитетовъ; поэтовъ, художниковъ, ученыхъ возводили на необыкновенно высокій пьедесталъ, искусство признавали ради искусства. Для Кукольника, напр. и для Полевого Пушкинъ послѣ своей перемѣны палъ чрезвычайно низко; они требовали исключительныхъ героическихъ, фигуръ и моментовъ, презирали дѣйствительность и настоящее, перебарывались между собою фразами о святости и искусства; Полевой въ Москвѣ казался имъ такимъ опаснымъ, что, по мнѣнію Уварова, подъ его перомъ и «Отче нашъ» вышелъ бы революціоннымъ. Въ этой

бездушной и темной атмосферѣ, гдѣ все ползало передъ Уваровскими принципами русской Троицы, православія, самодержавія, т.-е. крѣпостничества, государственнаго языка, изъ Москвы, именно изъ ея университета повѣяло дыханіемъ жизни.

Въ этомъ университетѣ кое-что измѣнилось. Времена до «пожара», когда учеными, но неакадемичными и, по русскому, апатичнымъ нѣмцкимъ профессорамъ, смѣнили русскіе, пытливые, неистовые вышедшіе изъ семинаристовъ,—навсегда ушли. Выступили болѣе молодые и дѣльные силы: физикъ Павловъ, читавшій, самъ, Окена и Шеллинга, такъ какъ кафедра философіи должна была пустовать; Надеждинъ, также шеллингианецъ; историкъ Погодинъ; историкъ литературы Шевыревъ; филологъ-позднѣ идолъ молодежи, либеральный, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, кроткій и гуманный профессоръ исторіи Грановскій. Всѣ они собирали полныя аудитории слушателей и пользовались чрезвычайною популярностью; имъ удалось даже найти себѣ ходатая передъ Царемъ, въ лицѣ попечителя гр. Строганова, относившагося къ университету нѣсколько иначе, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ, которые заботились лишь о коротко остриженныхъ волосахъ и нравственности студентовъ или, въ интересахъ порядка, требовали, чтобы въ случаѣ болѣзни профессора ближайшій по рангу бралъ на себя чтеніе его лекцій.

Гораздо важнѣе было взаимное вліяніе студентовъ другъ на друга; они приходили изъ всѣхъ концовъ Руси, на различіе происхожденія не обращалось вниманія, собирались въ кружки, не по землячествамъ или богатству, но по духовнымъ интересамъ. Такъ образовался, напр., вокругъ Станкевича, ученика Павлова и Надеждина, шеллингианца, потомъ канѣианца, и, наконецъ, гегельянца, философскій кружокъ, изъ котораго вышли Бѣлинскій, Бакунинъ, одно имя котораго позднѣе заставило дрожать всякую нѣмецкую полиціюскую душу, и Катковъ. Станкевичъ принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ, которые, сами не оставивъ никакихъ печатныхъ трудовъ, въ литературной исторіи имѣли несравненно большее значеніе и интересѣ, чѣмъ столь многіе писатели. Онъ умеръ рано; это былъ человѣкъ съ крайне пылкой и чувствительной натурой, философски образованнымъ умомъ, хорошо освоившимся съ системой Гегеля, а не воспринимавшемъ ее только внѣшнѣ; онъ внушилъ Бѣлинскому то энтузіастическое поклоненіе предъ нѣмецкой философіей и литературой, которое для его начальныхъ опытовъ имѣло рѣшающее значеніе. Бѣлинскій, влеченный жизнью, перебиваясь переводами Поль-де-Кока и часовыми уроками, былъ исключенъ изъ университета за свою драму «Дмитрій Калининъ», въ которой, по примѣру «Разбойниковъ» высказывался самый рѣзкій протестъ противъ крѣпостнаго права съ жалобами на Бога и необходимыми поклонами передъ мудрыми и справедливыми правительствомъ, которые, однако, не спасли актора. Страсть, которой была проникнута эта неудавшаяся драма, Бѣлинскій сохранялъ всю жизнь («Въ безуміи и гордости, умереть отъ голода, никогда за мной не станешь») въ своихъ критическихъ статьяхъ, которыми онъ скоро началъ дебютировать въ журналѣ Надеждина «Телескопъ» и въ «Молвѣ». Его «Литературная мечтания» возбуждали вниманіе; они, въ сущности, не предлагали ничего новаго, повторяли прежнія рѣчи, особенно Надеждина, о томъ, что у насъ нѣтъ никакой литературы, но старое высказывалось съ пафосомъ и энтузіазмомъ, съ безпощадною откровенностью. Эти критическія статьи свидѣтельствовали о вѣрномъ эстетическомъ вкусѣ, напр., въ сужденіи о Бенедиктовѣ, восхищавшемъ весь свѣтъ, какъ о простомъ фразерѣ и т. д. Правда, скоро Бѣлинскій и Бакунинъ увлеклись совершенно одностороннимъ пониманіемъ Гегелевской философій; они усвоили буквально положеніе о сообразности съ разумомъ. Бѣлинскій вывелъ отсюда необхо-

димость примиренія со всякою (вмѣсто со всякою разумною) дѣйствительностью, незаконсообразность протеста, единственное спасительное средство консерватизма, отчужденіе искусства, какъ воплощенія абсолютнаго, отъ настоящаго и его заботъ; онъ осуждалъ отрицательное направление, искусства, сатиру, комедію, исключалъ проявленіе патріотическихъ чувствъ, когда оно принадлежало побѣжденному народу, напр., Мицкевичу, усердствовалъ противъ французскаго теченія за его «соціальный» характеръ, за пропаганду идей переворота и эмансипаціи, напр., Жюль-Зандъ, восхищался лишь безосознательно творческимъ, объективнымъ художествомъ, Гомеромъ, Шекспиромъ, Гете, низводилъ Шиллера и не оставлялъ у Гейне камня на камнѣ.

Въ этой односторонности, въ которой, впрочемъ, Гегель былъ невиновать, Бѣлинскому пришлось оставаться не долго. Московскіе журналы, въ которыхъ онъ сотрудничалъ, всѣ прекратились и онъ съ радостью посѣдовалъ приглашенію въ Петербургъ, чтобы наконецъ взять на себя критическій отдѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя должны были уничтожить петербургскую монополію Бугарина, Греча и Сенковского. Во всякомъ случаѣ, легче было запрятаться въ Москвѣ въ кружокъ нѣсколькихъ единомышленниковъ, погрузиться въ дедукціи и конструзіи, не хотѣть открывать глаза на міръ, чѣмъ въ отрезвляющей петербургской атмосферѣ оградить себя отъ слишкомъ яснаго языка реакціи. Медленно совершился полный разрывъ съ неволатнымъ «Егоромъ Фёдоровичемъ Гегелемъ и его философскимъ колпакомъ» и переходъ къ новому французскому пониманію искусства, какъ могущественнаго соціальнаго рычага, къ удивленію передъ Шиллеромъ и Гейне. И скоро страстный, возбужденный, потрясающій небеса критикъ, выдаетъ въ другую крайность; для него искусство только предлогъ; литературное произведеніе подчиняется не эстетической, но публицистической критикѣ: что можно извлечь изъ него для общества, прогресса, гуманности; оно должно пробуждать въ читателѣ эти чувства, социальное его образовывать, внушать ему гуманныя мысли о женщинѣ, работѣ и т. д. Конечно, глазъ жандармскаго аргуса принуждаетъ сдерживаться, прикрываться эстетическими интересами, но Бѣлинскій, во время намъ, сбрасываетъ маску, просто создается, какъ скучно было бы говорить лишь объ одномъ искусствѣ.

Это коренной переворотъ въ жизни Бѣлинскаго; онъ началъ служить новой истинѣ еще съ большою страстью, чѣмъ старой и достигъ во второй періодъ своей дѣятельности, 1841 — 1843 гг., необыкновеннаго успѣха. Лишь теперь заговорилъ онъ съ молодежью отъ всего сердца. Франціи, про которую только что одинъ литераторъ выразился: «пусть она провалится сквозь землю, это меня нисколько не интересуетъ», сбѣдалась въ сороковые годы странною, куда петербуржецъ стремился всѣми своими силами и чувствами. При новомъ пониманіи искусства, Бѣлинскій долженъ былъ на первый планъ поставить реальное. Какъ нѣкогда Полевой — Пушкина, такъ онъ защищалъ, разъясняетъ Гоголя, «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», дивится имъ; онъ принимаетъ подъ свою защиту всякій новый талантъ, въ которомъ чувствуетъ живое направленіе, какъ «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, первые опыты Гончарова, Герцена, Григоровича и т. д. Всѣ послѣдующая литература положительно возрасла подъ благословляющею рукою великаго критика; она чувствовала его импульсъ и всегда съ благодарностью признавала это, прославляя его какъ своего незабвеннаго учителя. Бѣлинскій водухивалъ Кольцова, приблизилъ Лермонтова къ читателю; онъ же, прежде всего, разъяснилъ старую литературу. Ибо критикъ не довольствовался разговорами о текущемъ — примѣромъ были его годовые отчеты, которые онъ

возобновилъ постъ Марлинскаго-Бестужева,—но возвращался назадъ къ Пушкину, Грибоедову, Жуковскому и Батюшкову и еще далѣе.

Для Бѣлинскаго, какъ и для его учителя Надеждина, исторія Россіи начиналась съ Петра Великаго; древняя литература интересовала его, какъ простая рѣдкость археологическаго музея; къ диалектической, напр., къ малороссійской онъ относился неблагосклонно, какъ къ раздѣленію силъ; его привлекали вопросы, какъ къ русской, чисто подражательной и оранжерейной литературѣ, медленно готовилось сближеніе съ действительностью и жизнью, какъ она становилась правдивой. Однако, Бѣлинскій не пренебрегалъ и эстетической стороной, особенно, останавливался на Пушкинѣ, къ которому пожелательно дать подстрочный комментарий, разъясненія и доказывая значеніе, красоту каждаго его отдѣльнаго произведенія, даже небольшого стихотворенія. Его приговоры остались потомъ образцовыми; они, въ большинствѣ случаевъ, правдивы, не всегда только полны. Превосходно выясняется его отрицательное отношеніе ко всему дѣланному, изысканному, напыщенному. Такъ, онъ былъ неумолимъ къ Марлинскому, Полевому, Кукушкину, Бенедиктову, навсегда разрушилъ ихъ дутую славу. Само собою понятно, что критикъ нажилъ себѣ ожесточенныхъ враговъ, которые его не щадили, и передъ которыми онъ не оставался въ долгу. Если Бѣлинскій и не называлъ именъ, каждый узнавалъ въ его статьяхъ (П. Бульдогова) подъ «педантомъ», рыцаремъ желтыхъ перчатокъ, профессора литературы Шевырева, и подъ «литературнымъ циникомъ» другого издателя славянофильскаго «Москвитинина», профессора Погодина, которому мелочная торговля древностями доставляла славу ученаго, которому жизнь въ бочкѣ приноситъ дома и деревни.

Окончательно отрекшись отъ юношескаго идеализма, и поставивъ на своемъ знамени вѣстою лозунга: «искусство для искусства»,—«искусство для жизни», страстный борецъ, въ пылу битвы впалъ въ односторонность, граничившую съ несправедливостью. Такъ разбилъ онъ своего идола Гоголя, когда онъ узналъ о его отчужденіи отъ «жизни». Быть объективнымъ, воздать справедливое противнику было для него невозможно; такъ, Бѣлинскій былъ самымъ одностороннимъ, но и наиболее страстнымъ противникомъ славянофиловъ, протестовалъ даже противъ личныхъ отношеній, которыя его московскія друзья не тотчасъ же прекратили съ его врагами. Эта узость имѣла рѣшительное вліяніе на конечную оцѣнку Пушкина и Лермонтова, которая потомъ служила примѣромъ для слѣдующихъ поколѣній, не безъ вреда для русской критики, привыкшей совершенно пренебрегать эстетическимъ и идеалистическимъ моментомъ. Бѣлинскій, который самъ еще недавно выбрасывалъ изъ поэзіи все субъективное, временное, который стремился къ гармоническому разрѣшенію всѣхъ противорѣчій, теперь не находилъ въ Пушкинѣ снотого негодованія, столь привлекающаго Лермонтова. Пушкинъ исключительно художникъ, служить искусству ради искусства и, поэтому не можетъ болѣе удовлетворять насъ, отсюда наше охлажденіе къ нему. Въ вѣнчикѣ и въ большей части своего творчества онъ принадлежитъ чуждымъ своему времени, которое для насъ уже прошлое; новый Пушкинъ, обладай онъ даже большимъ талантомъ, не могъ бы добиться никакого успѣха. Поэтическое отраженіе жизни, безъ критическаго отношенія къ ней составляетъ его искусство: хотя муза поэта спознала гуманна, глубоко страдаетъ отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни, но она примиряется съ ними, даже признаетъ какъ бы право за ними, она не носитъ въ себѣ идеала другой, лучшей действительности. И еще несправедливѣе, одностороннѣе Бѣлинскій въ частностяхъ, напр., при сужденіи объ «Оцѣнѣ», особенно, о Татьянѣ. Думаешь, что слышишь одного изъ позднѣйшихъ критиковъ-обличителей—такъ Бѣлинскій окрестилъ эти одностороннее направле-

ше, — когда читаешь его обвинительный актъ противъ этого чудеснаго созданія Пушкина. Татьяна для него египетская мумія; ея умъ спитъ, ея внутреннюю жизнь наполняетъ только томленіе любви; ея дни не раздѣлены между работою и отдыхомъ, смѣла которыхъ одна удерживаетъ моральныя силы въ равновѣсіи, какъ дѣвушка она только моральный Эмбрио, и просто напоминаетъ «идеальныхъ» дѣвицъ извѣстныхъ своею банальностью. Какъ женщина, она не имѣетъ мужества отдаться своей сердечной склонности, находится подъ давленіемъ сомне и *l'ant*, боится мнѣнія того большаго свѣта, который сама презираетъ, и посему стоитъ ниже женщины, освобождающихъ себя отъ этого вѣшняго стѣсненія, слѣдующихъ голоеу природы. Такъ, Бѣлинскій у Пушкина и Лермонтова выдвигаетъ на первый планъ лишь временное, не спрашиваетъ, не были ли оба поэта болѣе глубокими полными, воплощеніями русскаго національнаго духа, судить ихъ слѣдуетъ быстро и односторонне лишь съ точки зрѣнія прогрессивной, западной пропаганды и даетъ этимъ образецъ для всѣхъ позднѣйшихъ, еще болѣе одностороннихъ, даже фантастическихъ приговоровъ.

Такъ, оба раза промахнулся необыкновенно страстный, фанатическій приверженецъ того, что онъ признавалъ за истину. Мы, конечно, не должны забывать, что послѣ 1840 г. Бѣлинскій совсѣмъ и не думалъ быть объективнымъ эстетическимъ докладчикомъ, что, наоборотъ, свой критическій отбѣлъ онъ хотѣлъ на глазахъ третьяго отбѣленія преобразовать въ своего рода социально-политическую трибуну, что эмансипація женщины, рабочихъ, мѣстъ, англійская конституція, учрежденія соединенныхъ штатовъ и т. д. интересовали его безконечно болѣе, чѣмъ всѣ литературно-эстетическіе вопросы. Отсюда многочисленные противорѣчія, напр. требованія, чтобы у Гоголя, какъ и у всякаго художника, разсудочность постепенно возрастала даже за счетъ творческаго акта въ то время, какъ самъ онъ только что прославлялъ Гоголя за то, что тотъ не вносилъ въ русскую дѣйствительность ничего чуждаго, просто объективно представлялъ ее, этимъ освѣщая ея мракъ, его насмѣшливое исключеніе «чистыхъ» художниковъ и двѣлтантовъ изъ области современной литературы. Критикъ не забываетъ о томъ, что новый утилитарный, принципъ стоялъ въ противорѣчіи съ его метафизическими, старыми опредѣленіями искусства и прекраснаго, что то и другое должны были исключать другъ друга. Состоитъ ли прекрасное въ соотвѣтствіи идеи и формы, искусство въ передачѣ прекраснаго только, новымъ принципомъ искусство отъ собственной задачи, этихъ вопросовъ, критикъ теперь совсѣмъ не затрагивалъ. Бѣлинскій утвердился въ новомъ направленіи, возвысивъ его до исключительнаго аполоэа «натуралистической» школы, въ «Отечественныхъ Запискахъ», перешелъ въ «Современникъ», прежде принадлежавшій Пушкину и Плетневу, теперь Некрасову и Панаеву. Его замѣтитель въ «Запискахъ» В. Майковъ, выставивъ новое опредѣленіе искусства, изображеніе «симпатичной» стороны каждаго предмета, при чѣмъ «интересное» исключалось областью науки; но его ранняя смерть, еще въ 1847 г., прервала развитіе этихъ идей.

Такъ, торжествовало тенденціозное, дидактическое направленіе въ критикѣ. Уже въ 1842 г. Бѣлинскій могъ сказать: «духъ нашего времени таковъ, что и величайшій творческій талантъ въ состояніи возбудить въ насъ только временное удивленіе, если онъ ограничивается «цѣннымъ птички», т.-е. не касаться къ намъ, къ нашимъ интересамъ, а требуетъ въ собственномъ мірѣ фантазіи и поэзіи. Произведенія подобнаго рода, пусть талантъ ихъ будетъ колосаленъ, не войдутъ въ жизнь, не воодушевятъ ни современниковъ, ни потомковъ; однимъ природнымъ дарованіемъ много не создашь, необходимо еще разумное содержаніе... Творческую свободу легко привести въ согласіе съ духомъ времени. Поэтому не нужно принуждать

себя писать на извѣстныя темы, ни насилловать свою фантазію; необходимо лишь быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и времени, примкнуть къ ихъ интересамъ, слить свое съ общественнымъ, для этого нужна симпатія, любовь, здоровое чувство правды, которое убѣжденія не отдѣляетъ отъ дѣла, и пронаведенія отъ жизни». И дѣйствительно, послѣ 1840 либеральный духъ повѣялъ въ Россіи. Его замѣчали даже въ казармахъ, гдѣ легче стала строгость страшной дисциплины, въ аристократическихъ и офиціальныхъ салонахъ, гдѣ за обѣдами положительно рождался «нигилизмъ»; въ городскихъ, чиновничьихъ и университетскихъ кругахъ, куда пришла быстрый доступъ французская, особенно социалистическая, литература, начинали соединяться въ клубы для дебатовъ и чтеній, и скоро европейскій Петербургъ сталъ во главѣ движенія; отстала лишь Москва, лѣнивая неподвижная, славянская.

Все это развитіе въ 1848 г., вдругъ было прервано и остановилось на цѣлыхъ семь лѣтъ. Бѣлинскій умеръ, а съ нимъ умолкли громкія требованія и увѣщанія вліятельной критики. На «автора изслѣдованій о Пушкинѣ», такъ описывали запретное имя, ссылались все рѣже, забывали своего учителя—однако, не молодежь, не провинція, гдѣ молодые преподаватели наизусть знали его письмо къ Гоголю, ему обязаны были духовною жизнью. Отсутствие критики, оппортунизмъ, возвращеніе къ эстетикѣ, къ положенію: искусство для искусства, исключенія психологій и современности, безусловное поклоненіе Пушкину вмѣсто критическаго отношенія, безконечныя библіо- и биографическія разысканія и споры, сухія, строго дѣловыя изслѣдованія, сдѣланныя непосредственно на основаніи источниковъ, наполнили науч-

Станкевичъ.

ный отдѣлъ «Современника», «Отечественныхъ записокъ», «Библиотеки для чтенія» Сенковского; Дружининъ и Анненковъ, весьма почтенные, образованные, одаренные тонкимъ эстетическимъ чувствомъ критики, совершенно не понимали требований времени, радовались отсутствію тенденцій—и талантовъ. Этихъ теперь не возбуждало пламенное слово Бѣлинскаго; болѣе выдающіеся исчезли или совершенно замолчали. Еще передъ 1848 г. выступило множество новыхъ «Гоголей»: Достоевскій, Герценъ, Гончаровъ, Григорьевъ; между прочимъ, и Дружининъ со своею «Позньюкою Закетъ», петербургскимъ романомъ изъ жизни чиновниковъ, имѣвшимъ необыкновенный успѣхъ: холодный, честный, гуманный, чуждый венскаго деспотизма человекъ воспитываетъ свою куклу, которая хотя и захлопывается за собою дверь, все же въ расканіи возвращается въ домъ—по крайней мѣрѣ въ мысляхъ: спокойное расположеніе беретъ верхъ надъ романтическими возмущеніями,—но Дружининъ скоро отказался отъ беллетристики послѣ того перваго реалистическаго успѣха. Послѣ 1848 г. они всѣ были или насиль-

ственно оторваны отъ литературы, томилась въ арестантскихъ ротахъ, какъ Саттыковъ, въ провинціи, эмигрировали, какъ Герценъ, который не могъ печататься даже подъ псевдонимомъ, или находились подъ тайнымъ, а потомъ и открытымъ полицейскимъ надзоромъ, какъ все московскіе славянофилы, или налагали на себя добровольное молчаніе, обращались къ другимъ областямъ. Мѣсто социальныхъ романовъ или повѣстей заняли теперь безконечные романы Зотова, Некрасова въ компаніи съ г-жею Панаевой, писанные въ подражаніе Евгению Сю. Къ этому присоединялись романы изъ жизни beau monde Волыцкаго, въ теченіе двухъ лѣтъ накропавшаго безчисленное количество томовъ; Евгений Туръ, графиня Саласъ, де Турнемиръ, въ 1856 г. отказавшейся отъ писанія романовъ и позднѣе нашедшей свое новое призваніе; въ области дѣтской литературы гр. Растиничной, прославленной пѣвкомъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ поэтессы, привѣтствованной даже Бѣлинскимъ, а теперь поставившей романовъ, осыпавшей Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Столь опасный смѣхъ Гоголя, бѣдники и крѣпостные Достоевскаго, Григорovichа, «лишніе» люди Герцена и Тургенева, положительные типы Гончарова и Дружнина — все было забыто въ пользу новыхъ маринискадъ, романтической чепухи и безконечныхъ запутываній и распутываній узловъ въ сказкахъ для взрослыхъ дѣтей. Стремленіе цензуры было достигнуто: чрезмѣрное возвышеніе Гоголя, его реалистическое направленіе, казалось, должно было прекратиться.

Какъ съ критикой, такъ и съ беллетристикой, дѣло обстоило такимъ же образомъ и въ каждой другой духовной и научной области; лишь быстро возрасталъ темпъ преслѣдованія всякой человѣческой, не цензурованной мысли. Даже безпринципный Уваровъ, министръ просвѣщенія, и московскій попечитель, Строгановъ, человѣкъ весьма умѣренный, сложили свои должности, чтобы не играть роли палачей университетовъ. Появился проектъ уничтожить университеты и замѣнить ихъ спеціальными школами. Въ два года число слушателей, благодаря всякаго рода средствамъ, упало на четверть; новый министръ просвѣщенія видѣлъ свою задачу въ простомъ сообщеніи попечителямъ указаній третьяго отдѣленія. Каюды философіи были упразднены. Такъ и бывшій профессоръ философіи Катковъ былъ вытѣсненъ съ ученаго поприща на публицистическое, въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ онъ потомъ долженъ былъ сдѣлаться *spiritus rector* русской реакціи.

Богословы должны были читать лекціи по логикѣ и психологіи, дабы предохранить невинныхъ русскихъ отъ возможныхъ злоученій этихъ «колеблющихся» наукъ. Столь-же строго слѣдили и за исторіей. Весьма ученая (и скучная) московскія «лекціи» (друзей исторіи) были приостановлены, такъ какъ осыпались отпечатать сочиненіе англійчанина Флетчера (1590) о древней Руси. Относительно историческихъ изслѣдованій Аскакова о жизни древнихъ славянъ и русскихъ, министръ объявилъ: «они предполагаютъ для старой Руси демократическіе принципы; этого мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ допустить, такъ какъ мы должны по мѣрѣ силъ оберегать себя отъ этихъ распространяющихся въ иностранныхъ государствахъ теченій. Къ тому же; возрѣніе ложно, древняя Русь не знала никакихъ демократическихъ принциповъ, а если въ Новгородѣ и Псковѣ происходило нѣчто подобное, то это вслѣдствіе ихъ торговыхъ сношеній съ Германіей». Менѣе глупо было сужденіе объ этихъ же изслѣдованіяхъ тайнаго комитета, т. е. Бутурлинскаго (только холера могла бы освободить Россію 1849 г. отъ этихъ террористовъ обскурантизма). Комитетъ допускалъ возможность демократическихъ идей въ древней Руси, самымъ горькимъ результатомъ чего и наказаніемъ за что было татарское нашествіе; но долгомъ историка было сообразно съ этимъ доказывать, что переходъ подобныхъ принци

повъ къ самодержавнымъ было единственнымъ основаніемъ благосостоянія и мира Россіи; такъ какъ авторъ ощутилъ это, его картина не полна и потому сочиненіе никонимъ образомъ не можетъ быть напечатано. Такова философская и историческая критика министерствъ и комитетовъ. Цензуровъ, которые отвѣчали за всякое упущеніе, объявлять паническій ужасъ, они даже во снѣ совершали геройскіе подвиги красныхъ чернилъ — мы знаемъ сны цензора Красовскаго, «моей дворовой собаки», какъ называлъ его Уваровъ, «которая должна бодрствовать, дабы я могъ спокойно спать». Красовскій 61 годъ былъ образцомъ цензора, упиравъ больше всего на нравственность и терпѣлъ въ кизгяхъ и т. д. изображенія женщинъ только, когда онѣ одѣты съ ногъ до головы, не допускалъ выраженія

Некрасовъ. Бѣлинскій. Панаевъ. Дочь Бѣлинскаго. Жена В.-го. Мария Васильевна. (Съ картины А. А. Наумова).

Вис. Григ. Бѣлинскій передъ смертію. (Съ картины А. А. Наумова). «страстная молитва» и, вмѣстѣ со своимъ почтеннымъ коллегой Крыловымъ, ренегатомъ прежнихъ либеральныхъ воззрѣній, приводилъ въ настоящее отчаяніе даже подлаго Булгарина. Славянофиламъ — Аксакову, Черкасскому и т. д., было вообще запрещено всякое писательство. Ясень были ихъ протестъ противъ реформъ Петра и тѣхъ большихъ потерь, которыя стоило его преемникамъ введеніе въ Россію европеизма.

Не лучше было съ мятежными западниками; здѣсь должно упомянуть, вслѣдствіе непосредственного значенія факта для беллетристики о неслыханно жестокомъ подавленіи «петрашевцевъ». Петрашевскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ уже въ 1845 году заподозрѣнъ третьимъ отдѣленіемъ, какъ либералъ, составитель, понятно, русскаго словаря иностранныхъ словъ, перешедшихъ въ русскій языкъ — конституція и т. п. — съ рѣзкими, сатирическими разъясненіями. По пятницамъ его поѣбщала политиканствующая молодежь, въ томъ числѣ Достоевскій; читали Оуэна, Фурье, «Paroles d'un stoïque» Ламенна, писемъ Бѣлинскаго къ Гоголю, спорили, думали объ устройствѣ тайной типографіи или литографіи.

Въ это общество, которое вступило въ связь съ нѣсколькими иногородними кружками того же рода, не входили уже офицеры, но прежде всего студенты, служащіе, граждане; надъ политическими, конституционными теченіями брали верхъ социалистическія, антирелигіозныя; уже ду-

жали о пропагандѣ среди массъ; впрочемъ, дальше простыхъ мыслей, предположений никто не пошелъ. Министру Перовскому—изъ его фамиліи проходила позднѣе извѣстная «нигилистическая» героиня, Софія Перовская, прослышавшему о кружкѣ, удалось втерѣть туда своего агента, который потомъ основалъ среди «петрашевцевъ», еще особое отдѣленіе. Вѣчно памятное обнаруженіе и уличеніе этихъ опасныхъ людей было главнымъ дѣломъ Липранди. Герценъ всегда и съ правомъ утверждалъ, что петрашевы наказаны не за какое-либо преступленіе, но только за свои идеи. Наказаніе было даже для русскихъ отношеній страннымъ, зѣвскимъ. 23 апрѣля 1849 г., «преступное гнѣздо» было схвачено и переведено въ Петропавловскую крѣпость. 22 декабря на мѣстѣ казни былъ прочтенъ приговоръ: 21 «преступникъ», Достоевскій четвертымъ, должны быть преданы смерти черезъ разстрѣливаніе,—почти послѣ получасоваго ожиданія они были помилованы и сосланы на каторгу и въ арестантскія роты, чтобы позднѣе въ качествѣ простыхъ солдатъ быть отданными въ военную службу. Даже манифестъ о милостяхъ при вступленіи на престолъ Александра II не коснулся ни одного изъ «петрашевцевъ». Достоевскому удалось его окончательное освобожденіе, главнымъ образомъ, благодаря ходатайству его бывшаго товарища по ученію, защитника Севастополя, Тотлебена.

Такъ, въ Россіи доканали самую правду и гуманность. «Торжествующая смѣль» Салтыкова, хотя она «снилась» только въ 1881 г. въ Парижѣ, уже теперь превратилась въ дѣйствительность; первый человѣческій голосъ, который заглушилъ хрюканье, раздался изъ-за границы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Славянофилы и западники.

Александръ Герценъ.

Первое появленіе славянофиловъ; перенесеніе филологическаго названія на политическую партію. Разладъ умовъ. Западники съ наклономъ къ католицизму и безъ него; Чаадаевъ; Киреевскій. Религіозное, политическое и социальное credo славянофиловъ. Московскіе западники. Герценъ. Его юность. Первое выступленіе Искандера. Его романъ; эмиграція. Дѣятельность за границей; возвращеніе къ дѣятельности въ Россіи. Мемуары Герцена. Другіе современные авторы мемуаровъ; «Семейная Хроника» Аксакова.

Уже въ послѣдніе годы Александра I, подъ окомъ такихъ цензоровъ, какъ Красовскій и Барюковъ, по адресу которыхъ Пушкинъ направлялъ свои извѣстныя письма въ стихахъ, всякая критическая мысль должна была бѣжать изъ печатной литературы и искать убѣжища въ рукописяхъ и частныхъ бесѣдахъ. При Николаѣ русскіе вообще освободились отъ труда мыслить; въ числѣ другихъ монополій правительствомъ оставили за собой и эту, подобно тому, какъ учрежденіемъ «Губернскихъ Вѣдомостей» оно предоставило себѣ исключительное право свободно болтать. Проектъ введенія этихъ органовъ, къ отчаянію чиновниковъ, которымъ было поручено заведываніе ими, пошелъ отъ арамаса графа Блудова, продолжателя карамзинскаго историческаго труда, не приписавшаго къ нему ни одной строчки, и составителя доклада о 14 декабря 1825 г., который лучше бы не былъ написанъ (Герценъ). И все-таки, не удавалось подавить критическаго отношенія къ настоящему и прошлому; русскіе шли въ Европу, европейцы приходили къ нимъ и описывали потомъ, что они видѣли.—Ж. де-Местръ, Кюстинъ, баронъ Гакстгаузенъ, который подъ руководствомъ Аксакова открылъ удивленному свѣту русскій «міръ» и русскую общину. Книга Кюстина (1843) была особенно горькою пилюлею; написанное имъ о Петрѣ и Екатеринѣ,

объ empire de façades, o Russie poliee non civilisee, попадаю прямо въ цѣль, его взоръ видѣлъ слишкомъ много. Официальная Русь защищалась; но апологизмъ, написанный Гречемъ, подобно опроверженію Екатериной извѣстія Шанпе, была просто жалка.

Направленія и симпатіи, господствующія въ средѣ мыслящихъ русскихъ, однородны и едва различающіяся въ отъѣздахъ въ XVIII вѣтъ, теперь дѣлаются прямо противоположными. Самымъ безплоднымъ и менѣе всего популярнымъ было католическое теченіе, идущее отъ де-Местра и петербургскихъ іезуитовъ. Эти постоянно жаловались, что Россія оторвана отъ благотворнаго вліянія Рима и брошена въ руки de ces misérables Grecs du Bas-Empire, что новая реформа выросла на богохульствахъ энциклопедистовъ. Эти положенія, отчасти, принялъ и Чаадаевъ и, развивъ ихъ дальше, изложилъ въ своихъ «Письмахъ» (Lettres sur la philosophie de l'histoire). Первое письмо напечаталъ въ русскомъ переводѣ Надеждинъ въ своемъ «Московскомъ Телескопѣ» (1836); со времени грибоѣдовской сатиры ничто не производило столь волнующаго и возбуждающаго дѣйствія.

Авторъ завидовалъ европейскому католическому міру, его славному прошлому, его традиціямъ, послѣдовательности его постепеннаго развитія и констатировалъ фактъ русской бѣдности, оторванности, отчужденности: «Мы не пристаемъ ни къ Западу, ни къ Востоку и не имѣемъ традицій ни того, ни другого. Находимся какъ бы внѣ времени, мы не прошли всеобщаго развитія человѣческаго рода... Мы живемъ лишь въ самомъ тѣсномъ кругу настоящаго, безъ прошедшаго и будущаго, среди пошлаго спокойствія... Лишенные странною судьбою участія въ мировомъ движеніи человечества, мы не приняли и тѣхъ идей, что были выработаны и передавались имъ... Итъ у насъ внутренняго развитія, естественныхъ успѣховъ; новыя идеи сметаютъ старыя, ибо онѣ не суть дѣтища послѣднихъ, но нападаютъ къ намъ, я не знаю откуда... Лучшія изъ нихъ, лишенные связи и послѣдовательности, безплодно расцвѣтаютъ и сейчасъ же увядаютъ въ нашихъ умахъ... Одинокіе въ мірѣ мы ничего міру не дали, ничему отъ него не научились, не бросили ни одной мысли въ кругъ человѣческихъ идей, ничего не прибавили къ прогрессивному развитію человѣческаго ума и исказили все, что досталось намъ отъ него... ни одна полезная мысль не выросла на безплодной почвѣ нашего отечества, ни одной великой истины не вышло изъ нашей среды...

Это была неприкрашенная правда, краснорѣчивое обличеніе общества—правительство было рѣшительно освобождено отъ этого упрека, такъ какъ оно по мірѣ силъ еще заботилось объ этомъ прогрессѣ—его тупости, пустоты. Въ странѣ, гдѣ даже ругать твердѣетъ, итъ твердыхъ идей, и, соответственно этому, письмо значится какъ присланное изъ Некрополиса (города мертвыхъ), т.-е. Москвы. Поражала опредѣленность и сила обвиненія, котораго нельзя было опровергнуть, и которое поэтому тѣмъ болѣе озлобляло. Результаты этого письма намъ уже извѣстны. Изъ «сочувствія» къ автору, бывшему герою Кульмы (1813), написанному «Защиту дурака» и протестовавшему противъ вытаскиванія на узину его мысли, было порекомендовано, чтобы онъ оберегалъ себя отъ вреднаго вліянія холодной и старой погоды. Такимъ образомъ оказалось правильнымъ утвержденіе Герцена, что единственный пріятный человѣкъ въ Петербургѣ Дуббельтъ и тотъ былъ шефъ жандармовъ!

Чаадаевъ вовсе не былъ склоненъ, какъ обвинялъ его поэтъ-доносчикъ, ненавидѣть всѣ русскія святѣни, малодушно отказываться отъ нихъ и цѣловать туфлю папы; итъ, это дѣлали другіе: высокія дамы, писательница меценатша княгиня Волконская, у которой въ Римѣ въ гостяхъ былъ и Гоголь, и великіе господа, напр., князь Гагаринъ (послѣ іезуитъ и изда-

тель сочинений Чаадаева), они переходили въ католичество. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, ибо въ Россіи господствуетъ полная свобода совѣсти, т.-е. кто выходитъ изъ членовъ господствующей церкви, слѣдуетъ въ Сибирь, теряетъ сословныя права и свое имущество, которое достается доносчику.

Чаадаевъ не былъ тайнымъ католикомъ, но прежде всего «западникомъ», только съ склонностью къ клерикализму. Приблизительно въ томъ же духѣ, что и онъ говорилъ въ 1832 г., Кирѣевскій, въ своемъ «XIX столѣтіи», жалуюсь на китайскую стѣну, которая несмотря на старанія Петра и Екатерины все еще отдѣляетъ насъ отъ Европы. Какія просвѣдательныя пачала дало намъ прошлое и, какъ они относятся къ европейскимъ? Въ государствахъ европейскихъ просвѣщеніе коренится въ нихъ самихъ, въ ихъ національности, въ то время какъ у насъ оно введено внѣшние рѣзкими порывомъ съ традиционными и національнымъ. «У насъ искать національнаго, значить искать необразованнаго»; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній, значить изгнать просвѣщеніе, ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы?.. Конецъ этой статьи мы знаемъ; въ своемъ невольномъ изгнаніи Кирѣевскій подвергъ себя нравственному самоубійству и черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Москву заклятымъ славянофиломъ.

Уже въ 1832 г. онъ писалъ противъ «славянофиловъ», противъ все возраставшихъ обвинителей великаго реформатора, которые говорятъ о национальной, самостоятельной культурѣ, порицаютъ заимствования и хотѣтъ вернуть насъ къ коренному старому, собственному русскому. Онъ уже сдѣлать остроумное замѣчаніе, что эти старо-русскія тенденціи основываются на повтореніи непонятыхъ чуждыхъ, европейскихъ мыслей, которыя имѣютъ смыслъ только въ Европѣ, но не у насъ. Это было первое разъясненіе и критика «славянофильства»; терминъ былъ выбранъ неудачно; изобрѣтенный для осмѣянія сверхреакціонера Шишкова и его «славянскихъ» чудовищныхъ словообразованій, онъ принялъ национально-политическій смыслъ. Въмѣсто «славянофила» скорѣе слѣдовало бы сказать «грекофилъ», такъ какъ для этихъ людей католическіе славяне были ужасомъ, какъ отпавшіе отъ истиннаго, т.-е. православнаго славянства; руссофилами были и западники; ибо патриотизма «славянофилы» не взяли въ исключительную аренду; названіе «реакціонеры» столь подходящее къ Шишкову, не покрываетъ его «ученія»; однако, вмѣсто того, чтобы искать другихъ, напр., антиевропейцевъ, националистовъ и т. п. воспользуемся установившимся условнымъ терминомъ. Краткая предварительная характеристика славянофильскихъ понятій, которыя по Герцену только что выползли изъ гробовъ, нѣсколько не сдѣлавшихъ тамъ въ сырой землѣ разумнѣе, необходима; ибо, съ одной стороны, подъ ихъ влѣніемъ такъ или иначе, находилось много весьма значительныхъ беллетристовъ; съ другой, борьба между ними и «западниками» заполняетъ многія страницы исторій русскихъ умственныхъ теченій; къ тому же, когда все было повержено ницъ, по крайней мѣрѣ, въ славянофильскомъ лагерѣ раздавался голосъ протеста противъ исключительнаго вліянія «благодѣлательствующаго» оффиціальнаго шаблона, чувствовалось вѣяніе гуманныхъ, демократическихъ принциповъ.

За негодованіемъ по поводу нравственной распущенности современниковъ у Щербатова, за консервативнымъ протестомъ противъ всякаго движенія впередъ у Карамзина, за реакціонною ненавистью къ новымъ идеямъ у Шишкова, слѣдовало то первое перемигиваніе со старыми добрыми временами, въ которомъ хотѣтъ открыть зародыши славянофильства.

Когда Александр I спросил заслуженного Ермолова, какую награду или отличие онъ еще хотѣлъ бы себѣ, генералъ сказалъ: «Сдѣлай меня нѣмцемъ, государь». «Ces Russes me font toujours du guignon» (Эти русскіе всегда мнѣ устраиваютъ неприятности), говорилъ Николай, предпочитавшій иностранцевъ. Самоослабленіе и національная заносчивость въ связи съ сознательнымъ или наивнымъ искаженіемъ всякой исторіи сдѣлались по томъ славянофильскимъ fatal moragan. Романтизмъ, который намѣренно отбрасывалъ *coeleur local*, традиціонное, народное, и нѣмецкая метафизика много содѣйствовали тутъ, особенно послѣдняя. Если идеи воплощаются въ націяхъ, а потомъ и въ ихъ литературѣ, если теперь, какъ это и было въ сороковыхъ годахъ, спрашивали объ «идеѣ» славянства, то, конечно, было простибельнымъ честолюбіемъ представлять эту идею возможно большею и блестящею, считать ее синтезомъ всѣхъ мучающихъ Европу противоположностей. Разрѣшеніе долженъ былъ принести Востокъ. Въ это вѣрилъ Чаадаевъ, какъ и Герценъ, какъ и вожди славянофиловъ, Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ, правда, каждый по разнымъ основаніямъ. Для Герцена, Бѣлинскаго, Чаадаева, Россія была чистымъ листомъ бумаги, страпою, которая усвоитъ себѣ опытъ Запада, избѣгнувъ всѣхъ его трудовъ, борьбы, смерти и раздора, и ничто не будетъ препятствовать на пути ея усовершенствованію. Славянофилы видѣли Россію уже обладающею жизненнымъ эликсиромъ; Европѣ только нужно было бы поучиться у русскихъ, чтобы освободиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ. Этими русскими чудотворящими сокровищами были: православіе, самодержавіе и община. Въ то время, какъ въ католицизмъ властолюбие церкви, возвысившейся надъ государствомъ, въ протестантизмъ тиранія разума, умерившаго всякое чувство, искажали истинное христіанство, это самое сохранилось чистымъ и яснымъ въ православной церкви, искренне-смиренной, глубоко-вѣрующей, покоящейся на демократическихъ основахъ, на общинѣ съ патріархами, но не на ихъ господствѣ. Въ то время, какъ европейскія государства возникли черезъ завоеванія, ихъ законодательство было основано на контрактѣ, обуздывавшемъ взаимное недобѣре и зависть завоевателей и подчиненныхъ, русскіе добровольно призывали властителей, добѣрчиво передали имъ всю власть и ответственность, и для себя оставили только необходимыя тяготы, свободную жизнь и занятія работою, нравственную самостоятельность. Въ Европѣ, основанное на родовомъ и семейномъ правѣ государственное устройство необходимо вело къ феодально-аристократическому государству; система большинства сводитъ на-пѣть значеніе меньшинства. Въ Россіи общинное устройство приводило къ народнымъ собраніямъ, гдѣ рѣшающими были только единогласныя постановленія, къ Земскому Собору, съ совѣтательнымъ правомъ голоса; оно не допускало развитія аристократіи, обезпечивало перевѣсъ альтруистическимъ моментамъ. Даже русская женщина въ древнемъ быту пользовалась самостоятельностью, которой могла бы позавидовать ея европейская сестра.

Эта теорія заключала добрая сѣмена и, вслѣдствіе этого на нее смотрѣли какъ на оппозицію по отношенію къ нетерпимой господствующей системѣ и безъ всякаго снисхожденія старались подавить ее—цензура до крайности преслѣдовала всякое публичное проявленіе славянофильскихъ воззрѣній; только для этнихъ благородныхъ началъ было совершенно излѣпленнымъ одѣваніе муромки, ношеніе шароваръ въ высокихъ сапогахъ и выставленіе на показъ всей богословско-философско-исторической чепухи. Свобода мѣтій и совѣсти, права женщины, любви и пониманіе народа вовсе не нуждались въ оживленіи утопіями призванія варяговъ, византийскимъ христіанствомъ и т. п. Къ тому же, славянофилы сильно напоминали Чичикова второй части; онъ имѣетъ достаточно «мертвыхъ душъ»;

На деньги вырученные за нихъ онѣ купить себѣ имѣніе и теперь будетъ вести высоко нравственную жизнь. Такъ же и они бранили и проклинали реформу Петра, однако, удерживали ея выгоды и хотѣли на приобретѣніяхъ Екатерины и Петра устроиться по «старорусски!» Дѣйствительнаго уваженія, помимо чувства независимости, которое не дало себѣ подавить насмѣшками и преслѣдованіями, заслуживаетъ лишь ихъ «чувствованіе живой души въ народѣ», что было совершенно невозможно для Бѣлинскаго, который считалъ, что народъ, грубая, необразованная масса, должна лишь впервые отъ интеллигенціи получить свою форму, развитіе. «Ихъ чувство было проникательнѣе, чѣмъ ихъ разумъ и совѣсть; отъ нѣкоторыхъ статей славянофильскихъ журналовъ пахнеть застѣйкомъ, вырванными поздирми, церковнымъ проклятіемъ и покаяніемъ, соловецкимъ монастыремъ... имѣй силу, онѣ превзошли бы третье отдѣленіе. Это оборотни и трюны; съ ихъ поля не отвѣчаетъ ни одна живая душа; они свихнулись съ разума своимъ лицемернымъ православіемъ и дѣзинною народностью». (Герценъ).

Впрочемъ, надо разбираться среди славянофиловъ. Были въ Петербургѣ такіе, какъ Бурячковъ, напр., издатель «Малка», который «Коперника» толковалъ какъ «Покорника», ибо этотъ только въ своей славянской «покорѣ», милостью Бога, былъ просвѣщенъ передъ высокотѣрными европейцами! Высоко надъ подобными идѣями стояли московскіе славянофилы; ибо только въ Некрополѣ могла процвѣтать теорія мертвецовъ. Но и среди нихъ были опять разныя ступени: пара Дюскуровъ, Шевыревъ—Погодинъ, издатели «Москвитинина», при случаѣ ухаживали за правительствомъ. Погодинъ и Бодянский, въ тому же, интересовались всѣми другими славянами; но ихъ сухой, полуофициальный панславизмъ не особенно импонировалъ. Позднѣйшая редакція «Москвитинина», съ 1851 г., рѣшительно отказалась отъ панславизма и заговорила о націонализмѣ русскаго элементъ, его «основаніяхъ». Тутъ были талантливые писатели Островскій и Писемскій, критики Григорьевъ и Эдельсонъ, поэтъ Амазонъ, который въ шестидесятыхъ годахъ выступилъ съ юмористическо-сатирическими стихотвореніями и пародіями (особенно ядовита была его поэма-памфлетъ «Соціаллисты», насмѣхающаяся надъ семинаристами, ихъ покровителями и покровительницами).

Представителемъ собственно славянофиловъ, какъ элемента оппозиціоннаго петербургскому режиму, былъ, прежде всего, Хомяковъ, человѣкъ необыкновеннаго образованія и чрезвычайной силы характера, официальный поэтъ и богословъ славянофиловъ, диалектикъ перваго ранга, софистъ, которому дебаты доставляли одно наслажденіе; его богословскіе трактаты, защита единственнаго спасительнаго православія, могли быть сначала напечатаны только за границей. Скучны объ его трагедіи о Ермакѣ и Лжедмитріи, но отдѣльныя его стихотворенія не лишены лирическаго чувства. Выберемъ одно: «Россія». Поэтъ предостерегаетъ отъ высокотерія: «Всей этой силой, этой славой, всѣмъ этимъ прахомъ не гордись! Грозитъ тебѣ была Римъ великій, царь семихолмнаго хребта... и нестеримъ былъ огонь бузата въ рукахъ алтайскихъ дикарей, и вся зарылась въ груди злата парика западныхъ морей (другое названіе «коварный Альбионъ»). И что же Римъ? И гдѣ монголы? И скрывъ въ груди предемертный стоишь, куешь беззвѣзныя крамолы, держа надъ бездною, Альбионъ (наканунѣ крымской войны).

Безплоденъ всякой духъ гордыни, не вѣрно злато, сталь хрустка, но крѣпокъ ясный міръ святости, сильна молящихся рука! И вотъ, за то, что ты смиренна, что въ чувствѣ дѣловой простоты, въ молчаніи сердца сокровенна, глаголю. Творца пріяла ты,—тебѣ Онъ далъ свое призваніе, тебѣ

онъ свѣтлый даль удѣлъ: хранить для міра достойныя высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ; хранить племенъ святое братство, любви живительный соудъ, и вѣры пламенной богатство, и правду и безкровный судъ... И всѣ народы обнять любовью своей, скажи имъ таинство свободы, сѣнь вѣры имъ пролей! И станешь въ славу ты чудесной прѣвше всѣхъ земныхъ сыновъ, какъ этотъ синій сводъ небесный, прозрачный, Вышняго покровъ!»

На этотъ основной тонъ настроена вся панславистская лирика Хомякова, Тютчева, Алмазова, Ивана Аксакова; къ этому присоединяются еще призывы обращенные къ молодымъ орламъ, болгарамъ, сербамъ, кроатамъ, пусть они желѣзнымъ ключомъ разобьютъ оковы османской тираніи, и пусть сѣверные орлы привѣтствуютъ своихъ собратьевъ, дабы во мракѣ рабства ихъ утѣшилъ яркій свѣтъ будущей свободы; наконецъ, призывъ

Александръ Ивановичъ Герцень.

къ религіозному единенію, которое нарушили западные славяне-ренегаты, послѣдовавшіе за порочнымъ Римомъ, жалобы, что на папюнничества кievскіимъ святынямъ не являлись изъ Галиціи и Волыни единовѣрные братья, которые сожигались на кострахъ поляками или осѣблялись пышными польскими празднествами. Съ «кострами» было приврано; зато скоро Волынія явилась въ Кіевъ: гусарскіе генералы и жандармы, Сибирь и доклетановы гоненія возстановили это дѣло любви и вѣры.

Эта патріотически-тенденціонная поэзія проникнута идеализаціею Рос-

ей, она стоитъ вдали отъ настоящаго и его дѣйствительныхъ отношеній и убаюкиваетъ себя розовыми мечтами о будущемъ. Хомяковъ и Аксаковъ были, по крайней мѣрѣ, настолько искренни, что требовали отъ своего избраннаго народа самоуглубленія, покаянія и раскаянія за его рабства, за черную несправедливость его исторіи и другія русскія язвы, прежде чѣмъ этотъ народъ приступить къ своей великой миссиі дать Европѣ истинную христіанскую свободу и просвѣщеніе (третьяго отдѣленія, цензуры и святаѣшаго синода?). Въ чемъ же видѣли эти идеалисты-энтузіасты поруку этой миссиі? Въ смиреніи и долготерпѣнн русскаго народа въ противоположность надменности и высокомерию Запада. У Тютчева, Россію благословилъ, пройдя ее съ одного конца до другого, небесный владыка въ образѣ раба! Это значитъ по нуждѣ быть добродѣтельнымъ. Спаситель—русскій крѣпостной (не даромъ въ Россіи мужикъ называется просто «крѣстьянинъ» въ отличіе отъ барина, «язычника»?) на десятилѣтія предупреждаетъ Спасителя-рабочаго.

Въ этомъ соединенномъ хорѣ славянъ звучали и рѣзкіе несогласные тоны. Хомяковъ и Аксаковъ, болѣею частью, прослушали ихъ; не такъ Тютчевъ, который въ 1831 г. воспѣлъ паденіе Варшавы и въ 1863 г. польское возстаніе, конечно, разнo, тогда со словами утѣшающей братской

Тютчевъ.

любви, теперь съ ненавистью въ устахъ; въ сущности, въ обоихъ случаяхъ тоже самое—предположеніе или требованіе смерти народа. И привѣтствуя славянскій конгрессъ 1867 г., онъ нашелъ также слова луды предателя, который слѣдуетъ своей собственной дорогой. Славянофильскія построенія братской любви и русской мировой миссиі, отсюда, для насъ—просто шарлатанство. Этими, въ своемъ смиреніи высокомернымъ «идеалистамъ», которые проглатывая собственныя бревна, нападаютъ на европейскія сучья, мы предпочитаемъ, во всякомъ случаѣ, русскихъ пессимистовъ, которые держатся русской дѣйствительности, не увлекаются всякими фантазмагоріями, и которые даже не признали бы Спасителя, если бы онъ явился въ образѣ раба. Аксаковъ скоро отказался отъ поэзии; несправедливо сильноѣе должна была отозваться проза славянскаго комитета 70-хъ годовъ, до и во время восточной войны: лишь Тютчевъ оставался вѣрнѣе себя, но это былъ дѣйствительный лирикъ, а не народный трибунъ и публицистъ, какъ Иванъ Аксаковъ. Славянофильская лирика есть ничто условное, какъ и славянофильская теологія и исторія, которая обрабатывалась en famille. Вѣдь эти славянофилы не случайно составляли одну большую семью; Аксаковъ былъ женатъ на дочери Тютчева, Хомяковъ былъ сыномъ одной изъ Кирѣвскихъ и т. д. Мы назовемъ еще двухъ братьевъ Кирѣвскихъ, Ивана и Петра. Последний изъ своего заграничнаго путешествія привезъ глубокое разочарованіе, убѣжденіе въ неисцѣлимой «гнилости» запада и здоровья востока, обѣ основныя догмы славянофильскаго credo. Потому энтузіастъ Константинъ Аксаковъ, котораго славянофилы привлекали къ себѣ изъ философскаго кружка Станкевича, ихъ историкъ, наряду съ Ю. Самаринымъ, ихъ политикомъ и юристомъ. Изъ безконечныхъ словопрѣй въ Москвѣ, въ домѣ у Елагиныхъ, матери Кирѣвскихъ, не раздѣлившей воззрѣній своихъ сыновей, у Аксаковыхъ, эти теоріи только медленно

стали проникать въ журналы сороковых годовъ, «Москвитинъ» и др. Къ сожалѣнью, нападенія стали производиться на то, что не могло быть защищено открыто, на поборниковъ западныхъ идей, запада и его благотѣльнаго, необходимаго значенія для Россіи, на Бѣлинскаго, принадлежавшаго, какъ и Аксакова, къ кружку Станкевича и Герцена.

Рядомъ съ философскимъ студенческимъ кружкомъ при университетѣ былъ еще социальнo-политическій, который признавалъ себя преемникомъ и подражателемъ декабристовъ, либеральныя убѣжденія котораго, однако, существенно были видоизмѣнены вліяніемъ сенсимонизма и социализма. Къ этому кружку принадлежали Герценъ, Огаревъ и др.; они скоро возбудили подозрѣніе и подверглись пресѣдованіямъ. Разсѣянный кружокъ позднѣе снова собрался, пріобрѣлъ новыхъ членовъ, такъ московскаго профессора Грановскаго и др.; и здѣсь дѣло не обходилось безъ раскола: Герценъ и Бѣлинскій были самыми послѣдовательными, были настоящими атеистами и социалистами, въ то время какъ Грановскій и др. твердо держались вѣры въ безсмертіе души и всякую другую романтику. Самый видный представитель этого «западническаго» направленія, которому въ Россіи нѣтъ равнаго по уму и проникательности, это Александръ Герценъ. Если бы онъ былъ только политикомъ и революционеромъ, мы едва ли бы упомянули о немъ здѣсь, но онъ беллетристъ и, къ тому же, одинъ изъ самыхъ значительныхъ мемуаристовъ не только въ Россіи, но и вообще въ XIX-мъ столѣтіи; онъ вполне заслуживаетъ того, чтобы быть поставленнымъ на одну ступень съ великими русскими, Тургеневымъ и другими.

Александръ Герценъ (въ дѣйствительности Яковлевъ; отецъ, знатный и богатый дворянинъ, женился въ Германіи, но не узаконилъ этого брака въ Россіи, вслѣдствіе чего его дѣти не могли носить имени отца, и назывались Герцеными по матери), несмотря на свою фамилію и происхожденіе отъ матери итѣмъ, не имѣлъ и капли итѣмечкой крови; онъ—французъ, какъ и Грибоедовъ, русскій Вольтеръ и П. Курье, знаменитый памфлетистъ. Первое, съ чего онъ началъ читать, были французскіе романы и комедіи изъ библіотеки отца; потомъ онъ, вмѣстѣ съ Огаревымъ, (вдумчивая, поэтическая натура, видный лирикъ, позднѣе эмигрантъ, какъ и Герценъ; дружескія связи продолжались всю жизнь) воодушевлялся Карломъ Моромъ и Поэа; переходъ отъ героя съ книжкой въ плащѣ и Телли въ Кюснахтѣ—къ 14-лѣтня и Николаю I былъ весьма легокъ. Любя и интересуясь естественными науками, Герценъ поступилъ (1829) въ университетъ на физико-математическій факультетъ; этимъ занятіямъ онъ обязанъ точностью своей методы и свободой отъ всякаго мистицизма. Учился немного, зато либеральное мышленіе и нелегальныя распространялись весьма усердно; приходили въ энтузіазмъ отъ возстаній въ Брюсселѣ, Парижѣ, Варшавѣ. На всю свою жизнь Герценъ сохранилъ отъ этого времени благоговѣніе передъ декабристами, передъ великими умами 1792 и 1793 г.г. и свои симпатіи къ полякамъ, за которыхъ онъ еще въ 1863 г. заплатилъ гибелью своего «Колокола». Но скоро сенсимонизмъ совершенно вытѣснилъ вліяніе Беранже; освобожденіе женщины, la réhabilitation de la chair, оправданіе и искупленіе плоти, очистительное крещеніе ея также съ этого времени сдѣлались руководящими принципами его дѣятельности.

Молодые люди ни въ университетѣ, ни покинувъ его, не дѣлали попытокъ учрежденія какого либо политическаго общества или собранія, хотя ихъ почти исключительно устная пропаганда захватывала широкіе круги. Полиція черезъ письма узнала про эту связь. Герценъ, наконецъ былъ перемѣщенъ на службу въ Архангельскъ, потомъ Пермь, послѣ въ Вятку, гдѣ былъ поставленъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей. Благодаря Жуковскому, ему удалось переправиться во Владимиръ и, въ заключеніе,

послѣ новаго неприятнаго столкновенія съ петербургскою жандармеріею, въ Москву. Въ январѣ 1847 г. онъ добился, вслѣдствіе болѣзни своей «Наташи», кузины, въ которую онъ былъ влюбленъ и, на которой женился, пропуска за границу; онъ поклялся никогда не возвращаться въ Петербургъ, этотъ городъ «владычества синихъ, зеленыхъ и пестрыхъ полицейскихъ, канцелярскаго безпорядка, лакейской наглости, жандармской поэзіи». Герценъ никогда не увидѣлъ Россіи. Покидая родину, онъ уже былъ въ ней извѣстнымъ беллетристомъ подъ псевдонимомъ Искандеръ.

Герценъ началъ писать рано, сначала дѣлая опыты въ области драматической и повѣствовательной литературы. Въ Вяткѣ проявились нѣкоторые задатки религіозной мечтательности; онъ писалъ въ напыщенныхъ пирадахъ драматическія картины, гдѣ изображались религіозные конфликты. Но «мнѣ не было обтѣловано подняться до третьяго неба; я оставался рожденнымъ на землѣ. Дневной свѣтъ идеи мнѣ родственнѣе, чѣмъ лунный свѣтъ фантазіи». Всякому мистицизму препятствовали его естественныя науки, «безъ которыхъ человѣкъ новый не можетъ быть блаженъ; безъ этого здороваго питанія строгаго образованія мысли помощью фактовъ, безъ этой близости къ окружающей жизни, не унижающей собственной самостоятельности, въ душѣ остается гдѣ то маленькая келья, и въ ней мистическое зерно, изъ котораго можетъ вырасти темнота, покрывающая разумъ».

Выше Герценъ стоитъ въ своихъ повѣстяхъ, особенно въ романѣ «Кто виноватъ?» (вина состоитъ въ томъ, что слѣдовали движенію сердца, т. е. простому случаю). Въ правы, господиномъ положенія является — невозможность выхода, какъ выразилъ самъ авторъ по поводу родственной темы, которая занимала его раньше. Герой романа, Бельтовъ, одинъ изъ лучшихъ представителей «лишнихъ» людей Николаевского времени, какъ ихъ поэзіе представлялъ Тургеневъ во всѣхъ своихъ романахъ: чуждый честный, полный лучшихъ намереній, образованный, остроумный, предприимчивый, и все-таки совершенно ненужный, неспособный чѣмъ либо сдѣлать или за что либо приняться, для котораго самого остается загадкой, зачѣмъ же онъ собственно живетъ. Его несчастье начинается уже съ самаго воспитанія, которымъ руководить честный швейцарецъ, направляющій мальчика въ духѣ общечеловѣческой гуманности, какъ будто это годилось для Руси. Этотъ совершенно «общій» человѣкъ сознается потомъ своему учителю: «Мы, русскіе, начинаемъ чаще всего сызнова, наследуемъ отъ нашихъ отцовъ движимое и недвижимое имущество и это хранимъ мы плохо. Хотимъ мы что нибудь дѣлать, мы идемъ въ безпредѣльную степь; во всѣ стороны дороги открыты, только по нимъ нигде не достигнешь, это наша многосторонняя бездѣтельность, наша дѣятельная лѣнь». «Общее» направленіе держится и въ университетѣ, гдѣ единомыслиющая молодежь объединялась мечтательно на почвѣ идеаловъ совершенно чуждыхъ жадан. Наконецъ, скриня открывалась имъ двери жизни, но здѣсь ихъ ждали только разочарованія: дѣйствительность чиновной службы или казая могла только устранять независимыхъ, самостоятельныхъ идеалистовъ. Бельтовъ убѣждается за границу, проводитъ тамъ десять лѣтъ своей жизни, беретъ въ это время за все, или почти все, и ничего не доводитъ до конца: онъ былъ врачомъ, художникомъ и т. д., удивлялъ нѣмцевъ своею многосторонностью, французовъ глубиною; но между тѣмъ, какъ эти нѣмцы и французы работали и творили, онъ не дѣлалъ ничего. Бельтову тридцать лѣтъ, его мысли мужественно окрѣпли, но самъ онъ остался малолѣтнимъ, который подобно шестнадцатилѣтнему мальчику постоянно готовится къ жизни, вмѣсто того чтобы жить. Для него невозможно приспособиться къ людямъ, къ обстоятельствамъ, использовать свои спо-

способности, знания. Возвратившись, как чрезвычайно интересный и печальный герой, онъ неотразимо увлекаетъ красивую супругу почтеннаго учителя гимназии, разбиваетъ ей счастье и снова удаляется.

Въ романѣ, полномъ ума и серьезности, сталкивается цѣлый рядъ личныхъ отношений, его собственный учитель, отецъ, Наташа въ нѣкоторыхъ чертахъ Любви, съ ея чрезвычайно чувствительною натурой, съ ея освобожденіемъ отъ предразсудковъ, что дѣлаетъ ея, по видимому, легко и радостно, на самомъ же дѣлѣ, не безъ внутреннихъ борьбы и т. д. Прежде всего, Бельтоу—самъ Герценъ вплоть до его медицинскихъ занятій; въ разсужденіяхъ героя мы встречаемъ буквально повторенія изъ дневниковъ Герцена, напр., относительно судьбы, о человѣческой превратности, которая выпускаетъ изъ рукъ минутное счастье. Это почти своего рода автобиографія, какъ дерюмоновскій «Герой нашего времени». Несмотря на весь заслуженный успѣхъ этого интереснаго, реалистическаго романа, Герценъ не обманывался ни на одно мгновение: «я не умѣю писать повѣстей», признается онъ скоро, и дальше рассказываетъ не о любви своего героя, «мнѣ музы не дали» способности изображать любовь; о ненависти, тебѣ посвящаю я!» Въ самомъ дѣлѣ, многократно онъ прерываетъ рассказы (исключеніемъ) психологическихъ биографій своихъ героевъ, давая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смѣлое, живое и поучительное изображеніе, выходящее, правда, нѣсколько изъ рамокъ цѣлага. Зато превосходно удавались ему короткіе эскизы. Когда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ началъ писать новый романъ, «Долгъ прежде всего», въ которомъ были мастерскія картины, напр. панорама при призвѣдѣ новыхъ господъ въ деревню, одинъ его знакомый весьма вѣрно высказался, что авторъ не докончитъ этой повѣсти, не напишетъ и другихъ. Герценъ, прирожденный народный трибунъ, былъ слишкомъ занятъ интересными моментами, чтобы его могла удовлетворить спокойная, объективная дѣятельность. Наоборотъ, его страстно было пасмѣхаться надъ всякими затхлыми славянофилами, пародировать ихъ стиль, надѣяться надъ «обрусѣвающимъ неуклюжимъ» Погодинымъ, какъ и надъ сладковатымъ—не твердо вышедшее близмаже безъ горькаго миндаля—Шевыревымъ, Бураковымъ и Изыковымъ, и рядомъ съ этимъ, Герценъ пишетъ содержательныя естественно-научныя и философскія письма.

Отряхнувъ пыль Россіи съ своихъ ногъ, онъ отправился во французское Заблудоро, но корреспонденція изъ Авеню Марини скоро указала на страшное разочарованіе; прекратилась и возможность напечатать хотя бы одну строчку въ Россіи. Непредоступно маячила Герцена весна свободы Италіи, но скоро Герценъ опять возвращается во Францію, чтобы увидѣть разрушенными свои послѣднія надежды, и навсегда исцѣленный отъ всякихъ либеральныхъ иллюзій, онъ отправляется въ Англію. Настроеніе Герцена—его поразили личныя тяжелыя потери и утраты, Бельтоу самъ сдѣлался Круциферскимъ и лишился, какъ этого, своей Любви—становялось все ожесточеннѣе, жесточе. То, что онъ писалъ, были большею частью философско-политическія брошюры, которыя появлялись въ нѣмецкихъ передовыхъ.

Онъ долженъ былъ кончить, какъ Бельтоу, совершенно «лишнимъ», «сломленнымъ». 1 марта 1849 г. Герценъ направилъ прощальное письмо своимъ друзьямъ въ Россію, объясняя, почему онъ никогда не возвратится: непреодолимое отвращеніе, сильный внутренний голодъ, который что те предвѣщаетъ, не позволяютъ мнѣ переступить границы царства тумана произвола, молчаливаго умиранія, мученій съ закатнымъ ртомъ. И отрываясь отъ моего народа и все-таки остаюся съ нимъ; во всей его жизни и переживаю съ нимъ лишь горькій плачъ его пролетаріевъ и отчаянное мужество его друзей. И жертвую всѣмъ ради человѣческаго достоинства и

свободнаго слова. Здѣсь, за границей, я буду вашимъ безцензурнымъ словомъ, вашимъ свободнымъ органомъ. И время уже познакомить Европу съ Россіей; они должны знать, чего боятся. Онъ увлекся событіями въ Парижѣ и Италіи, много «времени, сердца, жизни и средствъ поэтизировалъ я для запада», но теперь онъ чувствуетъ себя въ немъ лишнимъ» (1866).

Герценъ былъ разочарованъ вовсе не идеями Запада, т. е. идеями мировой исторіи, которыя онъ любилъ и считалъ необходимыми для Россіи, но самымъ «гниющимъ Западомъ», какъ какой либо славянофилъ. Онъ считивалъ Западъ съ его буржуазіей, съ тою «conglomerated mediocrity», которую онъ ненавидѣлъ, какъ язву, которая должна привести къ излитію, съ отсутствіемъ которой въ Россіи онъ поздравлялъ свой народъ. Какъ славянофилы и Чернышевскій, Герценъ воодушевлялся общиной, «міромъ» и его выборами, этимъ началомъ убѣдѣвшимся отъ патріархальныхъ временъ, изъ котораго можетъ вырасти новая социальная жизнь, которой Европѣ столь же недостаетъ, какъ и нашей черной земли.

Такъ же радовала его русская свобода и непосредственность, въ смыслѣ отсутствія историческихъ цѣпей, которыя европейцы тащутъ за собой изъ своего историческаго пропалаго. Русскому же ничто мѣшаетъ; нѣтъ изгороди, запрета, могильнаго креста, веретового столба; онъ можетъ идти, куда хочетъ, знаетъ лишь пустыни и беззаконныя пространства; мы свободны, такъ какъ мы начали съ собственнаго освобожденія. Независимы, такъ какъ намъ нечего любить и почитать. Русскій не будетъ ни протестантомъ, ни *juste milieu*. «Варвары имѣютъ глаза америды», сказалъ уже Геродотъ, ибо въ столкновеніи съ Западомъ, съ римлянами, мы варвары, германцы, несмотря на вѣнчій блескъ. Наша цивилизація вѣнчій, наша порча правотъ совершенно груба; изъ подъ пудры торчатъ щетина; подъ былами и румянами проглядываетъ смуглая кожа, у насъ отчаянность, дикарей и трусость рабовъ; мы готовы, ни съ того, ни съ сего дать пощечину и безъ всякой вины упасть къ ногамъ, но я упорно повторяю, мы отстали отъ развѣдающей, на наслѣдственной заразы покоящейся, утонченной западной порчи... Просвѣщеніе служило у насъ чистилищемъ и порукой... образовало пограничную линію, за которой оставалось много мерзкаго... Видно, что за оптимистъ крылся въ Герценѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ близко былъ этотъ западникъ къ славянофиламъ. Друзья прямо упрекали его, что онъ подрываетъ столь необходимое для Россіи уваженіе передъ Западомъ, что онъ слишкомъ забываетъ впередъ.

Это основныя мысли, проходящія черезъ французскія и нѣмецкія письма и брошюры Герцена 1847—1862 г., отъ ближайшаго разсмотрѣнія, даже поименованія которыхъ мы должны отказаться. Личныя утраты не сломили Герцена; онъ (не предчувствуя, какъ близко это касалось его самого) въ 1842 г. размышлялъ въ статьѣ, которая одного его друга ударила отъ самоубійства: «Индивидуальное, сердце не можетъ исключительно претендовать на всего человѣка; его духъ долженъ витать между этимъ и идеей и основываться на общечеловѣческихъ интересахъ, а не на зыбкой почвѣ только личной любви». Въ уединеніи мирового города (Лондона, 1852), окидывая свое прошлое взоромъ, полнымъ упрека и сожалѣнія, онъ рѣшился приняться за новую работу, желая все представить на судъ «своихъ», и такъ возникло его автобиографическое и вмѣстѣ главное произведеніе, драгоценность русской литературы, «Былое и думы», надгробный памятникъ и исповѣдь, біографія и размышленіе, событія и мысли, слышанное и видѣнное, больное и залѣченное, воспоминанія и еще воспоминанія, повтореніе жизни, которая блѣдная воскресаетъ въ словахъ и памяти. Книга написана, главнымъ образомъ, въ 1852—1855 г.г., въ пяти

частяхъ, съ прибавленіями; въ пятой части содержится самое важное, ради чего составлено все остальное, что по словамъ Тургенева, пропитано слезами и кровью сердца, и что не пошло въ печать—навегда ли наследники сохранять отъ насъ эту часть, исторію о Наташѣ Герценъ самъ обещалъ намъ ее.

Онъ не впервые выступалъ съ автобіографическими произведеніями. Уже въ 1838 г. онъ написалъ «Записки молодого человѣка», т. е. его собственныя, въ трехъ частяхъ: дѣтство, юность,—глава объ университетѣ навсегда останется памятной,—годы скитаній, съ пасквилемъ на Витку-Малиновъ; все, особенно третья часть, въ стилѣ и тонѣ Гейнсовскихъ «Путеныхъ картинъ»: книга отпечатана въ 1841. Ея успѣхъ побудилъ автора къ роману. Позднѣе, Герценъ временами велъ обширный дневникъ относительно своихъ чтеній и т. п. Теперешняя работа отличалась своимъ тепломъ отъ живости дневника и «Записокъ». Онъ писалъ ее тогда, чтобы скоротать себѣ время разлуки съ Наташей. *Somanches*. Много времени потребовалось, дабы такое событіе просвѣтлѣлось до ясной мысли, не утѣшающей, грустной, но примиряющей пониманіемъ, безъ котораго можетъ быть искренность, но не правда. Книга не должна быть историческою монографіей, только отраженіемъ исторіи въ человѣкѣ, который случайно попалъ ей на пути. Отсюда она особенно къ концу, распадается на отдѣльные эскизы, какъ будто авторъ боялся методической обработкой стереть при плавокъ собственный тонъ и настроеніе; отсюда эти пристройки, перестройки, флигеля и, однако, въ общемъ извѣстное единство. Наибольше тѣсную связь сохраняютъ два первые тома (6 и 7 собранія сочиненій).

Эти мемуары, хотя они не имѣютъ никакихъ особенныхъ запутанностей и катастрофъ, а описываютъ лишь заурядныя событія и встрѣчи съ незаурядными людьми, читаются какъ настоящій романъ; обращаютъ вниманіе мастерски характеристики Чаадаева, славянофиловъ, архитектора Витберга въ Вяткѣ, поляковъ въ Перми, университетскихъ товарищей, различныхъ жертвъ административнаго произвола. Авторъ вспоминаетъ особенно и о московскомъ филантропѣ докторѣ Гаазѣ, дѣлательномъ, какъ князь Нехлюдовъ въ «Воскресеніи», «память о которомъ не должна заглухнуть подъ плесками официальныхъ некрологовъ, прославляющихъ лишь добродѣтели первыхъ двухъ ранговыхъ классовъ». Потомъ идетъ изображеніе русскихъ допросовъ, тюремъ, русской справедливости (какъ отыскивали поджигателей въ Москвѣ); захватывающая картина погребальнаго шествія еврейскихъ колонистовъ-мальчишекъ; городъ Вятка, его чиновники и статистики, которые подъ рубрику «помѣты о нравственности» вносятся: это не евреи и т. п., наконецъ, описанія московскихъ театраль-

С. Т. Аксаковъ.

ныхъ представлений и лекцій Грановскаго. На такой же высотѣ стоятъ затѣмъ описанія Парижа и Лондона, «величинъ» европейскихъ революціонныхъ комитетовъ, графа Ворцеля, русскихъ «желчныхъ» людей, какъ преемниковъ «лишнихъ», за которыми потомъ выступаютъ некультурные семинаристы и т. д. Наблюдатель извѣдываетъ, положительно, съ научною

тонкостью, доискивается причинъ каждого явления, раскрываетъ его отношенія, значение, возстановляетъ взаимную связь, оживляетъ все и разъясняетъ досконально—онъ не даетъ грубыхъ фотографій съ рѣзкой окраской, но гармонически настроенныя картины, которыя каждой чертой обнаруживаютъ руку мастера. И все это изложено языкомъ удивительной точности, французской ясности и французскаго остроумія. Драгоцѣнныя его безчисленныя пронычскія и саркастическія замѣчанія, его разрывъ съ Николаевской системой, отъ извинительнаго письма, которое онъ заставляетъ писать царя и купца первой гильдіи къ Ротшильду, до его генераловъ, «современныхъ актеровъ служебной книги и дѣйствующихъ лицъ адреснаго календаря, для которыхъ можно найти мѣсто въ министерствахъ и арестантскихъ ротахъ, но, конечно, не въ повѣсти», въ противоположность генераламъ 1812 г.

Особенно, ненавидѣлъ Герценъ Петербургъ, о которомъ онъ въ дневникѣ пишетъ, что это было удивительною побѣдою надъ природою; черезъ три градуса сверху начинается здоровый сѣверъ, черезъ три градуса къ югу умѣренная полоса; промежуточные шесть, въ приятномъ соствѣствіи съ моремъ и всякими рѣками, озерами, болотами, цѣлебными и ядовитыми водами, въ близости съ зчимымъ дворцомъ, восемью министерствами, тремя полиціями, святѣйшимъ синодомъ и всей высочайшей фамиліей, съ ея нѣмецкими родственниками, образуютъ сферу вѣчной сырости, нравственнаго и физическаго угара, духовнаго и тѣлеснаго тумана». Особый очеркъ о Петербургѣ восхвалялъ городъ, гдѣ можно видѣть различные типы людей: люди, которые непрерывно пишутъ, т. е. чиновники, которые почти никогда не пишутъ, т. е. русскіе литераторы, которые не только никогда не пишутъ, но и не читаютъ, т. е. лейбъ-гвардіи оберъ и штабъ-офицеры, львы и львицы, тигры и тигрицы, люди, которые не похожи ни на одно животное, заже на человѣка и, однако, такъ уютно чувствуютъ себя въ Петербургѣ, какъ рыба въ водѣ. Наконецъ, можно видѣть поэтовъ изъ третьяго отдѣленія собственной канцеляріи, какъ оно занимается поэтами... Превосходно увѣковѣченъ Уваровъ, тоже Прометей нашихъ дней, украсившій свѣтъ не у Юпитера, но у людей, воспитанный не Глинкою (выше была рѣчь о московскомъ Гумбольдтѣ и о воспитаніи его Глинкою), но Пушкинымъ (въ сатиру выздоравливавшему Липинію), настоящий приказчикъ въ просвѣтительной лавкѣ, который сохранялъ въ памяти образцы всѣхъ наукъ. Такъ ставились у позорнаго столба и вѣшались одна за другой опоры господствующей системы. Мемуары Герцена—незамѣнимый вкладъ для освѣщенія эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ психологическо-художественное мастерское произведеніе перваго разряда.

Н. С. Аксиковъ.

Поднота этой литературы почти исключительно издававшіеся Герценомъ въ Лондонѣ, воспоминанія о Рыбкѣ, Якушкинѣ и др.; записки добровольныхъ доносчиковъ, какъ Вигеля.

Слѣдовало бы упомянуть и о другихъ мемуаристахъ этого времени.

доносчика Чаадаева, или цензоровъ, напр., проф. Никитенко, ежедневно отмѣчавшаго оффиціальныя покушенія противъ мысли, знанія и писателей и т. д. Изъ этого обилия упомянемъ только одинъ трудъ, который, хотя и существенно различенъ по содержанию, тону и стилю, однако, можетъ быть противопоставленъ Гершеневскому—это семейная хроника старика, С. Т. Аксакова, отца обоихъ московскихъ славянофиловъ; и по идейному содержанию хроника лишь въ отдаленной степени можетъ быть сравнима съ созданіемъ великаго эмигранта. Семейная хроника вышла только въ 1856 г., но Аксаковъ началъ писать ее раньше; первыя выдержки изъ нея были опубликованы уже въ 1847 г., и мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести ее къ Николаевской эпохѣ. Въ сущности хроника относится еще къ XVIII столѣтію и ко времени Александра I.

Передъ глазами старика проходило раннее дѣтство, красота оренбургской степи, особенности жизни предковъ, дѣда, тети, ее мужа, знанія въ губернскомъ городѣ Уфѣ зимою, обученіе въ гимназій и во вновь открытомъ казанскомъ университетѣ, отправлявшемъ въ Петербургъ своихъ питомцевъ съ блестящими свѣдѣтельствами по предметамъ, которые въ немъ и не проходились. Уже въ гимназій Аксаковъ участвовалъ въ ученической газетѣ «Аркадскій пастушокъ», и продолжалъ въ Петербургѣ свое рифмованіе, но сантиментальныя поклонники Карамзина перешли къ Шишкову и разсказываютъ драгоцѣнный по интересу вѣщи о «славянофильской» Бесѣдѣ, гдѣ посредственность и скука соединялись вмѣстѣ, гдѣ Державинъ отъ своихъ невозможныхъ драмъ и заурядныхъ анакреонтиковъ ожидалъ себя безсмертія, гдѣ графъ Хвостовъ, поэтъ, самыя извѣстныя эпиграммы своего кузена по наивности принималъ за чистую хвалу, гдѣ критики были еще пошлѣе, чѣмъ хвалебныя гимны, гдѣ наивный славянофилъ Шишковъ, у котораго первая жена была лютеранкою, вторая поляка-католичка, но который ненавидѣлъ все польское и католическое, толковалъ отдѣльныя стихи «Петриады» князя Шихматова, восхищаясь красотою и чистотою ея языка, не замѣчая, что онъ вызвалъ только злыя насмѣшки.

Мы переносимся прямо въ допотопныя времена, имѣемъ дѣло съ «гражданиномъ» Глинкою, который при любви къ французскому языку, каждый свой стихъ и свою мысль поливалъ однимъ и тѣмъ же соусомъ изъ «вѣры, вѣрности и доводовъ», мы въ кругу славянофиловъ, которые убѣждены, что время Петра и Екатерины II обозначаетъ героическую эпоху и настоящую старую Русь! Позднѣйшіе мемуары, дѣлавшіеся все болѣе неинтересными, разочаровываютъ насъ. Аксаковъ слишкомъ долго занимался такими литературными величинами, какъ Шатовымъ, потомкомъ перса, какъ слѣбнымъ Николевымъ, который, подобно ганноверскому королю, оспаривалъ свою слѣпоту и говорилъ на потѣху присутствующимъ о чистотѣ своего бѣлья, какъ Ильинымъ, который былъ помѣнанъ на анакредивахъ со знатію, и т. д. Кто интересуется райскими отношеніями, изображенными также и Григороничемъ въ его «Проселочныхъ дорогахъ», найдетъ здѣсь обильный источникъ анекдотовъ и причудливыхъ исторій.

Зато приковывали интересъ изображенные съ величайшею простою, безъ всякой литературной претензіи, отсюда тѣмъ удачнѣе, страна и люди «добраго, стараго времени», тираны и деспоты, часто прямо преступники—какъ Куролесовъ, Курюдовъ,—передъ которыми дрожали семейные, дворовые, крестьяне, люди, не знающіе предѣла своимъ капризамъ; даже старуха бѣжала въ лѣсъ отъ ярости своего «старика», котораго проводили и обманывали самыя глупыя люди. Картина правды и возрѣній этого патріархальнаго времени неотчужда; добродушіе и грубость этихъ степныхъ людей, некультурность окружающей обстановки, первобытность, ес-

тественности—поразительны. Смысль картины, однако, устанавливаетъ только читатель; Аксаковъ довольствуется наблюденіями и передачею ихъ. Онъ самъ годами жилъ въ Оренбургскомъ краѣ и написалъ цѣлыя книги о ловлѣ рыбы и бабочекъ, объ охотѣ съ соколами и ястребами (мы въ полу-Лазин), съ сѣтями и западнями, о жизни и привычкахъ звѣрей, книги, которыя могутъ быть поставлены рядомъ съ лучшими главами Брэмсовской «Жизни животныхъ», и, которыя выдержали многочисленныя изданія. Образность и красота его слога, перлъ русской описательной и повѣствовательной прозы, соперничаютъ съ полнотою и точностію наблюденій. Какъ горячій поклонникъ классическаго театра, писатель началъ переводами изъ Мольера, «русскими» переложениями сатиръ Буало, что онъ позднѣе самъ признавалъ безсмысленностію, эпитграммами; вмѣстѣ съ Писаревымъ и др. признавалъ въ водевилѣ высшее проявленіе человѣческаго искусства, пока подъ вліяніемъ Гоголя не обратился къ дѣйствительности, и въ своихъ оренбургскихъ воспоминаніяхъ не далъ намъ картинъ «Сибирской бури» (какъ Толстой), потомъ другихъ сокровищъ. Его записки не предлагаютъ какой-либо исторіи, онъ—сама исторія. Нельзя придумать болѣе рѣзкой противоположности, какъ между этой совершенно объективной, «гомеровской» передачей видѣннаго и пережитаго и субъективнымъ, пролическимъ, «выстраданнымъ», негодующимъ изложеніемъ Герцена; и, однако, оба сѣютъ свѣтомъ истинной поэзіи, обвѣянной покровомъ печали и тоски по невозвратнымъ днямъ юности. У обоихъ окончательно хорошится допотопная Русь, Русь крѣпостного права и казармщины, «богоблженности» и глупости, безграничнаго чиновничьяго произвола и хищеній, которые начинались сейчасъ же за порогомъ царскаго кабинета, Русь гробового молчанія и безконечнаго страданія. Подъ сибирскимъ и ледянымъ нащипремъ, казалось, въ этой пустынѣ навсегда закончилась всякая разумная, гуманная жизнь.

ОДИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Новое время (1855—1905). Критика.

Наканунъ реформъ. Вліяніе Герцена; публицистъ и писатель. Реформы; пріостановка ихъ. Реакція; усиленіе ея до предѣловъ бѣлаго террора. Вліяніе критики въ 50-хъ и 60-хъ годахъ; Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Органическая критика Григорьева и Страхова; эстетико-идеалистическая Гольцштокъ и Мережковская. Труды исторіи литературы.

Какъ эность, исторія Россіи любитъ повторенія; правленіе гуманнаго ученика Жуковскаго, Александра второго, поразительно напоминаетъ перваго, какъ послѣдніе годы Николая, по крайней мѣрѣ, для литературы, знаменовали возвращеніе ужасовъ наводскаго режима. На Россіи вымещались послѣдствія европейскіхъ движеній 1848 г. точно такъ же, какъ некогда страна столь же невинно должна была поплатиться за французскую революцію. Вѣдѣнная катастрофа, на этотъ разъ Крымская война, принудила къ измѣненію официального плана. Необходимость коренныхъ реформъ чувствовалась всѣми; прежде всего, нужно было положить предѣлъ доселѣ господствовавшему стѣсненію правды, правдиваго слова. Какой вредъ приносилъ подавленіе всякой мысли, отношенію этого всѣ были согласны; самые лояльнѣе круги (даже жандармскій офицеръ Громека) рѣзко осуждали такое гоненіе на свободное слово, и стоитъ только почтять воздвигшія жалобы славянофиловъ, напр., Ивана Аксакова, противъ подобнаго духовнаго террора, чтобы узнать, какъ еще спустя годы простое воспоминаніе объ этомъ возмущало лучшихъ изъ самыхъ консервативныхъ людей. Ослабленіе цензурныхъ путей было уже потому необходимо,

что правда о положении русских дѣлъ безпримѣнно высказывалась за-
границей въ формѣ весьма нежелательной, и потому, отчасти, черезъ поль-
ское посредство находила дорогу въ Россію.

Герценъ никогда не могъ совершенно замкнуться въ личной жизни,
иначе пребываніе въ Москвѣ вполнѣ удовлетворило бы его; такъ какъ
человѣка поражаютъ теперь самыя тяжелыя удары, спасеніемъ для него
дѣлается Россія; служеніе общему смягчало личныя страданія. Герценъ
теоретикъ, критикъ былъ рожденъ не для политики и не для пропаганды,
но обстоятельства навязали ему политическую роль. За нимъ не стояло
никакой партіи; его могучее вліяніе объясняется совпаденіемъ личныхъ
симпатій съ настроеніемъ умовъ въ Россіи. Онъ только формулировалъ
то, что было уже въ воздухѣ, чего требовали все передовыя люди,
что признавало само правительство: сначала въ «Поларной
Звѣздѣ», напоминавшей о декабристахъ, помѣщавъ къ ней главы изъ ихъ
мемуаровъ, такъ называемыхъ запрещенными стихотвореніями, воспоминані-
ями; съ 1-го Іюля 1857 г. въ «Колоколѣ», съ энциклопедіею «Vivres vivres».
Ежедневный, потомъ ежедневный журналъ насчитывалъ въ Россіи въ
1863 около 2500 подписчиковъ; къ нимъ принадлежалъ и императоръ. Въ
предисловіи къ первому номеру Герценъ требовалъ только освобожденія
слова отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податныхъ классовъ отъ
феодальнаго наложенія. Но тогда становился все рѣзче, когда реформа каза-
лось не выходила изъ области добрыхъ плановъ и хорошихъ словъ, и за
эту рѣзкость умѣренные либералы, какъ Чичеринъ, упрекали потомъ Гер-
цена. Они не одобряли его рѣзкой критики «умирающей» Европы, его
разрушенія необходимой, по ихъ мнѣнію, для Руси вѣры въ Западъ. Къ
тому же ихъ требованія вполнѣ удовлетворялись официальными реформами;
это были: великій актъ 19 февраля 1861 года, сдѣлавшій свободными
людьми свыше 23 милліоновъ «душъ»; великая судебная реформа 1864
года, установившая институтъ защитниковъ и присяжныхъ засѣдателей,
отмена тяжелыхъ наказаній палками 1863 г., университетскій статутъ
(1863), который, впрочемъ, были довольны мѣнѣе, учрежденіе мѣстнаго
земельнаго самоуправленія (1864), новый Валувскій цензурный уставъ
(1865), мѣнѣе всего соотвѣтствовавшій ожиданіямъ; цензура была перене-
сена изъ министерства провѣщенія въ вѣдомство министерства внутрен-
нихъ дѣлъ. Для Герцена, наоборотъ, все это только зачетная плата, пер-
выя, подготовительныя шаги. Онъ становился все болѣе крайнимъ по
вліянью того члена московскаго философскаго клуба, гегельянца Баку-
нина, который, бѣжавъ изъ Камчатки, сдѣлался однимъ изъ вождей евро-
пейскаго революціоннаго движенія. Только теперь въ Россіи обратились
противъ Герцена; прежде всего Катковъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», еще въ
1862 г. Возстаніе поляковъ 1863 г. вызвало впоследствии кризисъ. Герценъ
всегда уже изъ простаго чувства справедливости былъ другомъ польскаго
дѣла, хотя никогда не скрывалъ отъ себя, что оно только вѣнчаніе носило
революціонную идею, въ сущности же, оно было чисто національно; почему для
сложной, съ трудомъ, вырабатываемой формулы будущаго социальнаго
строга не приносило ничего новаго, и у другихъ людей могло пробуждать
лишь теплыя симпатіи, но никогда не могло стать ихъ собственнымъ дѣ-
ломъ, ибо по своему существу національныя идеи не могутъ принадле-
жать всѣмъ. По обыкновенію, онъ напечаталъ въ 1863 г. то, что написалъ
еще въ 1853 и оказалось что не во время. Сейчасъ же Катковъ сталъ на уже
національную точку зрѣнія и своими энергичными статьями увлекъ за
собою общественное мнѣніе, смѣло выдерживая даже борьбу съ Валувскимъ
и его цензурой, такъ какъ дѣйствія правительства казались ему слишкомъ
безразличными. Число подписчиковъ на «Московскія Вѣдомости» удвоилось, у

«Колокола» же въ одинъ годъ съ 2500шло на 500 и никогда послѣ не на много возрастало. Роль Герцена была сыграна. Если раньше только въ «Колоколѣ» возможно было осѣщать поведеніе отдѣльных лицъ—его корреспонденціи затрагивали высшія сферы, считались съ Паниными, Закровскими и др., то теперь перестало существовать это исключительное положеніе при большой свободѣ печати; напраснымъ оказалось опытъ издавать «Колоколъ» по-французски. Политическая пропаганда Герцена замолкла, она больше не находила отзвукъ. Даже революціонная партія рѣзко противопоставила себя ему. Когда Герценъ осудилъ Каракозовское покушеніе на царя, высказавшись противъ всякихъ политическихъ убійствъ, какъ остатковъ варварства или признаковъ упадка, московскіе и парижскіе революціонные круги торжественно выразили ему протестъ.

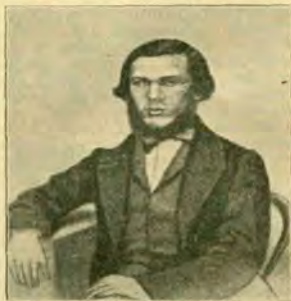
Основаніе къ разрыву съ революціонерами à la Бакунины, къ которому скоро присоединился и Огаревъ, лежало глубже. Послѣ полемико фiasco въ своихъ «Письмахъ къ старымъ товарищамъ» Герценъ пересмотрѣлъ особенно акеломы Бакунинскаго катехизиса. Онъ подчеркивать свое предпочтеніе медленному, постепенному развитію, отрицать насильственные, революціонные пути; нельзя освободить народъ противъ ихъ воли; только нашъ врагъ, а не мы, хорошо сварженъ, мы не должны его раздражать. Старый порядокъ силенъ всеобщимъ признаніемъ; приказывать «не вѣруй!» такое же насиліе, какъ—«вѣруй!» Принимать къ отвѣтственности представителей прежней правды, которая сдѣлалась теперешнее неправдою, было бы глупо; однако, собственность, семья, церковь, государство были могучими воспитательными формулами человѣческаго освобожденія и развитія; должно только указать владыкамъ стараго, что, вслѣдствіе пробудившагося сознанія обездоленныхъ, ихъ дальнѣйшее господство становится невозможнымъ, слѣдуетъ указать имъ опасность и возможность спасенія, но изъ послѣдствіа стараго міра должно сохранить все, что заслуживаетъ этого. Все особенное, разнообразное, безвредное пусть предоставитъ собственной судьбѣ. Вѣсто того, чтобы безъ помысла разрушать государственную силу, воспользуемся ею для разрѣшенія социальнаго задачи; социальный вопросъ уже потерялъ идеальный характеръ, вышель изъ періода своей юности, религиознаго почитанія и вступилъ въ годы возмужалости. Герценъ потому не вѣритъ въ серьезность людей, которые грубую силу и разрушеніе предпочитаютъ развитію и компромиссамъ. Необходимо проновѣть своимъ и врагамъ, великое дѣло любви, которое должно сохранить духовное владѣніе человѣчества, должно идти противъ разрушенія. Достаточно погрѣшили въ этомъ отношеніи христіанство, исламъ, французская революція; крамдѣбное отношеніе къ наукѣ, искусству, какъ чему то аристократическому было для Герцена указомъ.

Для того, чтобы высказывать и исповѣдывать подобныя мысли въ томъ кругу, въ которомъ жилъ Герценъ, требовалось гораздо болѣе самостоятельности и мужества, чѣмъ хватался за крайности во всѣхъ вопросахъ. Такъ Герценъ постепенно разставался съ революціонной пропагандой и собирался снова посвятить себя исключительно литературной работѣ. Къ сожалѣнію, его дни были уже сочтены; онъ умеръ, еще въ сибирскихъ силахъ, 21 января 1870 г. Но еще и въ послѣдніе годы онъ дасть намъ удивительныя примѣры своей наблюдательности человѣческой жизни и законченныя картины социальныхъ и національных типовъ. Его изображеніе потрясеніемъ, этихъ недоуверчивыхъ, утомленныхъ, страстныхъ самонаблюдателей и самообвинителей безъ нескренности, этихъ «надломленныхъ» предстателей послѣдняго Николаевскаго поколѣнія, классически безукоризненно. Хорошо описаніе эмиграціи послѣ 1862 г., интересны образы этихъ «мелодичныхъ» людей, которые ничего не хотѣли знать объ образованіи, искус-

ствѣ, идейхъ, ничего не признавали, кромѣ собственнаго круга мыслей, которые, требуя отъ Герцена программы, понимали подъ ней только формулировку своихъ собственныхъ идей, которые на Герцена и его товарищей смотрѣли свысока, какъ на почтенныхъ инвалидовъ. Такъ исполнялись слова Полевого, которые онъ, качая головой, произнесъ въ отвѣтъ на упреки Герцена въ консерватизмъ—за толкованіе Полевымъ сенсимонизма, какъ простой утопіи:—«Настанетъ время, когда и намъ въ награду за пѣлую жизнь, полную напряженій и трудовъ, какой нибудь юнецъ съѣзди скажетъ:—Идите вы прочь, отсталый человѣкъ!—Сбрасывая все до послѣдняго лоскутка, гордо показывались наши enfans terribles какъ мать ихъ родила; но родила она ихъ плохо, совсѣмъ не дюжими молодцами, но наследниками дурной и нездоровой жизни низкихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мускуловъ и юношеской наготы, обнаруживались печальные слѣды наследственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ болѣзней и различныхъ сортовъ оковъ и ошейниковъ. Немногіе вышли изъ народа; нѣкѣ черты передней, казармы, семинаріи, двора мелкаго помѣщика, сохранились налицо; нагота не прикрывала ихъ, но обнажала. Она открывала, что ихъ систематическая неуклюжесть, ихъ грубый и дерзкій языкъ ничего общаго не имѣлъ съ безобидной и простой грубостью крестьянина, но очень много съ привычками канцелярскаго круга, базарной лавочки, лакейской господскаго дома... Много дренажа требовало еще нашъ черпоземъ.

Съ этимъ влияніемъ «вольной русской типографіи» въ Лондонѣ—здѣсь Герценъ печаталъ и тайные мемуары, запрещенную, т. е. рукописно распространяемую поэзію и т. д.—шла параллельно, съ 1856 года, такъ называемая, «обличительная литература», которая въ стихахъ и прозѣ возставала противъ вкоренившихся злоупотребленій, патріархальныхъ привычекъ и отдавалась розовымъ надеждамъ на тему, какъ далеко мы уже ушли, какъ мы сообразны. Все, конечно, отступило передъ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ, этой мирной революціей, которая, какъ каждая другая въ Россіи, проводилась, руководимая сверху, несмотря на глухое и упорное сопротивление. Кто пожелае, бы по тогдашней прессѣ и литературѣ судить объ этой борьбѣ, тотъ, конечно, былъ бы разочарованъ. По недоброму, старому обычаю все, что возбуждало вѣхъ, что приводило въ энтузіазмъ молодежь, дворянство заставляло жаловаться на незаслуженное уменьшеніе его владѣній, оставалось изъятаымъ изъ обществяннаго вѣдѣнія, скрывалось въ тайныхъ комитетахъ и запискахъ. Общество и общественное мнѣніе годами, вплоть до окончательнаго разрѣшенія, интересовалось только однимъ вопросомъ, но лишь «Колоколъ» говорилъ открыто о «крещеніи собственности» господъ, этомъ пѣзориомъ русскомъ пятнѣ, которое заставляетъ насъ, краснѣя отъ стыда и опустивъ глаза, сознаться, что мы стоимъ ниже вѣхъ націй Европы; лишь «Колоколъ» говорилъ о необходимости быстрыхъ дѣйствій, дабы разочарованный крестьянинъ самъ не всталъ за топоръ. Угрозы топоромъ повторяли еще въ 1860 г. его корреспонденты изъ Россіи, когда председателемъ комитета были назначены человѣкъ ненадежный (Панинъ). Наконецъ, дѣло Милютина было завершено. Смыслъ, выполнили то, что считали необходимымъ уже отецъ и нѣкоторые изъ его совѣтниковъ, особенно, гр. Киселевъ. «Нынѣ отступивши» воскликнули въ своемъ парижскомъ изданіи либералы, Киселевъ и старій Тургеневъ. Пусть, въ угоду консерваторамъ, теперь и принесены были нѣкоторые жертвы, напр., удаленъ Милютинъ, самаго дѣла освобожденія уже нельзя было повернуть назадъ. Но это должно было, по понятію другихъ, быть только началомъ полнаго преобразованія Руси, и здѣсь скоро раздвинулись умы.

Нетерпѣливая, радикальная молодежь не могла удовлетвориться «обличительной» литературой, банальной риторикой, преслѣдующей малые цѣли съ большими средствами; недовольные сгруппировались вокругъ «Современника» Некрасова, вокругъ Чернышевскаго и Добролюбова, позднѣе около «Русскаго Слова» и Писарева. Здѣсь вырабатывался «нигилизмъ», образо-

П. А. Добролюбовъ.

валась народная молодежь въ радикальномъ духѣ; въ дворянскихъ кругахъ уже раздавались возгласы о конституціи.

Правда, скоро это бурное движеніе было сокращено. Воскресныя школы, читальни и шахматные клубы были закрыты, «Современникъ» прекращенъ, выдающіеся радикалы по-

Д. П. Писаревъ.

сажены въ тюрьму—Михайловъ, за котораго еще осмѣлились ходатайствовать Чернышевскій, Писаревъ, Добролюбовъ, уже умеръ. Студенческая свобода была ограничена; Катковъ могъ открыто нападать на «утопіи» Герцена. Отвѣтъ не преминулъ появиться: возненія учащейся молодежи, петербургскіе пожары въ мѣѣ 1862 г., прокламаціи «центрального революціоннаго комитета», взывавшія къ мести и убійству. Польское возстаніе ухудшило положеніе. При колебаніи радикаловъ, Катковскіе призывы къ патриотизму имѣли необыкновенный успѣхъ; съ того времени Катковъ, убѣжденный, что нигилизмъ и герценизмъ были только средствами польской (!) пропаганды, дабы ниспровергнуть царскую

власть, преслѣдовалъ всѣхъ внутреннихъ враговъ, которые были гораздо хуже иностранныхъ. Еще дѣло реформы продолжалось, еще либералы шли вмѣстѣ съ правительствомъ, но прогрессивная волна, видимо, убывала. Уже стали громко раздаваться голоса, что реформы были преждевременны, за-

ходили слишком далеко. Университет и пресса оказались первыми козлами отпущения.

Съ 1866 г. начала снова наступать реакція. Покушение Каракозова дало поводъ объявить религію, собственность, право въ опасности отъ испровержителей существующаго порядка. «Современникъ» и «Русское Слово» были прикрыты; Димитрій Толстой въ качествѣ министра помрачень дѣлалъ честь Шишкову и другимъ умопомрачителямъ предыдущей эпохи. Свободное слово снова неслало убѣжища за границей, гдѣ подъ вліяніемъ Бакунина совершенно стало на почву интернаціонализма и анархизма. Въ самой Россіи нагъ столь характерный для ингилизма, интересъ къ естественнымъ наукамъ (сравни Писарева); взаимѣ этого, среди молодежи распространялся социализмъ; социально-научныя занятія являлись характерными для передовыхъ публицистовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, какъ Михайловскій. Во главѣ реакціонной публицистики стоялъ Катковъ съ своимъ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Московскими Вѣдомостями»; въ противоположность ему, Некрасовъ и Салтыковъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» защищали радикальнѣе воззрѣнія, тогда какъ «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича и историка литературы Пышина и «Голосъ» Краевского, были представителями умѣренного либеральнаго направленія. Толстой ввязать пути университетамъ и проводить классическую систему въ гимназіяхъ. Весьма мало или почти ничего не измѣнили тутъ его преемники, армянскіе Делиновы—соотечественники его были горды тѣмъ, что самый глупый изъ армянъ былъ хороше для русскихъ въ качествѣ министра просвѣщенія—и генералы. Послѣдствія этой системы справляютъ въ 1905 г. въ высшей учебной заведенія Россіи; всякая связь между учителями и учениками давно уже порвана; зато въ положеніи объ университетахъ процвѣтають попечители и инспектора, полицейскіе сыщики. Такъ какъ у оппозиціонной молодежи была отнята всякая возможность какой-либо дѣятельности, она слѣдуетъ исключительно наставленіямъ заграничной литературы, германской социал-демократіи, и съ лозунгами Бакунина, пытается идти въ народъ, вести пропаганду съ прокламаціями, которыхъ народъ не могъ даже и читать не говоря уже о томъ, чтобы понимать—часто подобныя попытки окончились подобно тому, какъ это рассказано у Тургенева въ «Нови». Скоро, однако, пропаганда распространилась среди слоевъ болѣе воспріимчивыхъ среди рабочихъ и интеллигенціи, и переходила въ формѣ репрессій противъ все болѣе нестерпимаго гнета правительства въ пропагандѣ дѣла, къ покушеніямъ и демонстраціямъ, къ организаціи террора.

Война 1877 г. внесла оживленіе къ политическаго интересамъ. Добровольныя жертвы на дѣлѣ тѣньмихъ балканскихъ братьевъ, возмущеніе безумными либреттами турокъ, перемѣнныя фазы борьбы держали все населеніе въ напряженіи. Недовольство берлинскимъ конгрессомъ, когда было уступлено такъ много уже достигнутаго, умаляло только престижъ правительства; либеральная, конституціонная волна снова видимо стала возрастать. Ходъ движенія нарушили новыя покушенія, и окончательно разбило его несчастное 1-е марта 1881, самый черный день въ русской исторіи: какъ 14 декабря онъ на дѣлѣ десятилѣтія остановилъ всякое движеніе впередъ. О конституціи, которая была уже одобрена, теперь надолго не поднималась и рѣчи. Зато возросло вліяніе великаго инквизитора Побѣдоносцева и его приспѣшниковъ. Подавленіи, мѣропріятія всякаго рода, административный произволъ, ссылка и заточеніе тысячъ людей составляли единствѣнственную правительственной мудрости бѣлаго террора. «Отечественныя Записки» Салтыкова были закрыты, общественное мнѣніе сдѣлалось пѣвымъ, бездѣльнымъ, какъ никогда прежде. Новая сѣбна на престолѣ не принесла никакого облегченія; наоборотъ, столѣтіе началось системомъ

Плеве и его бѣлаго террора, который in *actis inintandis*—мы вѣдь въ XX столѣтіи—напоминалъ о временахъ Павла и исхода царствованія Николая I. Примеръ, близко касающійся и литературной исторіи, можетъ разъяснить спиритность официального террора.

Однимъ изъ излюблѣннѣйшихъ фельетонистовъ сталъ въ послѣднее время «Old Gentleman», Александръ Амфитеатовъ. Въ одно прекрасное утро онъ внезапно былъ арестованъ и съ того времени пошелъ въ гору: онъ сталъ жить въ Минусинскѣ или въ другомъ одинаково восхитительномъ, не столь отдаленномъ мѣстечкѣ, гдѣ человѣку остается выборъ между самоубійствомъ или непробудномъ пьянствомъ. И причина? Невинные фельетоны, первая особенно незначительная; второй и третій, которые сгубили «Россію», были значительно извѣстнѣе.

Это была до неуважкости прозрачная аллегорія, но къ русскимъ «аллегоріямъ» уже привыкли со времени Щедрина и его исторіи о Глуховѣ. Когда Рыдбергъ въ своихъ римскихъ «аллегоріяхъ» прямо нападалъ на Аракчеева, не называя, впрочемъ, его имени, и никто, начиная съ Аракчеева не былъ въ неясности относительно «временщика», этотъ человѣкъ, самый отвратительный изъ всѣхъ смертныхъ, молчалъ на рѣзкія выходки, какъ будто онъ вовсе и не касался его, и это было самое разумное, что «только онъ могъ дѣлать. И на Амфитеатрова лишь тогда обратили вниманіе, когда безсмысленное его преслѣдованіе и его газеты заставило общество заинтересоваться авторомъ; безъ этого азіатскаго варварства едва ли бы иѣтъ прокрывало о такомъ событіи. Амфитеатовъ и его писательство, его романы, повѣсти и т. п. были бы скоро навсегда забыты; теперь онъ безмеренъ и съ нимъ система, которая довела дѣло такъ далеко.

«Новая Россія» вмѣстѣ съ этимъ кончилась точно такъ же, какъ и старая Николаевская. Какъ и въ 1855 г. вѣвшая катастрофа въ 1905 «обудовила» новое, на этотъ разъ, вѣроятно, основательное измѣненіе направленія политическаго хода.

Мы предпослали эти бѣглыя замѣчанія, которыя должны напомнить читателю нѣкоторыя даты, дабы потомъ привести въ связь между собою и самимъ періодомъ различные роды журнальной и критической литературы, ихъ воздѣйствіе на общество, ихъ вліяніе и значеніе.

Только раскрѣпощеніе прессы создало въ Россіи таковую; до сихъ поръ существовали лишь стрые листки и наивные читатели; вслѣдѣ помысли дать литературу: наравленіе, заграничное, или славянофильское, подавлялись Бенкендорфомъ и Дуббельтомъ. Отъ учтивостей Дуббеля Блинскаго спасла смерть, Герцена бѣгство; зато «Современникъ» совершенно сдѣлался безцвѣтнымъ. Окраску онъ приобрѣлъ послѣ 1855; съ нимъ вновь возникли еженѣдныя журналы: «Русскій Вѣстникъ», «Русское Слово» и т. д. Извѣстный отънокъ придавала журналамъ гораздо менѣе ихъ беллетристика, чѣмъ критическій отдѣлъ, который исходилъ, правда, изъ беллетристики, но преслѣдовалъ цѣль—ничего общаго съ нею не имѣющія; въ этомъ сила и слабость русской критики. Сила, ибо мнимо «литературная» или даже «эстетическая» критика становилась моральнымъ, социально-политическимъ факторомъ; она предпочтительно занималась тѣми литературными фактами, которые были годны для пропаганды ея идей и пренебрегала принципиально другими. Часто несравненно болѣе важными; эстетикъ она отводила мѣсто въ дамскомъ кругу и обращала критическій отдѣлъ въ своего рода каюдру для моральной и социальной пропаганды.

Эта въ высшей степени «воинственная» критика, односторонне тенденціозная, имѣла громадное вліяніе на молодежь, для которой статьи Чер-

нышевскаго, Добролюбова, Писарева были прямымъ откровеніемъ; говорили они языкомъ убѣжденныхъ, близкихъ агитаторовъ, но не критиковъ. Въ этомъ лежала и ихъ слабость, односторонности и ложности. Нельзя обвинять ихъ сужденіями, они не дали ни одного правильного анализа, разъясненія произведенія; они просязалили или преслѣдовали произведение и автора, — напр. Антоновичъ въ «Современникѣ» Тургенева за Базарова, — не за чуждость или ничтожность труда, но за образъ мыслей и идеи, даже за журналы, въ которомъ авторъ помѣстилъ свое сочиненіе. Эта критика, такимъ образомъ, несмотря на всю даровитость, все рвеніе и огонь, часто является наемницей надъ всякою критикою. Произведеніе служитъ только средствомъ развѣивать собственныя воззрѣнія. Примѣръ этой нелитературной, просто публицистической, критики литературнаго труда дать уже Бѣлинскій, насколько это было возможно для него. Его преемники уже несколько не стѣснялись. Это вовсе не упрекъ; мы просто констатируемъ фактъ и признаемъ цѣлостъ необходимости и полезности подобнаго метода. При отсталости общества, при его духовной незрѣлости, дѣтской близости догматовъ и авторитетовъ, такая критика была средствомъ, которое освѣщало цѣль, распространяло новыхъ, свободныхъ воззрѣній, основаніе новыхъ идеаловъ. Въ сожалѣнію, русская литературная критика донынѣ осталась почти только публицистическою, т. е. тенденціозною и партійною. Извѣстно, какъ она судила еще и теперь о самомъ интересномъ, оригинальнѣйшемъ русскимъ писателѣ, о Достоевскомъ, только потому, что онъ не подошелъ подъ либеральную шаблонъ, какъ несправедлива она была по отношенію къ другимъ, какъ возманила до небесъ представителей собственного лагеря. Существовала и литературная, эстетическая критика, но въ сравненіи съ публицистической, «реальной» она не могла подняться высоко.

Самыми видными среди «эстетиковъ» были Дружининъ и Анненковъ. Первый, авторъ «Полныхъ Записъ», выдающийся фельетонистъ, особенно заслуживавшій почтенія, какъ основатель, до сихъ поръ дѣйствующаго общества взаимомощи нуждающимся литераторамъ и ученымъ; онъ умеръ весьма рано.

Въ своей дѣятельности Дружининъ выступалъ прежде всего противъ односторонности критики, ея небрежности или полнаго незнанія, наприм., англійской литературы, противъ шаблонности ея приговоровъ, тупого повторенія за другими общепринятыхъ, скороспѣлыхъ сужденій, вмѣсто серьезнаго ихъ разсмотрѣнія, протестовалъ противъ чрезмѣрной тенденціозности. Онъ приветствовалъ новые таланты, новыхъ поэтовъ, подчеркивалъ энергію литературы и здравость ея направленія.

Важнѣе было слово Анненкова, поклонника Гоголя и друга Тургенева, выдвинувшагося въ актошихъ литературной исторіи изданіемъ сочиненій Пушкина и матеріаломъ для его биографіи, которому мы обязаны также рядомъ «литературныхъ» воспоминаній о Гоголѣ въ Римѣ, о Писемскомъ и другихъ беллетристахъ сороковыхъ годовъ. Въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ говорилъ о необходимой, естественной связи художественнаго произведенія, мысли и жизни; отрицалъ всякую предиафренность, отсутствіе которой составляеть отличительный признакъ настоящаго художественнаго труда, порицалъ односторонность утилитаризма, дидактизмъ въ изиційной литературѣ, предвѣстность Бѣлинскаго. Однако, нельзя не признать, что иногда въ своихъ требованіяхъ освобожденія искусства отъ идейнаго содержанія онъ самъ былъ одностороненъ, слишкомъ выдвигая впередъ чисто эстетическій принципъ. Его эстетическое направленіе встрѣило отсюда возраженія, особенно со стороны талантливаго, горячаго и страстнаго Аполлона Григорьева, настоящей русской фигуры: достигнуть извѣстной ступени развитія, онъ не идетъ дальше, довольствуется повтореніемъ ста-

раго; разнузданная жизнь, полвал безумной распушенности и мучительнейших самообияненій, соединялась съ идеальнѣйшими стремленіями и нравственною чистотою. Онъ основатель «органической» критики, въ противоположность чисто эстетической и «исторической», реальной. Для Григорьева художественное произведение органическій продуктъ народности и историческаго момента, отсюда подчеркиваніе національнаго принципа, отсюда восхищеніе Гоголемъ и драмами Островскаго, въ которыхъ онъ справедливо видитъ болѣе, чѣмъ просто сатирическія обличительныя тенденціи. Вслѣдствіе этого подчеркиванія связи искусства и національной почвы, онъ хотя и славянофилъ и сотрудникъ Погодина въ «Москвитинѣ», усваиваетъ себѣ не всю доктрину съ ея византизмомъ съ будущей всемірной ролью Россіи; критику суживаетъ ее, ограничиваетъ русскою «почвою» и даетъ толчокъ къ ученію «почвенниковъ» Достоевскаго, Страхова, Данилевскаго. Чрезмѣрное восхищеніе Островскимъ, распылчатость, туманность выраженія, странность терминологіи значительно уменьшили для современниковъ (онъ умеръ въ 1864 г.) цѣнность его важныхъ толкованій. Часто съ нимъ не считались серьезно, зато влияние его на Достоевскаго было рѣшающимъ.

Бѣ ему восходитъ то противопоставленіе, или дѣленіе людей на разбойниковъ и мирные типы, съ которымъ мы постоянно встрѣчаемся у Достоевскаго; онъ преслѣдовалъ эти типы не только въ жизни и литературѣ, но и среди самихъ литераторовъ, не могъ какъ слѣдуетъ сблизиться съ протестомъ, сатирой, которые напоминаютъ ему какъ разъ чуждыхъ птицъ, въ противоположность голубиной породѣ; въ Гоголѣ его воодушевляють тоска по идеалу, по самоусовершенствованію, незримыя слезы его смѣха, которыхъ не замѣчала пошлая публика. Для искусства Григорьевъ требовалъ прежде всего правды, какъ его жизни.

То же самое требованіе, но въ другомъ смыслѣ, предъявлялъ искусству критики-реалисты. Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Послѣдовательность этихъ именъ не только хронологическая, она обозначаетъ также и степень талантовъ; всѣ трое люди безукоризненной, идеальной-нравственной жизни, всѣ достойны удивленія, какъ характерные образы, мученики своихъ убѣжденій, особенно, Чернышевскій, котораго постигли самая страшная и безсмысленная преслѣдованія. Международныя, литературныя конгрессы 1881 г. напрасно ходатайствовали передъ русскимъ правительствомъ о смягченіи его участи; милость ему была дарована лишь послѣ двадцатилѣтней «Сибири», послѣ каторжныхъ работъ и цѣпей; и Писаревъ тоже большую часть своихъ статей написалъ въ Петропавловской крѣпости. Его преступленіе было погрѣшеніемъ противъ цензуры; вина Чернышевскаго, состояла, по крайней мѣрѣ, въ мнимыхъ сношеніяхъ съ Герценомъ. Катковъ торжествовалъ, Россія была спасена отъ «нигилистической гидры»; Чернышевскій и Писаревъ рассчитывались за покушенія.

Если мы говоримъ о сравнительной степени таланта, то разумѣемъ только литературные, иначе Добролюбовъ и Писаревъ не могли бы мѣряться съ Чернышевскимъ, «великимъ ученымъ» (по Марксу). Чернышевскій самъ, однако, скоро отказался отъ своей литературной дѣятельности, когда нашелъ достойнаго замѣстителя въ лицѣ Добролюбова. Его влекло къ публицистической, социалетической пропагандѣ, но эти стороны его дѣятельности, борьба противъ всякой метафизики, защита материализма, разъясненіе значенія естественныхъ наукъ, критика Милля, выступленіе за русскую деревенскую общину и т. д.—все это не входитъ въ рамки нашего послѣдованія. Вопросы литературной критики занимались только его магистерская диссертация: «Объ эстетическомъ отношеніи искусства къ дѣйствительности» и его первыя статьи въ «Современникѣ» о Гоголѣ и его

современникахъ, о Бѣлинскомъ, Лессингѣ, кое о чемъ изъ текущей беллетристики. Какъ это ни мало, однако, эти труды дали основной тонъ для всей публицистической критики: Добролюбовъ и Писаревъ просто продолжали Чернышевскаго.

Отложить всякую метафизику, Чернышевскій рѣшаетъ, что прекрасное—это жизнь, искусство, такимъ образомъ, должно служить только изображенію жизни, но никогда не можетъ достигнуть дѣйствительности или замѣнить ее. Это суживаніе прекраснаго и подчиненіе искусства сдѣлалось обязательнымъ для его учениковъ. Страстному, мечущему полемисту, который не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, чтобы ошеломить, сокрушить противника, холодный, трезвый, солидный Добролюбовъ уступалъ въ оригинальности воззрѣній, въ солидности историческаго образованія (Чернышевскій переводилъ всенірную исторію Шюссера и по возвращеніи изъ Сибири еще великаго «Вебера») въ широтѣ кругозора, но далеко превосходилъ его ясностью, послѣдовательностью, точностью изложенія, эстетическимъ смысломъ (онъ былъ одаренъ даже поэтическимъ талантомъ), остроуміемъ и юморомъ. Но и его литературные интересы были прежде всего публицистическими; педагогическая, философская литература, даже политическія событія заграницы (Монтанамберъ, Кануль) привлекали его въ гораздо болѣе, чѣмъ стихотворенія, романы и комедіи, но его разборы Гюгноровскаго «Обломова», Тургеневскаго «Наканунъ», комедій Островскаго принадлежатъ къ самымъ блестящимъ статьямъ, написаннымъ имъ. Только это не литературно-эстетическій анализъ въ нашемъ смыслѣ; полемичъ, примѣромъ.

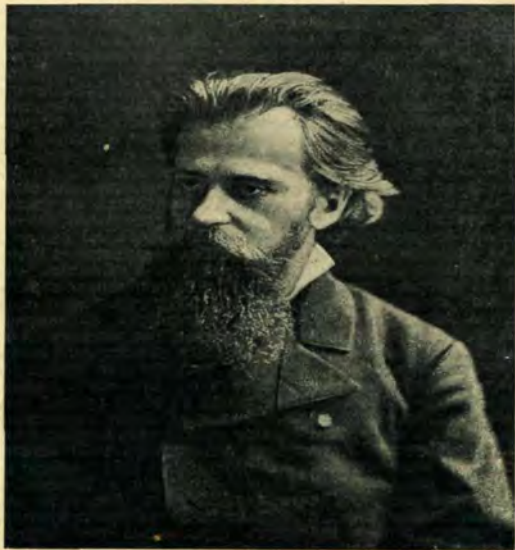
Восхитительная повѣсть Тургенева, «Ася», послужила Чернышевскому поводомъ, чтобы обвинить русское общество въ отсутствіи всякой воли, высшихъ интересовъ; не такъ бываетъ въ другихъ странахъ, но то въ дѣлѣ другія страны. Собственный смыслъ и цѣль этой остроумной критики состояли въ совершенно иномъ; она была аллегоріей, ибо, какъ русскій при свиданіи (заглавіе эскиза) выказываетъ себя недостойнымъ момента, изъ Ромео и Макса превращается въ Захара Сидоровича, который понимаетъ только только въ преферансѣ по конейкѣ; точно такъимъ же является дворянинъ наканунѣ освобожденія крестьянъ, совершенно не подготовленный для того момента, когда долженъ былъ завершиться дивнѣйшій столѣтній процессъ. Въ этомъ же приблизительно родѣ и «рецензія» Добролюбова. Образы женщинъ, напр., въ «Обломовѣ» не касаются его вовсе, такъ какъ онъ не хочетъ быть знатокомъ женскаго сердца. Зато критикъ высказываетъ обломовскіе типы въ цѣлой литературѣ и доказываетъ, что Чацкій, Онегинъ, Печоринъ, Рудинъ всѣ скрытые Обломы. Онъ все налагалъ такъ ясно и убѣдительно, что приводилъ въ энтузіазмъ молодежь, которая въ этомъ реализмѣ, въ этомъ осужденіи всякаго идеализма видѣла единственную поруку успѣшнаго развитія.

Добролюбовъ заработалъ до преждевременной смерти; онъ умеръ въ 1861 г., 24 лѣтъ. Его преемникомъ долженъ былъ сдѣлаться, вопреки предположеніямъ Чернышевскаго—не Антоновичъ, вышедшій, какъ и всѣ они, изъ духовной школы, которому недостаало не образованія и рвенія, но литературнаго таланта, такта и умѣренности—сравни его скандальную полемику съ «молодежью» «Русскаго Слова», но какъ разъ противникъ «Современника» и главный опора «Русскаго Слова», Писаревъ. Литературнымъ талантомъ эстетическимъ чувствомъ этотъ испровержитель всякой эстетики, поноситель Пушкина, превосходилъ ихъ всѣхъ. Резко-односторонне онъ дѣлалъ выводы изъ неэстетической теоріи Чернышевскаго; онъ не признавалъ поэзии и беллетристики, совѣтывалъ Салтыкову, отказавшись отъ искусства писать популярнаго, само собою разумѣется, естественно-на-

учныя брошюры; оспаривалъ какую бы то ни было пользу поэзіи: Пушкина и т. д.

Уже потому не стоитъ останавливаться на этихъ рѣзкихъ преувеличеніяхъ и парадоксахъ, что Писаревъ самъ не считался съ ними серьезно. Онъ увлекся въ пылу спора, въ сущности же, онъ обладалъ большимъ и высшимъ пониманіемъ истинной поэзіи, чѣмъ любой изъ ея убѣжденныхъ поклонниковъ, и своими дубинными ударами хотѣлъ поразить не столько самую поэзію, сколько прятующихся за нее консерваторовъ, ихъ реакціонный экивурепизмъ. Его критическія статьи прежде всего преслѣдовали цѣль, проложить путь для «мыслящаго реалиста».

Онъ признавалъ воплощеніе этого типа въ Тургеневскомъ «Базаровѣ», и въ то время какъ Антоновичъ въ «Современникѣ» и за нимъ теперь еще

Н. К. Михайловскій.

представители «либеральной» критики видѣли въ «Базаровѣ» нанесенную современной молодежи пощечину, Писаревъ такъ воодушевлялся «нигилистомъ» Тургеневского романа, что написалъ положительно комментарий къ этому типу.

Реакція 1866 года, конечно, покончила съ обоими воинствующими

радикальными органами, изъ которыхъ «Современникъ» находился уже въ очевидномъ упадкѣ. Въ 1868 г. Писаревъ умеръ, 27 лѣтъ — «молодымъ умираетъ, кого любить боги». Они сохранили его отъ многихъ разочарованій.

Такого вліянія, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, не достигъ больше ни одинъ русскій критикъ; мы можемъ поэтому объ остальныхъ упомянуть лишь вкратцѣ. Самое выдающееся имя въ прогрессивномъ лагерѣ приобрѣлъ себѣ умершій въ 1904 г. Михайловскій, постоянный сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», вплоть до ихъ закрытія; это социологъ, критикъ Спенсера, Дарвина и др., но не литературы.

Его солидная познанія, самостоятельность ума, выдвиганіе субъективнаго принципа въ противоположность англичанамъ, безупречность, серьезность и горячность почти сорокалѣтней публицистической дѣятельности, его гуманности, вызывають наше уваженіе; были ли его эстетическія сужденія, напримѣръ, о Достоевскомъ одинаково удачны и безпристрастны, не переоценивалъ ли онъ симпатичныя стороны «националистическаго» направленія, объ этомъ мы можемъ здѣсь не говорить. Другіе представители этой критики, Протопоповъ и др. выдаются несравненно менѣе. Скабичевскаго слѣдуетъ упомянуть не за его односторонніе приговоры, но за тотъ богатый матеріалъ, который дается въ его сочиненіяхъ, за «Исторію вѣдѣній русской литературы» (съ 1848 г.) — вѣдѣный и добросовѣстный трудъ, распространенный въ четырехъ изданіяхъ, на данныя котораго и не разъ опирался, — за «Очерки изъ исторіи русской цензуры 1700—1863 гг.» и др. Консервативный и славянофильскій лагеръ не далъ послѣ Григорьева ни одного критика, достойнаго упоминанія; самымъ значительнымъ былъ Страховъ, которому нельзя отказать въ тонкости эстетическаго чувства. Онъ былъ, однакоже, не литературнымъ критикомъ, но публицистомъ — статьи Страхова о польскомъ вопросѣ, по доносу Каткова, привели къ закрытію «Времени» Достоевскаго, сотрудникомъ котораго онъ состоялъ; особенно, Страховъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ», такъ и обстоительныя характеристика Герцена. Какъ представитель и продолжатель Григорьевскаго направленія, онъ, понятно, былъ заклятымъ врагомъ «нигилизма», Антоновича и всего «Современника», подлѣ псевдонимомъ «Косица». Его эстетическія воззрѣнія раздѣлялъ и, какъ человекъ безконечно болѣе симпатичный, петербургскій профессоръ литературы, Орестъ Миллеръ, тенденціозная либеральная критика котораго имѣла на своей совѣсти того, кто самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою жандармеріи; его лекціи по новой русской литературѣ чрезвычайно интересныя труды Розанова и др. менѣе характерны.

Имя Страхова неразрывно связано съ бывшимъ истрашенцемъ, Данилевскимъ, книга котораго при первомъ появленіи въ 1869 осталась незамѣченной и при вторичномъ изданіи обратила на себя всеобщее вниманіе. Заключительное слово славянофильства — «Россія и Европа». Фантазіи братства и миссіи уже не играютъ никакой роли. Вся сила лежитъ въ различіи, раздѣльности Россіи и Европы, въ неизмѣнности культурно-историческихъ типовъ, которые не могутъ передаваться отъ одного народа другому. Данилевскій утверждалъ и защищать эту неизмѣнность, также критикуя и Дарвина.

На этой неизмѣнности слѣдуетъ необходимость, быть и оставаться русскимъ, отклонять все европейскія измѣненія русской одежды, образа жизни и т. д., все европейскія нововведенія, европейскія воззрѣнія и понятія. Съ Данилевскимъ, т. е., съ его издателемъ Страховымъ, горячо полемизировалъ Владиміръ Соловьевъ (младшій сынъ вѣстнаго московскаго историка) ходъ котораго по пути науки былъ прерванъ навсегда благо-

даря одной изъ русскихъ, для европейца непонятныхъ, случайностей (какъ, напр., это было съ извѣстнымъ социологомъ и этнологомъ Ковалевскимъ). Философъ-моралистъ и богословъ, Соловьевъ—одно изъ самыхъ интересныхъ явленій новой Россіи и ея духовнаго броженія. Это былъ неустрашимый, горячій провозвѣстникъ правды, самоотверженный служитель идеи. Его великая заслуга, во времена абсолютнаго позитивизма, даже равнодушія ко всѣмъ «теоріямъ», метафизикѣ, заключалась въ томъ, что онъ стремился направить вниманіе къ «вѣчнымъ» вопросамъ. Вѣрующій христіанинъ—совершенно, не въ догматическомъ смыслѣ—говорилъ объ оживленіи, оздоровленіи больной церкви, которое, по его мнѣнію, могло быть достигнуто лишь цѣною признанія Рима, новаго церковнаго единенія.

Будучи вѣкогда славянофиломъ, Соловьевъ рѣзко боролся противъ полого, узкаго славянофильства. Онъ хорошо различалъ различныя стадіи этого ученія, его «Отцовъ церкви», Хомякова и Аксакова, съ ихъ требованіемъ свободы мысли и совѣсти, съ ихъ отвращеніемъ къ безплодному космополитизму, съ ихъ стремленіемъ къ живому общенію съ собственнымъ народомъ, что одно выведетъ человѣка изъ омертвѣющей уединенности эгоистическаго прозябанія. Съ ними философъ раздѣлялъ многое; тѣмъ рѣзче шелъ онъ противъ націоналистовъ à la Катковъ, животныхъ поклонниковъ животной силы, ея только чванливыхъ, противъ повѣйшихъ славянофиловъ à la Данилевскій.

Но и Соловьевъ имѣлъ*большую вѣру въ Русь. Въ одномъ стихотвореніи,—онъ поэтъ, и его сочиненія переизданы многочисленными изданіями—*«Ex oriente Lux»*, авторъ спрашиваетъ: «Россія, какими востокѣмъ хочешь ты быть? Востокомъ Кесеря или Христа?» За существованіе Руси Соловьевъ не безпокоится; онъ требуетъ для нея достойнаго существованія. Вина славянофильства состояла не въ томъ, что они приписывали Россіи великую миссію, а въ томъ, что они слишкомъ мало подчеркивали моральныя условія этой миссіи. Они могли бы еще опредѣленнѣе называть русскихъ коллективнымъ Мессіей, только нужно было бы установить, что Мессія долженъ дѣйствовать какъ Мессія, а не какъ Варрава. Отсюда важность для его патріотизма вопроса о грѣхахъ Руси, въ то время, какъ среди славянофильства развивался зоологическій патріотизмъ, который освобождалъ націю отъ служенія идеаламъ и изъ самой націи дѣлалъ предметъ поклоненія. Его воодушевленный, краснорѣчивый языкъ умолкъ рано; въ 1900 г. усталый путникъ отправился въ обитель вѣчнаго покоя, котораго онъ такъ давно жаждалъ. «Въ утреннемъ туманѣ неуверенными шагами, иду и къ таинственнымъ, чуднымъ берегамъ». Борозась утренняго зари съ послѣдними звѣздами; еще вѣяли сны, и, обнятая ими, молилась моя душа неизвѣстнымъ богамъ. Въ холодный, бѣлый день по одинокой дорогѣ, какъ прежде, иду и къ невѣдомую страну.

Разсѣвъ туманъ и ясно виднѣть глазъ, какъ тяжела горная тропа, и, какъ далеко сны, какъ далеко все, о чемъ мы мечтали. И до полуночи бесстрашными стопами и буду идти къ желаннымъ берегамъ, туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами, весь пылающій побѣднымъ огнемъ меня будетъ ожидать храмъ обитанія». Ему не было суждено довести до конца свой великой морально-философскій трудъ, построенный на религіозной основѣ. Его широко задуманные планы, комментарий къ св. Писанію, переводы Платона и т. д., были рѣзко прерваны; появилось только «Оправданіе добра», самое значительное его произведеніе наряду съ «Национальнымъ вопросомъ въ Россіи» и «Духовными принципами жизни»; онъ требуетъ отъ людей устыдиться самихъ себя, и этимъ ведетъ ихъ къ аскезизму, говорить о состраданіи, которое превращается въ альтруизмъ, т. е., въ правду и справедливость; о благочестіи передъ неземнымъ, что переходитъ

въ религію. Защита великихъ, моральныхъ принциповъ возвышеннымъ, поэтическимъ языкомъ, пылающимъ жаромъ внутреннего убѣжденія, въ трудахъ, полныхъ блестящей диалектики и богатаго знанія составляетъ величайшую заслугу Соловьева, вдвойнѣ большую въ странѣ, гдѣ собственная философско-моральная литература бѣдна, гдѣ уместившая лѣность легче всего идетъ рука объ руку съ новѣйшими, пошлыми правдами, отуманиваетъ себя или (ср. выше слова Вяземскаго), какъ это случилось съ позитивизмомъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и марксизмомъ въ 90-хъ. Одно время казалось марксизмъ навсегда снесъ волну всякій націонализмъ и субъективизмъ. Нынѣ снова наступилъ отливъ.

Несмотря на славянской благотворительный комитетъ, несмотря на публициста Комарова и слависта Ламанскаго, окончательно, кажется, потребно славянофильское направленіе, по крайней мѣрѣ, поскольку оно «протестируется» на «славянскихъ братьевъ». Теперь требуютъ разрѣшенія несравненно болѣе близкія и болѣе важныя задачи.

Обособленное положеніе въ новой русской литературѣ занимаетъ Волюнскій (Флексеръ), «критическій идеалистъ» и одушевленный поборникъ культа поэзіи, эстетики и философии. Большой части русскихъ критиковъ недостаетъ основательной философской подготовки, отчего проеиходитъ ихъ пренебреженіе къ абстрактному мышленію, теоретическимъ основамъ. Переводчики и комментаторы Спинозы и Канта, основательный знатокъ Гегеля и Шопенгауера, которые и для Чернышевскаго часто бывали только именами, подвергъ съ своей идеалистической точки зрѣнія исторію русской критики, начиная съ Бѣлинскаго, самому рѣзкому разбору; показывалъ, какъ уже Бѣлинскій, только вытѣсни знакомый съ Гегелевской философій, долженъ былъ измѣнить идеализму и поставить литературную критику на ложный путь, куда за нимъ слѣпо послѣдовали Чернышевскій и др., люди, обладавшие большимъ знаніемъ, но лишенные поэтического темперамента. Онъ отмѣчалъ преувеличеніе, несправедливости, злоупотребленія этой критики, то, какъ она перемѣшивала идеализмъ съ сентиментализмомъ. Волюнскій указалъ на чудовищности диссертациі Чернышевскаго и Писаревской иконоборщины, на недостаточности ихъ знаній, поверхностность доказательствъ, замалчиваніе неудобныхъ соперниковъ. Его изслѣдованія появились въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и потомъ въ 1896 г. отпечатались книгой подъ заглавіемъ «Русскіе критики». Критикъ, затронувшій либерализмъ, дерзнувшій сказать ему непріятныя истинны, подвергся рѣшительной оцѣнкѣ со стороны прессы, и такъ какъ послѣ закрытія «Сѣвернаго Вѣстника» ему невозможно было писать въ журналъ, онъ долженъ былъ обратиться къ книгѣ. Волюнскій напечаталъ свои весьма основательныя изслѣдованія о «Книгѣ глѣба», т. е., о «Бѣсахъ» Достоевскаго, и готовить теперь подобную же книгу о «Братьяхъ Карамазовыхъ». Онъ прямо даетъ образцы, какъ должно вести эстетическую критику, если она справедливо обфигурируетъ художника, значеніе его произведеній.

Къ этому дѣйствительно былъ способенъ только Волюнскій, о высокой эстетической, философской и исторической образованности котораго свидѣтельствуютъ его труды, напр., о Леонардо да Винчи—существуетъ и въ нѣмецкомъ переводѣ. Рядомъ съ Волюнскимъ слѣдуетъ упомянуть Д. Мережковскаго, какъ представителя высшей критики, который, говоря о произведеніяхъ искусства, самъ создаетъ таковыя, которому все банальное, тенденціозное, утилитарное кажется профанаціей святыни искусства.

Конечно, мы разумѣемъ здѣсь не малозначущее сочиненіе «О причинахъ упадка и новизнѣ теченій въ современной русской литературѣ», 1893; ни его труды: о Толстомъ и Достоевскомъ, (1903); на нѣмцкій переводъ: «Толстой и Достоевскій, какъ люди и художники»; недостаетъ объемистаго

и гораздо болѣе интереснаго втораго тома. «Религія Толстого и Достоевскаго». Между тѣмъ, какъ первая часть занимается искусствомъ, стилемъ, челоѣкомъ, вторая проникаетъ въ суть религіозныхъ воззрѣній обоихъ великихъ русскихъ, реалиста, материалиста и мистика. Мережковский преслѣдуетъ также и свои особые цѣли, цѣли религіознаго возрожденія, противоборства рускому безвѣрію, и отсюда онъ уже, односторонне, тѣмъ Волынской, впадаетъ въ натянутыя толкованія. Но какая живая, возбуждающая къ мыслямъ, глубоко пропницательная критика, въ сравненіи съ поверхностнымъ шабдономъ, который прежде слытъ подъ этимъ титуломъ! Извѣстная неприязнь по отношенію къ Толстому несомнѣнна; но она не касается личности, а только ученія, рационалиста и просвѣтителя; быть-можетъ, объ антихристѣ и Иисусѣ сказано слишкомъ много; часто это лишь собственныя варіація критика на данную тему, вмѣсто разлценія самой темы. Онъ слишкомъ много выдвигаетъ собственного религіознаго credo. Но какая блестящая доказательность, какія поразительныя комбинаціи, какое пылающее рвеніе и вмѣстѣ необыкновенная осторожность! Лучшаго истолкователя не могли найти великіе русскіе писатели, пусть у критика отъ Толстого останется только художникъ; эликъ, учитель же будетъ испровергнуть самымъ безжалостнымъ образомъ. И въ заключеніе, въ общемъ, Мережковскому нужно отдать полную справедливость.

Итакъ, русская критика оставляетъ желать еще многого, несмотря на своихъ блестящихъ представителей—публицистовъ и ихъ влияние на молодежь, несмотря на пошлѣйшую идеалистическо-эстетическую окраску, которая пока еще ждетъ всеобщаго признанія. Какъ критика, такъ и исторія литературы—продуктъ новой эпохи. Раньше существовали лишь словари писателей и отдѣльныя монографіи, напр. кн. Виземскаго о Византи; съ 1855 впервые начинается необыкновенно богатая, послѣдовательная, добросовѣстная дѣятельность въ этой области. Эта, впрочемъ, распределена неравномѣрно, преобладаютъ обширнѣйшія труды по изученію эпохъ, не имѣвшихъ еще никакой литературы, главнымъ образомъ, такъ называемой, древне-русской письменности до Петра Великаго. Благотворнѣе, съ которымъ подступали къ самымъ незначительнымъ «трудамъ», т. е. переводамъ, редакціямъ или просто копіямъ, кропулезныя, микроскопическія изслѣдованія текстовъ того времени, поистинѣ, трогательныя. Эти работы группируются теперь, съ одной стороны, около «Общества любителей древней письменности», насчитывающаго уже сотни нумеровъ своихъ изданій, преимущественно, воспроизведеній старыхъ рукописей и т. п., съ другой, около «Второго (русскаго) Отдѣленія Петербургской Академіи Наукъ», единственной на всю Россію, особенно около ея «Извѣстій». Здѣсь можно назвать цѣлый рядъ выдающихся филологовъ: Соболевскаго, Шахматова, Владимірова (исторія древне-русской литературы), Абрамовича, Шенкина, Истомина и др., которые, сдѣлавъ примѣру своихъ бывшихъ учителей, Средневскаго и Игича въ Петербургѣ, Тихонравова въ Москвѣ, издають тексты, производятъ изслѣдованія, напр., о лѣтоисчисленіи, преданіи, источникахъ и т. п., изучаютъ древне-русскую литературу, вплоть до мельчайшихъ разлвеній. Въ сравненіи съ этой превосходно-организованной работой стоитъ ниже изученіе новой эпохи. Превосходныя труды Галахова и Порфирьева простираются только до Пушкина; четырехтомная исторія литературы Визина доходитъ лишь до 1848 г., и притомъ, время съ 1760 г. Пушкинымъ изложено болѣе отрывисто и бѣгло. Шлишкѣ (двоюродный братъ Чернышевскаго, и прежде руководимый имъ), чрезвычайно гуманный и либерально мыслящій ученый, въ теченіе пятидесятилѣтней дѣятельности далъ множество трудовъ; его дѣйствительно критическая и методическая исторія литературы, исторія русской этнографіи, исторія древне-русской

повѣствовательной литературы, (1859, образцовое произведение), издание сочинений Екатерины Великой, особенно же изложение литературныхъ и общественныхъ теченій въ эпоху Александра I и Николая I — всегда будутъ занимать почетное мѣсто уже по своимъ выводамъ, тщательно избраннымъ, все принимающимъ во вниманіе. Иногда, правда, изложение сухо и не всегда свободно отъ повтореній и длиннотъ, но это, отчасти, объясняется возмужаніемъ статей въ журналахъ, въ «Вѣстникѣ Европы», въ редакціи котораго Пыпинъ принадлежалъ, послѣ того, какъ правительство рѣзко положило конецъ его ученой карьерѣ. Изъ исторіи литературы XIX вѣка слѣдуетъ упомянуть труды: Соловьева (Андреевича), который всю литературу разсматриваетъ съ точки зрѣнія крестьянскаго вопроса (!); Энгельгардта (два тома, 1902), который излагаетъ ее по десятилѣтіямъ и, отказываясь отъ собственныхъ выводовъ, резюмируетъ сужденія современниковъ, тѣмъ давая иностранцу часто совершенно недоступный матеріалъ, которымъ съ благодарностью воспользовались и авторы сего труда. Популярная, вышедшая во многихъ изданіяхъ исторія литературы, Полевого (три большихъ тома, 1900) заслуживаетъ упоминанія, не столько чрезвычайнаго богатства иллюстрацій и картинъ. Если объединить труды XIX столѣтія насъ не внозитъ удовлетворенія, то тѣмъ болѣе мы должны отмѣтить множество превосходныхъ монографій, посвященныхъ писателямъ, трудамъ и различнымъ литературнымъ теченіямъ. Для Жуковскаго дать образцовый, мастерской трудъ почтенный изслѣдователь всеобщей литературы, европейски извѣстный академикъ А. Веселовскій (1904); о монументальномъ изданіи сочиненій Батюшкова позаботился Леонидъ Майковъ; биографія Пушкина обнимаетъ сотні и именъ; для Лермонтова упомянемъ труды Котляревскаго, Пыпина, Спасовича и др.; Шенрокъ собралъ письма Гоголя и биографическій матеріалъ, Тихонравовъ издалъ сочиненія; о Гоголѣ же превосходныя изслѣдованія Котляревскаго и др. Наоборотъ, мало монографій для болѣе видныхъ писателей второй половины столѣтія: приходится довольствоваться отдѣльными очерками Пыпина о Некрасовѣ, Михайловскаго объ Успенскомъ и др., Скабичевскаго, Спасовича о Кавелани, Чичеринѣ, Вл. Соловьевѣ и т. д., воспоминаніями Анненкова и др., ихъ письмами (переписка Тургенева). Только немногіе изъ нихъ сами берутъ за перо, чтобы рассказать свою жизнь, поэтъ Фетъ, потомъ Панаевъ и др. Непостоянный и неточный свѣдѣній всякаго рода содержитъ многотомный трудъ Барсукова о Погодинѣ, московскомъ славянофильскомъ историкѣ и публицистѣ. Сюда присоединяется рядъ выдающихся трудовъ, какъ Головина, исторія русскаго романа, Иванова, исторія русской критики; труды извѣстнаго историка культуры Милюкова и др. Многочисленныя изданія, даже менѣе значительныхъ писателей, еще со времени Смирдина, теперь Суворина и Павленкова, облепляютъ обзоръ. Богатое изобиліе биографическаго матеріала, переписки воспоминаній и т. п. даютъ русскіе историческіе журналы, особенно, «Русскій Архивъ» (съ 1870). Ученая статья и очерки рядомъ съ семейными журналами «Вѣстникомъ Европы» и «Русскимъ Вѣстникомъ», и др. даются также и Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, особенно первыхъ лѣтъ. Чрезвычайно почтенны и важны, предпринятые на широкихъ основахъ, лексико-историческіе труды: *Словарь русскихъ писателей*, его источникъ въ немъ (простое перечисленіе трудовъ, статей, замѣтокъ о писателяхъ до 1900 г. разчитано на 250 печатныхъ листовъ, первый объемистый томъ (1900) доходить до Гоголя), его «Русская поэзія», часто съ отечественнѣйшими трудовъ, критическихъ статей и пр.; они же редактируетъ отдѣлъ русской литературы въ русскомъ «Бронхгаузѣ». Биографію мы пропускаемъ, хотя какъ разъ этотъ отдѣлъ болѣе всего

разработаны и, какъ словарь писателей, предшествуетъ всякой литературно-исторической работѣ: труды Сопкиова, Геннадія, Бартенева и др.

Послѣ этого изложенія критической и литературно-исторической работы, данного въ самыхъ общихъ чертахъ, мы переходимъ къ самой литературѣ и даемъ первое и самое пространное мѣсто роману: по числу авторовъ и по значенію трудовъ, которые съ 1880 г. обезнечили русской литературѣ европейскую извѣстность, романъ вполне заслуживаетъ этого. Мы будемъ слѣдовать хронологическаго порядка, начавъ съ, такъ называемыхъ, беллетристовъ сороковыхъ годовъ, т. е. тѣхъ, которые выступили еще подъ покровительствомъ Бѣлинскаго.

ДВѢНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Романъ. Тургеневъ и Гончаровъ.

Тургеневы. Иванъ Сергѣевичъ, какъ поэтъ, какъ авторъ «Записокъ охотника», Характеристика писателя. Отдѣльные его произведенія: «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунъ», «Отцы и Дѣти»; полемика по поводу романа; что имѣетъ въ виду авторъ, что достигнуто? Неудача послѣдующихъ романовъ, особенно, «Нови». Близость съ Гончаровымъ въ выборѣ темъ и чертъ, Трилогія Гончарова о людяхъ «сороковыхъ годовъ»: «Обыкновенная исторія»; «Обломовъ»; «Обрывъ».

Ими Тургеневыхъ, хотя и татарское, звучитъ хорошо; «они жаловались безстрашно», было ихъ девизомъ, начиная съ предка, котораго Лжедмитрій велѣлъ побить камнями, такъ какъ тотъ вмѣстѣ съ Плещеевымъ упреждалъ его въ происхожденіи. Съ директоромъ московскаго университета пансіона и его четырьмя сыновьями мы уже встрѣчались, говоря о Карамзинѣ и Пушкинѣ. Сыновья были воплощенными итмцами, переводили съ итмецкаго не только Коцебу, указывали офранцузившемуся Жуковскому на итмечскую литературу. Его сердечный другъ, Андрей Тургеневъ, начинающій поэтъ, умеръ рано. Николай Тургеневъ, авторъ «Теоріи налоговъ» (1817), противно всякому праву, былъ приговоренъ къ смерти, какъ декабристъ и умеръ въ ссылкѣ. Объ Александрѣ мы также упоминали, онъ состоялъ подъ полицейскимъ надзоромъ; это были убежденные либералы, западники—Николай негодовалъ раньше на Жуковскаго за то, что тотъ не хотѣлъ въ своихъ стихахъ говорить объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Принадлежа къ другой линіи Тургеневыхъ, великій романистъ, Иванъ Сергѣевичъ, раздѣляетъ, однако, съ своими родными и двоюродными дядями ихъ либеральныя и западническія убѣжденія, ненависть къ рабству, обладаетъ благороднымъ, гуманнымъ, протестующимъ противъ русской дѣйствительности умомъ (даже филантропія Александра, въ сообществѣ съ извѣстнымъ намъ изъ Герцена, докторомъ Газовъ, имѣла боевой, протестующій характеръ); онъ питалъ интересъ къ Германіи и итмечкой литературѣ, къ наукѣ; обладая поэтическимъ талантомъ, онъ даже серьезно помыслилъ о профессурѣ. Лирикомъ и эпикомъ началъ онъ и считался все время сороковыхъ годовъ «поэтомъ, отъ чего позднѣе онъ всегда отказывался, такъ какъ уже мелкіе эпические рассказы, особенно «Парама», доказывали, что романтическій полетъ не могъ удержатъ его надолго, что онъ самъ нашелъ дорогу къ прозѣ. Не университетскій учитель Тургенева, Пастернакъ, отечески покровительствовавшій ему и находившій «нѣчто» въ его стихотвореніяхъ, не Бѣлинскій, съ которымъ онъ близко сошелся уже по имени Гегеля, и съ которымъ провинился въ юмористическихъ непристойностяхъ («Пошъ»), но страсть его жизни, охота, привела писателя къ его настоящему жанру, очеркамъ и повѣстямъ.

Въ своихъ охотничьихъ скитаніяхъ Тургеневъ познакомился съ при-

родой, онъ лучший пейзажистъ изъ русскихъ, среди которыхъ это искусство очень рѣдко—они понимаютъ только людей; увидѣлъ много интереснѣхъ типовъ, тутъ были: помѣщики, чудаки и негодаи; крестьяне, лѣнивые и трудолюбивые, истинные дѣти природы со склонностью къ эстизму и трезвые реалисты, почти рационалисты, веселые и угрюмые; охотники—среди нихъ онъ самъ—и дворовые; такъ камердинеръ, посвятившій автора въ тайны и красоты «Россады», и другіе люди, умѣвшие разсказать о старыхъ добрыхъ временахъ, люди, въ которыхъ часто всякая личность была стерта, которые зависѣли отъ каприза и случая—всѣ эти образы запрашивались ему на перо. Послѣ того, какъ первыя повѣсти о бреттерахъ были оставлены безъ вниманія, счастье автора составило первый очеркъ изъ крестьянской жизни «Хоръ и Калинычъ» изъ «Записокъ Охотника», напечатанный въ отдѣлѣ «Смѣсь» въ «Современникѣ» (1847). За этимъ слѣдовали двѣ дюжины другихъ (1847—

Ив. Серг. Тургеневъ.

1851), которые потомъ, въ 1852 г., собранные вмѣстѣ, появились подъ выше названнымъ заглавіемъ и положили основаніе слову Тургенева.

Сборникъ не отличался однообразиемъ; въ немъ стрѣлою чередованіи шли дворянскіе, крестьянскіе, даже городскіе типы («Врачъ» и др.). Они были проникнуты легкимъ юморомъ, мѣстами, представляли даже сатиру (на безчеловѣчныхъ помѣщиковъ); особенно, бросались въ глаза законченныя картины природы, какъ напр., становящія въ лѣсу, вечерніе сумерки, томительный жаръ полдня, прелесть лѣтней ночи—ничего подобнаго еще не появлялось въ русской прозѣ. Кромѣ того, привлекала нѣжность, и вмѣстѣ ясная симпатія, съ которою выводились крестьянскіе типы, безъ навязчивости—авторъ не запрашивалъ сожалѣній къ несчастнымъ, какъ это дѣлалъ Григоровичъ; безъ рѣзкаго конфликта, котораго не избѣжалъ еще въ пятнадцать лѣтъ Пастернакъ; безъ изверговъ помѣщиковъ, какъ ихъ обрисовывали еще въ XVIII столѣтіи Новиковъ и Радищевъ. Онъ, какъ бы намеренно, выбиралъ крестьянскія отношенія, которыя можно назвать каждодневными, типическими; говорилъ о богатой душевной жизни крестьянъ, объ ихъ здоровой естественности, великихъ дарахъ сердца, свѣтлыхъ умахъ. Что за восхитительную групу мальчиковъ и дѣтей собралъ поэтъ, напр., въ своемъ «Бѣжномъ лугу»! Это была неприкосновенная лишенная тенденціозности, художественная и гуманная, законченная деревенская идиллія русской литературы. Впечатлѣніе настоящаго, искренняго участія въ «истиннымъ» душамъ, по отношенію къ которымъ ихъ владѣтели, помѣщики, руководствовались только настроеніемъ каприза или порока, было столь сильное, что сборникъ застрѣлъ у жандармовъ, хотя всѣ болѣе рѣзкія мѣста были уже подвергнуты добровольной цензурѣ автора. Къ этому

присоединялась та «дерзость», что Тургеневъ, вопреки мнѣнію министра просвѣщенія Сихматова (не автора «Петрицы», но несравненно болѣе глупаго) о незначительности таланта Гоголя, написалъ въ Московской газетѣ (въ петербургской такая безтактность не была бы допущена) горячій некрологъ въ честь умершаго. Достаточное основаніе, чтобы давно заточить человѣка, ксати, и за другіе проступки, за знакомство съ «злосамѣренными», т. е. Блинскими, и т. п. подозрительными людьми и затѣмъ на два цѣлыхъ года сослать въ деревню. Это единственная дѣйствительная, великая заслуга, которую правительство оказало писателю и литературѣ.

Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые полюбивъ остаются навсегда вѣрными своему чувству. Выборъ палъ на иностранку, и человѣкъ, ненавидѣвшій всякое рабство, самъ сдѣлался рабомъ этой чужеземки и всего ея дома, ради нея отказавшись отъ Россіи. Сначала Тургеневъ принужденъ былъ поновѣствовать русской деревней, ея людьми, запечатлѣнными, наблюденіями, знакомствами. Но, какъ только, благодаря ходатайству влиятельныхъ покровителей, опала была снята, онъ сейчасъ же бѣжалъ за границу и потомъ до конца своей жизни только иногда появлялся въ Россіи, оставаясь въ ней все болѣе короткое время и прѣзжая послѣ все болѣе длинныхъ промежутковъ. Онъ чувствовалъ себя баденскимъ гражданиномъ, пока это допускалъ французскій патриотизмъ г-жи Шарло-Гарція. Послѣ событій 70-хъ годовъ, Тургеневъ вдругъ проникается ненавистью къ немцамъ, дѣлается воплощеннымъ парижаниномъ и республиканцемъ. Это сдѣлаетъ отъѣздить, хотя биогграфическія подробности и не входятъ въ исторію литературы. Еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ въ Европѣ считали Тургенева современнымъ писателемъ, предетавлявшимъ тогдашнюю Русь, даже онъ самъ впадалъ въ эту ошибку; еще въ 1876 г. онъ писалъ Салтыкову о своей «Нови»: «эта могла бы возбудить много недоразумѣній, поставитъ меня такъ и тамъ, какъ и гдѣ мнѣ подобаетъ стоять... быть можетъ, мнѣ еще суждено воспламенить сердца людей»—въ то время, когда его пѣсня была давно спѣта. Онъ знаетъ и изображаетъ только до-реформенную Русь, для позднѣйшей недоставало непосредственнаго знакомства, которое онъ всегда считалъ необходимымъ для писателя. Попытки дать все-таки картины настоящаго всегда кончались неудачей, не удовлетворяли читателей и оставляли у автора чувство горечи.

Итакъ, значеніе Тургенева тѣсно ограничено во времени, равно, какъ и формально и по содержанію. Ему недостааетъ могучаго эническаго таланта, творческой силы и охоты хватать только для новеллы—лишь разъ написалъ романъ въ двухъ частяхъ, который пожалуй лучше бы оставался неписаннымъ. Отсюда писатель сбываетъ своихъ героевъ, самымъ простымъ образомъ, обваливая на нихъ крышу: Базаровъ умираетъ отъ зараженія крови, Исавровъ отъ чахотки, Рудинъ на парижскихъ баррикадахъ—можно дѣла повернуть и обратно. И все дѣло идетъ объ одномъ и томъ же: герои пропагандисты, революционеры, или въ родѣ «байбака» Лаврецкаго, богатые или бѣдные, красивые или уроды, старые или молодые, женатые или холостые,—все бѣгаютъ за юбками; всегда одно и то же блудо—насъ удивляетъ, какъ уважающій себя писатель можетъ дѣлать столько плагиатовъ у самого себя, какъ напр., въ «Дымѣ» (1867) и сейчасъ же послѣ него въ «Вѣшнихъ водахъ» (1871): сюжетъ совершенно одинаковъ, въ «Водахъ» не достаетъ только политической окраски «Дыма», чѣмъ онъ значительно выигрываетъ. Въ «Дымѣ» лишь заключеніе было иное; въ припадкѣ оптимизма нашъ Шонсигауеръ посадилъ добродѣтель за столъ, за которымъ пировать пороки, въ то время, какъ должны бы быть только развитыя сердца какъ въ «Водахъ». Ко всѣмъ героямъ Тургенева относятся слова Базарова: «человѣкъ, который свою жизнь поста-

вить на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, тайфой человекъ— не мужчина, а сеицеъ».

И еще одно ограничѣніе относительно матеріала: всѣ герои—дворяне добраго стараго времени, предназначенные природою къ ничегонедѣланію, такъ какъ они могутъ положиться на свои «души», которыя, изъ года въ годъ, доставляютъ имъ самое необходимое содержаніе или еще больше того. Такъ какъ жареные гозуби летятъ имъ прямо въ ротъ то, конечно, для нихъ нѣтъ смысла измѣнять настоящаго положенія вещей и они спокойно, смотря по вкусу, могутъ предаваться или планамъ объ улучшеніи мирового порядка или только думать о пицевареніи. Чиновники, которыхъ Тургеневъ ненавидѣлъ, какъ и Гоголь, воиные, духовные, горожане и т. д. никогда не появляются въ его повеллахъ, развѣ только въ качествѣ простой обстановки. Самое большее, онъ знаетъ еще крестьянъ и слугъ, чаще всего въ эпизодическихъ роляхъ, за исключеніемъ «Записокъ Охотника», къ которымъ онъ позднѣе сдѣлалъ еще добавленія.

Тургеневъ писатель переходнаго времени и самъ это чувствовалъ и признавалъ. Если бы этому не противорѣчила хронологія, его можно было бы обозначить, какъ романиста собственно николаевскаго періода, пѣвца старой Россіи до освобожденія, старой поэзіи дворянскихъ дворовъ, затерявшихся въ тѣнистыхъ паркахъ; пѣвца праздныхъ, гуманныхъ, образованныхъ людей, которые заполняли время любовнымъ воркованіемъ, безпечные, счастливые, если бы совѣсть, новыя требованія и лозунги не разстраивали ихъ идилліи. Внутри этихъ узкихъ рамокъ писатель создалъ вѣчное, но къ глубокой мысли его произведенія не будутъ возбуждать. Онъ вовсе не докучливый напоминатель въ родѣ Толстого и Достоевскаго; зато онъ законченный мастеръ формы, стоитъ высоко надъ Толстымъ и Достоевскимъ, которымъ, кажется, требованія формы часто совершенно неизбѣжны; и ни одинъ русскій и немногіе иностранцы достигли или превзошли его въ этомъ. Тургеневъ не боялся трудовъ, онъ работалъ тщательно и упорно, какъ Пушкинъ, надъ своими стихотвореніями; онъ—Пушкинъ русской прозы, и напрасно онъ ссылается на Гоголя, какъ на своего предшественника. Рядомъ съ этой изысканной формой, съ поразительнымъ мастерствомъ, изображены потомъ картины природы и перипетіи любви вплоть до пылающей страсти, которая въ основѣ была чужда его существу. Природа и люди, однако, всегда обвиваны у него дыханіемъ тихой, грустной покорности; писатель завидуетъ издала радости жизни, ликованію и веселію другихъ, какъ его Лаврецкій въ заключительной картинѣ «Дворянскаго Гибда». Пессимизмъ писателя вынесенъ не только позднѣе отъ чтения и болѣзни; онъ, какъ бы прирожденъ ему. Къ этому присоединяется его весьма солидная образованность, не сомкнутая кое-какъ, какъ напр., у Бѣлинскаго и др.; гуманный духъ—видно бывшаго поклонника Жоржъ-Зандъ, въ то время, какъ Бальзакъ отталкивалъ его; благородный знатный умъ, проявившійся въ его произведеніяхъ и оживившій ихъ; независимость отъ капризовъ властителей, какъ и публики; игнорированіе личныхъ нападокъ—всегда сознаешь, что имѣешь дѣло съ избраннымъ. Кроме того, Тургеневъ пионеръ русской литературы на Западѣ. Въ теченіе многолѣтней жизни за границей, онъ находился въ живомъ общеніи съ французскими (болѣе, чѣмъ съ нѣмецкими) духовными избранными, онъ сопереживалъ всего моднаго литературнаго Парижа, интимный другъ Флобера, патронъ Зола, по крайней мѣрѣ, для Россіи, гдѣ заботился о его распространеніи, другъ Гонкуровъ, Додэ, Мопассана. Тургеневъ проложилъ русскимъ, именно Толстому, путь въ Парижъ. Его собственныя произведенія пользовались успѣхомъ въ Европѣ уже потому особенно, что они, не-

смотря на свои русскія темы и по чувству—Тургеневъ самый послѣдовательный изъ либеральныхъ западниковъ, не признаетъ никакихъ компромиссовъ со славянофилами и реакціей—и по формѣ одинаково родственны всѣмъ. Онъ велъ безпристрастную пропаганду въ пользу произведений другихъ, возбуждалъ интересъ французовъ къ «Войнѣ и миру»—известно, что стоило навязать французу многотомный романъ «варяра»,—черезъ него они научились знать и цѣнить Толстого. Чѣмъ самъ Тургеневъ былъ для французскихъ реалистовъ, объ этомъ мы можемъ здѣсь не говорить.

Этими общими замѣчаніями мы освободились бы отъ ближайшаго разсмотрѣнія произведеній упомянутаго писателя, если бы исторія наиболѣе важныхъ трудовъ, причины благосклоннаго пріема какъ и отрицательнаго отношенія къ нимъ со стороны публики, частности ихъ пониманія и значенія, вопросъ который къ удивленію кажется еще и нынѣ не окончательно разсѣданъ, навсегда, повторяемъ если бы эта исторія, не была бы слишкомъ поучительна, знаменательна для русскихъ отношеній, чтобы можно было пройти мимо нея, пусть она и лишена временнаго и культурно-историческаго интереса. Мы имѣемъ въ виду, конечно, только избранные труды: «Рудинъ» (1856), «Дворянское гнѣздо» (1859), «Наканунъ» (1860), «Отцы и дѣти» (1862), «Дымъ» (1867) и «Новь» (1876).

Охотнѣе всего Тургеневъ оцѣниваетъ своихъ героев по ихъ поведенію при свиданіяхъ. Такъ дѣлаетъ онъ и съ Рудиннымъ, и выказываетъ по отношенію къ нему большую несправедливость. Рудинъ одинъ изъ многихъ «талантливыхъ» русскихъ—никакой другой народъ не имѣетъ столько талантовъ и не сводитъ ихъ такъ на нѣтъ—весьма благородный человѣкъ, который постоянно жертвуетъ личными выгодами, не пускаетъ корней въ дурной почвѣ, пусть она и очень жирна, въ которомъ пылаетъ огонь любви къ правдѣ, слова котораго цѣлѣны много добрыхъ сѣмянъ въ молодыхъ сердцахъ. Чего требовать еще большаго? И, однако, Тургеневъ разнѣчиваетъ героя. Онъ не имѣетъ самоувѣренности, принадлежитъ по опредѣленію пресловутаго болтуна Пигасова къ куцымъ собакамъ, которымъ ничего не удается, горячъ на словахъ и, однако, холодеетъ, какъ ледъ на дѣлѣ: фраза съѣла его, отъ нея онъ не можетъ освободиться, онъ лѣнивъ, деспотъ въ душѣ, не особенно знающъ и т. д. Да, не были ли тогда такими всѣ дворяне, и сколько многіе изъ нихъ были бы готовы всегда жертвовать личными выгодами? Какъ разъ Рудина, превосходящаго всѣхъ ихъ духовно и нравственно, представлять «пустымъ» человѣкомъ; такъ насмѣхаться надъ нимъ, было, повѣстивъ, сомнительнымъ удовольствіемъ, и весьма мало мотивированнымъ кажется намъ знаменитая фраза: Несчастье Рудина въ томъ, что онъ не знаетъ Россіи. Россія можетъ обойтись безъ каждаго изъ насъ, но ни одинъ изъ насъ безъ Россіи... Космополитизмъ—безсмысленность, космополитъ (будто Рудинъ!) нуль, хуже, чѣмъ нуль. Въ національности нѣтъ ни искусства, ни правды ни жизни, ничего. Безъ физиономіи нѣтъ даже идеальнаго лица, только совершенно плоское возможно безъ нея. Скоро мы услышимъ и прямо противоположную сторону. Теперь Тургеневъ форменно кокетничаетъ со славянофилами. Успѣхъ «романа», несмотря на отбѣлѣныя великозвучныя фигуры, напр. Пигасова, несмотря на нѣкоторые удачные эпизоды и картины напр. «студенческаго кружка» съ его жажкою чаемъ и энтузиастическими, безконечными дебатами, былъ только умѣреннымъ.

Чрезвычайно большою утѣхъ имѣло «Дворянское гнѣздо» хотя поведеніе было сначала весьма замедлено изображеніемъ семейныхъ портретовъ, какъ будто авторъ хотѣлъ предупредить теорію Зола о наследственности. Сами портреты, относятся еще къ XVIII ст. и александровской эпохѣ, зато очень интересны, какъ напр., англomanъ послѣ 14 де-

кабри возвращающийся къ русскимъ обычаямъ и уваженію передъ господиномъ исправникомъ; тутъ же добрый, честный, простой Лаврецкій; полтавскій Демосфентъ, Михайловичъ, снимающъ съ Рудина; «западникъ» Панинъ, сама глупость и надменность. Авторъ кажется совсѣмъ плыть въ славянофильскомъ фарватерѣ, но довольствуется простымъ утвержденіемъ, что Лаврецкій опровергъ пустую голову и самъ задоритъ à la Хомяковъ о необходимомъ, смиренномъ униженіи и признаніи національной истины. Они образуютъ мужскую галерею. Среди женщинъ выдается Лиза, обладающая всѣми добродѣтелями, которыхъ недостаетъ мужчинамъ: живымъ чувствомъ, долга, боязнью оскорбить кого-либо, нѣжностью, добротою, кротостью, мистическою любовью къ Богу. Теперь впервые нарушается ея внутренній покой. Она не выноситъ тяжелого, незаслуженнаго разочарованія и идетъ въ монастырь. Трогательный образъ, и не менѣе трогательнъ Лаврецкій, когда онъ благословляетъ и покидаетъ молодую жизнь въ домѣ, теперь ему, совершенно чуждомъ: «Здравствуй, одинокая старость, догори, бесполезная жизнь!» Удивительно законченная картина стародворинской деревенской жизни, вплоть до разказа о старомъ Антонѣ о баснословно дешевыхъ временахъ и о господахъ, надъ которыми нѣтъ никакого суда. Никакая тенденція—либо шутку Панина нельзя принимать въ серьезъ—не искажаетъ столь объективно—спокойнаго и тѣмъ болѣе трогательнаго разказа о разрушенномъ счастьи, о тщеславныхъ надеждахъ, разбитыхъ сердцахъ. Тургеневъ стоялъ на высотѣ своей славы; его тонкій судья Анненковъ думалъ только, какъ оказалось впоследствии, ошибочно—что авторъ теперь до посѣдней капли искреннѣе настроеніе, которое было и въ предшествующихъ трудахъ, что онъ «Дворянскимъ гѣдомъ» навсегда освободился отъ образовъ и представленій, которые годами тревожили его.

«Наканунѣ» рѣшительно пошло по нисходящей линіи. Идеальная русская дѣвушка призываетъ ничтожество своихъ почитателей, художника, профессора, чиновника и отдается чужеземцу и чужому дѣлу, болгарину Писарову наканунѣ ожидаемаго освобожденія его Болгаріи. Почему, говоритъ намъ Шубинъ, художникъ: «Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все—либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанные! А то вотъ еще какіе бываютъ: до позорной тонкости самихъ себя изучили, шутають безпрестанно пудъсь каждому своему ощущенію и доказываютъ самимъ себѣ: вотъ, что я молъ чувствую, вотъ что я думаю... Когда же наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди? Романъ постоянно повторяетъ этотъ вопросъ, обращенный къ стихійной, черноземной силѣ, Увару. Пессимизмъ былъ неосновательный; русскіе, работавшіе надъ освобожденіемъ своего собственнаго отечества, не дико-чуждой Болгаріи, уже родившей, авторъ могъ ихъ найти уже вокругъ Бѣлинскаго и петраневцевъ въ 1848 г. и въ 1862 г. среди офицеровъ даже, Потебня напр. Въ этомъ случаѣ, конечно, ему пришлось бы издавать свой романъ въ лондонской свободной типографіи и подъ строжайшимъ никогинито. Онъ избралъ героемъ фантастическаго болгарина, соломенное чучело, такъ какъ при всякой другой, напр., полякъ, который былъ бы безконечно правдивѣе, или одинъ изъ студентовъ московскаго университета, воемъ бы его въ борьбу съ пессимизмомъ дракономъ. Какъ изъ парижской и баденской дали все болѣе ростъ пессимизма писателя, т. е. недовѣріе къ силамъ Россіи, это достаточно показало его малодушіе въ 1876 и 1877 гг.

Неровности «наканунѣ»—только радикальный Добролюбовъ былъ восхищенъ, такъ какъ съ романомъ въ рукѣ онъ доказывалъ, что въ Россіи

пѣтъ вовсе новыхъ людей,—должны были сравнять «Отцы и дѣти». Произведение въчной красоты, интересное съ первыхъ словъ, съ его удивительно въведеніемъ *in medias res*, безъ скучныхъ длиннотъ вызвать до послѣднихъ страницъ, самыхъ трагическихъ, которыя когда-либо были написаны авторомъ, до потрясающей картины смертной борьбы героя и тихаго, покорнаго отчаянія его родителей, Филемона и Бавкиды, этихъ простыхъ существъ, по отношенію къ которымъ салонная дѣвица Одипцова и салонный левъ Кирсановъ только дождевики. Надъ сѣмьею фигуръ простыхъ и сложныхъ, добродушныхъ и тиранническихъ, слабыхъ и твердыхъ волей, разумныхъ и пустоголовыхъ далеко возмывается Базаровъ, единственный сильный человѣкъ, суровый, твердый, о которомъ можно ничего не думать, но которому должно повиноваться или ненавидѣть, который свое высокое мнѣніе о себѣ только тогда измѣнитъ, когда наткнется на такого, кто не «спасуетъ» передъ нимъ. Съ сознательною предвѣстностью Тургеневъ вывелъ своего героя изъ малой среды. Ни одинъ дворянинъ не былъ бы способенъ къ такой роли, ибо въ немъ «барство», т. е. привычка къ жизни даромъ и *in dulci júbilo* на счетъ крѣпостныхъ, атрофировало всякое дѣятельное чувство, живя теперь уже полтора вѣка и духовно на чужой счетъ—заграница, по мѣрѣ надобности поставляла идеи, научные опыты и т. п., онъ сдѣлался столь чуждымъ народу, что если бы и захотѣлъ сблизиться съ крестьяниномъ, этотъ остался бы для него «неизбѣстнымъ страничкомъ изъ радищевскаго романа». Постоянно подчеркиваетъ Базаровъ передъ молодымъ Кирсановымъ, съ безграничнымъ уваженіемъ взиравшимъ на своего учителя, что онъ благодаря своему дворянству долженъ остаться слабымъ, сиромомъ—человѣкомъ, который воодушевляется Пушкинымъ, бряцаетъ на гитарѣ и ухаживаетъ за дѣвочкой, совершенно такъ, какъ это дѣлалъ его отецъ; тутъ ничто не измѣнитъ дѣла—ни Бюхнеровскія брошюры, ни Фогтъ и Молеюттъ.

Это и единственный романъ, въ которомъ женщины «пасуютъ» передъ мужчинами. У Тургенева, обыкновенно, какъ разъ наоборотъ; еще своего Володина въ «Нови» онъ заставляетъ говорить: «Вы всѣ, русскія женщины, выше и дѣлѣе, чѣмъ мы мужчины»; какъ высоко прежде стояли его женскія фигуры надъ всеми талантливыми мужчинами! Марія надъ Ветренинымъ, Маріанна надъ Рудинимъ, Ася надъ Селадономъ, Елена надъ Шубинымъ и сотоварищами, Лиза надъ Лавредемъ и т. д.; это женщины—свободныя отъ ангозма, у которыхъ уже отросли крылья, когда онъ еще не знаетъ, куда направить свой полетъ; и тѣ, которымъ онъ слѣпо доверился, знаятъ это еще того мѣня. Въмѣсто фантастическаго иностранца показывается онъ намъ дѣйствительнаго русскаго человѣка, единственнымъ принципомъ котораго было не имѣть никакихъ принциповъ, который все отрицаетъ, для котораго все искусство, Рафаэль и Пушкинъ, не стоятъ ни гроша, котораго учить только дѣйствительный опытъ, которому противныя всѣ абстракціи, наука и т. п., который отрицаетъ чувство природы—природа не храмъ, не мастерская,—однимъ словомъ, авторъ изобразилъ «нигилиста», который впервые торжественно свое вступленіе въ русскую литературу. Да, Тургеневъ первый воспользовался въ этомъ смыслѣ именемъ, уже давно до него созданнымъ для другихъ отношеній и, не желая того, далъ реакціи заступку для форменной травлѣ надъ этимъ именемъ.

Въ темную, сѣмьлѣтнюю ночь (1848—1855) развилась и охватила эта мысль, эта логика безъ структуры, это знаніе безъ логики, эта безусловная преданность опыту, это безропотное принятіе всѣхъ его послѣдствій. Нигилизмъ не идетъ вовсе къ «ничему», онъ доказываетъ только, что принимать «ничто» за «что-то» есть оптический обманъ; что всякая истина зловредна, чѣмъ всѣ фантастическія представленія—противъ этого протесто-

вать бы Пушкинъ, — что правда обижываетъ каждого. Кто, наоборотъ, подъ нигилизмомъ разумѣетъ превращеніе действительности и мысли въ «ничто», въ безплодную свеститку, надменное складываніе рукъ на груди, отчаяніе, ведущее къ бездѣятельности, тогда собственной нигилистъ относится не сюда, и величайшимъ нигилистомъ будетъ самъ Тургеневъ и его любимецъ Шенягауеръ. (Герценъ). Въ самомъ дѣлѣ, Базаровъ признается: «Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновики наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правительственнаго суда. А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ называемые передовые люди и общинники, никуда не годятся, что мы занимались вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурахъ, и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ дупитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества ломаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, «о которой хлопочетъ правительство» (поклонъ въ сторону цензуры), едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужики нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только наняться дурмаву въ кабакъ». Базаровъ не нигилистъ, онъ революціонеръ, и съ правомъ приглашалъ его Герценъ отправиться въ Лондонъ. Былъ и другой исходъ для него, наука, которая еще болѣе, чѣмъ евангеліе учить смиренію, которая ни на кого не смотритъ сверху внизъ, ничего не презираетъ, никогда не жетъ шпъ-за роли и не скрываетъ ничего изъ кокетства, который ставитъ насъ передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда, какъ врачъ, никогда, какъ палачъ, еще менѣе съ враждебностью и пропойей; наука есть любовь (Герценъ). Тургеневъ предпочелъ заставить умереть своего героя, онъ былъ какъ бы влюбленъ въ него, раздѣлялъ всѣ его мѣтніи вплоть до искусства: «Представьте мнѣ хоть одно постановленіе въ нашей современной жизни, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанія... Мы разрушаемъ, мы должны сначала расчистить почву». Онъ даже велъ для себя дневникъ въ базаровскомъ духѣ. Базаровъ, противоположности Рудину, герою-фразе, но они современники; и въ другихъ отношеніяхъ есть близость между обоими романами. Базарова любить или, по крайней мѣрѣ, уважаютъ всѣ, и маленькие, хотя онъ никого не ласкаетъ, выступаетъ угрюмо; инстинкты свои привлекаетъ на мгновеніе даже равнодушную Одинцову; но натуры слишкомъ противоположны, чтобы простая прелесть новизны могла помочь перейти ту пропасть, которая отдѣляетъ свѣтскую даму отъ цѣлбей. Базаровъ даетъ себя увлечь чувствомъ, порывъ не дается, но онъ успокоится. «Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломаетъ». Любовь — только внешнее чувство; но Базаровъ вовсе не человекъ, бросающій добро, онъ сейчасъ же за этимъ цѣлуетъ Фенючку. Въ этихъ отношеніяхъ къ Одинцовой, кончающихся, благодаря невыдержанности, разрывомъ, обнаруживаются намъ человѣческія слабости этого сверхчеловѣка. И на смертномъ одрѣ, когда злая лихорадка овладѣла могучимъ организмомъ, тогда и онъ поддался на мгновеніе трогательности, «романтизмъ, сиропу», которые онъ всегда отбрасывалъ отъ себя, которые не могли принести никакой пользы въ его горькомъ, суровомъ жизненномъ пути.

Заглавіе романа нѣсколько неточно. Дѣло шло вовсе не о противоположности между поколениями, между отцами и дѣтими. Кирсановъ — сынъ принадлежитъ Кирсанову — отцу; отъ него рѣзко выдѣляется Базаровъ, человекъ не новаго поколѣнія, слѣдующаго за старымъ чисто хронологически, несущаго лишь другія плащи и перчатки, но одинъ изъ новыхъ людей, которые, въ лучшемъ случаѣ, — отношенію къ прошлому и окружа-

чему съ сожалѣніемъ только пожимаютъ плечами: Кирсановъ — сынъ не имѣетъ ни дерзости, ни злости; подобно своимъ, онъ не выйдетъ за предѣлы благороднаго смиренія или благороднаго кинѣнія, а это пустяки; мы драться хотимъ, — вы будете бранить самихъ себя, бранить и ломить другихъ, ты останешься, однако, только мякочнымъ, либеральнымъ баричемъ. И датировка была невѣрна. Употреблены новѣйшіе термины («обличители» — послѣ 1856), бюхнеровскія брошюры, какъ будто дѣло разыгрывалось въ 1861 или 1862 г. Безъ этихъ намековъ на дату сдѣлало бы избрать приблизительно 1852 г.; однако, для «Дворянскаго гнѣзда» совершенно напрасно давать 1842 г. Уже въ 1842 существовали Базаровы на Руси, пусть авторъ признаетъ такого врача много поздиѣ; болѣе ранняя дата устранила бы многія недоразумѣнія. Такъ метила за себя страсть къ изображенію современной дѣятельности.

Случилось именно одно изъ русскихъ чудесъ, для европейцевъ просто непонятныхъ. Этого Базарова, этого героя, который такъ высоко стоялъ надъ обродомъ окружающихъ Кирсановыхъ и т. п. гораздо выше, чѣмъ Рудинъ надъ своею средою, противникъ котораго, Кирсановъ, былъ такимъ непростительно смѣшнымъ, русскій прогрессъ понахъ, какъ клевету, какъ злословіе на самаго себя и до сихъ поръ не простилъ автору этой, самой внушительной, единственной мужской фигуры, которую когда-либо создать Тургеневъ. Въ то время, какъ Катковъ, въ «Вѣстникѣ» котораго романъ появился, поносилъ апофеозъ нигилиста, бранился и Антоновичи и др. за то, что авторъ смѣшалъ съ грязью, новое поколѣніе за то, что онъ злобно метилъ Добролюбову. За неблагоприятную критику (Добролюбовъ долженъ былъ Базаровымъ!), за то, что выставилъ карикатуру на нѣтъшнюю молодежь. Напрасно Тургеневъ протестовалъ во имя своего «любимаго дѣтища»: «Мой романъ былъ направленъ противъ дворянства, какъ передового класса; эстетическое чувство заставило меня лишить его хорошихъ представителей, дабы доказать, что, если сливки таковы (слабы, дряблы, ограничены), таково же тогда молоко? Изъ Базарова и хотѣлъ сдѣлать трагическій образъ; мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на гибель потому, что она все-таки стоитъ еще у преддверія къ будущему. Если бы я разумѣлъ подъ «отцами» живодецовъ, то это было бы грубо и неточно. Всѣ истинные отрицатели (онъ избѣгаетъ сомнительный терминъ: «нигилисты»), которыхъ я зналъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, происходили отъ добрыхъ и почтенныхъ родителей; это лишаетъ ихъ всякаго повода къ личному неудовольствію, раздраженности! Молодежь ждала другого, идеальной фигуры, рыцаря безъ страха и упрѣка, передъ которымъ гордая, красивая, богатая Одинцова, праздно-мечтательная, дворянка, сейчасъ же пала бы къ ногамъ, которому ядъ ничего не сдѣлалъ бы! Такъ сбывало «либераловъ» честное, строго объективное отношеніе художника; они предпочитали истинъ фантазію. Да, изображеніе идеальныхъ героевъ не было спеціальностью автора. И въ «Рудинѣ» онъ предпочелъ собственно только намѣтить идеальный образъ, Покорскаго, т. е. Бѣлинскаго: «Начавъ говорить о немъ, ужъ не о комъ другомъ говорить не захочешь; эта высокая чистая душа; поэзія и правда — вотъ что влекло всѣхъ къ нему: при свѣтомъ, обширномъ умѣ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ — этотъ бѣдный студентъ, кое-какъ перебивавшійся уроками».

Такъ въ 1862 г. популярности Тургенева былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго онъ никогда не могъ оправиться. Писатель понахъ между молодымъ и наковальнею, однимъ считался за нигилиста, другимъ за доносчика. Оскорбленный онъ далъ себѣ слово отступитъ; ср. смѣлѣевающее о

глубочайшемъ пессимизмѣ «Довольно», на которое старый князь Одоевскій отвѣтилъ сильнымъ «Не довольно». Во всякомъ случаѣ, «Дымомъ» Тургеневъ не улучшилъ своего положенія. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не выразилъ, какъ слѣдуетъ своего отрицательнаго отношенія къ шовинизму, что проповѣдникомъ катехизиса западникова сдѣлалъ обезьяну Панина: «Россия должна нагнать Европу; она сама ничего не изобрѣла, даже мышеловки, какъ принужденъ былъ сознаться самъ Хомяковъ; отсюда должно заимствовать. Мы болыны, не только потому, что мы лишь наполовину европейцы; то, что намъ вредитъ, это должно и нецѣлится насъ. Все народы, въ сущности, одно, введи только хорошаго учрежденія, и дѣло готово» и т. д. Теперь авторъ выразителемъ своихъ мнѣнй избралъ умнаго, желчнаго, западника Потугина (по Нигасовъ въ «Рудинѣ» былъ гораздо забавнѣе!), въ которомъ русскаго было только то, что онъ о себѣ былъ наилучшаго мнѣнй. (Базаровъ какъ разъ это считалъ это наибольшимъ достоинствомъ). Потугинъ бранитъ все русское, такъ что Тургеневу даже приходится оправдывать его, онъ де въ самомъ мизантропическомъ настроеніи, отсюда все представляется ему въ чрезмѣрно отвратительномъ видѣ; но «государственные люди», которые въ Баденъ-Баденѣ осадили ружетку и кокотокъ, и прѣхавшіе изъ Гейдельберга студенты, съ ихъ оракуломъ Губаревымъ (мнимый Огаревъ, другъ Герцена; понятно чистѣйшая глупость) и съ приходящимъ въ восторгъ даже отъ русскихъ гусей Бамбаснымъ, дѣлають великую честь разлагательствованіямъ Потугина. Какъ слушатели въ то утро въ «Бѣсахъ» смѣялись отъ радости, что Россія обезславлена передъ всѣмъ свѣтомъ, такъ теперь обвиняя Тургенева въ такомъ же чувствѣ, преслѣдовали его эниграммами, поносили упрёками.

Большую надежду возлагалъ Тургеневъ на свой послѣдній романъ «Повѣ». Но, если Чернышевскій и даже Герценъ (подъ первымъ впечатлѣніемъ, позже онъ перемѣнилъ свое мнѣніе — ихъ разладъ имѣлъ другую причину) отвернулись отъ Базарова, то еще менѣе признавали себя въ Нексдановъ и Соломинъ люди, чуждые въ народъ. Если въ «Отцахъ и дѣтахъ» авторъ, какъ нужно, говорилъ о консерваторахъ, т. е. «о нашемъ реакціонномъ сбродѣ», то теперь онъ слишкомъ естество краски. Госпожа Синягина — испорченный портретъ Однойвой; а по сравнению съ Каломейцевымъ, признающимъ лишь принципы порки и кнута, дѣлующимъ полу руку, и по стопамъ полиціи ополчающимся противъ свободы прессы и противъ земствъ, Павелъ Кирсановъ былъ свѣтлою фигурой. У революціонеровъ мы находимъ энтузіазмъ и фанатизмъ, но не разумъ; они слѣпо рвутся на гибель. Машуринъ одна производитъ реальное впечатлѣніе, другихъ и не видно; понятно тутъ же и обязательный насмѣшникъ Нигасовъ или Потугинъ, называется теперь Паккинымъ; въ немъ спорились, какъ вода въ запертой мельницѣ, различныя соображенія, размышленія, изобрѣтенія, смѣшныя или насмѣшливыя замѣчанія, и вотъ, какъ только открываются шлюзы, никто и ничто не остается пощаженнымъ. Въ центрѣ стоятъ Нексдановъ и Маріанна; этой у Синягиной такъ плохо, что она убѣгаетъ съ Нексдановымъ. «Утро» ихъ бытства — перлъ описательной поэзіи. Нексдановъ опять «человѣкъ сороковыхъ годовъ», Бельтовъ или Рудинъ, который не вѣрять ни во что, менѣе всего въ себя; единственный шагъ впередъ состоитъ въ томъ, что онъ самъ себя сознается въ этомъ, и потому добровольно уходитъ изъ жизни, чтобы не быть тормазомъ для другихъ. Тургеневъ надѣлалъ его не только своимъ безволею и слабостью; но и другими собственными свойствами; уже въ уста Базарова авторъ вложилъ вещи, которыя могъ мыслить лишь онъ самъ, но никогда Базаровъ, теперь Тургеневъ въ этомъ отношеніи еще щедрѣе. И Маріанну мы уже знаемъ; въ Рудинѣ она носила имя Наташи, у Нисарова она

звалась Еленой; она обманулась въ Пешдановѣ, сочла его за настоящаго человѣка и скоро поняла, что этотъ человѣкъ стоитъ гораздо ниже ея; поэту Маріанна безъ долгаго раздумыванія черезъ его трутъ подаетъ руку Соломину. Настоящій герой собственно и есть Соломинъ. На этотъ разъ Тургеневъ не устоялъ передъ искушеніемъ создать идеальный образъ человѣка, практическаго, энергичнаго, сознающаго цѣль, дѣятельнаго нигилиста, который не расточитъ свои великія дарованія въ безсмысленныхъ предпріятіяхъ—понятно онъ изъ народа, какъ и Базаровъ. Мы должны на слово повѣрить, что Соломинъ именно такое русское морское дитя. Въ самомъ романѣ нѣтъ ничего, откуда можно было бы заключить о достоинствахъ героя: Соломинъ сочувствуетъ цѣлямъ нигилистовъ, не рискуетъ собственною головою и любитъ Маріанну—большаго мы не знаемъ. Важенъ напр., обѣдъ нигилистовъ у купца Голушкина: наоборотъ, совершенно изличини обѣдъ запыленныхъ рѣдкостныхъ фигурки XVIII столѣтія, Омушка и Фимушка, причуда поэта. Въ другія подробности, (какъ сильно напр. романъ, и вовсе не въ свою пользу, напоминалъ романъ «Что дѣлать» Чернышевскаго), мы входить не будемъ. Понятна во что бы то ни стало удержаться на высотѣ времени и въсѣхъ его интересовъ, совершенно не удалась. Это вовсе не было свободное творчество, реальное и полное, черпавшее изъ самой жизни, но вымученная работа разума по бумажнымъ образцамъ и шаблонамъ, обстоятельство двойнѣ странное для художника, который по собственному признанію не могъ никогда исходить отъ идеи, но всегда только отъ конкретныхъ личностей; такъ, напр., еще въ послѣдней повѣсти, «Клара Милитъ», сама художница была Катериною Миловидовой, и типъ Аратова остался въ памяти автора со времени его юношескихъ лѣтъ. Неустѣхъ романа былъ полный, поэтъ съ того времени навсегда возвратился къ своимъ повѣстямъ и «стихотвореніямъ въ прозѣ», изъ которыхъ была опубликована только часть, большую частью не связанная съ личными отношеніями. Мастерство стиля, гаубину и остроу своего психологическаго пониманія писатель сохранилъ за собою, однако, эти послѣднія произведенія ничего не мѣняютъ въ духовномъ обликѣ художника.

Писатель несравненно большій, чѣмъ Тургеневъ, въ весьма неблагопродной испыткѣ, безопашдно насмѣялся надъ нимъ: по схвативъ точно каждую отдѣльную черту человѣка, вышелъ изъ всякихъ границъ, и замолчалъ истинныя заслуги художника. Никто, кромѣ Тургенева не представилъ съ такою реальностью и законченностью русское дворянство, его сущность, тѣ вліянія, которымъ оно подвергалось въ быстромъ теченіи исторіи, его хорошія и дурныя стороны, равно какъ его деревенскій бытъ; въ картинахъ, полныхъ мягкости и классической простоты, писатель оставилъ свидѣтельство о жизни и отношеніяхъ цѣлыхъ поколѣній. Идеаль, которому онъ никогда не измѣялъ, — идеаль гуманизми; Тургеневъ былъ либераломъ стараго закала, въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ, принципиальнымъ противникомъ всякихъ революцій, несмотря на свое временное примыканіе къ Герцену или нигилистамъ. Онъ — убѣжденный сторонникъ искусства, поэзіи, отсюда поклонникъ Пушкина. Какъ человѣкъ (что пастъ нисколько не касаетя) и художникъ Тургеневъ не былъ свободенъ отъ извѣстныхъ слабостей и односторонностей, но тѣмъ не менѣе его труды образецъ здороваго, высокаго искусства.

Тѣхъ же самыхъ людей и тѣ же времена, иногда съ одинаковыми анахронизмами, отсюда и съ равными недоразумѣніями, изображалъ старшій современникъ Тургенева, Гончаровъ. И онъ не выходилъ за предѣлы «Сороковыхъ годовъ», и тамъ, гдѣ были попытки сдѣлать это, какъ съ Волоховымъ въ «Обрывѣ», онъ кончался неудачею. Гончаровъ, въ противоположность Тургеневу, происходилъ изъ зажиточнаго купческаго дома,

гдѣ все было полно старыхъ предрассудковъ и въковой темноты; но въ тихомъ провинціальномъ городѣ на Волгѣ жилось совершенно, какъ въ деревнѣ: эти деревенные дома и домики, съ ихъ садиками, окруженные канавками съ густой кропивою и полынью, безконечныя заборы, мертвую тишину улицъ; слышно за версту, когда кто-нибудь идетъ или идетъ заступитъ сапогами по деревянной мостовой съ недостающими досками; можно было бы даже уснуть, глядя на сонныя окна съ опущенными занавѣсками и на сонныя физиономіи тамъ внутри и на улицѣ. Изъ этой тиши, которая могла бы состязаться съ тишиною дворянскаго двора, рассказы бывшаго морскаго офицера увлекаютъ мальчика въ далекія страны. Занятія въ Москвѣ и служебная карьера окончательно оторвали его отъ родного города. Чиновническая «пунктуальность и соразмѣренность», даже педантизмъ оставили свои слѣды въ писателѣ и въ его строго консервативныхъ идеалахъ. Безъ морскаго офицера Гончаровъ пожалуй бы и не отправился въ путешествіе вокругъ свѣта, которое онъ сдѣлалъ на фрегатѣ «Паллада». Описаніе этого путешествія въ письмахъ—одно изъ лучшихъ произведеній въ русской литературѣ: наглядность картинъ пестрой восточной жизни, особеннѣе быта Японіи, юморъ, живоительно проникающій весь трудъ, интересныя картины природы и людей, этотъ русскій духъ, остающійся одинаковымъ и подѣ тропиками, живое участіе рассказчика во всѣхъ мелочахъ, до корабельной кошки; матросскія типы—все обезпечиваетъ письмамъ постоянный интересъ.

Совершенно въ противоположность плодовитому Тургеневу, Гончаровъ одинъ изъ самыхъ скудныхъ писателей, которые только существовали. Въ продолженіе сорокалѣтней литературной дѣятельности онъ обработалъ всего лишь три сюжета. За то качество превосходитъ количество. Въ то

Гончаровъ.

время, какъ у деревенскаго дворянина Тургенева городъ не играетъ почти никакой роли, Гончаровъ перемѣщаетъ своихъ дворянъ въ Петербургъ и развиваетъ тему, побѣждаетъ ли городъ и карьера или природныя задатки характера. «Обыкновенная исторія» даетъ одно разрѣшеніе, «Обломовъ»—другое, и «Обрывъ»—родъ синтеза, т. е. никакого разрѣшенія. Въ обыкновенной исторіи о молодомъ Адуевѣ, напечатанной въ 1847, мы знакомимся съ романтикомъ изъ провинціи, который прибылъ въ Петербургъ съ головою, полной поэзіи, любви и дружбы и, которому его дядя, старшій Адуевъ, вырываетъ

больные зубы. Бользенная операція проходитъ хорошо, и съ превосходными новыми зубами племянникъ садится за богатый столъ петербургской чиновнической жизни; пишетъ, однако, не стихотворенія, любитъ и женится, но посылъ самаго тщательнаго осѣдлоденія относительно приданнаго и связей; его программа: за долгую и полезную службу и неустанные труды, изъ статскаго сдѣлаться дѣйствительнымъ статскимъ, потомъ тайнымъ совѣтникомъ, наконецъ, бросить якорь въ гавани какой-нибудь петлѣнной комиссіи или комитета съ сохраненіемъ пол-

ной пенсии, и тогда пусть человѣческій океанъ бушуетъ, пусть мѣняются столѣтія, народы и государства катятся въ пропасть рока, все идетъ спокойно мимо него, пока одинъ или другой ударъ не покончитъ съ его жизнью. Рецензія была безконечно проста: брось, молодежь, твои мечтанія и надѣвай вицъ-мундиръ! Къ удивленію этотъ расчетъ не совсѣмъ согласуется въ одномъ пунктѣ; мелочь, надъ которой авторъ не останавливается, только намекается на нее; но она недостаточна, чтобы опрокинуть все.

Антисентиментальный Менторъ нашего Телемака какъ разъ женатъ, и очень хорошо. Онъ заставляетъ племянника, какъ должно жениться не по любви только, которая проходитъ, а съ расчетомъ, но не изъ одного расчета; затѣмъ какъ слѣдуетъ взять жену въ руки, поставить ее какъ бы въ магическій кругъ, и незамѣтно для нея самой покорить ея умъ и волю. Этотъ же самый методъ восхвалялъ въ свое время Дружининъ въ «Полиньякъ Заксъ». Что же выходитъ? Приблизительно то же, что Достоевскій указываетъ, какъ на результатъ долготѣлннаго одиночнаго заключенія (келіинная система): оно высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, разстраиваетъ его душу, ослабляетъ и потрясаетъ ее и производитъ морально высушенную мушму. Приблизительно такого и господа тайная совѣтница, цетощенная, апатичная ко всему, и хотя ни въ чемъ не нуждающаяся, опасно больная. Это упоминаніе, проскользнувшее какъ бы по невнимательности, вмѣстѣ съ тѣмъ не случайно — мы съ нимъ скоро опять встрѣтимся.

Если у Адуева Петербургъ блестяще побѣдилъ Обломовку, то фатально дѣло обстоитъ съ Обломовымъ. Лучшая сцена романа была начата уже въ 1849 г., весь онъ появился въ 1858 и произвелъ сенсацию. Сенсация, какъ и самый романъ были возможны только въ Россіи; нужно было дѣйствительное искусство, чтобы наполнить четыре тома повѣствованіемъ объ одномъ героѣ, все геройство котораго состоитъ въ лежаніи на софѣ, онъ остается при своемъ и даже женится на дѣтельной, добросовѣстной заботливой хозяйкѣ, чтобы обезпечить покой своего лежанья на софѣ; онъ настолько лѣнивъ, что предпочелъ бы подвергнуться опасности быть убитымъ обвалившимся потолокомъ, лишь бы только не быть принужденнымъ перемѣнять жилище; тѣсно другъ и возлюбленная пытаются побудить его къ дѣлу. Помимо большого, симпатичнаго таланта, типичности случая — въ каждомъ русскомъ — Обломовъ, какъ преодолѣть его? — имѣла рѣшающее значеніе для успѣха романа. Авторъ раскрываетъ всю моральную структуру своего героя, идетъ до самыхъ раннихъ лѣтъ его молодости, заставляетъ его видѣть на своей софѣ знаменитый «сонъ Обломова», политическое возмущеніе самой скуки, когда она пользуется изъ всѣхъ угловъ и охватываетъ людей и ихъ дѣла; мы въ области лѣноты, бездѣлн и беззаботности, какъ ихъ создало крѣпостничество, въ области абсолютнаго покоя и тишины. Эта картина, по временамъ, будетъ нарушаться различными неприятностями, болѣзнями, смертью, работою, процессомъ и т. п., но и навстрѣчу заботамъ идутъ со стоическою неподвижностью, и онъ дѣйствительно пролетаетъ мимо, покружившись въ короткое время надъ головами, какъ птицы надъ гладкой стѣной, гдѣ онъ не находить ни одного мѣстечка, чтобы примоститься, напрасно бьются крыльями о твердый, гладкій камень и, наконецъ, улетаютъ дальше.

Изъ такой среды, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Обломовъ, послѣдникъ трехсотъ ~~пятидесяти~~ душъ гдѣ-то въблизи Ази, прибылъ въ Петербургъ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Изъ университета онъ вышелъ съ головой, представившей собою складъ мертвыхъ именъ, датъ и фактовъ, политико-экономическихъ, математическихъ и другихъ задачъ, данныхъ, истинъ, библиотеку отдѣльныхъ томовъ изъ различныхъ областей знанія. Онъ скоро

осваивается съ дѣловымъ ничегонеделаніемъ на должности, съ своей обетанкой, съ работой ради работы, безъ всякой высшей цѣли, но для этого недостаѣтъ ему силы воли. Уже черезъ два года онъ отказывается отъ службы и отъ связей съ обществомъ. Обломовъ дѣлается теперь робкимъ, боязливымъ, недоверчивымъ, видитъ всюду замыслы, злобу, опасность; только не боится постоянного сидѣнія дома, обфѣданія, трещины на потолкѣ, ведетъ лишь внутреннюю жизнь своего гуманнаго сердца, своей пламенной головы, чего, конечно, внѣшній міръ вовсе не замѣчаетъ. Тщетно старается другъ вытащить его изъ этой тины бездѣлья, въ которой онъ съ каждымъ днемъ все болѣе погрязаетъ. Другъ героя, русскій пѣмецъ, Штольцъ, образецъ практическаго, дѣятельнаго, сильнаго ума—авторъ не рѣшился выбрать для этого кореннаго русскаго, чтобы не погрѣшить противъ основной истины Обломовки: «Таковы они всѣ». Справедливо смѣялся Писаревъ, влагая въ уста автора слова: «Вы, русскіе, спите всѣ, вы такъ очумлены сномъ, что я долженъ брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, какъ ваши предки выискивали себѣ кнѣзей изъ Германіи. Мы принимаемъ участіе въ дебатахъ друзей; только слишкомъ часто приходится соглашаться съ Обломовымъ, напр., когда онъ смѣется надъ обществомъ».

Вотъ собираются они, откармливаютъ другъ друга, безъ радости, безъ взаимной склонности, собираются на свои обѣды и ужины, какъ на должность, безъ охоты, холодно... Гдѣ здѣсь человекъ, куда онъ дѣлся, какъ онъ разбѣжлся на мелочи! Они спятъ всѣ, эти разносчики новостей, карточные игроки, охотники до должностей—конечно, спать при этомъ не на софѣ, ползаютъ кругомъ, какъ мухи, въ постоянной, пустой смѣлѣ, дней. Замѣчаніе Штольца, что это все старо, ничуть не опровергаетъ Обломова; но эти истины столь же мало оправдываютъ русскую лѣнь или буддійскую пирвану.

Не удастся и Ольгѣ попытка окончательно вытащить Обломова изъ этого болота, откуда онъ подъ ея влияніемъ (самыя лучшія страницы во всей книгѣ) уже наполовину вышелъ; и онъ идетъ на сторону знанія, работы, энергіи, бѣжать отъ сна, застою, неподвижной мертвой жизни, переползанія изъ одного дня въ другой—прощай, старая Обломовка, ты отжила свое время! Увидитъ ли Ольга выполненіе своихъ идеаловъ въ Штольцѣ? Намеки автора указываютъ на противоположное: Добролюбовъ надѣется, что она такъ же, какъ Обломова, покинетъ и Штольца. Рядомъ съ баринствомъ добраго стараго времени нельзя забывать и слугу. Если Евсей Адуева источникъ высочайшаго жизненнаго наслажденія признавалъ въ вычищенныхъ саноглахъ, то Захаръ Обломова уже сложное явленіе: дурковатый, лѣтний, дерзкій своевольный, грязный, въ сущности, преданный своему господину, онъ настоящій рабъ изъ Обломовки.

Обломова же, промѣнявшая лежанье на софѣ на столь же безплодную многосторонность въ работѣ, предстала въ Гончаровѣ въ лицѣ своего Райскаго изъ «Обрыва». Основная мысль романа была принята авторомъ уже въ 1849 г., въ законченномъ видѣ онъ появился только въ 1868 г., и едва ли не слишкомъ поздно, такъ какъ сдѣлалъ уже анахронизмомъ: онъ лишь, повидимому, разыгрывался въ 1868 г., въ то время, какъ носилъ всѣ признаки времени до 1848 г. Уже это должно было ограничить успѣхъ романа; къ этому же присоединялась невыносимая растянутасть, опасность, которая едва набѣжала на Обломова». Дѣйствіе романа происходитъ уже не въ Петербургѣ, но среди дворянъ въ деревнѣ. Герой не чиновникъ, но художникъ, какъ герценовскій Бельтовъ, многосторонне одаренный фантазіей, чувствомъ и пониманіемъ, но лишенный способности къ напряженной дѣятельности, отступающій передъ техническими трудностями, человекъ поэтому нигдѣ не идущій дальше простаго дилетантизма, «неудачникъ, въ искус-

ствѣ и въ жизни, которой все пытаясь, ко всему готовится, ни за что не борется, ничѣмъ не обладаетъ; который постоянно испытываетъ самого себя, тщательно анализируетъ, остается непостояннымъ, слабымъ, безвольнымъ, какъ дитя; словомъ типичный, избалованный баричъ эпохи крѣпостного права, съ семью пинтицами на шеѣ. Романъ первоначально носилъ заглавіе «Художникъ». Въ самомъ дѣлѣ, Райскій настолько въ немъ главная фигура, что романъ могъ бы считаться относящимся лишь только къ нему.

Для нашего Бельтова любовь къ прекрасному полу является затѣмъ одинаково характерною. Сначала онъ хотѣлъ пробудить къ человѣческой, чувственной любви, прекрасную кузину, салонную даму. Но, отказавшись отъ этой безцѣльной задачи, онъ вспомнилъ о своей бабушкѣ и ея внучкахъ, которыя гдѣ-то около Симбирска управляли его имѣніемъ; Райскій теперь пытается свое искусство на Марю и на Вѣрѣ. Сестры—противоположность Лариннымъ въ «Онѣгинѣ»; Марья, предметъ восхищеній своей бабушки за свою покорность, ласковость и красивое личико. Понятно, она не можетъ привлекать Райскаго, за то тѣмъ болѣе, недоступная, замкнутая Вѣра, которая выказываетъ себя совершенно равнодушною ко всемъ, сначала любовнымъ, потомъ дружескимъ стараніямъ Райскаго, такъ что онъ отказывается отъ бесполезнаго труда и уѣзжаетъ въ Итацію. И этотъ романъ бѣдетъ вышними событіями, его страницами заполняютъ психологическія разсужденія по поводу героя. Другимъ лицамъ уделается при этомъ слишкомъ мало вниманія, напр., Вѣрѣ и ея отношеніямъ къ либеральному фрондеру, изъ котораго въ 1868 г. былъ сдѣланъ «нигилистъ». Вѣра и Волоховъ были бы для насъ несравненно интереснѣе, чѣмъ Райскій, котораго мы знаемъ уже изъ Герцена и Тургенева; но Гончаровъ, какъ и Тургеневъ столь же мало могъ стать выше себя самого. «Обрывъ» не только мѣстность, но также и символъ. Кто подаетъ руку Вѣрѣ, чтобы вывести ее изъ обрыва, съ котораго она поскользнулась по винѣ своего чувства? И въ героиню ея второго романа Райскій не годится, вызывается Тумшинъ, русскій выродокъ гордости, солидный, практичный, положительный и лишенный жизни и правды. Волоховъ, со своею проповѣдью свободной любви, съ своими нападкамі на общество, на которое онъ кидается словно выдрессированные имъ бульдоги на икры полицейскаго чиновника; другіе мужчины и женщины, учитель гимназіи въ родѣ Круциферскаго Герцена, сентиментальныя кокетки и т. д. составляютъ только необходимую обстановку. Среди всѣхъ нихъ выдвигается бабушка, къ концу романа играющая главную роль, представительница добраго стараго времени, его упорнаго консерватизма; великое сердце, она обладаетъ практическимъ, немного деспотическимъ умомъ, не свободнымъ отсюда отъ нѣкотораго педантизма и, какъ сама Вѣра, далеко превосходить мужчинъ. Психологическій анализъ, картины природы, описанія деревенской жизни изъ эпохи, послѣ 1861 г., навсегда забытой, все это доставляютъ роману большую привлекательность. Но Гончаровъ уже исчерпалъ самъ себя. Онъ могъ дать теперь только нѣсколько интересныхъ литературныхъ эскизовъ; но попытка связать генетически свои три романа, дать послѣдовательное развитіе типовъ, ему совсѣмъ не удалось. То, что призналъ Бѣлинскій (Гончаровъ написалъ интереснѣе воспоминанія о немъ) въ его первомъ романѣ, полную объективность, то же самое отмѣчали и послѣдующіе критики. Этимъ Гончаровъ близокъ къ Тургеневу, съ которыми у него матеріалъ общій, но онъ не имѣетъ свободнаго, широкаго кругозора того, хотя склоненъ къ обобщеніямъ, символамъ, въ особенности характеризуетъ Гончарова любовь къ деталямъ, къ точному перечисленію мельчайшихъ подробностей.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Толстой

Мнимая противорѣчія и «кризисы» въ ходѣ развитія; ея прямота и послѣдовательность. Ею труды—автобіографія. Сочиненія юношескихъ лѣтъ: «Война и миръ», «Анна Каренина». Отказъ отъ беллетристической дѣятельности; богословская полемика, народная литература. «Власть тьмы». Отдѣльные повѣсти, «Крейцерова соната» и др.; «Воскресеніе». Моральный авторитетъ Толстого значительные, чѣмъ авторитетъ ея «ученія». Реалистъ и противникъ всякой мистики.

Въ противоположность другимъ русскимъ писателямъ, которые совершенно скрываются за своими произведеніями—что можно, напр., узнать о Тургеневѣ или Достоевскомъ отъ нихъ самихъ—Толстой представляетъ въ своемъ родѣ единственный примѣръ: отъ его перваго до послѣдняго сочиненія—все почти автобіографія, и безъ писемъ, извѣстій современниковъ, воспоминаній, мы самымъ точнымъ образомъ освѣдомлены самимъ авторомъ о всемъ ходѣ его жизни; онъ даетъ намъ объясненіе всякой мысли, которая проходила черезъ его голову, всякой внутренней или внешней перемѣны его существа. Его труды—величайшая автобіографія, какая только существуетъ. Толстой говоритъ почти только о себѣ—пара эскизовъ, одинъ большой романъ, это все, гдѣ баринъ изъ Ясной Поляны отступаетъ на задній планъ; Иртеньевъ, Нехлюдовъ, Оленяты, Левинъ—все онъ самъ; да и вообще всегда, сбросивъ всякій покровъ, онъ открыто представать передъ читателемъ съ своею исповѣдью, идеями, убѣжденіями.

Часто говорили о «превращеніяхъ» Толстого—едва ли существуетъ

болѣе послѣдовательная, постоянная личность, едва ли найдется кто-либо другой, который бы, какъ онъ, въ теченіе цѣлой жизни такъ твердо держался однихъ и тѣхъ же идей. Достаточно одинъ примѣръ: обыкновенно утверждаютъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, позднѣе отвергъ свои старыя эстетическія воззрѣнія, которымъ, однако, оставался вѣренъ, какъ творческій художникъ, и ссылаются на его послѣднія рѣзкія сужденія объ искусствѣ. Но забываютъ, что онъ уже въ 1862 г., а не только въ 1892 г. и 1902 г. занималъ положеніе: Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ воплощена абсолютная красота, но потому, что мы такъ же непорочны, какъ и они, что они

Л. Н. Толстой въ молодости (въ 40-хъ годахъ) и въ наст. время.

одинаково лгать нашимъ слабостямъ. Къ тому же году, прежде чѣмъ онъ самъ сдѣлался «эксплуаторомъ», относится его опредѣленіе извѣстной литературы, какъ искусственной эксплуатаціи, которая выгодна только для соучастниковъ, но не для «націи». Литература не прививается нашему народу, а остается, какъ телеграфъ и т. п. монополіей опредѣленной части общества, его личной выгодой!

Несмотря на эту твердую послѣдовательность было бы не трудно опровергнуть Толстого по его же собственнымъ сочиненіямъ. Ничего удивительнаго, если, при долголѣтнихъ исканіяхъ истины, онъ уклонялся въ сторону, блуждалъ, наконецъ, снова находилъ настоящій путь—отъ такихъ дешевыхъ трюмфовъ отказываешься охотно. Зато безуслбно въ немъ признають искатели правды величайшаго изъ всѣхъ временъ, который никогда не успокаивался на условной лжи. Каждый имѣетъ своего конька, у одного это семья, у другого отечество, у того наука, у этого искусство, религія, общество и т. д.; только Толстой, настоящий русскій, не шадитъ этого маскарада, противопоставляетъ всему холодный, яркій свѣтъ дня и смѣло указываетъ на дыры и потертыя мѣста. Таковымъ выступилъ онъ въ 1852 г. съ своимъ первымъ опытомъ, таковымъ же остался и донынѣ, когда протестовалъ въ англійскихъ газетахъ противъ войны: такъ онъ остался вѣрнъ самому себѣ.

Неумолчный анализъ, разлагающій до послѣднихъ основъ каждое внутреннее еще хорошее или благородное движеніе и часто, вмѣсто добродѣтели отыскивающее нравственный порокъ, характеризуетъ его объ первыхъ повѣсти «Дѣтство» и «Отрочество», къ которымъ послѣ значительнаго промежутка времени присоединилась «Юность». Описывается судьба Пртенева, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ себя помнить, до оставленія имъ университета послѣ первого года и позорнаго провала на экзаменѣ, разрушившаго все иллюзіи, однако, не приведшаго въ отчаяніе молодого человѣка. Пртеньевъ—это Толстой, хотя подробности намбренью не во всемъ сходятся; такъ, напр., на экзаменѣ онъ вовсе не проваливался. Что правда, «такъ это добросовѣстное стремленіе давать себѣ ясный отчетъ во впечатлѣніяхъ окружающаго, чтенія, собственнаго опыта. Современники, которые мечтали, то о романтическихъ герояхъ à la Печоринъ или Тамаринъ, то объ общительной литературѣ, мало интересовала эта психологія; только одинъ, другой консервативный критикъ обратилъ вниманіе на этотъ совершенно своеобразный талантъ. Правда, кругъ наблюденій былъ ограниченъ, дѣтскія и школьныя комнаты, первые знакомства, товарищества, первое причащеніе и т. п., но уже и здѣсь авторъ безошибочно бичевалъ все условное, живое, лицемерное въ жизни своего класса, уже здѣсь выявляются будущія воззрѣнія автора.

Скоро Пртеньевъ, теперь онъ называется князь Пехлюдовъ, получилъ возможность расширить кругъ своихъ наблюденій. Съ университетской скамьи, весь въ гуманитарномъ ослѣпленіи, онъ сѣлится въ свои имѣнія съ твердымъ намбреньемъ разливать вокругъ себя счастье и благоденствіе. Но красивые мыльные пузыри лопаются сейчасъ же; не только не было желаннаго успѣха, оказалось, что его личное имѣнательство приноситъ еще вредъ «осчастливленнымъ». Скоро имъ овладѣло чувство неудовлетворенности, разочарованія, усталости. Ментально онъ забылъ все хорошее планы, и «Утро помѣщика» превратилось въ плохо кончившіеся игорные вечера въ городѣ. Чтобы привести себя въ порядокъ, Оленинъ отправился на Кавказъ; онъ надѣялся въ одно и то же время возродиться не только въ финансовомъ отношеніи, но также и морально. Моральный успѣхъ, въ противоположность матеріальному, для Оленина оказался равнымъ нулю, только литература обогатилась лишнимъ перломъ, повѣстью «Казакъ». Онъ познакомился съ бытомъ населенія и страной; въ повѣсти изображены терекскіе казаки, ихъ этнографическія особенности, ихъ борьба съ «незамыренными» горцами, богатая природа окружающей мѣстности; главныя дѣйствующія лица въ разсказѣ: дѣвушка, королева Маріанна, въ которую Оленинъ сейчасъ же влюбляется, и которая, поплывшему, дурчится съ нимъ и энергичнымъ «убирайся» разрушаетъ все его иллюзіи; урванъ-джигитъ Луканка, гордящійся своею силою и храбростью, пока абреки тяжело не ра-

нил его; наконецъ, дядя Ершика, все еще охотничавый на старости лѣтъ. Общению съ этими людьми, особенно, со старымъ охотникомъ, воплощеніемъ всѣхъ первобытныхъ стихій и инстинктовъ, познательнолюбнскимъ духомъ или сатиромъ, Оленинъ обязанъ своими новыми понятіями о жизни. Въ общеніи съ природой онъ находитъ счастье: раньше, когда я требовалъ *столь многого для себя, и не получалъ ничего кромѣ стыда и гори*—какъ мало нужно мнѣ теперь для счастья! Счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. Потребность счастья—нѣчто закономѣрное, каждый чувствуетъ ее; но эгоистически довольствоваться имъ, гоняясь за средствами, славою и т. п. уже потому не годится, что сами обстоятельства могутъ измѣниться въ корнѣ; но разъ эти средства, къ счастью, не цѣлесообразны, — какія же другія могутъ быть ими кромѣ любви, самоотреченія? Мнѣ не нужно ничего для себя, почему мнѣ не жить для другихъ? Отсюда Оленинъ завидуетъ Лукашкѣ и его самоуверенности. Но онъ только повторяется, ибо уже въ «Утрѣ помѣщика» мы находимъ то же самое «просвѣтленіе»: что я знаю, — все глупость, во что вѣрилъ, любилъ—любовь, самоотреченіе это единственное счастье, независимое отъ случая, и тогда завидовалъ онъ спокойствію и увѣренности молодого Плюшки. Уже маленький Иртеневъ унаследовалъ эту радость и трогательность христіанскаго самопожертвованія; онъ хотѣлъ начать новую жизнь, сдѣлаться другимъ человѣкомъ—правда, отъ всего размысленія осталась только способность къ растяжимости, ослабившая силу воли и привычка къ постояннымъ нравственнымъ анализамъ, убивавшая свѣжестъ чувства, ясность мышленія.

Оленинъ завидуетъ не только физической крѣпости Лукашки, но и здоровой морали стараго Ершики. Для этого пантениста «все едино, Богъ все создалъ на радость человѣку, нѣтъ никакого грѣха—возьми примѣры, дикаго зѣбри... все это ложь; умираетъ человѣкъ, вырастаетъ надъ нимъ трава, вотъ и все». Оленинъ преемникъ философованіемъ, уместованіемъ; онъ возвращается въ свѣтъ, поступаетъ на службу, въ качествѣ офицера, думаетъ о георгиевскомъ крестѣ и эпюлетахъ, не предчувствуя, что будетъ генераломъ не артиллеріи, но литературы; основаніе для будущей писательской карьеры полагается имъ въ Севастополѣ. Онъ описываетъ свои впечатлѣнія батареиннаго командира, (очерки, Севастополь въ декабрѣ 1854 г., въ мѣѣ 1855, въ августѣ 1855—*штурмъ послѣдовалъ 27 числа*). Авторъ рѣшается разсказывать только правду; но глубокой реализмъ пугаетъ его самого; писатель спрашивается, не говорилъ ли онъ о томъ, о чемъ слѣдовало бы молчать,—гдѣ въ этой «повѣсти» зло, котораго бѣгутъ, добро, къ которому, всѣ стремятся? Кто герой, злодѣй? Всѣ хороши, всѣ дурны... Герой моего разказа, котораго я люблю всею силою моей души, котораго я хотѣлъ передать во всей его красотѣ и который всегда былъ, есть и будетъ красивымъ, это правда. Какъ въ предыдущихъ, такъ и въ этихъ «Разказахъ» выступаетъ противоположность между народами, простыми солдатами, несущими свой тяжкій долгъ безъ ропота, безъ тиесазанія, съ обдуманнмъ спокойствіемъ, и интеллигенціей, офицерами, съ ихъ позерствомъ, театральнымъ героизмомъ.

Въ страшные дни осады, въ вихрѣ салонной и литературной жизни, куда Толстой ринулся по оставленіи службы, среди впечатлѣній заграничныхъ путешествій и первыхъ дней пребыванія въ Ясной Полянѣ, на время, забылись идеалы, замолкли сомнѣнія и тревога. Герой романа «Семейное счастье», 1859 г., сознается: «Я много пережилъ и вѣрю, что намѣлъ необходимое для счастья, спокойную уединенную жизнь въ нашей деревенской пустынѣ, съ возможностью дѣлать людямъ добро, что такъ легко, къ чему они не привыкли; потомъ работа, работа, которая кажется принесетъ пользу; затѣмъ отдыхъ, природа, книга, музыка, любовь; это счастье, дальне ко-

того я и не мечтаю—и къ этому, можно присоединить еще семейство и все, что только можно пожелать». Выполнивъ теперь эту программу, желавшись, имѣя семью, Толстой могъ со своимъ Ростовымъ (въ заключительной главѣ «Войны и мира») воскликнуть, слушая гуманную болтовню рыцарей добродѣтели: «все это только сентиментальныя мечтанія, нянюшкины сказки; пока я живу, я долженъ заботиться о томъ, чтобы наши дѣти не пошли нищенствовать, а должны устроить свои отношенія,— вотъ и все!» И Толстой прилагаетъ теперь старанія, дабы его все увеличивавшаяся семья не стала бы обѣдствовать; перо сдѣлалось для него золотопосыльнымъ источникомъ. Впрочемъ, во временахъ проявлялся скептицизмъ. Такъ, въ написанной имъ повѣсти о благородномъ рысакѣ, можно проследить такую мысль: какъ неразумна жизнь и смерть интеллигенціи въ сравненіи съ участью животнаго; другіе очерки, напр., «Три смерти», склоняются къ той же мысли. О сомнѣніяхъ, овладѣвшихъ имъ, во время педагогической дѣятельности въ деревнѣ, (это были годы мечтаній о просвѣщеніи низшихъ классовъ народа, эпоха воскресныхъ школъ и т. п.) относительно цѣли и значенія литературы, мы уже упоминали выше; однако, все это не помѣшало писателю принять участие въ самой литературѣ. Въ 1865 г. онъ началъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Войну и миръ».

Толстого привлекала—привлекаетъ еще и теперь—самая свѣтлая, идеальная глава русской исторіи. Его интересовали декабристы, эти симпатичные, гуманные люди; вспомни, напр., глубокопроникновенную элегію Лермонтова, посвященную памяти Одоевского и тѣхъ великихъ женщинъ, которые послѣдовали въ Сибирь за своими мужьями, которые стремились облегчить тамъ участь всѣхъ изгнанниковъ: ими воодушевлялся и Некрасовъ въ своихъ «Русскихъ женщинахъ». Милостивый манифестъ Александра II разбѣлилъ возвращеніе послѣдними сосланными, еще оставшимся въ тюрьмахъ—Толстой увидѣлъ ихъ въ Москвѣ. Онъ началъ свой разсказъ, но неудачно и не тѣмъ тономъ. Говорилось о возвращеніи въ Москву старого, уже впаиваго въ дѣтство князя Лабазова, о его женѣ, гордо и съ достоинствомъ переносившей свое несчастье, о ея жеманномъ сынѣ, живой, милой дочери, о пустотѣ окружающей среды и т. д., все въ легкомъ пронизывающемъ тонѣ; дѣло не двинулось впередъ. Авторъ попалъ на истинный путь, когда вмѣсто современности съ ея жгучими вопросами, послѣ 1856 г., обратился къ отдаленному прошлому, къ корнямъ декабризма, лежавшимъ въ наполеоновской эпохѣ, когда изъ сатирика сдѣлался эпикомъ. Такъ давъ онъ намъ семейную хроникъ Ростова, Болконскаго и Безухова изъ эпохи 1805—1813 гг. съ заключительной главой, которая, описывая позднѣйшія событія, подводитъ къ самому порогу движенія. Наряду съ чисто художественнымъ элементомъ, въ романѣ попадаются и дидактико-полемическія мѣста относительно роли героевъ, вліянія личности, о Наполеонѣ и т. д.; объ этомъ мы не будемъ говорить.

Проклятіе историческихъ романовъ въ томъ, что они не исторически, что въ нихъ новое, индивидуальное чувствованіе и мышленіе, болѣе или менѣе прикрытое, выражается въ хронологическія, археологическія, этнографическія погрѣшности. Интересны и свѣсны они еще у старшаго Дюма въ его манерѣ тысяча и одной почти, насмѣхающейся надъ всякой исторіей и ставшей на ея усто приключенія и сцены любви и дуэлей. Одинъ изъ немногихъ удавшихся историческихъ романовъ всемірной литературы, быть можетъ, единственный, это «Война и миръ», усть потому, что онъ и не выдаетъ себя за историческій; Наполеонъ, Александръ, Кутузовъ и др.—только второстепенныя роли, статисты, собственныя же герои Ростовъ и т. п., о которыхъ официальная исторія не знаетъ ничего; это, отчасти, родствен-

ники Толстого, его отец и др., все люди близкіе автору, хорошо знакомые ему. Такимъ образомъ, романъ представляетъ собою семейную хроникъ въ родѣ хроникъ стараго Ахсенова; только эта захватываетъ глубже, дальше переживаетъ съ ходомъ общественныхъ событій, могуче проникающихъ тогда жизнь каждаго, частнаго лица. Въ центрѣ повѣсти не стоитъ одна какая-либо личность, и время не ограничивается однимъ десятилетіемъ или полудіемъ. Событія споспосовали тому, что исторія жизни ибсольныхъ семействъ въ «Войнѣ и мирѣ» должна была стать эпопеею, ибо всюду она приходила въ прикосновеніе съ жизнью общества, народа; и Толстой развѣртыиваетъ передъ нами могучую картину.

Роману недостаетъ только замкнутого единства. Въ немъ, вдругъ, появляются такіа интересныа лица, какъ А. Болконскій—стоитъ въ этомъ названіи, какъ у Курагина и др., наметить только одну, двѣ буквы, чтобы подучить «историческое» имя—и снова безслѣдно исчезаютъ. Они умираютъ или мы теряемъ ихъ изъ виду, какъ и въ дѣйствительной жизни. Лишь немногіе, Ростовы, княгиня Марія, Пьеръ Безуховъ остаются постоянно въ центрѣ. Въ общемъ произведеііе—колоссальная картина всей тогдашней жизни дворянскихъ семействъ; мы любуемся великолѣпными жанровыми эскизами, охотой на волка, катаньемъ на саняхъ, описаніемъ жизни въ деревнѣ, въ городѣ, въ военномъ лагерѣ; передъ нами проходятъ минувства, масолскія лодки; мы наблюдаемъ людей въ частномъ кругу, на полѣ битвы подъ Аустерлицемъ или Бородинымъ и въ деревенской церкви. Передъ глазами читателей проходятъ три поколѣнія: старики, въ лицѣ немногихъ представителей скатеринской эпохи, старый князь—вольтеріанецъ, какъ самый выдающийся изъ нихъ, Кутузовъ; затѣмъ князь Андрей и его современники; наконецъ, молодые Ростовы, Безуховъ, о которыхъ больше всего и идетъ рѣчь въ повѣсти. Мы сопровождаемъ ихъ отъ дѣтской черезъ лагерь и поле до стѣнъ пылающей Москвы.

Твердость кисти; поразительный реализмъ—мы говоримъ о 1864 г., а до того времени, пожалуй, лишь Стендаль отъаживался быть реалистомъ въ историческихъ эпизодахъ своего романа—биографія; могучій эпическій полетъ, отъ эпоса авторъ усвоилъ даже манеру постоянныхъ повтореній ибкоторыхъ характерныхъ чертъ своихъ героев; полнота образовъ; точность, пластичность, яркость красокъ въ передачѣ виднаго—все это вызываетъ романъ до высочайшихъ, когда-либо достигнутыхъ, вершинъ человеческого искусства. Никто не можетъ отдѣлаться отъ сильного впечатлѣнія. Въ какихъ похвалахъ разсыпается, напр., Флоберъ, въ глазахъ котораго уже отсутствіе твердой композиціи, ибкоторая небрежность стили и слога, какъ и вся историсофія должны бы весьма понизить достоинство произведеіія! Вызываютъ удивленіе большія массовыа сцены и отдѣльныа картины, точное изображеніе виднаго, и правильное освѣщеніе внутренняго, объясненіе и анализъ самыхъ непримѣтныхъ, но часто несма характерныхъ подробностей. Однако, это обстоятельство мы выдвинемъ еще яснѣе при разборѣ слѣдующаго романа. Въ сравненіи съ удивительнымъ богатствомъ мужскихъ фигуръ, цѣлой галлерей самыхъ различныхъ типовъ, женскій міръ падѣленъ лишь немногими, правда мастерскими, образами. Среди послѣднихъ недостаетъ характерныхъ представителей времени, но это находится въ связи со взглядомъ Толстого на женщину, для которой онъ указываетъ мѣсто лишь въ дѣтской и холмивствѣ. Ему противныа политическая, пишущіе синіе чулки, женщины-мужчины, героини, и онъ просто не знаетъ ихъ. Много вниманія было уделено Наполеону; герой предвзмѣренно развѣиванъ, правда, совсемъ неудачно, банально.

Такимъ образомъ, «Война и миръ» есть эпопея на Россіи 1805—1812 гг., но дворянства того времени. Впрочемъ, обойти народъ молчаніемъ нельзя

было, да Толстой и не хотѣлъ этого, даже наоборотъ. Для него дѣло шло, въ противоположность Дюма, о простой забавѣ публики, сомнѣнія и недоумѣнія не покидали Толстого, и здѣсь онъ изслѣдовалъ смыслъ жизни, задавался вопросомъ, кто ближе къ нему, интеллигенція или народъ? Отсюда оба героя, Андрей и послѣ Пьеръ, испытываютъ просвѣтленіе своего міропониманія. Всенюжающему честолюбію Андрея наносится тяжелая рана, и онъ на смертномъ одрѣ признаетъ пустоту жизни: интересны подробности его поведенія, рѣзкая перемена, случившаяся съ нимъ, когда тѣнь смерти витала надъ его головой. Пьеръ нѣсколько тяжеловѣснѣе, знатичнѣе натура, мечтатель, котораго простая нищѣность можетъ только заманить на одно мгновеніе, какъ въ первомъ его бракѣ, но не удовлетворить, котораго поэтому все разочаровываетъ, между прочимъ, и масоны, который идетъ охотнѣе въ темноту, пока судьба не сведетъ его съ добродушнымъ Каратаевымъ. Доселѣ авторъ ставилъ всегда первобытную, инстинктивную жизнь народа выше вымученной, устывшей интеллигенціи—въ «Холстомерѣ» мѣрнѣе обладать даже болѣе разумнымъ міросозерцаніемъ, чѣмъ люди—этому положенію онъ остался вѣренъ и здѣсь. Настоящихъ героевъ, не официальныхъ, надо искать среди прислуги батареи капитана Тушина. Истинный смыслъ жизни знаетъ лишь Каратаевъ, представитель національной мудрости, оригинально выражающій ее въ поговоркахъ. Онъ сообщаетъ Пьеру ученіе смиренія, отреченія, благодарности къ Творцу, за что Пьеръ очень благодаренъ ему. Но, несмотря на полную внутреннюю перемену, пропендкую съ нимъ, Пьеръ не покидаетъ привычной жизни. Во всякомъ случаѣ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. У Оленина вся мудрость, которую онъ усвоилъ, находясь въ общеніи съ Ерошкой и природой, сводилась къ такому положенію: съ глазъ долой, изъ ума вонъ! Каратаевъ убилъ, Пьеръ женится во второй разъ и находитъ счастье въ своей семьѣ,—во на долго ли? Когда взойдетъ и возрастетъ въ немъ посылъ Каратаева? Когда ему, которому добрая фея не отказала ни въ одномъ пожеланіи, его счастливая и веселая жизнь покажется такою бесполезною и пустою, что онъ будетъ изыскать смотрѣть на свое охотничье ружье и на вѣшалки, чтобы не придти къ мысли о самоубійствѣ? Судьбы дасть намъ слѣдующій романъ.

Въ «Войнѣ и мирѣ», были представлены близкіе Толстому люди, жене онъ самъ, «Анна Каренина», наоборотъ — напечатана въ 1875, 1876 г., опять въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — есть автобиографическій романъ. Левинъ—Толстой; братъ Николай и его смерть, такъ сильно потрясшая Левина, все это событія личной жизни, только побочныя обстоятельства нѣсколько видоизмѣнены: вѣрно, что Николай умеръ на рукахъ Аня, однако, этотъ тогда былъ еще не женатъ; даже своей будущей жене Толстой признавался въ любви такъ же, какъ и Левинъ. Композиція здѣсь еще проще, чѣмъ въ «Войнѣ и мирѣ». Двѣ пары влюбленныхъ, представителей законной и незаконной любви, идутъ рядомъ черезъ весь романъ, и совершенно нѣтъ общей связи совершается «просвѣтленіе» Левина. Романъ носитъ заглавіе и эпиграфъ не совсѣмъ точное; ибо не наказаніе прелюбодѣянія, «Милъ отмщеніе, Азъ воздамъ», но обращеніе ко Христу Левина, вотъ что составляетъ главное содержаніе. Блестящій офицеръ и рыцарь Вронскій увлекается красивою Карениною, такъ какъ ея кор-ректный, холодный супругъ, знатный чиновникъ не можетъ надолго удерживать ея любовь и уваженіе. Каренина слѣдуетъ повелительному, непреодолимому движенію сердца и разрываетъ узы условной морали. Однако, Вронскому скоро надоедаетъ двусмысленность положенія и ревность со стороны любимой женщины, онъ видимо охлаждаетъ, и Каренина, для которой эта любовь составляла все, добровольно идетъ на смерть. Этому

призрачному, большому счастью, въ действительности оказавшемуся лишь большимъ несчастіемъ противопоставляется законная, оканчивающаяся бракомъ, любовь Левина. Отдѣльные картины принадлежатъ къ самымъ лучшимъ, не только въ русской литературѣ; ихъ главную прелесть составляетъ живость, которую онѣ проникнуты. Сравнить только картину скачекъ у Золя въ «Нана», и у Толстого, чтобы признать громадный перевѣсъ за русскимъ писателемъ. Золя даетъ фотографію, вышнюю сценарію, какъ любой репортеръ, думающій лишь о пятикопѣчной платѣ за строку. Толстой—Вронскій самъ принимаетъ участіе на бѣгахъ, передаетъ впечатлѣнія спортсмена, воодушевляемаго однимъ видомъ лошади. Картина косьбы, охоты и т. д.—была бы точно снята аппаратомъ француза и равнодушно поставлена передъ нами. Не то Толстой: онъ заставляетъ насъ переживать и постепенное утомленіе руки косаря, и неустанное истощеніе собаки. Эта жизнь въ дворянскихъ гнѣздахъ и въ столицѣ передана съ такою полнотою, свѣжестью, эпическою обстоятельностью, какихъ не доставало даже Тургеневу.

Однако, мы идемъ мимо романа или романовъ; передъ нами исторія презубодѣнія, весьма сколько трактующая съ точки зрѣнія мужской морали—т.-е. они могутъ грѣшить, сколько хотѣть; но горе женщинамъ, если она падаетъ. Насъ интересуетъ Левинъ, возрожденіе котораго должно именовать начало смерти художника. Левинъ ведетъ счастливѣйшую жизнь; но его, какъ и четырнадцатилѣтняго Прустена—годы не внесли никакой перемѣны, и такимъ онъ останется до самой смерти—грызеть червь анализа. Левинъ всюду спрашиваетъ о собственной, непосредственной цѣли каждаго дѣла, отсюда ему ненавистна формалистика канцеляріи, почему онъ равнодушенъ къ корпоративной дѣятельности земствъ, этой игрѣ въ парламентъ, для которой онъ недостаточно молодъ, ни достаточно старъ.

Столь же мало является нанимъ герой поблонникомъ сельской жизни или другомъ крестьянина, какъ и плохимъ любителемъ споровъ, ради того, чтобы опровергнуть чужія мнѣнія. Левинъ не можетъ воодушевляться сербской войной; онъ протестуетъ противъ проповѣди къ убійству: черезъ восемь лѣтъ онъ будетъ писать о *grossière imposture appelée patriotisme et amour de la patrie* и дѣлаетъ отвѣтственнымъ за это единственно правительство, на основаніи извѣстной басни о варягахъ. Такъ онъ избавляетъ себя отъ всѣхъ разочарованій, неискренности, дурчества, которыя такъ поражаютъ его въ серьезныхъ профессорахъ, экономистахъ, славянофилахъ и западникахъ. Такъ онъ создаетъ себѣ позицію, которую можетъ считать неприступною со всѣхъ сторонъ.

Счастье его самого и ближайшихъ родственниковъ, повидимому, прочно. Но, захваченный бурей въ дѣбу, онъ сразу видитъ, что достаточно одного удара молніи, чтобы раз навсегда рѣшить всю его будущую судьбу, и что отсюда самый глухой, непредвидѣнный случай является верховнымъ господиномъ, такъ называемаго, счастья. Когда родился первый сынъ, онъ вмѣсто радости испытываетъ боязливое чувство, опасаясь, какъ бы это событіе не послужило просто новымъ источникомъ для ударовъ судьбы. То же самое задолго до него перечувствовалъ и высказалъ Герценъ. Это чувство возрастаетъ послѣ смерти брата, когда онъ увидѣлъ превращеніе въ ничто всякаго любимого существа. Эта боязнь передъ неизбѣжнымъ концемъ всецѣло овладѣваетъ имъ, приводитъ къ сомнѣнію въ философскости всякаго начинанія, ся не въ силахъ парализовать даже и та наука, которая давно замѣнила для него всякую положительную вѣру. Читаніе философскихъ произведеній раскрываетъ нашему герою ихъ мѣдную призрачность, не могущую дать чего-либо положительнаго, затуманивающую и слабые проблески пониманія. Онъ читалъ богословскія сочинен-

ни Хомикова, но только на мгновеніе успокоило его опредѣленіе, что церковь есть живое общество вѣрующихъ, что только человечество, объединенное любовью, а не каждый въ отдельности, достигаетъ божественной истины. Сомнѣнія сдѣлались мученіемъ. «Не знаю, зачѣмъ я здѣсь и что я, я не могу жить». Весь результатъ длившейся столѣтіями работы человеческого духа совершенно ничтоженъ: въ безконечности пространства, времени и матеріи отдѣляется органическій пузырекъ, держится нѣкоторое мгновеніе и лопается.—это я. Конечно, это только грубая насмѣшка враждебной силы. За то Левинъ находилъ моменты покоя, когда ему удавалось усмирить механическую работой этого червя тревожнаго исканія. Онъ даже чувствовалъ тогда въ душѣ присутствіе вѣчнаго суда, который постоянно указывалъ ему правильный путь; только предавался разуму, онъ снова не находилъ въ жизни никакого смысла. Жена, старая ключница, народъ знали, что значить жизнь и смерть, и Левинъ видѣлъ силу религии. Ученость представлялась ему шелковымъ костюмомъ, который онъ въ морозъ промѣнялъ на теплую шубу, въ которомъ стоитъ словно раздѣтый, въ которомъ такъ легко можно замерзнуть. Разговоръ съ мужикомъ, проливаетъ для него новый свѣтъ. Крестьянинъ говорилъ о разнахъ людяхъ. Одни живутъ только ради житейской суеты, набиваютъ лишь полныя свое брюхо, но Фоканычъ правильный старикъ, живетъ для души, думаетъ о Богѣ. Думать о своей душѣ,—много разъ уже слышалъ объ этомъ Левинъ, но тогда слова не поражали его, теперь не то. «Какъ это думаетъ онъ о Богѣ, какъ такъ живетъ для своей души?»—почти вскрикнулъ Левинъ. Ясно, какъ. Но правдѣ, по божьи. Слово дѣйствіе тока опуталъ въ себѣ Левинъ; онъ собрался съ мыслями. Разумъ учитъ насъ жить для своего чрева, но присущее мнѣ и всѣмъ людямъ сознаніе добра стоитъ внѣ разума и причинности. До сихъ поръ я видѣлъ въ жизни простую смѣну матеріи, развитій, какъ будто такое было мыслимо въ безконечности, и, несмотря на величайшее напряженіе мысли, я не могъ найти никакого смысла жизни, смысла моихъ желаній и движеній, тогда какъ онъ былъ такъ ясенъ во мнѣ, ибо я безпрестанно жилъ съ нимъ; теперь я освободился отъ обмана, узналъ господина дома, то знаніе добра и зла, которое я всосалъ съ самой жизнью; не довольствоваться этимъ—гордость, глупость, фиглярство, утешеніе. Каждый философъ такъ же знаетъ жизнь, какъ и мужикъ Федоръ, и хочетъ только сомнительнымъ путемъ разума вернуться къ давно извѣстному всѣмъ. Духовно мы разрушаемъ только, ходимъ плясать на ледъ. Безъ представленія о Богѣ-Творцѣ, о добрѣ, что мы съ нашими желаніями, страстями, мыслями? Не разумомъ—сердцемъ, вѣрую въ то, что исповѣдуетъ церковь, знаю я это. «Люби ближняго твоего»—этимъ словомъ уже въ дѣтствѣ внималъ я радостно, такъ какъ они лежали въ моей душѣ, хотя не были понятны. Чтобы достигнуть такого состоянія, не нужно цѣлкомъ содѣйствіе разума. За чувствомъ радости и успокоенія мысль едва ли можетъ послѣдовать. Былъ еще одинъ вопросъ: если главное доказательство бытія Божія откровеніе добра, почему оно должно ограничиваться христіанствомъ? Однако, этотъ вопросъ поставленъ неправильно; мнѣ лично, моему сердцу открыто это знаніе. Это новое чувство не измѣнило мнѣ, оно осязательно, облегчало, поразило столь же мало, какъ и чувство моей любви къ сыну. Я буду продолжать свою обычную жизнь, но теперь моя жизнь, вся жизнь будетъ независимая отъ всего, что можетъ случиться со мною, каждая минута не только не будетъ безсмысленною, какъ это было раньше, но она будетъ имѣть несомнѣнный смыслъ добра, который я имѣю вложить въ нее.

Этой наградѣ за нравственную борьбу,—противопоставляется наказаніе разума. Но тутъ нѣтъ никакихъ искушеній, совѣтъ другое дѣло съ

бѣдной Карениной. Разсудокъ соблазнительно внушаетъ несчастной, что на то онъ и данъ, дабы при помощи его человекъ могъ освободиться отъ всего, что его безпокоитъ; да и почему, въ самомъ дѣлѣ, на потушить свѣчи, если она не освѣщаетъ ничего хорошаго? Видѣ все неправда, ложь, обманъ, зло;—и свѣтъ, при которомъ она читала книгу, исполненную ужаса, боли и зла, запалалъ ярче, чѣмъ прежде, освѣтилъ ей все, что раньше было темно, потомъ затрещалъ, началъ блѣднѣть и потухъ навсегда.

Въ этой борьбѣ противъ матеріализма, въ этомъ выступленіи въ защиту морали, религіи и церкви не могли остаться въ сторонѣ. Левинъ обманулся, прежде всего, въ церкви и въ бурной погодѣ за петливой скоро созналъ свою ошибку. На этотъ разъ онъ высказался не въ художественномъ произведеніи, но въ научныхъ и полемическихъ статьяхъ, исповѣдяхъ и т. п., который теперь въ лихорадочной поспѣшности послѣдовали другъ за другомъ. Возьмемъ отсюда одну статью «Моя религія», (Paris, 1885). Левинъ, поборовъ свой матеріализмъ, обратился въ церковь; однако, онъ нашелъ, что суть христіанства: любовь, смиреніе, самоотреченіе, воздѣланіе добромъ за зло, адѣкъ сдѣлалась простою случайностью. Религіозная же нетерпимость, догматизмъ и обрядность скоро совсѣмъ оттолкнули его отъ церкви.

Большой волшебникъ Достоевскій, сейчасъ же по выходѣ послѣдней части «Анны Карениной», предсказалъ готовящуюся перемѣну, отпаденіе отъ единого спасительнаго, національнаго православія, указавъ, что скоро, несмотря на мнимое успокоеніе Левина, найдется камень, черезъ который рухнетъ все. При этомъ онъ далъ удивительно удачную характеристику Толстому—въ 1877 г., и въ 1905 г. нечего прибавить къ ней: несмотря на колоссальный художественный талантъ, Толстой одинъ изъ тѣхъ русскихъ, которые видятъ только то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, и потому упираются на этотъ пунктъ. Очевидно, эти люди не имѣютъ способности повертывать шею направо или налево, чтобы увидѣть и то, что стоитъ въ сторонѣ; для этого имъ приходится поворачиваться всѣмъ корпусомъ. Тогда они покажутъ будутъ говорить и прямо противоположное; во всякомъ случаѣ, они всегда искренни. И дальше Мережковскій приводитъ слова Достоевскаго: простота (Толстого и многихъ русскихъ) прямодлинна и врозь того добродушна; она—врагъ анализа; весьма часто кончается тѣмъ, что они въ своей простотѣ начинаютъ не понимать дѣла; даже не видятъ его, такъ что тогда выходитъ противоположное, т.-е. ихъ собственная точка зрѣнія изъ простой (естественной) сама собою и невольно переходитъ въ фантастическую. На этомъ основывается развитіе квакера, рационалиста, отрицателя всякой религіи, который даже о Богѣ говорить не смѣетъ, но Оно (божество).

Сначала, правда, Толстой привлекало еще само евангеліе, особенно нагорная проповѣдь, отъ которой исходитъ большинство сектантовъ; онъ увидѣлъ, въ какой противоположности съ духомъ св. книги стоитъ весь нашъ общественный порядокъ, покоившійся на принципі, «око за око», понимая какъ непримиримо противорѣчатъ другъ другу божеское и человѣческое право; для него стало яснымъ, что въ основѣ всего лежитъ практическая непріемлемость ученія Христа; что мы ничто, пустые звуки величаемъ церковью, государствомъ, культурою, наукою, искусствомъ, цивилизаціей. Толстой углубился въ изученіе евангеліекаго текста и первыми отцовъ церкви, нашелъ, что уже съ пятого вѣка, «не судите, да не судимы будете», ложно истолковывалось, какъ простое послѣсловіе—такъ и онъ ~~хотѣ~~ и раньше понималъ,—въ то время, какъ они относились къ общественному суду и судьямъ; нашелъ, что мнимая вѣра въ личное воспріятіе Христа была неизвѣстна, и есть только пережитокъ язычества, смут-

наго смѣшенія сна и смерти; что Христосъ личной жизни противопоставлялъ не жизнь по ту сторону гроба, но общую жизнь человечества, непосредственно связанную съ настоящимъ прошедшимъ и будущимъ. Исследователь входитъ въ сложнѣйшіе вопросы текста, устраняетъ старые, нетѣрные переводы, толкованія, чтенія; вѣдается въ грубѣйшія рационалистическія пошлости, напр., объясненіе напѣтанія пяти тысячъ имѣвшихъ съ собою хлѣбъ, предавая его, по примѣру Христа и апостоловъ, другимъ. Тогда мнѣ больше нравится проповѣдникъ, который вмѣсто тысячъ ставитъ сотни, и этого не хотѣлъ говорить—мои крестьяне все равно не поѣдятъ, каждый изъ нихъ одинъ съѣдаетъ семь хлѣбовъ. Такимъ образомъ, Толстой пришелъ къ выводу, что отъ ученія церкви не остается ничего.

Церковное ученіе о жизни совершенно химерично; жизнь, исполненная борьбы и страданій, представляется намъ чѣмъ-то временнымъ и неестественнымъ, посящимъ вину фантастическаго грѣхопаденія, на самомъ дѣлѣ, это лишь вѣчная борьба между животными и разумными истинниками. Для всякаго непродуббленнаго, ученіе церкви безуміе, которое проповѣдуется въ религіи мнимаго христіанства, уже 1,500 лѣтъ. Ученіе Христа состоитъ изъ моральной и метафизической части. Какъ и въ другихъ религіяхъ, съ теченіемъ времени нравственная сторона оставляется и замѣняется простыми обрядами и развитіемъ метафизической части. Произвольное раздѣленіе морали и метафизики, первый допустилъ язычникъ Павелъ, которому этический смыслъ былъ мало доступенъ, и паче было dokonчено при Константинѣ, когда думали всякое языческое учрежденіе прикрыть христіанскимъ покровомъ. Освободившись помимо церкви, отъ рабства, отъ самодержавія царей и папъ, мы пойдемъ дальше и свергнемъ его собственности и государства; все независимо отъ церкви: она сдѣлалась лишнею; за темнотою и неясностью должно послѣдовать сознательное усвоеніе истины Христова ученія. Мой кусокъ хлѣба принадлежитъ мнѣ только тогда, когда я знаю, что каждый имѣетъ свой, что никто не страдаетъ, когда я его ѣмъ. Кто хочетъ сохранить жизнь, потеряетъ ее въ своемъ эгоизмѣ. Истинная жизнь увеличиваетъ скопленное прошлыми поколѣніями добро; отказываясь отъ собственной воли, слѣдуетъ волѣ Бога. Этимъ моя жизнь и смерть посужить благу всѣхъ; повиноваться разуму, дабы осуществленіе блага,—воплѣщеніе всего ученія; догматы, грѣхопаденіе, искушеніе и т. п., исказили только наше пониманіе и уничтожили всякую этику въ христіанствѣ. Вѣра покоится на совершенномъ сознаніи истиннаго смысла жизни, есть знаніе истины, но не системы; вопросъ, что дѣлать, дабы вѣровать, доказывать только, что ученіе Христа не понято. Безъ ученія Христа и безъ церкви, мы ближе къ идеалу Христа. Исповѣдующій этотъ идеалъ долженъ оставить міръ; вѣдь какъ разъ мірская жизнь требуетъ большихъ жертвъ и страданій, лишается насъ истинныхъ условій счастья; порываетъ нашу связь съ природой, убиваетъ радость полезной работы, препятствуетъ свободному общенію съ человѣкомъ, губитъ здоровье, ведетъ за собою болѣзни и раннюю смерть. Папъ цивилизованный міръ лишаетъ ясно формулированныхъ моральныхъ основъ жизни; онъ знаетъ только подчиненіе аиx *rouvoirs établies*; но церковь, т. е. соединеніе людей связанныхъ не формулами и мипромазаніемъ, но дѣлами правды и любви, всегда жила и будетъ жить; пусть число ея членовъ будетъ невелико, она образуетъ неодолимую церковь, въ которой найдутъ убѣжище всѣ люди,—не бойся малое стадо, ибо отецъ благоволилъ дать тебѣ царство. Нигилисты—единственные истинные христіане, лучшіе въ наше время, хотя они не знаютъ Христа, часто несправедливо его; они одни имѣютъ вѣру, ведутъ une *vie raisonnée*.

«Такой языкъ говорить самъ за себя; онъ идетъ отъ глубокаго, религиознаго чувства, воодушевляется, всякою правдою, вѣсьмъ высокимъ, благороднымъ, божественнымъ, и идетъ противъ всего низкаго, грязнаго. Религиозный элементъ здѣсь приведенъ въ гармоническое созвучіе; со свободною этической точки зрѣнія христіанство сдѣлалось нравственной религіей; переходить въ исповѣданіе абсолютной религіи», говорить одинъ нѣмецкій богословъ, но не о Толстомъ, а по поводу одного сѣверо-американскаго унитарія Ө. Паркера (*A discourse of matters pertaining to religion*, Лондонъ, 1865). Только для русскихъ давалъ Толстой что-то новое. Польские ариане, напр., предшественники этихъ унитаріевъ, пользовались даже тѣми же цитатами изъ Оригена, чтобы умолчать о нагорной проповѣди; точно также, какъ и Толстой, они учили о непротивленіи злу: «люди должны мнѣ дѣлать добро; все зло, которое они причинили бы мнѣ, обратилось бы противъ нихъ самихъ, и такъ какъ они дѣлаютъ это, не зная правды, то я не могу показать имъ этого, если я самъ соучаствую во злѣ; я долженъ исповѣдывать истину своими дѣлами; они также объявляли, что Христосъ не воспретилъ рѣшительно войны лишь потому, что не могъ думать даже и о возможности этого убійства среди людей, носящихъ его имя; отрицають рай: достаточно, если общество послѣдуетъ закону Христа, это одно дастъ свѣту миръ; протестуютъ противъ утвержденія о трудности Христова закона, этого въ сущности легкаго ига и т. д. Только въ Россіи подобныя старыя «ученія» могли произвести сенсацію, побудить людей искать новыхъ путей къ совместной жизни по толстовскимъ основамъ» (что, впрочемъ, не приводило ни къ чему), доставить знаменитому писателю славу пророка.

Но нигилисты, атеисты и анархисты Левинъ прежде столь горячо и односторонне выступавшій въ защиту искусства ради искусства, не остановился и на этомъ, такъ что даже старый Хомяковъ счелъ нужнымъ при почетномъ приѣмѣ объявить его членомъ Московскаго общества (1859), шелъ теперь противъ искусства, противъ культа красоты, противъ всякаго идеализированія чувственной любви; онъ сдѣлался вегетеріанцемъ, ибо считалъ невозможнымъ убійство животныхъ, которая у него стояла всегда такъ высоко, сравни Хомякова 1861 г. и др.; выступалъ противъ алкоголя, противъ табака, какъ средствъ отуманивающихъ умъ, притупляющихъ наше чувство правды; боролся противъ всякой дѣятельности духовенства, являющейся простымъ мыльнымъ пузыремъ, или служащей къ обезпеченію казны и удобствъ ея жизни—если эта дѣятельность не проникнута дѣйствительнымъ огнемъ воодушевленія: вообще все шаблонное, чисто разумное, гдѣ бы то ни было, ненавистно ему, кажется ему безплоднымъ. Но изложеніе этихъ слѣдствій выходитъ изъ рамокъ настоящей книги.

Нашъ менте интересуется это ученіе и выводы изъ него, какъ то, что въ Россіи впервые могъ появиться и утвердиться нравственный авторитетъ, совершенно внѣ государства и церкви, даже вопреки имъ. Пусть ортодоксы и консерваторы скрежетали при одномъ имени Толстого, но они не отваживались посягнуть на него. Шлене и другіе террористы, ни за что, ни про что, часто даже по простому недоразумѣнію, засаживавшіе въ темницы тысячи людей, навсегда дѣлавшіе ихъ несчастными, оставляли въ покое въ тысячу разъ болѣе виновнаго изъ страха передъ Европой, передъ Россіей. Это единственныя разы, когда любимое словечко «флють!» застрѣло у нихъ въ горлы: они могли отлучить Толстого отъ церкви, задерживать печатаніе его сочиненій; но не были въ силахъ схватить его самого. Первый въ Россіи примѣръ столь большаго моральнаго авторитета; поэтому-то это такъ и интересно для насъ, какъ знаменіе времени.

Но и въ другомъ отношеніи фактъ весьма поучителенъ. Прежде всего, что касается близорукости людей. Мы умолчимъ здѣсь о нападкахъ прогрессивной критики противъ «вреднаго» автора «Войны и мира» или «Анны Карениной».

Тургеневъ, самъ весьма много содѣйствовавшій распространенію Толстого во Франціи, уже съ раннихъ лѣтъ признавшій и цѣнившій талантъ Толстого, — въ 1856 г. писалъ о немъ: «когда это молодое вино перебродится, получится нанитокъ для боговъ!», — могъ жаловаться на «Анну Каренину», что она пахнетъ «Москвою», ладаномъ, старой дѣвой, славянофильствомъ, дворянскимъ хозяйствомъ — въ этомъ случаѣ не Толстой, а Тургеневъ только «a fait fausse route».

Другіе могли жаловаться съ большимъ правомъ, что Толстой разочаровалъ ихъ, быть можетъ, хуже еще, чѣмъ нѣкогда Пушкинъ. Когда отъ великаго поэта ожидали выраженія протеста, онъ давно уже заключилъ свой договоръ съ реакціей; подобный же компромиссъ заключилъ и Толстой съ жизнью. Уже его Безуховъ угрожалъ, что онъ раздастъ свое состояніе бѣднымъ: этой простой мысли Марія Ростова противопоставила укачаніе на дѣтей, которыхъ нельзя де ограбить. Спустя нѣсколько лѣтъ повторилось то же самое. Толстой, проникшись убѣжденіемъ Безухова, готовъ былъ идти просить милостыню — воспротивилась жена: «я бы пошла съ нимъ, если бы не имѣла маленькихъ дѣтей; а онъ все забылъ со своимъ ученіемъ»; она была готова требовать судебнаго опекунства надъ состояніемъ. Но дѣло и не думало доходить до такой крайности. Какъ Пушкинъ, только еще менте вынуждаемый къ тому, Толстой дешевымъ компромиссомъ отдѣлался отъ неудобныхъ слѣдствій.

Для литературы значеніе имѣло другое обстоятельство.

Послѣднія слова, которыя умирающій Тургеневъ писалъ черезъ одного иностранца Толстому, были въ письмѣ отъ 28 июля 1883 г.: 22 августа онъ умеръ. Оба писателя знали другъ друга съ раннихъ лѣтъ, однако, никогда они не могли подружиться навсегда; Тургеневъ жаловался на «несвободность своего ума, всегда что-то отталкивало его. Теперь онъ сознается какъ онъ былъ радъ считаться современникомъ Толстого и высказываетъ свою послѣднюю некрепкую просьбу: «возвращайтесь опять къ литературной дѣятельности, ибо этотъ вашъ даръ происходитъ оттуда же, откуда и все остальное. Какъ я былъ бы счастливъ, если бы я могъ думать, что моя просьба подѣйствуетъ на васъ. Мой другъ, великій писатель земли русской, внимайте моей просьбѣ. Больше я не могу — я усталъ».

Могло казаться, что послѣ Анны Карениной Толстой навсегда распростиется съ литературой; онъ и теперь писалъ чрезвычайно много, но все богословскія, полемическія вещи для народа; отъ романа авторъ отказался. Еще во время своей педагогической дѣятельности въ Ясной Полянѣ, 1860—1862 г., Толстой жаловался на полный недостатокъ народной литературы, теперь онъ взялся обрабатывать легенды, народныя сказки, собственные сюжеты въ духѣ своего ученія о божественномъ провидѣніи; о простотѣ сердечной — какъ три старика напрасно учили молитву Господню: о невмѣстительствѣ; о недѣланіи зла — случайная смерть дурного управляющаго, котораго думали убить, и т. п. Эти тенденціозно-дидактическіе рассказы не претендуютъ ни на какую художественную цѣнность; простой, естественный языкъ — ихъ лучшее украшеніе; во времена эта простота кажется напысканою. Всѣ эти повѣсти далеко превосходятъ драму изъ крестьянской жизни «Власть тьмы», или «Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропавъ» (1886), одна изъ самыхъ выдающихся крестьянскихъ драмъ и не только въ Россіи, стоящая выше драмъ Писемскаго и Потѣхина. Построена она по схемѣ, съ которой мы знакомы изъ «Анны Карениной»: против-

положность между разумомъ, учащимъ думать о своей выгоде, и между сердцемъ, инстинктомъ, потребностью добра. Говорливая Матрена, которая знаетъ въ 77 хитростей, которая, падая съ печи, передумаетъ 77 мыслей, высоко держать знамя «ума». Все извѣстно и обдумаетъ она; не идетъ такъ, грѣхъ и преступленіе — пусть и не охотно совершаешь его — должны тутъ помочь; только все хорошенько прикриты, чтобы не осталось никакого слѣда, и наше счастье обезпечено. Акимъ даже не умѣетъ какъ слѣдуетъ, говорить, заикается, тупеетъ слова и всюду еуетъ свое «тае», къ величайшему неудовольствію нетерпливой Матрены; онъ довольствуется лишь общими истинами, прибѣгаетъ постоянно къ старымъ пословицамъ и поговоркамъ, положительно вертится въ кругѣ со своими постоянными повтореніями: «Ты на свое воротишь, какъ тебѣ лучше, а Богъ, значить, тае, со поворотить... ладнѣе, значить, какъ себѣ лучше, да про Бога, тае, и запомнуйсь...» Тщательно построенная комбинація разума не выдерживаютъ голоса чувства, отягченного виною сердца, и на признаніе сына приведенная въ ужасъ Матрена напрасно кричитъ: «выведѣте его, онъ съ ума сошелъ!» Изыскъ, возрѣнія, дѣйствія — все провозводитъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Даже въ вариантахъ къ отдѣльнымъ сценамъ находятся интересныя мысли, напр., слова солдата о глубѣйшемъ соседствіи, бабахъ, этомъ, стадѣ безъ настуха, которыхъ самое большое поучить вожжами пыльный мужикъ, которая только ползаютъ словно кроты или слѣпые щенята головами въ навозъ тычятся — ужъ кто отвѣчать за насъ будетъ?

И на долю интеллигенціи приходилось немало. Мы можемъ пройти мимо комедіи «Плоды просвѣщенія», которая не выдерживаетъ никакого сравненія съ трагизмомъ «Власть тьмы». Толстой, какъ всегда осмѣиваетъ интеллигенцію, ея праздную, безцѣльную, неразумную жизнь — всегда замѣчаясь, какъ мораль интеллигенціи является лишь моралью полусвѣта, на который она презрительнозираетъ; ея образованіе такъ же безцѣльно, бѣжитъ за великимъ шарлатанствомъ, на этотъ разъ за медиумами, гипнотизерами — главная крестьянская дѣвка остается въ дуракахъ профессоровъ. Ненависть Толстого ко всякой мистикѣ, ко всему трансцендентальному и метафизическому сказывается и здѣсь. Но спиритистъ въ «Аннѣ Карениной» былъ несравненно интереснѣе, продуманнѣе, глубже, чѣмъ всѣ эти пустоголовые люди съ ихъ полужапанскіми тема, какъ и форма, можетъ возбудить лишь посредственный интересъ. Въ этомъ родѣ одновременная повѣсть, «Крейцеровъ соната» (1889), «Смерть Ивана Ильича» (1884), «Хозяинъ и работникъ» и др., гдѣ рѣчь идетъ объ интеллигенціи, чувствительно задѣваются ея формальная мелочность, механическія правила приличія, пустота, въ «Крейцеровой сонатѣ» особенно воспитаніе дѣтей, дѣлающее изъ нихъ не людей, но ручныхъ звѣрей, подготовка дочерей къ зовкѣ простаковъ, супружеская нечѣистота; изобретъ, Толстой выступаетъ за половую воздержанность, за проведеніе христіанскаго идеала вмѣсто устраненія его черезъ указаніе на его мнимую неосуществимость. «Смерть Ивана Ильича» рисуетъ достойный конецъ бездушной весьма честной интеллигентной жизни, съ въ высшей степени шокирующими реалистическими подробностями. Только просвѣтлѣніе и обращеніе Илья благодаря его покорности, среди усноткительнаго впаздѣвствія окружающей обстановки, т. е. низшей прислуги изъ народа, а не жены и дѣтей, представлено не советомъ выдержанно — здѣсь замѣтна, какъ и въ каждомъ произведеніи послѣ 1876 г., самая навязчивая тенденція.

Замѣтитъ всего это въ большомъ романѣ «Воскресеніе». Прежде всего здѣсь князь Неклюдовъ, — толстовскій пренапѣтъ, безкровный и безкизненый, тотъ же самый недостатокъ мало уменьшилъ цѣну «Войны и мира», гдѣ единственная, совершенно не историческая личность, Пьеръ Безуховъ,

какъ разъ есть главное лицо; но этому препарату гениальный художникъ сумѣлъ вдохнуть видимую жизнь, онъ двигался не автоматически, поступалъ такъ, какъ будто дѣйствовалъ по самостоятельному рѣшенію, между тѣмъ, какъ Нехлюдову недостаетъ и кажушейся жизненности. Запутанность дѣйствій и ея разрѣшеніе производятъ чрезвычайно вымученное впечатлѣніе; въ пользу теории, идеи пожертвовано всякою правдою—какъ въ «Мертвыхъ душахъ», какъ въ «Преступленіи и наказаніи», намъ открывается видъ на продолженіе; вѣроятно, оно останется ненаписаннымъ. Какъ въ «Казакахъ» Маріанна отпускаетъ Оленина, такъ и здѣсь Маслова отпускаетъ Нехлюдова съ тѣмъ же «уйди», только Нехлюдовъ упорно настаиваетъ на своемъ во имя отвѣченнаго долга, въ который самъ онъ вѣритъ только про форма. Подробности какъ всегда выдаютъ мастера; картины тюрьмы со винами и другими нечистотами, вонью и мерзостью; маршированіе совершенно отвыкшихъ отъ воздуха и свѣта заключенныхъ въ знойной духотѣ июльскаго дня съ его солнечными ударами—однако, пришлось бы перечислить главу за главою, всѣ эти потрясающія, возмутительныя сцены, съ этимъ страшнымъ цинизмомъ, съ этимъ безпощаднымъ реализмомъ—сцены при перевозѣ, напр., вечеръ среди политическихъ «преступниковъ». И опять негодимая сатира на интеллигенцію, на лицемеріе, на индифферентность, формализмъ и механизмъ, на тупой эгоизмъ, безмысліе и безчувственность; сцены передъ судомъ, на службѣ, въ салонѣ—ничего не говорятъ объ истинномъ, христіанскомъ, гуманномъ человѣкѣ, котораго мы еще находимъ въ углахъ темницъ, подъ корою физической и моральной грязи. Только заглавіе романа совершенно ошибочно; никакой рѣчи не можетъ быть о «воскресеніи»; Нехлюдовъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ; у него рѣшительно нѣтъ, какъ и у самого Толстого, никакой вѣры. Машинально повторяетъ онъ слова гаупта англійскаго миссіонера, которыхъ каторжники принимаютъ съ презрительнымъ смѣхомъ; машинально пробѣгаютъ его глаза строки евангелія отъ Матвія, XVIII; совершенно такъ же, какъ Достоевскій сдѣлалъ «fausse route», не отпустивъ своего Раскольниковца со словами: «въ одномъ онъ только признавалъ свою вину, что онъ не выдержалъ и самъ указалъ на себя», но принѣсивъ сюда еще благочестивую бодовню о «воскресеніи черезъ любовь» и т. п.,—точно такъ же смѣется Толстой надъ самимъ собою и читателемъ, когда онъ заключаетъ свой романъ не выраженіемъ чувства омерзѣнія, которое овладѣло Нехлюдовымъ послѣ послѣдняго рѣшительнаго разговора съ Масловой, но съ помощью *deus ex machina* совершаетъ чудо надъ неисцѣлимымъ.

До этого Толстой издалъ свое сочиненіе «Что такое искусство» (1897); понятно, это вовсе не эстетика, но полемика противъ эстетики, требующая отъ искусства только непосредственной пользы, выработки возрѣвѣній для народа или молодежи, произведеніе совершенно одностороннее, однако, весьма характерное и въ отдѣльныхъ мѣстахъ не лишнее остроумныхъ, удачныхъ замѣчаній.

Толстой принадлежитъ къ «беллетристамъ сороковыхъ годовъ», по выбору своихъ типовъ и темъ, взятыхъ, какъ у Тургенева и Гончарова, изъ жизни русскаго провинціальнаго дворянства; городъ, народъ, вплоть до отдѣльныхъ омытовъ, какъ несчастный «Поликушка» и др., стоятъ въ сторонѣ. Его эпическое искусство, манера художества и психологія принадлежатъ дворянству; однако, у Толстого беретъ перевѣсъ простой интересъ къ человѣку—природа какъ таковая не останавливаетъ его. Зато его анализъ проникаетъ несравненно глубже; и самую благородную фразу, чувство, дѣйствіе онъ выдѣлываетъ и ищетъ тщательно въ своей любви къ правдѣ; уже его маленькій Пртеяевъ, любимый за свою искренность, думаетъ «не безъ внутренней самоудовлетворенности» (!), а всегда открыто

высказывая вещи, которыхъ мнѣ слѣдовало бы стыдиться. Это Толстой дѣлалъ всегда, отсюда и послѣдовательное развитіе его безъ единого прыжка, а еще говорить о перемѣнѣ, кризисѣ!—вплоть до полного отрицанія интеллигентной, общественной жизни и ея основъ или, правильнѣе, отсутствія основъ, вплоть до разоблаченія всего живаго, условнаго до протеста противъ безправственности, празднованія юбилеевъ, работы ума и просвѣщенія—ѣдою и питьемъ. Эта послѣдвательность—другіе могутъ называть ее односторонностью, замкнутостью—больше всего импонируетъ русскому, у котораго рѣшительность никогда не была сильною стороною; эта безбоязненность, это непрізнаніе какихъ либо границъ, передъ которыми европеецъ инстинктивно сдерживается, съ другой стороны, какъ мы выяснили это словами Герцена, глубоко обосновано самою сущностью русской жизни.

Поэтому то Толстой такъ полно передаетъ русскую натуру, онъ настоящій типъ русскаго вплоть до коренастой фигуры и мужицкаго лица, которое въ молодости сильно мучило его, и которымъ онъ теперь такъ сильно гордится; незнакомыи Толстой принимался даже за крестьянина, — «стало быть, выходить, что аристократъ не напечалъ на лицѣ», думаетъ онъ самодовольно. Толстой само физическое и моральное здоровье, человѣкъ, какъ и его искусство; онъ—поэтъ только земной жизни, могучій, суковатый дубъ, твердо вкоренившійся въ родной почвѣ, широко и величественно раскинувшійся надъ нею—безъ стремленія вверхъ, къ неизмѣнному, стремленія совершенно чуждаго ему—въ этомъ его ограниченность. Но въ этихъ границахъ онъ господинъ, неодолимый художникъ. Протей, могущій принимать видъ не только самыхъ различныхъ людей, но животныхъ и растений, знающій, какъ они живутъ и умираютъ, вѣдающій, что люди втайнѣ хотятъ и чувствуютъ, и что они явно дѣлаютъ или говорятъ. Его искренность раскрываетъ ему пустую ложь интеллигентской жизни, отсюда Толстой борется противъ нея уже въ своихъ самыхъ раннихъ сочиненіяхъ, отсюда сатирическій, проницательскій тонъ еще при изображеніи Пртеянова и его барской блажи, какъ выражался кучеръ; преслѣдованію этой «барской блажи» во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ посвящена пятидесятипятилѣтняя литературная дѣятельность Толстого; и съ каждымъ годомъ—послѣ короткихъ промежутковъ, особенно въ «Семейномъ счастьи» съ его проповѣдями «честнаго наслажденія жизнью», совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ плебей Молотовъ въ «Мышанскомъ счастьи» Помяловскаго,—пронія возрастаетъ до невозможности, до такой степени, что писатель не только, какъ художникъ, но даже и какъ человѣкъ пытается сорвать всякую связь съ этимъ «семейнымъ счастьемъ», какъ съ грѣховнымъ и безсмысленнымъ.

Удивительная полнота и точность наблюденій, какъ и фанатизмъ правды, искусство пластическаго, чувственнаго, живописнаго изложенія, какъ и глубокое проникновеніе психическаго анализа нормальнаго человѣка, обуславливаютъ необыкновенное, выходящее далеко за предѣлы Россіи, значеніе произведеній Толстого, дѣлаютъ его однимъ изъ величайшихъ эпи-ковъ всѣхъ временъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Достоевскій.

Мистикъ и пророкъ въ противоположность великому реалисту. Его первыя произведенія не даютъ никакихъ указаній относительно послѣдующаго развитія. Перемѣна направленія со времени «Мертвота дома» и особенно съ «Преступленія и наказанія», «Идиота», «Бѣсовъ», «Братьевъ Карамазовыхъ». Его характеръ и значеніе: тревожность творчества; его ортодоксальная односторонность.

Совершенно въ противоположность вѣтъ другимъ русскимъ бездарицамъ, всегда изображавшимъ здороваго нормальнаго человѣка, пусть онъ страдаетъ отъ недовольства, разочарованія, несправедливости, пусть отъ природы или по обстоятельствамъ онъ наклоненъ къ уметованію, гамлетизированію и сомнѣнію, Достоевскій — поэтъ людей больныхъ, ненормаль-

Ф. М. Достоевскій.

ныхъ, выбитыхъ навсѣгда изъ физическаго, моральнаго и духовнаго равновѣсія. Взгляду въ бездонную глубину, въ темную сторону человѣческаго ума, въ его безсознательную, неуправляемую дѣятельность, виду моральныхъ заблужденій, извращенныхъ стремленій — мы обязаны не нашимъ декадентамъ, сатанистамъ, оргіастамъ; Достоевскій давно уже предупредилъ ихъ. Ничего нѣтъ характернѣе для писателя, какъ его отношеніе къ Французамъ, Флоберу или Бурже; тамъ, гдѣ прекращается искусство обоихъ, тотъ только начинается. Такъ онъ пишетъ продолженіе «Madame Bovary»: какъ аптекарь узналъ изъ свидѣтельствъ, оставшихся послѣ жены, что его единственное утѣшеніе, его любимое дитя, принадлежитъ другому — какъ у позорно обманутаго супруга развивается чувство ненависти къ дитяти, какъ жажда мести овладѣваетъ прежде столь спокойнымъ, тихимъ, робкимъ буржуа, становится его маніей, какъ онъ ищетъ знакомства съ этими

другимъ и т. д. Сравни «Le disciple» съ «Преступленіемъ и наказаніемъ», гдѣ французъ уступаетъ русскому, — а «Le disciple» написанъ двадцатью годами позже, и Бурже выдаютъ за «психолога!»

Какія внѣшнія обстоятельства способствовали тому, чтобы сдѣлать изъ Достоевскаго поэта аномальныхъ людей, преступниковъ и сумасшедшихъ, эпилептиковъ и неврастениковъ, мистиковъ, уметователей и скептиковъ, всѣхъ сиротъ и отверженныхъ, — это извѣстно. Болѣзненность — распатанную, первую систему, припадки эпилепси Достоевскій вынесъ не только съ каторги, онъ уже принесъ ихъ туда. Для эпилептика характерна также большая религиозность, наконецъ одержавшая побѣду надъ всеми сомнѣніями и недомѣяніями, заставлявшая его быть несправедливымъ къ наставникамъ своей молодости (Бѣлинскому) за пренебреженіе къ Христу. Къ этому присоединились два страшныхъ, совершенно незаслуженныхъ удара судьбы, которые и самаго разумнаго человѣка могли бы сдѣлать безумнымъ: крѣпость съ ея допросами, съ ужасной одиночкой и со страшнымъ смертнымъ приговоромъ (одинъ изъ его товарищей по заключенію сошелъ съ ума), и четыре года каторги въ убійственной обстановкѣ арестантскихъ ротъ, гдѣ онъ ни на одно мгновеніе не могъ почувствовать себя человѣкомъ. — вносльдствіи Достоевскій изобразилъ впечатлѣнія несправедливо мигче, чѣмъ они были въ дѣйствительности. И потомъ, когда онъ только что началъ въ Петербургѣ обезпечивать свое жизненное положеніе, издавая журналъ, неожиданное, совершенно идиотское, вызванное только недоразумѣніемъ закрытіе этого, разореніе писателя, его брата и ихъ семей, новая неудачная попытка; смерть ближайшихъ и любимѣйшихъ существъ, манурильшая, нечеловѣческая работа, которая, однако, не могла предупредить краха; бѣгство отъ долговой тюрьмы за границу, лихорадочная работа въ погонѣ хотя бы за незначительною вырубкой, годами мучившая его — все это свалило бы съ ногъ и самаго сильнаго. Ничего удивительнаго, что Достоевскому казалось, будто съ него живого сдирали кожу, что каждое дуновеніе вѣтерка причиняло ему боль. И къ тому же все болѣе участившіеся, все болѣе жестошіе припадки грозной болѣзни, ежедневны дѣлавіе его неспособнымъ къ какой бы то ни было работѣ, бросаю его на постель съ разбитыми членами, съ усталой до смерти головой; и все таки непрерывно продолжалась эта работа, постоянно организмъ напрягался до крайности. Къ тому же другіе удары судьбы — непризнаніе писателя злобными обшечіями, извѣстными насмѣшки — поветніи, адекая жизни! Тѣмъ удивительнѣе эта кошачья натура: иногда дѣло не доходило до полнаго разрушенія, пусть иногда цѣлостъ разсудка выѣзла на волосокъ. Всегда въ немъ было гордое сознаніе художника, для котораго его работа, несмотря на превратности, составляла все, пусть онъ чувствуетъ себя господиномъ, слово котораго для «нихъ» должно быть закономъ; и, прежде всего, ему постоянно присуша эта страстная любовь, симпатія ко всѣмъ униженнымъ, обиженымъ и оскорбленнымъ. Что, напр., нашему писателю вѣзало въ память посль осмотра громаднаго города (Лондона)? — Образъ маленькой оборванной дѣвочки, которой онъ далъ серебряную монету, и которая, словно дикій звѣрь, побила отъ него и людей, боясь за свое сокровище — въ вестминстерское аббатство, ни флотъ, ни англійская конституція не могли одинаково заинтересовать его. То же же самое незадолго до того случилось и съ Толстымъ, на котораго изъ всего виднаго на Западѣ произвела неизгладимое впечатлѣніе только извѣстная люцернская сцена съ музыкантомъ-нищимъ, которому никто ничего не подавалъ; да, варвары имѣютъ глаза лисерицы!

Превратности жизни объясняютъ многое во внѣшности творчества Достоевскаго: недостатки изложенія, отсутствіе надлежащей композиціи,

повторенія и длинноты и т. п. Писателю просто не доставало времени просматривать рукописи, ему никто не переписывалъ его «Войны и мира» по шести разъ, авторъ былъ бы радъ, если бы успѣлъ хоть продиктовать ее до конца. Начало, какъ наиболее обдуманное, является часто самою лучшею частью произведенія; продолженіе иногда не соответствуетъ ему, запутывается; заключеніе не подходитъ къ началу! Достоевскій не пискъ, повѣствователь, изобразитель. Природа для него не существуетъ, описаній нѣтъ. Его интересуетъ только человекъ, т. е. его душевная жизнь. Но Достоевскій и не драматикъ; какъ настоящий славянинъ онъ вообще не умѣетъ сгруппировать мысли, теряется въ безобразности. Если бы ему была суждена болѣе продолжительная жизнь, и тогда онъ едва ли бы складывалъ «Карамазовыхъ». Какъ несвойственно было писателю приятное, удобное рассказываніе, доказываетъ то обстоятельство, что его самые болѣе и длинныя романы начинаются собственно непосредственно передъ катастрофой, что они съ ихъ томами заполняютъ небольшой промежутокъ времени нѣсколькихъ дней, самое болѣе — нѣсколькихъ недель. Какъ мало смысла онъ имѣлъ для драматической характеристики, видно изъ того, что его дѣйствующія лица, напр., всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Достоевскій очевидно инстинктивно чувствовалъ свою слабость и избралъ для своихъ романовъ форму писемъ и личнаго повѣствованія или записокъ, передающихъ собственныя приключенія и впечатлѣнія; иногда романъ страдаетъ отъ этого самымъ чувствительнымъ образомъ, какъ, напр., для «Бѣсовъ» личная форма явилась роковою, ее пришлось оставить и однако форма тутъ не гармонируетъ съ содержаніемъ. Зато Достоевскій оживляетъ свои образы изнутри. Можно совѣтъ не представлять, какъ выглядывалъ Раскольниковъ, или одинъ изъ Карамазовыхъ, или Мышкинъ, зато мы знаемъ каждое движеніе, каждую нить ихъ психологическаго организма, а это очень сложные организмы.

Достоевскій не рассказываетъ и не описываетъ; онъ ставитъ людей другъ противъ друга, говоритъ за нихъ, анализируетъ, доказываетъ со страстностью и энтузіазмомъ, съ настойчивостью и остроуміемъ, съ многосторонностью и глубиной, — качествами рѣдкими, особенно въ русской литературѣ. Недостатокъ въ талантѣ рассказчика онъ возмѣщаетъ удивительною ловкостью въ запутываніи узловъ, чрезвычайно темной экспозиціей, въ которой мы постоянно натапливаемся на загадки. Въ «Бѣсахъ» прямо злоупотребляется этимъ, терпѣніе читателя подвергается жестокому испытанію. Какъ долго авторъ умѣетъ выдерживать тотъ или иной видъ! Читатель, какъ и судья, убежденъ, что Митя отцеубійца; и послѣ того, какъ онъ узнаетъ настоящую суть дѣла, ему стоитъ вернуться къ вопросу Мити, чтобы подивиться мастерству писателя.

Эти общія замѣчанія освобождаютъ насъ отъ труда возвращаться каждый разъ къ могущимъ встрѣтиться недоразумѣніямъ; они знакомятъ насъ не съ идеалами, тенденціями и предрасудками великоросса. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ произведеній въ хронологическомъ порядкѣ мы опускаемъ при обиліи матеріала все менѣе значительное, менѣе удавшееся, напр., «Подростокъ», или мало характерное, напр., попытку состязаться съ Поль-де-Кокомъ (въ комически-скабрёзныхъ анекдотахъ). Достоевскій не сразу нашелъ свою дорогу. То, что предшествуетъ «Мертвому дому» (1862), болѣею частью, содержитъ лишь отдѣльныя черты его позднѣйшаго творчества, даетъ возможность только предвидѣть ихъ, напр., предположеніе къ героямъ дѣтскаго міра, выборъ совершенно опредѣленныхъ психологическихъ проблемъ и т. д. Его первыя произведенія, съ одной стороны, напоминаютъ Гоголя, съ другой — Диккенса, Бальзака, Гюфмана. Первая повѣсть, обезличившая Достоевскому восторженный приѣмъ Некрасова, Григорovichа

и Белинского, по сравнению съ которой непосредственное продолженіе стояло много ниже, была менѣ всего характерна. Это картина города, а Достоевскій всегда оставался поэтомъ городовъ, однако, не великолѣпна и блеска ихъ, но ихъ несчастія, бѣдности, порока; и это произведение проникнуто любовью къ маленькимъ людямъ; оно насъ учитъ: посмотрите на ничтожнаго, бѣднаго, покинутаго канцеляриста, изъ которомъ ни на дюймъ нѣтъ героя, однако, онъ способенъ къ величайшему самопожертвованію, и безъ малѣйшаго позирования, какъ будто это все само собою понятно. Дѣвушка свободна отъ всякаго эгоизма, всякаго расчета, онъ только герой емиренія, кротости и униженія. Слѣдующія повѣсти говорили о томъ же самомъ Дѣвучкинѣ подъ другимъ именемъ: какъ онъ, самъ не дождалъ, сбѣгаетъ небольшое состояніе для своей свояченицы, какъ его находятъ въ матрасѣ полуумершимъ отъ голода; или, какъ ему приходится вести себя на службѣ, отказываясь отъ всякаго человѣческаго достоинства, покаян предъ начальствомъ, дабы не лишиться его благорасположенія, и какъ лучшее я, моральный двойникъ героя, раскрываетъ и осуждаетъ это самоуниженіе. Ничто не возмывалось надъ анекдотическимъ матеріаломъ даже и тамъ, гдѣ писатель говорилъ о своихъ маленькихъ герояхъ и ихъ преждевременной, обусловленной обстоятельствами зрѣлости, или изображалъ разныхъ отталкивающихъ, дикихъ, мерзкихъ бестій.

Удара судьбы (1849—1857 гг.) Достоевскій принималъ съ христіанскою покорностью, какъ тяжелое, заслуженное наказаніе; его религіозность росла, соприкосновеніе съ народомъ только еще болѣе учило его русскому долготерпѣнію, «героизму рабства», и христіанскому смиренію, какъ наказаніе отъ всѣхъ страданій. Въмѣсто проповѣдника этихъ добродѣтелей, сначала явился повѣствователь. Какъ Беннакъ пятидесятихъ годовъ, который повѣдалъ удивленному обществу неизбѣжную правду о тюрьмахъ и преступникахъ. Въ сущности, правда была старая; давно уже народъ предугадывалъ ее, называя арестантовъ «несчастными». «Записки изъ мертвѣго дома» были грандіознымъ откровеніемъ, какого доселѣ не знала еще ни одна литература; «Тюрьмы» Пеллико были совершенно другимъ. Пришлось прибѣгнуть, (иначе цензура не пропустила бы) къ формѣ записокъ нѣкаго дворянина, присужденнаго къ каторгѣ за убійство изъ ревности, который по отбытіи тюрьмы остался въ Сибири и замѣтки коего опубликовываетъ издатель. Всѣ намеки на политическіе преступники, встрѣча съ полянами, первоначально были опущены. Записки простираются не на весь десятилѣтній періодъ тюремной жизни и передаютъ только впечатлѣнія перваго года, которыя позднѣе повторяются, и заключаются главною обобщающей категоріею. Наложене свободно отъ сентиментальностей, обращеній къ чувствамъ. Объективный обозрѣватель точно передаетъ видѣнное и слышанное, изображаетъ людей при работѣ, въ церкви, въ банѣ, въ театрѣ, въ здоровомъ и больномъ состояніи, до и послѣ экзекуцій, въ спорѣ или во время бунта, въ различное время дня и года, даже выѣзды съ находящимися при нихъ животными: козломъ, собакой, орломъ; потомъ изъ обилія типовъ выдвигаетъ нѣкоторые наиболее характерные, говорить объ ихъ прежней жизни. Только мѣстами спокойное изложеніе прерывается критическимъ замѣчаніемъ о ненужныхъ жестокостяхъ. Психологія «преступника» разсматривается съ чрезвычайной вдумчивостью. Свои наблюденія авторъ суммируетъ такъ: какъ много молодежи похоронено безъ пользы въ этихъ стѣнахъ, какъ много большихъ силъ погребено даромъ. Быть можетъ, все это былъ народъ необыкновенный, быть можетъ, самый даровитый, сильный; но напрасно погубилъ могучія силы, погубилъ неестественно, незаконно, безвозвратно. И кто виноватъ? Да, да, кто виноватъ? Мы можемъ отвѣтить: какъ разъ тѣ, по отношенію къ которымъ онъ будетъ не-

томъ проповѣдывать долготерпѣніе и смиреніе. Какъ человѣкъ дѣлается преступникомъ, показано въ примѣрахъ, полныхъ потрясающаго трагизма. Мы узнаемъ психологію арестанта: его мечтательное, напряженное бытіе, его почти дѣтское легкомысліе, непреодолимое стремленіе показать себя временами господиномъ себя самого, проиграть или проиграть свой скудный заработокъ; мы видимъ угрюмое молчаніе, упорство, сдержанную злобу, часто подъ маской разсудительнаго спокойствія; раздраженное прорывается снова въ ссорѣ и зависти, въ стремленіи къ дракѣ, во внимательствіи въ чуждія отношенія; хотя немало и разумнаго добродушія, охоты къ шуткамъ, насмѣлкѣ; большую силу имѣть почти болѣзненное честолюбіе, страсть, во что бы то ни стало, играть роль. Такъ и каторга не стираетъ разностей темперамента. Только одно общее всѣмъ: инстинктивная, неизгладимая ненависть крестьянина и солдата къ благороднымъ сотоварищамъ по каторгѣ! И надъ всѣмъ тяготѣтъ затѣмъ то же самое чувство тоски, заботы. Переть всѣмъ носится одна цѣль—свобода, которую воображаютъ себѣ въ болѣе заманчивыхъ краскахъ, чѣмъ она бываетъ въ дѣйствительности. Оборванный малый на свободѣ представляется каторжнику королемъ. Всякое чувствѣніе вины отсутствуетъ, всегда чувствуютъ себя дѣйствовавшими по праву, иначе де нельзя было, особенно въ преступленіяхъ противъ начальства. Наказаніе принимается, какъ необходимое, естественное зло; объ исправленіи не можетъ быть и рѣчи. Ни государство, ни тюрьма не имѣютъ для этого никакихъ данныхъ. Изъ другихъ указаній Достоевскаго мы знаемъ, кто одинъ можетъ претендовать на это, что все изложеніе проникнуто самой искренней любовью къ человѣку, которая одна находила божественный обликъ среди этихъ бранныхъ, клеимыхъ существъ, объ этомъ нечего и говорить.

Отнынѣ большой оставался среди преступниковъ, среди тѣхъ, которые, отвергая христіанскую кротость, посягали на права себѣ подобныхъ, ставили себя по ту сторону добра и зла, придумывали теорію, разбивавшую имъ все. Такъ спустя нѣсколько лѣтъ, когда журнальная дѣятельность писателя прекратилась, появился романъ «Преступленіе и наказаніе» (1866). Идея преступленія Раскольниковова какъ бы витала въ воздухѣ: почти одновременно такіе же злодѣянія были совершены студентами въ Парижѣ и въ Россіи. Медицинскіе эксперты, напр., французскій трудъ Луага о Достоевскомъ (Парижъ, 1904), правы, принимая Раскольниковова за сумасшедшаго. Этого пониманія во всякомъ случаѣ не раздѣлялъ авторъ, возлагавшій на преступника всю моральную отвѣтственность, думавшій за первую часть выпустить вторую, посвященную искупленію, возрожденію—еще хорошо, что Достоевскій, какъ и Гоголь, выполнилъ не все, что намѣревался. Болѣе потрясающей картины не можетъ быть: не сама мысль, наконецъ, твердо засѣвшая въ головѣ студента; не то, какъ онъ потому почти механически выполняетъ дѣло, какъ человѣкъ, единкомъ близко подошедшій къ колесу, втянутый и размоленный имъ, не то, какъ предусмотрительное преступленіе вызываетъ другое, совершенно непредвидѣнное;—потрясающе дѣйствуютъ дальнѣйшія слѣдствія несчастнаго дѣла, порывъ связей съ любимыми существами, съ самымъ человѣчествомъ и природой; инстинктивное стремленіе къ самоохраненію въ постоянной борьбѣ съ омерзѣніемъ къ самому себѣ, съ потребностью сочувствія, съ сознаниемъ вины; рѣшимость, отбросивъ всякое притворство, какъ тяжелое и бесполезное, открыть правду; наконецъ, сомнѣнія, дѣйствительно ли совершено преступленіе, нужно ли искупленіе или все это только игра и нервы. Обыде побочныхъ дѣйствій, эпизодовъ, отступленій: опытный слѣдователь, предпочитающій лучшему доказательству уликами открытое признаніе, медленно, но вѣрно доводящій до этого преступника; разговоръ между обоими

въ которомъ слѣдователь играетъ словно конка съ мышью, разговоръ, выдавающийся диалектическое искусство великаго софиста. Въ всякой связи съ главнымъ дѣйствіемъ, стоитъ другой преступникъ, свободный отъ какой либо *idée fixe*, зато съ извращенными склонностями и разбитыми нервами, которому въ галлюцинаціяхъ открывается міръ духовъ, котораго наконецъ, отвращеніе къ себѣ и міру побуждаетъ къ самоубійству. Семейство Мармеладовыхъ, пьяница отецъ, которому, однако, истинный под-сказываетъ, что онъ несчастный, но не отверженный, что и ему, какъ и другимъ «свиньямъ», не будутъ отказано въ милости Бога; гораздо болѣе несчастна мать; Соня, одна цѣною позора кормилица всѣхъ, приносящая столь же безцѣльную, жертву, какъ и самъ Раскольниковъ (сцены ея съ Раскольниковымъ, чтеніе евангелія производятъ впечатлѣніе мелодрамы); мать и сестра Раскольниковы; добрый, прямой, ограниченный Разумихинъ и т. д. — какое обиліе образовъ! И рядомъ съ ними горячій, оду-рляющій чадъ большого города, высокие дома, притоны съ миазмами всѣхъ пороковъ и преступленій. Поэтъ пользуется Раскольниковымъ для высказыванія собственныхъ взглядовъ; тирады о Наполеонѣ и другихъ великихъ герояхъ, т. е. преступникахъ исторіи, ибо нѣтъ никакой разницы убить ростовицу или бомбами уничтожить людей, это часть собственной, славянофильской мудрости, которую онъ провозитъ контрабандой и оставляетъ не опровергнутой; не мало частности, по поводу которыхъ, какъ и по поводу нѣкоторой театральности, напр., цѣлованіе земли и т. п., можно много спорить; характернымъ для руссофила могло быть, что будто бы только злые западные теоріи смутили моральное сознание браваго Раскольниковы, что онъ никогда бы и «виш» не убилъ, если бы не оторвался отъ своей почвы, что онъ цѣлованіемъ земли торжественно приобщился морали—къ счастью; тамъ Свидригайловъ, въ которомъ, по крайней мѣрѣ западники ничуть не виноваты. За всѣ эти приклады сомнительнаго достоинства вполне вознаграждаетъ самъ романъ. Образы и сцены, поразительное мастерство анализа — вспомни, напр., поведеніе Раскольниковы въ сценѣ убійства, рѣзкое чередованіе безсознательныхъ смутныхъ дѣйствій и добровольныхъ инстинктивныхъ движеній, — стоя высоко надъ всѣми произведеніями современниковъ, предупреждають все послѣдующее развитіе, почему даже не могли быть отнесеннымъ по достоинству, и отбика романа, постоянно возраста, значительно выше въ 1906 г., чѣмъ въ 1866 г. О какомъ европейскомъ романѣ, вообще, не только шестидесятихъ годовъ, можно было бы съ одинаковымъ правомъ утверждать то же самое?

Раскольниковъ двойственная натура, новый Голядкинъ. За дѣйствіи одного другой не отвѣтственъ; но въ немъ чортъ, съ его «господекою моралью», такъ презирающею жизнь «виш»; однако, сама она становится вошью въ глазахъ сокрушенно кающагося христіанина. Половъ такой двойственности и слѣдующій большой романъ, избѣгающій опаснаго затрагиванія общественной жизни (съ правомъ слѣдователь считаетъ Раскольниковъ счастливымъ, что жертвою его умышленія пала только ростовица — столь же легко изъ него могъ бы выйти Каракозовъ) и посвященный индивидуальной жизни; это «Идіотъ» (1868 г.). Чрезвычайно характерное, тревожное произведеніе. Мы опускаемъ опять второстепенныхъ лицъ, семейство генерала Епанчина, хотя въ груди его дочери Аглаи живутъ кажется двѣ души, пропускаемъ славянофильскія, ортодоксальныя влеченія, напр., тирады противъ католицизма, какъ религіи антихриста, которыя—не подумайте объ ироніи надъ самимъ собою — были вложены въ уста князю до энциклическаго припавка; мы сдѣлаемъ лишь нѣкоторыя замѣчанія относительно трехъ главныхъ лицъ, «Идіотъ», князь Мышкинъ

представленъ намъ въ нѣкоемъ *lucidum intervallum* между отпускомъ изъ иностраннаго лечебнаго заведенія и продолжительнымъ пребываніемъ въ сумасшедшемъ домѣ; онъ «юродивый», личность, встречающаяся въ каждомъ русскомъ историческомъ романѣ, отличенная отъ Бога великою, святою болѣзью, особою восторженностью, личность вызывающая со стороны народа то смѣхъ и сожалѣніе, то почитаема имъ за святаго; юродивый среди робкихъ огрубѣвшихъ, испорченныхъ людей одинъ осмѣливался проповѣдывать въ глаза правду, нравственность, евангеліе свирѣпому Ивану, тирану Борису, легкомысленному Димитрію, трусливому Шуйскому. Таковы и идіоты, со своимъ любовнымъ, расточающимъ прощенье и утѣшеніе сердцемъ; онъ сумасшедшій — воплощеніе самой гуманности; и человѣкъ, самый равнодушный, не можетъ устоять передъ его очаровательнымъ вліяніемъ. Наибольшее вліяніе онъ оказываетъ на Настасью и Рогожину, натуры которыхъ, въ сравненіи съ его гармоническою идилліею, полны самыхъ сильныхъ противорѣчій, рѣзкой раздвоенности: Настасья, страстная гетера—такъ по крайней мѣрѣ жалуетъ она, на самомъ дѣлѣ такова она только отчасти,—слѣдуетъ своимъ необузданнымъ стремленіямъ, которыя должны повергнуть ее въ гибель, несмотря на противодѣйствіе лучшихъ мыслей и чувствъ, которыя все-таки сильны въ ней; она же кающаяся Магдалина, жертва чужой вины и похоти Тонкаго; Рогожину, пылающій къ Настасьѣ неукротимую страстью, мучимый дикой ревностью, долженъ убить ее, такъ такъ менте всего обладать ею въ тотъ моментъ, когда она отдается ему навсегда; но въ другихъ случаяхъ это воплощенный разсудокъ, обдуманность, самосдержанность, особенно послѣ преступленія. Въ этомъ узлѣ противорѣчій происходитъ неизбежная катастрофа, со всѣми ея необычайно характерными подробностями, изъ которыхъ каждая заслуживала бы особаго разсмотрѣнія (напр., поведеніе Рогожина послѣ убійства, Настасья и Гаия и т. д.); еще интереснѣе отмѣтить изображеніе идіота-эпилептика, его припадковъ, момента восторженности, когда его чувства испытываютъ неслыханный подъемъ и т. п.

Въ то время, какъ здѣсь Достоевскій, казалось, совершенно умѣлъ въ изображеніи ненормальныхъ индивидуальных состояній, Россія послѣ покушенія вступила вовсе не на свой нормальный, обычный путь «эмпиріи» и «долготерпѣнія». «Нигилистическая» пропаганда дѣйствовала, подробности, въ родѣ процесса Нечаева, т. е. процесса восьмидесяти семи 1871 г. послѣ убійства Иванова, мнимаго измѣнника (1869), доказывали это слишкомъ ясно. Тогда Достоевскій взялся за перо, чтобы помочь вырвать изъ священной русской почвы эти плевеи, и такъ возникли «Бѣсы», напечатанные въ 1871 и 1872 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—описаніе нечаевского преступленія, только здѣсь Ивановъ назывался Шатовымъ, Нечаевъ—Верховенскимъ. Основную мысль романа даетъ эпиграфъ изъ Луки 8, объ оставленіи бесноватаго демонами и о вселеніи ихъ въ стадо свиней и объясненіе, которое предлагаетъ Верховенскій—отецъ: «Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней—это всѣ извы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ беснѣята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка. Но великая мысль и великая воля освѣщаютъ ее свыше, какъ и того безумнаго бесноватаго, и выйдутъ всѣ это бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившіеся на поверхности... и сами будутъ просяться войти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы (т. е., люди сороковыхъ годовъ, самыя невинная, милая, совѣтъ русская, веселая болтовня, милая, умная, либеральная, старая русская безсмысленность), мы и тѣ, и Петруша и его друзья, и я, можетъ быть, первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и избѣжавшіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, туда намъ и дорога,

потому что настъ только на это вѣдь и хватить. Но большой нецѣлится и «сидеть у ногъ Христовыхъ и будутъ все глядѣть съ изумленіемъ...»

Для избѣжанія недоразумѣній читатель долженъ вспомнить о хронологической послѣдовательности событій. «Нигилисты», которыхъ изображаетъ Достоевскій, занимаютъ среднюю ступень между героями «Взбаламученнаго моря» Писемскаго (эти только болтаютъ, читаютъ и распространяютъ прокламаціи) и «Нови», гдѣ они уже ходятъ въ народѣ. Такимъ образомъ, русскіе романы — другіе, имѣющие значеніе вовсе не касаются даннаго явленія да и были бы совершенно немыслимы при цензурныхъ условіяхъ — описывали только предварительную стадію «нигилистическаго» движенія; великіе революціонеры, Бакунінъ и Лавровъ, князь Кропоткинъ (ср. его увлекательныя и потрясающія записки, «какъ я сталъ нигилистомъ»), дѣятели покушеній, Софья Перовская — героини одного Тургеневскаго стихотворенія въ прозѣ — не существуютъ совсѣмъ для русскаго романа, всего менѣе для «Бѣсовъ». Уже самое заглавіе вводитъ въ заблужденіе; дѣло идетъ не о «бѣсахъ» нигилизма, но о простыхъ саужкахъ и погонщикахъ, сопровождающихъ всякое войско, — правда и евангеліе разумѣетъ только каррикатуры чертъ, предочищающихъ затопленные свинные трупы темному царству. Достоевскій рисуетъ только народы, начиная отъ того кокетничающаго съ «революціонною» молодежью писателя Кармазинова съ его надменнымъ высокомеріемъ и поразительнымъ незнаніемъ вещей — разумѣлся Тургеневъ, — отъ Верховенскаго-отца, убѣжденнаго либерала, въ которомъ даже его ослабленная покровительница, наконецъ, разглядываетъ простаго паразита, «приживальщика», изъ простого сожалѣнія оставленнаго ею бездолжназначитъ и дальше, до тѣхъ распространителей прокламацій, которые даже не осмѣливаются читать ихъ содержанія и заботятся о распространеніи изъ простой вѣжливости: — они не могутъ отказать ни въ чемъ прилично одѣтому человѣчку. Книга прокинула страстно ненавистью и возбудила такую же — еще и теперь ни одинъ «либеральный» критикъ не можетъ отдать ей справедливости. Однако, подчеркиваемъ еще разъ, что Достоевскій изображалъ не героевъ, но Фальстафовъ, полудѣотовъ, полусумасшедшихъ представителей нигилизма. Онъ былъ правъ, такіе люди, конечно, существовали, особенно въ 1862 — 1869 гг., но были и нынѣ; даже Нечаевъ, прототипъ Петруши, импонируетъ своею стальною энергіей и независимостью къ высшимъ классамъ, свойства, совершенно отсутствующія у вертопраха и интригана, выведеннаго въ романѣ.

Всѣмъ жертвамъ, презыщеннымъ Петрушей, общае одностороннее развитіе въ опредѣленномъ направленіи: овладѣвать кака-либо идеей головою русскаго человѣка; справиться съ нею онъ не въ состояніи; зато онъ вѣрится въ нее страстно, и вотъ, вся его жизнь проходитъ какъ бы въ корчахъ подъ камнемъ, который упалъ и наполнивину уже совсѣмъ раздавить его. Страхъ прослыть недостаточно передовымъ, стыдъ гонить этихъ людей въ тайныя собранія и все сильнѣе запутывается ихъ. Ловкій агитаторъ дѣйствуетъ на ихъ тщеславіе титуломъ и рангомъ, на ихъ чувство сантиментальностей; въ головахъ не остается ни единой собственной мысли, — и матеріалъ для члена «натурки», будто бы покрывающихъ всю Россію своею организаціею, готовы. Но это вовсе не люди дѣла, болѣею частью идеалисты, фурыеристы, выдумщики всякихъ социалистическихъ утопій; дѣйствіе въ открытую не по нимъ; незадолго до роковаго рѣшенія убить Шатова, какъ опаснаго доносчика, они хотятъ распустить свой «пятотокъ» и основать совершенно новое, строго тайное общество для пропаганды демократическихъ идей. Среди нихъ встрѣчаются чрезвычайно странные чудачи: самый методичный, косный доктринеръ — это дичкоухій Шига-

деву которому, къ сожалѣнію, никогда не удастся прочитать до конца всю свою записку о разрѣшеніи социальнаго вопроса; мы видимъ изъ отрывковъ отчаянные скачки его логики; исходя изъ абсолютной свободы онъ переходитъ къ абсолютному деспотизму, выдѣляется изъ человечества господь, десятую часть, неограниченно властвующую надъ остальными девятью десятими лично свободными, которые должны отказаться отъ всякой воли и черезъ рядъ послѣдовательныхъ преобразованій, снова возвратившись къ первобытной невинности, основать земной рай—пароди на Ницше до Ницше. Мягкій Виргинскій, «поэтъ свѣтлыхъ надеждъ, общаго труда» послѣ совершившагося злодѣянія только восклицаетъ: «Не то! Совѣтъ не то!» Линутигъ, скряга и домашній тиранъ, интриганъ и сплетникъ, мечтаетъ и твердо вѣрить въ непосредственную, социальную гармонию въ Россіи, гдѣ, однако, начиная съ него самого, всюду нѣтъ ни одного человѣка, хотя бы въ самой отдаленной степени похожаго на члена обще-человѣческой социальной республики и гармоніи. «Богъ знаетъ, какъ созданы эти люди!»—невольно восклицаетъ тотъ, кто натолкнулся на неожиданныхъ фурьеристовъ. И вокругъ (главныхъ актеровъ) куча шутовъ, какъ еврей Лимингъ, дураковъ всякаго рода, какъ лейтенантъ Эркель, мечтающій вовсе не объ идеяхъ, но о личностяхъ; Толкаченко, гордый своимъ, приобретеннымъ въ шинкѣ знаніемъ народа и др.; наконецъ, женщины, начиная съ молодой, красивой студентки, отбросившей всѣ предрассудки; нигилистки, какъ акушерка, въ родѣ Машуриной изъ «Нови», проповѣдницы свободной любви, советской жизни, пока не найдешь другъ другу;—глава «У пашихъ», съ заскандальемъ нигилистовъ, одна изъ самыхъ любопытныхъ и ядовитыхъ насмѣшекъ, какія только можно вообразить. Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ молодой Петръ Верховенскій, ловкій и даровитый, легкомысленный и дерзкій, эгоистичный и беззащитный, нетерпѣливый и высокоумѣрный, взирающій съ плохо скрываемымъ пренебреженіемъ на свои преданные орудія, который, увлекши и обманувши ихъ всѣхъ, самъ выходитъ сухимъ изъ воды; онъ вовсе не социалистъ—«будущее позаботится о томъ, какія формы приметъ человѣческое общество,—а лишь честолюбивый, политическій проныра съ задатками тирана, думающій подготовить почву для предстоящаго переворота, для возведенія новаго, каменнаго зданія, такъ какъ при этомъ онъ надѣется играть руководящую роль; въ стремленіи къ власти онъ энтузіастъ и романтикъ;—Достоевскій только ян на одно мгновеніе не выясняетъ намъ, отуманенъ ли Петръ собственными фразами, какъ привычный нравственный пьяница, ошарашенный просто радостью къ звону словъ и растерянный мишамъ окружающихъ, или онъ въ серьезъ принимаетъ эти фразы, политическій ли онъ клоунъ или лишь подражаетъ таковому. Вся суматоха въ городѣ, возможна только потому, что слабоумный помпадуръ выпустилъ вожаки изъ рукъ и его честолюбивая помпадурша, считаемая Петромъ за дуру, вѣрить въ свою изумительную мисію, думаетъ возвратитъ заблудившихся, нравственно покорить ихъ, пока дѣло не доходитъ до скандала въ литературное утро, при описаніи котораго совершенно явно выступаетъ сатанинское злорадетство Достоевскаго, получающаго возможность втоптать въ землю всякій либерально-эстетическій престижъ.

Это одна и притомъ менѣе значительная сторона романа, памфлета не противъ нигилизма, который могъ себя чувствовать не затронутымъ имъ, но противъ отбросовъ и подонковъ нигилизма. Страстный поклонникъ византийскаго православія и монгольскаго самодержавія—два паллума Россіи, другіе народы рады, если они имѣютъ и одинъ изъ нихъ—авторъ осмѣливавшійся упрекать западниковъ въ «лакействѣ» передъ идеями, мало заботился о социально-политической сторонѣ своего романа;

иное было несравненно ближе его сердцу: искатели и отрицатели Бога, маниаки и декаденты. Название тогда далеко еще не было въ ходу, но Достоевскій предупреждаетъ все тамъ, гдѣ Толстой и Тургеневъ едва постигаютъ за нимъ; ибо нравственнымъ и, какъ это оказывается въ ту ночь, физическимъ декадентомъ является—Ставрогинъ, рядомъ съ Шатовымъ и Кирилловымъ настоящихъ героев романа, передъ которымъ даже Петръ лебезитъ, словно лакей, на котораго онъ возлагаетъ все свои самые честолюбивые планы, если можно называть планами безконечно легкомысленныя импровизации или простыя галлюцинации. Ставрогинъ—второе издание Свидригайлова, эаестолюбецъ, развратникъ изъ принципа, кончившій также самоубійствомъ, только онъ цивилизованный поросенокъ, т. е. начиненный своимъ любимымъ учителемъ, старымъ либераломъ Верховенскимъ социализмомъ, атеизмомъ и презрѣніемъ къ русскому, въ то время какъ Свидригайловъ просто свинья, не страдающая никакими признаками мысли. Впрочемъ, авторъ, вѣдѣтніе несовершенной (нарочно выбранной?) формы скрываетъ отъ насъ своего героя, оставлять въ полумѣнотѣ, показавъ его только въ моментъ послѣдней степени вырожденія. Изъ указаний другихъ мы узнаемъ, какую значительную роль онъ играть въ сравненіи со всеми ними, что тѣ ожидали отъ него. Усталый, разслабленный, разсѣянный, мучимый собственными мыслями, воспоминаніями о нескученной винѣ и преступленіи, равнодушный, съ трудомъ властвующій собою, не будучи въ состояніи подавить совершенно безпричинныя проявленія настроенія, изскупившій все, только временами возбуждаемый чувственными припадками, больной старикъ въ тридцать лѣтъ, однимъ словомъ, декадентъ, онъ мечтательно идетъ на встрѣчу неизбежной смерти, съ вѣнокъ себя опустошенія не только въ женскихъ сердцахъ Даши, Анны и т. д. Это была титаническая сила, если мы придадимъ значеніе утвержденіямъ другихъ, весьма лихихъ лишь на моментъ, ибо, благодаря задаткамъ и дурному воспитанію она порвала связь съ родиной, вѣтъ которой ища спасенія. Эту связь снова напелъ экзистенциалистъ Шатовъ, именно, вѣтъ въ православную Русь и ея мировое назначеніе, которое онъ какъ ренегатъ Запада тѣмъ горячѣе провозглашаетъ: «Знаете ли вы, кто теперь на всей землѣ является единственнымъ народомъ, носителемъ Бога, призваннымъ къ тому, чтобы въ будущемъ обновить и спасти міръ во имя новаго Бога, которому одному даны ключи жизни и новаго слова? Эту мысль, однажды поданную ему Ставрогиннымъ, Шатовъ принялъ съ горячностью и съ жаромъ преобразовалъ ее; однако, уже за тридцать лѣтъ онъ изобрѣлъ московскіе славнофилы. Съ каждымъ годомъ все сильнѣе впитывалъ Достоевскій эту московскую славнофильскую мудрость и теперь весьма щедро надѣлилъ ею своего Шатова, черезъ котораго онъ говоритъ самъ страстно и несправедливо нападал на Бѣлинскаго и другихъ либераловъ. Такъ Ставрогинъ пересоздалъ атеиста-космополита въ русскаго раскольника.—Россия полна чудесъ, которымъ европейскія мозги дивятся:—но несравненно болѣе интересныя мысли вложилъ авторъ въ уста Кириллова. Кирилловъ маниакъ, умствователь, въ продолженіе четырехъ лѣтъ рѣдко съ кѣмъ разговаривавшій, положительно не можетъ совладать съ грамматикой рѣчи; зато онъ обрѣлъ небо на землѣ. Богъ изобрѣтенъ, чтобы сдѣлать человѣку сносною земную жизнь, ужасъ смерти. Кто не принимаетъ этого обмана, кто отрицаетъ страхъ передъ смертію, властныя отказы отъ жизни, этимъ высочайшимъ и послѣднимъ подтвержденіемъ собственной воли, для того все на свѣтѣ хорошо и счастливо. Теперь человѣкъ еще не настоящий; появится новый, счастливый и гордый. Тотъ, кому все равно, жить или не жить, тотъ будетъ новымъ человѣкомъ. Кто побѣдитъ боль и ужасъ передъ фантомами «смерти» и «того свѣта».

тотъ самъ будетъ богомъ. Кто рѣшается убить себя, позналъ тайну обмана; кто осмѣливается убить себя, тотъ богъ. Это бого-человѣкъ, до Достоевскаго совершенно неизвѣстная идея, доведетъ міръ до завершения. Тогда раздѣлять всемірную исторію на двѣ части, отъ гориллы до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога («Богъ есть, остается мертвымъ... Мы его умертвили... Никогда не было сдѣлано болѣе великаго дѣла» говоритъ Ницше) до пересозданія земли и человѣка, человѣкъ станетъ Богомъ и измѣнитъ физически («развѣ мы не должны стать богами»? Ницше). «Я хочу проявить собственную волю; пусть я буду одинъ, но я сдѣлаю это», и Кирилловъ дѣйствительно убиваетъ себя, чего несчастный Петръ ждетъ со страхомъ и трепетомъ, чтобы свалить на самоубійцу вину Шатовскаго убійства. Сцена этого самоубійства принадлежитъ къ самымъ потрясающимъ, какія когда-либо были написаны. Здѣсь Достоевскій дѣйствительно безжалостно играетъ своими и нашими нервами. Наконецъ и старый либераль, Степанъ Верховенскій, находитъ Бога, не искавъ его, конечно, только на своемъ смертномъ одрѣ; тутъ слѣдуютъ сцены, не лишенныя силы впечатлѣнія. Женскія фигуры, равно какъ обиліе подробностей здѣсь придется опустить. Романъ страдаетъ недостатками формы, но это съ своей стороны освобождаетъ автора отъ нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ.

Въ ближайшіе годы (1873—1880) писатель возвратился къ своей старой (1861—1864) публицистической дѣятельности, однако, онъ теперь совершенно одинъ выпускалъ тонія ежемѣсячныя тетрадки своего «Дневника писателя». Здѣсь отмѣчались событія дня, даже изъ судебной практики, политическія происшествія, турецкая война, давались литературныя воспоминанія и помѣщались повѣсти, напр., превосходный женскій образъ «Кроткая». Однако, прежде всего Достоевскій взялся за проповѣдь славянофильскихъ истинъ и даже достигъ съ ними единственнаго феноменальнаго успѣха въ жизни, когда 8 іюня 1880 г., въ незабвенный Пушкинскій день въ Москвѣ, своею энтузіастическою рѣчью въ память поэта, минутнаго энтузіазма, воспламенить даже западникоу. Основная мысль тѣхъ статей, какъ и этой рѣчи заключается въ слѣдующемъ: развѣ не въ одномъ православіи правда и спасеніе всего народа и въ будущемъ всего человечества? Развѣ не въ одномъ православіи сохранился божественный образъ Христа во всей его чистотѣ, и быть можетъ главное назначеніе русскаго народа въ судьбахъ человечества состоитъ въ томъ, чтобы собою именно этотъ образъ Христа и, когда придетъ время, показать его міру, сбившемуся съ пути. Въ знаменитой Пушкинской рѣчи Достоевскій примыкаетъ къ Гоголю. Этотъ говорилъ объ одной сторонѣ, русскаго духа, онъ присоединяетъ сюда и другую, пророческое дарованіе, способность Пушкина, приравливаясь ко всемъ литературамъ и образцамъ, обвинять ихъ (!), это только способность русскаго національнаго ума, предназначеннаго къ роли всеобъемлющаго міроваго духа; въ этомъ состоитъ народность, будущее Пушкинской поэзіи. Но уже въ основаніи реформы Петра Великаго инстинктивно была вложена эта же самая мысль; онъ связавъ чужеземцевъ, устранилъ противорѣчія. Да, предопредѣленіе русскаго безусловно для всей Европы и всего міра. Быть дѣйствительнымъ, настоящимъ русскимъ, значить только, быть братомъ всехъ людей, всечеловѣкомъ... И наконецъ, я вѣрю, что мы, т.-е. наши потомки, все безъ исключенія поймутъ, что быть дѣйствительно русскимъ, это значитъ стремиться внести окончательный миръ въ европейскій противорѣчія, указать Европѣ исходъ въ слияніи съ русской душой, дать ей возможность высказать быть можетъ рѣшительное слово великой, всеобщей гармоніи, братскаго соглашенія всехъ народовъ по евангелію Христа; Достоевскій приводитъ даже въ исполненіе «снители» западничества и славянофильства. Западники какъ

разъ вѣрять въ общечеловѣчность, въ то, что должны пасть національныя рамки, предразсудки, эгоистическія требованія. Но если общечеловѣчность есть русская идея, то каждый изъ насъ долженъ быть русскимъ, перестать ненавидѣть свой народъ, признавать его національную правду. Этотъ народъ, несмотря на все варварство и перенесенный страданія, сохранилъ свою моральную красоту, свое добродушіе, честность, искренность, откровенность ума, общедоступность его, все въ гармоническомъ единеніи; отсюда мощь нашего поэта, который отъ народа воспринимаетъ его простоту, кротость, чистоту, широту взора и доброту сердца. Всѣ эти мечты столь красивы, имѣютъ въ виду столь гуманныя сдѣлствія, что отказываешься отъ критики посылать, и грубое слово «шовинизмъ» охотнѣе замѣнишь «доктриной», «утопій».

Однако, публицистъ-романтикъ не могъ надолго отбѣснить беллетриста. Къ концу 70-хъ годовъ Достоевскій, наконецъ, энергично взялся за тему, которая занимала его уже съ 1870 г. и создалъ свой самый обширный, хотя законченъ была только его первая часть, романъ «Братья Карамазовы». Такъ какъ собственно была дана лишь одна часть и наброски второй, говорить о романѣ приходится лишь вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что есть нѣсколько неустраиваемыхъ, сомнѣній относительно концепціи цѣлаго. Вѣнши это просто семейный романъ, исторія трехъ Карамазовыхъ, Мити, Ивана и Алени, ихъ молочнаго брата, лакея Смердякова, отца ихъ, Свидригайлова въ своемъ родѣ, который впрочемъ не кончаетъ самоубійствомъ; это отъ-явленный нѣгодяй-виртуозъ сальности, особенно, когда начинается хвалиться передъ дѣтми своими подвигами въ дѣлѣ разврата. Отъ отца старшій, Мити, унаслѣдовалъ чувственность, отъ матери энергію и силу. Противный, омерзительный цинизмъ отца чуждъ этой необычайно экспансивной, насильственной натурѣ; онъ бросается въ пропасть, головою внизъ, такое положеніе является для него самымъ удобнымъ; но падая онъ будетъ воспѣвать гимнъ Богу. Сладострастіе находится въ его крови, какъ и у всѣхъ Карамазовыхъ, производитъ въ немъ страшныя бури, ибо красота есть нѣчто ужасное, необъятное. Самое худшее при этомъ, что люди начинаютъ естественнымъ идеаломъ и кончаютъ содомскимъ, иной поклонникъ Содома все еще со всѣмъ юношескимъ пыломъ мечтаетъ о естественской мадоннѣ; ибо и въ Содомѣ есть красота, какъ разъ для большинства людей. Здѣсь, въ человѣческомъ сердцѣ борются Богъ и чортъ. Такъ прорывается въ Митѣ, какъ и въ его братьяхъ, какъ и во многихъ герояхъ нашего писателя двойственность натуры. Самый простой человѣкъ способенъ къ величайшему самопожертвованію, великимъ страданіемъ онъ долженъ очиститься отъ грѣзи, подобно Раскольникову, только этотъ платился за настоящее, а Мити за воображаемое преступленіе. Въ первомъ случаѣ слѣдователь началъ какъ разъ на истину, хотя третій, непричастный убійству, принималъ на себя вину. Здѣсь онъ схватился за ближайшій, но самый невѣрный путь. Допросъ и слѣдствіе представляютъ великодушныя образцы судебнаго процесса; присяжные осудили Митю. А онъ ничего не зналъ о преступленіи. Убилъ Смердяковъ, нравственный Квазимодо, настоящее созданіе Достоевскаго, полускопецъ, полушестоголѣ, Карамазовъ, лачатый въ ужасѣ нищезю-идiotкою, эпилептикомъ, не признающій религіи, скептикъ и рационалистъ при всей своей необразованности. Но руку къ убійству направили Иванъ, второй братъ, юристъ, такъ долго внушавшій лакею, что «все позволено», пока тотъ не осуществилъ сей истинныя на дѣлѣ. Раскольниковъ къ тому же самому пришелъ собственнымъ размышленіемъ... Смердяковъ повѣсился, послѣ того какъ сознался въ злодѣянствѣ, но его показаніе передъ судомъ не было принято во вниманіе, такъ какъ онъ далъ его въ состояніи безумія, смѣшаннаго съ галлюцинаціями чувствъ.

Драма, нравственный кризисъ Ивана, безконечно важнѣе, чѣмъ Мити, и совершенно выходитъ за рамки произведенія; выходитъ какъ разъ такъ, какъ «Братья Карамазовы» становятся вовсе не семейнымъ романомъ. Какъ въ «Войнѣ и мирѣ», въ первомъ изданіи, историко-философскія разъясненія помѣщены въ самомъ текстѣ, а не въ приложеніи обычно пропускаемомъ переводчиками, критическія замѣчанія о герояхъ и героиняхъ составляютъ какъ бы непосредственную часть текста, такъ и здѣсь религіозная философія совершенно подавляетъ семейный романъ, и страницы, посвященныя вопросамъ о Богѣ и безсмертіи души, тянущіяся цѣлыми главами объясненія между Иваномъ и Алешей, между Иваномъ и дьяволомъ, жалкимъ простымъ чертенкомъ, какъ это и подобаетъ почитателю Моцарта и Бюхнера,—принадлежать къ самому блестящему и глумливому изъ того, что когда-либо на свѣтѣ высказывалось или скорѣе чувствовалось о Богѣ и безсмертіи. Для истиннаго русскаго, полагаетъ Достоевскій, вопросы о Богѣ и безсмертіи самыя важныя; хотя Ивана, главнымъ образомъ, затрагиваетъ что-то другое, его умъ эвклидовскій, совершенно земной, неспособный разрѣшать метафизическія задачи; наблюдая постоянныя противорѣчія, онъ протестуетъ противъ всякой гармоніи міра, противъ единой бисни о любви къ ближнему—можно любить людей только издали, вблизи они невыносимы; на безформенности основанъ свѣтъ, съ его необходимыми страданіями; пусть одно слѣдуетъ изъ другого, но я требую возмѣщенія, не могутъ убійца и его жертва возносить одно осанна къ Творцу, нельзя ничего простить, а безъ прощенія нѣтъ гармоніи; изъ любви къ человечеству просто лучше я останусь при своемъ неотомщенномъ страданіи, при своемъ неустаннымъ негодованіи: право на гармонію слишкомъ дорого, поэтому я отказываюсь отъ него—не то, чтобы я не признавалъ Бога, нѣтъ я только всепочтительнѣе возвращаю ему назанъ. Что люди дѣлаютъ изъ религіи, для чего она имъ служить, это показываетъ Иванъ въ аллегоріи о великомъ инквизиторѣ. Только ради деурна изъ это облаченіе, оно относится ко всякой положительной религіи; въсто великаго инквизитора можно поставить имена Побѣдоносцева или Калыгина, не измѣняя этимъ содержанія. Совершаются грѣхи во имя религіи, и Христосъ еще разъ появляется на землѣ, творить чудеса, проповѣдуетъ, и по приказанію инквизитора ввергается въ тюрьму, чтобы на слѣдующее утро быть сожженнымъ. Почью инквизиторъ является ко Христу оправдываться: «Твое истинное ученіе не для человечества, а только для немногихъ избранныхъ; оно дѣлаетъ свободнымъ человѣка, который не знаетъ большой заботы, кромѣ подчиненія господину; ты учишь отвергать все, что необходимо человѣку, чудеса, тайны, авторитетъ, земной мечъ, земной законъ; поэтому мы въ союзѣ съ сатаною исправили Твое ученіе; мы дѣлаемъ людей счастливыми, позволяемъ имъ работать и праздновать, совершать грѣхи и добиваться прощенія, даемъ имъ счастье слабыхъ созданій, законами они являются; они мирно умрутъ и по ту сторону гроба найдутъ вѣчную жизнь. Но мы хранимъ тайну и мнимъ ихъ ради ихъ счастья несчастными и вѣчнымъ прощеніемъ. Несчастливыми остаемся только мы, блюстители тайны. Ты разрушаешь наше дѣло, поэтому я приказываю сечь тебя. Христосъ не отвѣчаетъ ничего, только цѣлуетъ старика въ его безкровныя губы; при этомъ поцѣлуѣ съ инквизиторомъ происходитъ перемѣна: онъ открываетъ ворота и выгоняетъ Христа: «Никогда не возвращайся!»

Вѣдѣтвѣ этого отрицанія Бога и безсмертія, въ Иванѣ развивается вслѣдствіемъ, страшный эгоизмъ, голодъ страсть и радость жизни, самый точечный эпикуреизмъ, но крайней мѣрѣ до тридцати лѣтъ: «тогда я пишу губокъ, прочь, не удовлетворить своего желанія, и поиду, самъ не

знаю куда». Эта жизненная мудрость, торжество его логического, аналитического ума, попирается примозглительною логикою Смердякова. Тяжелая болѣзнь съ галлюцинаціями, чортомъ и т. п., сваливаетъ Ивана, но пусть сильный организмъ выдержитъ, энкуреевъ во всякомъ случаѣ не поскрестетъ въ немъ. Это Карамазовы, представители грубаго или чистѣйшаго материализма, и противъ нихъ направлень весь романъ, какъ раньше «Бѣсы» противъ нигилизма, только первый представленъ болѣе благородными лицами, главнымъ образомъ, Иваномъ Музовымъ и др. Страстный характеръ Достоевскаго былъ далеко отъ всякой умѣренности—борьба противъ материализма здѣсь не доведена до конца. Если въ прежнихъ романахъ писатель довольствовался простымъ изображеніемъ отрицанія нравственности, авторитета, вѣры, и ихъ слѣдствій, то здѣсь онъ идетъ къ созданію положительныхъ типовъ. Младший изъ Карамазовыхъ, Алеша, чистый, благочестивый юноша, идетъ въ монастырь; онъ не фанатикъ, не мистикъ, избираетъ монастырь, потому что это казалось ему единственнымъ исходомъ для души, которая изъ темноты земного зла рвалась къ свѣту любви. Его духовный отецъ, Зосима, возглашаетъ до Толстого совершенно толстовское ученіе: мысль служенія человечеству, его братству и цѣлостности видимо умираетъ, ее встрѣчаютъ съ насмѣшкой; ибо какъ можно отказаться отъ своихъ привычекъ, куда пойдешь этотъ рабъ, если онъ такъ привыкъ удовлетворять свои безчисленные нужды, имъ самимъ же придуманныя? Накопленіе сопровождается уменьшеніемъ охоты; поэтому и отрицая излишнія, ненужныя потребности, укрощая свою эгоистическую, гордую волю и достигая этимъ, съ помощью Бога, свободы духа и съ нею радости. Но Алеша не напрасно Карамазовъ; и въ его крови бушуетъ «звѣрь», и онъ долженъ подвергаться испытаніямъ; по сему Зосима беретъ съ него обѣщаніе, послѣ его смерти покинуть монастырь и идти въ міръ, гдѣ онъ найдетъ случай практически привести въ исполненіе заповѣди старца: не суди никого; смиренная любовь есть странная сила, большая, чѣмъ насиліе, только дѣятельная любовь создаетъ нашу вѣру. Однако, эта часть романа осталась не написанною: Достоевскій умеръ уже 28 января 1881 г., еще не достигши 60 лѣтъ. Кетати повторимъ, что здѣсь упомянуты только главныя отношенія и главныя лица романа: сначала героемъ кажется Алеша, потомъ Митя и, наконецъ, Иванъ. Обиліе второстепенныхъ эпизодовъ, другихъ лицъ, особенно дѣтей и женщинъ, двойственныхъ натуръ, какъ Грушенька и др. не можѣтъ здѣсь останавливать нашего вниманія.

Преждевременная смерть Достоевскаго была чрезвычайно чувствительною потерей для русской, даже и для европейской литературы, въ которой онъ былъ самымъ оригинальнымъ явленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее значительнымъ или, скорѣе, наиболее безпокойнымъ. Больной, адорованъ художникъ Тургеневъ идетъ всегда по ровной дорожкѣ красивыхъ аллеѣ стараго господскаго парка. Эстетическое наслажденіе доставляютъ его отдѣльные повѣсти; болѣе глубокихъ идей онъ, вообще, не пробуждаетъ въ насъ. Это дѣлаетъ Толстой. Но его идеи стары, мы находимъ ихъ уже въ XVI столѣтіи, напр., у польскихъ аристовъ: это исключительная рекомендація физической работы, какъ единственно удобной Богу, презрѣніе къ наукѣ, непротивленіе злу, съ тѣми же аргументами, запрещеніе судиться или сражаться, и остроумныя попытки избѣгать послѣдствій запрещеній, новое толкованіе евангельскаго текста. Какъ и съ арианами, мы можемъ согласиться съ Толстымъ или нѣтъ, настаивать на почвѣ практической морали, любви къ ближнему и т. д., ни на одно мгновеніе не покидая изъ виду земли и ея праха—кому этого недостаточно, тому Толстой не можѣтъ предложить ничего иного, такъ какъ ему чужды и ненавистны всякая

метафизика и мистика, все трансцендентальное, даже всякій идеализмъ. Строго логическій, ясный смыслъ этого некатателя правды не можетъ ничего безпокоить, устрашать или просто тревожить; какъ философъ Толстой обращается исключительно къ нашему разуму, какъ художникъ — къ вѣшнему чувству; и такъ всюду, начиная отъ большихъ историческихъ картинъ до самыхъ мелкихъ жанровыхъ набросковъ, отъ разбора простыхъ нравственныхъ движеній до самыхъ сложныхъ, гдѣ онъ безъ прикраша и лицемерія испугуется собою свою и другихъ; искусство, искренность Толстого больше, шире, глубже, чѣмъ его идеи. Советъмъ другое дѣло демоническій, мистическій Достоевскій, великій учитель. Нише, его «глубокой человѣкъ», «единственный психологъ, отъ котораго и чему-либо могъ научиться», знакомство съ которымъ принадлежить къ «однимъ изъ самыхъ счастливыхъ случаевъ моей жизни». Моральное, художническое равновѣсіе, спокойствіе ему неизвѣстно; онъ постоянно стремится къ самому высокому или самому низкому, даетъ намъ возможность заглянуть въ другіе міры, въ душевныя пропасти, въ глубину самыхъ запутанныхъ противорѣчій между чувственнымъ и мыслію, инстинктомъ и разсудкомъ, въ область невѣдомаго, элементарнаго, механическаго. Какъ часто этотъ писатель говоритъ прямо загадками; у Тургенева, Толстого все ясно, поставлены даже точки надъ і; у Достоевскаго мы, смущенные, тревожные, спрашиваемъ, какъ онъ думаетъ относительно этого? серьезно ли говорить? не шутить ли съ нами, напр., утверждая, что Ставрогинъ вовсе не душевно-больной? Онъ не говоритъ ничего даромъ; въ этомъ убѣждаешься, когда возвращаешься къ отдельнымъ главамъ, отношенія которыхъ становятся понятными только благодаря последующимъ разъясненіямъ; при каждомъ новомъ изслѣдованіи его текста наталкиваешься на новыя подробности, которымъ авторъ видимо не придаетъ никакого вѣса, которая только бросаетъ какъ бы мимоходомъ, рисуя фигуры, дѣлая краткія замѣчанія, и послѣ уже проникаешь въ ихъ глубочайшій смыслъ; писать комментаріи къ Тургеневу, Толстому — кто бы подумать объ этомъ? Для Достоевскаго они необходимы, если хочешь какъ слѣдуетъ понять его при разномъ чтеніи; безъ руководства слишкомъ многое ускользаетъ и отъ самаго проникательнаго читателя.

Какъ глубоко онъ все продумалъ и прежде всего прочувствовалъ! Не останавливайтесь на его исключительной національно-православной маскѣ, на безразличіи чужихъ вѣроисповѣданій: это у Достоевскаго чисто вѣшнее, напосное. Какъ Ставрогинъ Шатову, такъ и мы можемъ поставить писателю вопросъ, вѣруетъ ли онъ въ Бога? Быть можетъ, онъ какъ разъ отвѣтитъ бы какъ Шатовъ: «Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православное ученіе, я вѣрую въ тѣло Христа, я вѣрую, что наступитъ новое пришествіе въ Россію, я вѣрую...» Ставрогинъ наставляетъ: «Но въ Бога? въ Бога?», и Шатовъ, нѣсколько запинаясь, отвѣчаетъ: «И... я буду вѣровать и въ Бога!» Во всякомъ случаѣ, эту вѣру онъ приобрѣлъ горячей борьбой. Эта борьба за вѣру составляетъ характерную черту позднѣйшихъ произведеній Достоевскаго; однако, кто создалъ болѣе рѣзкіе аргументы противъ Бога, безсмертія и потусторонняго міра? Не слѣдуетъ обманываться тѣмъ, что они вложены въ уста сумасшедшаго Кириллова; вѣдъ Кирилловъ неслучайно здоровѣе, гармоничнѣе, цѣльнѣе, чѣмъ* многие изъ самыхъ разумныхъ, встрѣчающихся намъ въ романѣ или въ жизни людей. Можно еще спрашивать, соответствуетъ ли тяжести напавшаго на вѣру сила защиты ея. При жизни и въ первое десятилѣтіе по смерти адѣе, какъ и въ другихъ случаяхъ, Достоевскій не нашелъ полной справедливой оцѣнки своихъ намѣреній. Общество и критика вовсе не были подготовлены къ такому явленію, которое предвосхищало въ Россіи все, что лишь позднѣе медленно произвело Западъ. Значеніе Достоевскаго, какъ писателя, не какъ человѣка, росло

въ Европѣ почти быстрее, чѣмъ дома, гдѣ въ немъ больше почитали проповѣдника, чѣмъ художника. Что было въ сравненіи съ нимъ Тургеневъ, хотя тому за печатный листъ платили 300 рублей, а этому 100? «Мистическіе ужасы», демонизмъ красоты, любви, женщины, декадентство, сверхчеловѣчество, символизмъ, все это мы находимъ до Ницше, Стриндберга, Метерлинка уже у Достоевскаго, помимо того, что у него встречаемъ еще много другого, о чѣмъ современники и не мечтали, напр., всю новую психопатологию. Удивительна въ Достоевскомъ и сила чувственности; эротическія проблемы не ускользаютъ отъ его ума, онѣ прорываются, довольно, впрочемъ, немотивированно, даже въ «Преступленіи и наказаніи», широко выступаютъ въ «Идіотѣ» и «Бесахъ», это центръ тяжести «Карамазовыхъ», борьба ревности между отцомъ и сыномъ изъ-за Грушеньки; о болѣе мелкихъ вещахъ ничего и упоминать; эта чувственность доходитъ до извращенности, бичуетъ и мучаетъ; противники Достоевскаго говорятъ о русскомъ садизмѣ, — совсѣмъ неправильно. Какъ ни много эротическаго заключается въ его произведеніяхъ, никогда, однако, дѣло не идетъ о томъ, какъ Гансъ сватался за Грету и получилъ ли ее онъ или не получилъ; писателя занимаютъ другіе, болѣе важные вопросы, и этимъ онъ выгодно отличается отъ своихъ собратьевъ. Пока будутъ существовать метафизическіе вопросы, вопросы о добрѣ и злѣ, о тайной сторонѣ человѣческаго духа, до тѣхъ поръ Достоевскаго будутъ читать. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ во всемірной литературѣ, которыхъ никогда нельзя забыть; онъ оставляетъ глубочайшее, никогда неизгладимое впечатлѣніе; затрагиваетъ самыя интимныя стороны нашего духа. Что въ Достоевскомъ болѣе всего приковываетъ насъ, такъ это искрення любовь, уваженіе къ человѣку, котораго онъ находитъ даже въ преступникѣ, въ пьяницѣ, въ проституткѣ. Какой писатель создалъ болѣе восхитительные образы невинныхъ, несчастныхъ дѣтей? Достоевскій жалѣлъ всѣхъ, и это инстинктивно чувствовали тѣ, которые подступали къ «великому демону» русской земли, чтобы спросить совѣта и помощи, тѣ, которые бѣднику приготовили похороны царя.

Можно еще много спорить и говорить о значеніи Достоевскаго — онъ, напр., не имѣлъ никакого политическаго смысла, что у русскаго при николаевскомъ режимѣ и не удивительно; но его должно любить и почитать. Быть можетъ во всемірной литературѣ есть лица съ большимъ талантомъ или скорѣе только именемъ — однако, болѣе теплаго, чувствительнаго сердца, во всякомъ случаѣ, мы не найдемъ. Не въ Фаустѣ, а въ «Преступленіи и наказаніи» охватываетъ насъ «скорбь всего человѣчества».

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Беллетристы второго ранга.

Другіе беллетристы «сороковыхъ годовъ», Григоровичъ и Писемскій, Тенденціозный романъ; прогессивный и консервативный. Беллетристы 60-хъ и 70-хъ годовъ, «Народники», Рымовскій, Левитовъ, Успенскій и Златовратскій. Помяловскій. Беллетристика Боборыкина и Дятченко. Историческій романъ. Современныя писательницы.

Еще болѣе, чѣмъ въ другихъ литературахъ романъ грозитъ заглушить въ русской литературѣ всякій другой родъ беллетристики. Уже то обстоятельство, что несравненно легче можно было проводить тенденцію въ болѣе свободномъ романѣ, чѣмъ на сценѣ, удерживаемой цензурой въ состояніи райской невинности (несмотря на прелести Елены и т. п.), должно было способствовать его популярности; кромѣ того, масса этнографическаго матеріала, изображеніе сословій и классовъ, часть сложныхъ явленій быта,

напр., старовѣровъ, настоятельно требовали эпической формы, хотя иныя сцены и можно было изложить въ диалогической, даже прямо драматической формѣ. То, что въ сороковыхъ годахъ существовало только въ зачаткахъ, теперь развивалось безпрепятственно. Цѣлый рядъ новыхъ писателей, существенно различныхъ по взглядамъ и воззрѣніямъ на жизнь, выдвинули темы, совершенно незнакомыя помѣщикамъ, дворянской дореформенной литературѣ. Зато потеряли значеніе большинство иностранныхъ романовъ; «Юлія Вальроль» или «Альфъ и Алдона» блаженнаго Кукольника уже не находили болѣе ни читателей, ни подражателей. Беллетристика разрабатывала—какъ болѣею частью и во всѣхъ славянскихъ литературахъ, чѣмъ невольна стѣнялась и ея кругозоръ,—исключительно русскія и преимущественно современныя темы. Печерпать все обиліе писателей или романовъ было бы совершенно невозможно; мы лучше остановимся на характеристикѣ отдѣльных выдающихся направленій и зато откажемся отъ упоминаній иныхъ заслуженныхъ и забытыхъ именъ. Во главѣ мы поставимъ, какъ этого требуетъ рангъ и старшинство, послѣднихъ могиканъ сороковыхъ годовъ.

Высоко симпатичное явленіе представляетъ Григоровичъ. Его заслуга, вѣдѣние *fable convenue* приписывалась Тургеневу и «Запискамъ охотника». «Я вспоминаю, говоритъ справедливо Салтыковъ, «Деревино», я вспоминаю «Антонъ Горемыку»... это были первый благодѣтельный весенній дождь, первая хороша, человѣчeskія слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль, что мужикъ—человѣкъ существуетъ, твердо укоренилась въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ». Бѣлинскому не пришлось долго останавливаться на этихъ повѣстяхъ; онъ упомянулъ о нихъ въ годовомъ обзорѣ только между прочимъ; онъ изображалъ горестное положеніе мужика. Въ «Деревнѣ», помѣщикъ, желая показать своей женѣ деревенскую свадьбу, просто приказываетъ дѣвушкѣ—спротивъ противъ ей волнъ выйти замужъ за богатаго крестьянина; встревоженная несчастнымъ, «битымъ видомъ невѣсты, помѣщица успокаивается своимъ супругомъ, который разъясняетъ ей, что традиціонная церемонія требуетъ со стороны новобрачной проливать слезы въ продолженіе цѣлой недѣли. «Антонъ Горемыка» вполне заслуживаетъ своего прозванія: жестокий управляющій принуждаетъ его продать свое послѣднее дорогое сокровище, лошадку, чтобы заплатить подати, но бѣдняка обкрадываютъ и уводятъ у него лошадей. Въ обоихъ повѣстяхъ ярко была изображена нужда и беззащитность крестьянина, и подобнымъ описаніямъ крестьянскаго быта Григоровичъ остался вѣренъ и въ слѣдующихъ обширныхъ романахъ, «Переселенцы»—прихоть помѣщика гонитъ мужика изъ одной деревни въ другую, за сотни верстъ, гдѣ мужикъ въ чуждой обстановкѣ совершенно разоряется; «Рыбаки», противоположность между фабричною и деревенскою жизнью. Особенное искусство проявилъ Григоровичъ въ изображеніи картинъ природы. Свободный отъ всякихъ претензій его третій большой романъ, «Проселочная дорога», гдѣ дѣло идетъ уже не о крестьянахъ, но о мелкихъ помѣщикахъ, поселившихся возлѣ этихъ дорогъ, которыя простираются отъ прусской границы до Урала; съ большимъ остроуміемъ и искусствомъ повѣствуетъ здѣсь, какъ радушно, беззаботно изодня въ день жилось тогда, до реформы, въ добрыя старыя времена. Паразиты помѣшечьяхъ домовъ, кредиторы

Д. В. Григоровичъ.

господина Балахинова, живущие у него въ счетъ процентовъ; самъ онъ, поставившій себя цѣлью сдѣлаться предводителемъ дворянства, поѣздка въ Москву, литературный кружокъ тамъ и т. п.—все это даетъ превосходное дополнение къ «Пошехонской старинѣ» Салтыкова; веселое общество, впрочемъ, представляющее къ жизни весьма умѣренные требованія, изображено съ настоящимъ, столь рѣдкимъ у русскаго юморомъ. Послѣ такого многообещающаго начала Григоровичъ замолкъ на цѣлыя десятилѣтія и выпустилъ снова въ восьмидесятые годы, проливъ свои полныя краски картины деревни и дворянскаго быта на городскія темы, «Карьеристъ», «Акробаты благотворительности» и т. п., не достигнувъ этимъ прежнихъ успѣховъ; но теплое сердце, гуманный складъ ума своей юности Григоровичъ сохранялъ вплоть до глубокой старости.

Отсутствіе всякаго чувства природы, зато тѣмъ болѣе исключительное пониманіе смѣшныхъ или вредныхъ сторонъ своего сословія, служило провинціального и петербургскаго дворянства, обнаружилъ горькій, желчный пессимизмъ Писемскій. Изображенія несчастныхъ браковъ, нарушеній супружеской вѣрности сдѣлались его спеціальностью съ перваго выступленія на литературное поприще, несмотря на цензуру, не пропускавшую безнаказанно подобныхъ писаній, какъ дерзающихъ нападать на святость установленій. Въ обработкѣ подобныхъ темъ Писемскій предупредилъ даже французомъ, такъ какъ ему, который самъ вступилъ въ весьма несчастный бракъ, весь свѣтъ казался кружащимся около любви, особенно незаконной. Первые повѣсти были написаны имъ на ту же тему, даже крестьянскія исторіи, какъ и знаменитая драма «Горькая судьбина»: какимъ искушеніямъ подвергается, пришедшій на работу въ Петербургъ, крестьянинъ, какимъ оставшаяся въ деревнѣ его жена? Есть повѣсть подъ заглавіемъ «Винювата ли она?» и уже мы слышимъ «tuez-la». Громадѣйшимъ успѣхомъ пользовались, кромѣ «Горькой судьбины», его «Тысяча душъ», т. е. идеалъ, къ которому стремится герой Калиновичъ, второй Чичиковъ,—и котораго онъ достигаетъ, благодаря беззащитчивому выбору средствъ;—Писемскій сначала вѣлся за созданіе романтическаго Печорина, байроновскаго героя и т. п. Замѣчательный и не совсѣмъ понятный переворотъ, который происходитъ съ нашимъ Чичиковымъ: на высотѣ власти и богатства онъ дѣлается такимъ ревностнымъ искоренителемъ всякихъ злоупотребленій, обмановъ и т. д., что самъ себѣ роетъ могилу. Выгодно отъ настоящаго Чичикова онъ отличался тѣмъ, что не имѣлъ никакой морали, кромѣ большого честолюбія; зато осторожный, умный, холодный Чичиковъ никогда не впалъ бы въ его безтактности. Оказалось, что герой новаго направленія, чиновникъ реформы, былъ, что называется, «тѣхъ же самыхъ щей, да поижже влей», въ родѣ прежнихъ взяточниковъ; это же отрицательное сужденіе Писемскій скоро долженъ былъ распространить на все пореформенное общество, особенно въ отношеніи къ задающему тонъ направленію. Личная раздражительность обострила конфликтъ, и «Взбаломученное море» 1862 г. сдѣлалось перчаткою, которую Пи-

Писемскій.

взяточниковъ; это же отрицательное сужденіе Писемскій скоро долженъ былъ распространить на все пореформенное общество, особенно въ отношеніи къ задающему тонъ направленію. Личная раздражительность обострила конфликтъ, и «Взбаломученное море» 1862 г. сдѣлалось перчаткою, которую Пи-

семскій бросилъ радикаламъ; самъ романъ, лучшее изъ всего, что онъ когда либо создалъ, разруганный въ концѣ либеральной критикой или обоюдный полнымъ молчаніемъ, написанъ необыкновенно живо, мѣстами съ виртуозностью. Онъ распадается на двѣ части; въ первой говорится о воспитаніи, молодости и женитьбѣ Саши. Дома неразумная мать навѣиваетъ ему въ уши: «Сашенька, батюшка, не учишь, заболѣешь; Сашенька, батюшка, кушай; Сашенька, батюшка, не спускай дворовому мальчишкѣ, какъ смѣетъ онъ грубить тебѣ?» Въ университетѣ Саши въ теченіе перваго семестра влюбился въ кокетку, во второй и третій записъ съ горю отъ несчастной любви; наконецъ,—болѣе глупаго вообще нельзя было ничего придумать—сдѣлался елафрейт, т. е. освѣстивалъ базеринъ на зло директору театра и офицерамъ; это называлось—поддерживать университетъ! Впрочемъ, уже тогда появлялись въ «Британіи» и другіе типы—скептикъ—материалистъ Прокриптъ—предшественникъ Базарова,—но молодежь скорѣе боялась ихъ, чѣмъ почитала. Такимъ образомъ, всѣ добрыя уменія и душевные дарованія Саши были усилены. Вторая часть романа разыгрывается уже послѣ 1857 г. Передъ войной всюду господствовала величайшая неурядица, даже въ природѣ было что-то незладное: во многихъ мѣстахъ появлялась холера. Послѣ катастрофы прорывается всеобщее неудовольствіе, слышны горячія самообвиненія. Исполнилась реформа въ земледѣльческомъ государствѣ руководилась людьми, которые даже не знали, какъ растеть хлѣбъ. Теперь Прокриптъ дѣлается полубогомъ молодежи, которая такъ же мало учится, какъ молодежь сороковыхъ годовъ—та по крайней мѣрѣ стыдился этого, новая же бредитъ только парю чужихъ, непонятныхъ идеяхъ. Появляются эмансипированныя дѣвицы, открывающія свой дневникъ отрипаніемъ Бога и исповѣданіемъ свободной любви—въ дѣйствительности же едва ли осмѣливающіяся когда-либо показать руку мужчине, бросающіеся къ Богу при жалѣйшей зубной боли. Дѣвушки 1820 и 1830 г. читали все, 1840 и 1850 г.—ничего, понимали только наряды; дѣвушка 1860 г. читаетъ мало и хочетъ это немногое сейчасъ же осуществить на практикѣ, она одѣваетъ грязные воротнички и стрижетъ волосы. Старшія, до 1855 г., высшій смыслъ чело-вѣческаго существованія находили въ итальянской оперѣ, послѣ 1857 г. онъ тайкомъ, съ энтузіазмомъ школьника, читаютъ «Колоколъ», не обнаруживая и слѣда собственной мыслительной дѣятельности, отъ которой дореформенное время сумѣло строго удержать ихъ съ помощью механизма, специально устроеннаго для Россіи; онѣ имѣютъ единственную способность—втирать себѣ наружно то, что имъ понравится; за правительственнымъ и традиціоннымъ рабствомъ слѣдуетъ насильственное и безсознательное подчиненіе новымъ идеямъ, которыми такъ же бредятъ, какъ иѣкогда стихами. Несчастное отечество, соль твоей земли составляютъ остроумные болтуны и пустыя головы всякаго рода, готовые каждый разъ любимымъ содержаніемъ наполнить свою пустоту.

И теперь обстановка къ этой картинѣ: «обличитель» Бастардинъ, журналистъ; еврей Галкинъ, сынъ миллионера, довольный, когда его отца обвиняютъ въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ; честный, но ограниченный студентъ, такъ неловко провозвѣщающій прокламаціи изъ Лондона, что его схватываютъ и приговариваютъ къ дѣсяти годамъ каторги, и т. д., все личности, на которыхъ тогда часто можно было указывать пальцами. Если въ этой картинѣ отражается не вся Русь, то здѣсь по крайней мѣрѣ тщательно собрана вся ея ложь! «Не моя вина, что наша образованная толпа привыкла ничего не дѣлать, пренебрегала нашей важнѣйшей національной силой, здравымъ умомъ, рваться на каждый феофорный свѣтъ, какъ будто бы въ немъ было спасеніе. Тщетно противники будутъ пытаться свести эту повесть къ безцѣльному собранію различныхъ баналь-

ностей; они хорошо знают, что мы касаемся ихъ большихъ мѣстъ. Когда мы начали эту работу, инстинктъ подсказывалъ намъ, что это въ шумъ, стукъ и громъ, вовсе не были грозой; это были только пузыри, частью надутые извѣст, частью появившіеся отъ поднимающагося снизу навоза. Событія вполнѣ подтвердили наши ожиданія».

Легко можно представить себѣ, что испытать романъ, снабженный столь интересною обстановкой. Герценъ говорилъ о «противномъ» Писемскому. За вымещеніе гнѣва на радикалахъ Писемскій поплатился формальнымъ уничтоженіемъ своего имени. Послѣ довольно продолжительнаго промежутка онъ снова принялся за свою дѣятельность безъ особеннаго успѣха: негодованію недоставало страсти. И теперь онъ создавалъ многое интересное и менѣе одностороннее, напр., «Въ водоворотѣ» заплатилъ дань уваженію эманципированной Еленѣ въ ея честномъ стремленіи къ работѣ, обезпечивающей независимость, придающей существованію болѣе высокія цѣли и полагающей конецъ женской обломовщинѣ, какъ Ключниковъ, онъ занутиваетъ свою героиню въ польскую «срама». Отъ событія текущаго момента Писемскій перешелъ къ прошлому, къ «Людямъ сороковыхъ годовъ» и еще далѣе къ «Масонамъ»; но съ особою охотою онъ обращался къ современной драмѣ, превращая ее въ памфлетъ, въ обличеніе, напр., въ «Просвѣщенномъ времени», какъ будто нарушенія брака, обманы со стороны жены и возлюбленной, были слѣдствіями просвѣщенія, серьезнѣе его жалобы на капитализмъ и материализмъ, на страсть, какою бы то ни было цѣною, хоти бы приличія и совѣсти, пробиться впередъ, въ «Финансовомъ гени»: въ «Валдѣ», которому поклоняется вѣкъ свободный отъ идеаловъ и надеждъ, вѣкъ мѣднаго рубля и фальшивыхъ бумажныхъ денегъ; въ «Подкопахъ», которые герой подводитъ подъ собственнаго тестя, желая добиться его мѣста; однако, тестя онъ разоряетъ, а мѣсто ускользаетъ изъ руки третьяго лица, и т. д. Жалобы на новое время, реакціонная тенденція становятся все рѣзче. Въ «Миланахъ» бѣгущему увѣрять, что онъ въ каждомъ европейцѣ собственнымъ посомъ чувствуетъ просто торговца; онъ самъ, конечно, не умѣетъ ни жить, ни любить никого кромѣ себя, но знаетъ, по крайней мѣрѣ, какъ умереть на войнѣ, которую приветствуетъ съ радостью, въ надеждѣ, что рыцарь заставитъ хоть немного замолкнуть буржуа. Въ героинѣ Вихровъ «Сороковыхъ годовъ», Мирончикъ въ «Валдѣ» и т. д., вовсе не загадочная натура, это люди готовые къ безцѣльнымъ, неразумнымъ жертвамъ ради женщинъ, только обманывающихъ ихъ. Протестъ противъ того времени, когда мытари изгнали изъ храма апостоловъ, когда во всемъ величій возстаетъ могущество винныхъ откупщиковъ и кабаковъ, терлеть этимъ свою остроту; тирады героевъ являются мало соответствующими цѣли. Авторитетъ писателя, специическій успѣхъ котораго поддерживала еще одна Москва, постепенно падаетъ; потесненъ болѣею реалистическій, особенно пластическій талантъ. Однако, несмотря на это, Писемскій остается типичнымъ русскимъ, несравненно болѣе, чѣмъ хотя бы Тургеневъ.

Тенденціозная беллетристика, непосредственно примыкающая къ Писемскому, повитно, раздѣляется на два враждебныхъ лагери, радикальный и реакціонный. Во главѣ перваго стоитъ фантазія Чернышевскаго «Что дѣлать?» Романъ былъ напечатанъ въ «Современникѣ» (1863), когда его несчастный авторъ уже томился въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Несмотря на свои художественныя слабости, романъ оставилъ несравненно болѣе глубокий слѣдъ, чѣмъ многое эстетически гораздо болѣе высокое; онъ былъ для своего времени откровеніемъ. Схема была повторена Тургеневымъ въ «Нови»: Лопуховъ, домашній учитель, уводитъ Віру изъ недостойной обстановки ея отцовскаго дома; они женятся, но взаимная лю-

божь охладѣваетъ; минимымъ самоубійствомъ Лопуховъ устраняетъ себя съ дороги; сдѣлавшаяся свободною Вѣра слѣдуетъ своей симпатіи къ врачу Кирсанову; она учреждаетъ ивнейную мастерскую на социалетическихъ началахъ, беретъ также за изученіе медицины. Кромѣ этихъ свободныхъ «людей», чрезвычайно живо написанный романъ, въ сожалѣнію, постоянно прерываемый ненужными отступленіями къ читателю, содержитъ утопіи въ безднѣ, четыре знаменитыхъ сына Вѣры, въ которыхъ она созерцаетъ будущее счастье освобожденнаго, разумно организованнаго человѣчества: аллюмпіенные народные дворцы, работа подъ звуки пѣсней и т. п. Это—сны, почему они ускользаютъ отъ критики. Удивляешься только, и удивленіе относится также и къ нынѣшней социаль-демократической прессѣ, какъ это, ученый экономистъ, соглашется безпрепятственное размноженіе человѣческаго рода съ его матеріальнымъ благосостояніемъ. Однако, достоинствъ писателя страстный, непоколебимый оптимизмъ автора: трогательно, какъ эта невинная жертва официального преступленія, предъ лицомъ ужаснѣйшаго жребія, витаетъ въ самыхъ розовыхъ плюзіяхъ, не теряя вѣры въ человѣчество и будущее. Чернышевскій говоритъ о «новыхъ» людяхъ, освободившихся отъ всѣхъ предрасудковъ, слѣдующихъ только указаніямъ разумаго эгоизма; при этомъ въ лицѣ своего героя Рахметова рисуетъ тотъ идеалъ, который молодежь напрасно искала въ Тургеневскомъ Базаровѣ, идеалъ мужа непреклонной воли, несмыслихой духовной и физической силы, титана знанія, вытѣстѣ съ тѣмъ добровольнаго аскета и секанта; въ глубинѣ души героя дремлютъ, какъ и у самого Чернышевскаго, эстетическое чувство, радость общества, шутка и смѣхъ, сильно, стѣсняемые доктринерствомъ. Въ сравненіи съ этимъ романомъ, написаннымъ съ неоспоримымъ талантомъ и могучимъ темпераментомъ, терпится «Прологъ» новаго романа, оставленный неоконченнымъ, въ неопредѣленныхъ наброскахъ, хотя онъ весьма интересенъ, будучи богатъ автобиографическимъ элементомъ. Его герой, Волгинъ—самъ Чернышевскій: онъ, стоя во главѣ прогрессивнаго журнала, превосходитъ окружающее большинство не потому, чтобы умѣлъ писать, но потому, что былъ въ состояніи понимать вещи правильно, чѣмъ другіе, литераторы и публицисты, предчувствующій собирающееся надъ его головой несчастье; она, красивая жизнерадостная, заботящаяся о своемъ мужѣ, какъ о ребенкѣ, и притомъ уважающая его; мы знакомимся съ Добролюбовымъ и другими типами пятидесятихъ годовъ. Такъ вознаграждать себя Чернышевскій за сухость своей публицистической и научной дѣятельности, пролагая въ формѣ бездѣтливой пропаганды, тенденціозной фантастики свободную дорогу «мыслимому реалисту», восторгу Писарева. Въ сравненіи съ успѣхомъ «Что дѣлать?»—«Прологъ» былъ извѣстенъ весьма мало—не можетъ помѣриться никакою другою радикальнымъ романомъ; его сантиническій оптимизмъ невольно заражалъ окружающихъ.

А. К. Щегловъ-Михайловъ.

Другіе тенденціозные романы, исходящіе изъ радикальнаго лагеря, не терялись въ утопіяхъ, а довольствовались надѣленіемъ всевозможными добродѣтелями своего героя, котораго уже съ дѣтства никакія палки не могли заставить признать крѣпостного права или живодерства; въ даль-

нѣйшей жизни онъ подвергается испытаніямъ, которыя бестяже и выдерживаетъ; чѣмъ болѣе мы ожидаемъ отъ него, тѣмъ болѣе скромныя пѣли ставить онъ самъ себѣ, такъ что, наконецъ, дѣлается столь похожимъ на буржуа, какъ одно лицо на другое; эти стадии проходить по крайней мѣрѣ герои многихъ романовъ Михайлова (псевдонимъ Шеллера), которые въ художественномъ отношеніи едва ли можно поставить выше «Что дѣлаетъ?». Къ Чернышевскому Шеллеръ былъ близокъ тѣмъ, что его интересовали социальныя, религіозныя и педагогическія задачи, что онъ прислуживался изслѣдованіемъ европейскихъ и американскихъ организацій, ассоціацій и сектъ, равно какъ и исторіей коммунизма. Уже заглавія романовъ Шеллера были знаменательны, въ родѣ «Гниль въ болотѣ» русской жизни, которыя, понятно, должны «быть высушены»; съ особенною охотою онъ давалъ цѣлыя юношескія исторіи, по возможности начиная описаніе жизни героя съ двухлѣтняго возраста; авторъ проводилъ насъ черезъ тѣмную съ ея педантичнымъ нѣмецкимъ формализмомъ, господствующимъ Шпенгеномъ, съ живымъ русскимъ учителемъ Носовичемъ и т. д., до университета, до шумныхъ и пьяныхъ юбилеевъ. Рѣчь постоянно идетъ о «муравьиной кучѣ» жалкой повседневной жизни съ ея ударами и т. п.; одинъ герой, «Обносковъ» изнемогаетъ въ этой повседневной пошлости; другіе, въ сердца которыхъ морской капитанъ Хлопко положилъ сѣмена разумной жизни, будутъ рваться впередъ не по одному, но въ вѣхѣхъ, и рука объ руку вступать на дальнѣйшій жизненный путь; недостойныя жены затрудняютъ его, однако, освобождаются отъ нихъ, пробѣгая на сторонѣ возлюбленныхъ, умиющихъ цѣлныя современныя герои, въ обществѣ все поверхностно, лишено характеристикъ, схематично и, главное, фразисто. Михайловъ-Шеллеръ, дѣйствительно, скорѣе финишъ (это такъ и есть по рожденію), чѣмъ русскій по безцѣлности своихъ романовъ, зато его образъ мыслей безусловно честенъ и правдивъ. Въ такомъ же направленіи и съ немногимъ болѣе, талантомъ выступилъ Засодимскій, создавшій въ своей «Хроникѣ села Смуринна» (1874) идеальнаго кузнеца, который готовитъ ужасный конецъ безовѣстной эксплоатации бѣдныхъ смуринцевъ со стороны порочныхъ и мерзкихъ фабрикантовъ и капиталистовъ. Нѣкоторую перемѣну внесъ Бажинъ, введя въ свои произведенія сильную дозу той, введенной Карамзинымъ сентиментальности, аки, которая тѣмъ шире распространяется въ литературѣ, чѣмъ болѣе чужда она національному темпераменту, знающему только героев или насмѣшниковъ, особенно сентиментализмомъ обыкновенно были пропитаны доносчики въ родѣ благороднаго Вигеля.

Если радикальной беллетристики не доставало въ талантахъ, то и ташкентцы и Молчалины «Русскаго Вѣстника», его консерваторы и сверхпатріоты Сивигины и Каломейцевы, изъ «Нови» или Козлятины и Бурдалу того же Тургенева, люди безъ особеннаго разума, отлично умѣвшіе добывать своего, достойные потомки тѣхъ Туси (авторитетовъ), которые утромъ читали страницу изъ Кондальяка и вечеромъ шли на магнетическія сѣансы мадамъ Свѣтлониной, и они не нашли ни одного достойнаго ихъ Гомера. Въ этой благодатной средѣ, между салономъ и службою, доносчиками или инквизиторами, охотниками за орденами, мѣстами или приданымъ, враждовали В. Крестовскій, Б. Маркевичъ, В. Австенко; послѣдній, между прочимъ, и въ качествѣ критика смѣло, но безъ расчета воевалъ противъ радикаловъ, съ энтузіазмомъ Донъ-Кихота, только безъ его благородства мыслей; однако, мы не хотимъ содвѣкать покровъ забвенія съ этихъ жертво-рожденныхъ вещей. Лучше упомянемъ произведенія, боровшіяся противъ радикализма не во имя катковскихъ принциповъ, но потому, что авторы ихъ, тяжело разочарованные отдельными дѣятелями радикализма и изъ

лозунгами, стали осуждать все движеніе какъ безцѣльное, какъ новую ложь на ряду со старой, не имѣя въ виду поддерживать этимъ старое патристическое и консервативное обмана. Уже заглавія ихъ романовъ весьма характерны: «Безъ выхода» и «На ножахъ» Лескова или, какъ онъ самъ называлъ себя, Стебницкаго и «Fata morgana» Клюшниковъ. Литературная дѣятельность послѣднѣго нѣсколько предшествовала (1869) по времени. Героизмъ Клюшниковскаго романа былъ не Русановъ, представитель основнаго русскаго принципа, здороваго человѣческаго разума, но дочь чловека сороковыхъ годовъ, друга Герцена и Бакунина, которая, слѣдуя завѣщанію отца, вмѣстѣ со своимъ братомъ, революціонеромъ, бросается въ пучину политическаго движенія; она, матеріалистка, интеллистка и, наконецъ, націоналистка;—ся братъ жертвуетъ собою ради польской сргавы; освобожденная потомъ отъ всякихъ иллюзіи, она должна признаться, что увидѣла въ мужчинахъ, мнимыхъ брцахъ за правду и свободу, лишь толпу честолюбцевъ, спорящихъ изъ-за власти, какъ коршуны вырывающихъ одинъ у другого изъ когтей куски падаль; она поняла, что народная свобода—только предлогъ для возвышеніиновыхъ тиранновъ за счетъ прежнихъ, что самыя низкія цѣли прикрываются маскою народности... Позналъ немощи, омерзѣнія и презрѣнія, наломанный и изнуренный, безъ охоты жизни и безъ надежды на будущее выражаетъ она изъ своей удивленной души, на все эти блужданія. Первый романъ Лескова (1865) отличался отъ Клюшниковскаго, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ прямо указывалъ на совершенно опредѣленную личность. И здѣсь социалисты-идеалисты бросились въ руки польской революціонной партіи, послѣ того, какъ они убѣдились въ моральномъ банкротствѣ петербургскаго ингилизма. Понятно, либеральная пресса отплатила за эти личные уколы и каррикатуры самыми рѣзкими нападками на автора. Ничего удивительнаго, что онъ черезъ нѣсколько лѣтъ самымъ безпощаднымъ образомъ подвергъ бичеванію ингилизмъ въ романѣ-памфлетѣ «На ножахъ».

Лесковъ.

Талантомъ Клюшниковъ и Лесковъ равно, какъ и Писемскій значительно превосходятъ другихъ радикальныхъ и консервативныхъ поставщиковъ беллетристическихъ товаровъ; интересные характеры, удачныя юмористическія и особенно сатирическія описанія вполне удовлетворяютъ читателя.

Отъ романовъ съ опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ мы переходимъ къ романамъ, посвященнымъ опредѣленнымъ классамъ, специальностямъ. Специальная задача, изображеніе народа и т. д., вызвали къ жизни совершенно новыя силы. Превжняя литература почти исключительно разрабатывалась дворянами, аристократами слѣдовало бы сказать по европейскимъ понятіямъ, гдѣ служилое дворянство стоитъ впереди революціи; другія сословія были представлены только въ видѣ исключенія оккупационистомъ. Надеждиннымъ, купцомъ Подевымъ, мѣщаниномъ Кольцовымъ. Беллетристы сороковыхъ годовъ, и другіе, здѣсь названные, принадлежатъ по своему происхожденію и воспитанію провинціальному дворянству или близки къ нему, какъ Гончаровъ. Отсюда перевѣсъ дворянства, про-

винциальной жизни, эстетических впечатлений, картин природы, прекрасного пола и эротики в более старом романе, исключая Достоевского.

Реформа пробудила новые силы. Так, радикализм приобрел приверженцев среди семинаристов, питомцев духовных заведений. Этих держать во мраке, питают их ум мертвой материей и в придачу быть бесполезно. Более горячая натура, жаждут нового, всеми силами стремятся к свету; это здоровый, сибирский народ, требующий воздуха и питания, и в таких людях мы нуждаемся,—говорит Волохов своей Верб. Впервые теперь, около 1860 г., плебеи сомкнутой фалангой вступают в литературу и сейчас же придают ей особый отпечаток. Несмотря на жажду чтения и учения, которую им никогда не удается удовлетворить, они необразованны, не имеют литературной традиции, самоучки и изобретатели новых путей. Они презирают Пушкина и эстетику, искусство ради искусства, формальную законченность. Они придерживаются неприкрашенной передачи виденного, протоколов (задолго до Золя), и фотографий. Так изматывают задачи; романт перестает быть художественным произведением и служит пропаганде, стремящейся к улучшению положений народа; также мнётся и содержание. Вместо любовно воркующих, счастливых или несчастных, образованных и гуманных эстетических и праздных Лавренковых, Райских, Бакаловых (у Писемского) и т. д., в литературу вводится прежде всего крестьянин; литература становится мужикой, «народники-беллетристы пишут только об овчарке». Конечно, это совершенно другой крестьянин, чем у Тургенева или Григоревича, где он являлся лишь обстановкою к прекрасным сельским картинам, в случайную слезу, сочувственную музыку, украдкой сдвинутые стереть, опасаясь чтобы этого не заметила цензура; вопрос о благе и пользе крестьянина, при все большем отчуждении от деревни русского дворянства, должен был рваться всегда безсердечный управляющий. «Народники» выступают впервые после февральского дня, навсегда определившего отношения между господским двором и мужиком. Они изображали крестьянина предоставленным самому себе в борьбе с голодной смертью, с болотными, извами и суевериями, в борьбе с сельским ростовщиком, с собственной слабостью, с бесполезной природою, с произволом чиновников и тяжестью податей, со всем бедствием русской деревни, из которой крестьянин в качестве фабричного рабочего или поденщика бьжит в города, на рвы и желзные дороги, разрывает природные пути, приковылающие его к земл, чтобы в чуждой обстановке только разориться окончательно. И рядом с горем деревни выступают бедствия городов, их пролетариата, не в «Петербургских трущобах» В. Крестовского, Переметивинаго парижского мистери Евгения Сю, но в записках самих пролетариев, которые с затаненною злобой и с истекающим кровью сердцем находили самые захватывающие тоны для изображения ада и заразы своей обстановки, ибо этим отверженным, униженным и оскорбленным совершенно незыблестен прежний дворянский оптимизм или пессимизм, легко примирившийся с действительностью. Самый рбкий протест против общества, ненависть и презрбие, на ряду с отчаянием образуют основной тон ветодующих, потрясающих картин.

К сожалнию, их озлобленность слишком обоснована. Они чувствуют, как мучительно давящи отношения часто первого дитя или духовной школы—отношения, простая возможность которых европейцу кажется немислимою, убив безспорно больше таланты, затуманив открытый ум, отравив горячее сердце, развиали жажду мести. Один Помяловский, заставляя пред глазами пройти образы своих мучителей,

голосомъ, заглушеннымъ отъ ненависти, говоритъ: «Проклятые, какъ я васъ ненавижу, какъ страшно ненавижу я васъ! Вы отравили всю мою жизнь, разрушили мои лучшія надежды!» Онъ не плачетъ; выраженіе его лица спокойно, тяжело, сдержанно, но изъ глазъ льются слезы и больно становится смотреть на это мученіе, на эти холодныя, страданіемъ вываиваемыя слезы. Другой, Левитовъ, признается: уже съ двадцати лѣтъ, взираю я съ ненасытнымъ любопытствомъ на многообразное жизненное и присмотрѣлся къ нему до такой степени, что такъ называемыя свѣтлыя стороны жизни кажутся мнѣ сентиментальной ложью, придуманною человечествомъ для всевозможнаго облегченія неотвратимаго жизненнаго бѣдствія. Мнѣ самому весьма очевидна односторонность и ошибочность моего мышленія, дѣятельность котораго возбуждалась постоянно однимъ и тѣмъ же, хотя и безконечно широкимъ видомъ человѣческихъ страданій. Тѣмъ не менѣе и вовсе не склоненъ исправлять эти недостатки моего мышленія, такъ какъ этотъ грубый міръ, въ которомъ оно врамается, изгналъ изъ моего сердца безъ остатка всѣ злыя внушенія, слѣдуя которымъ человѣкъ эгоистично собираетъ вокругъ себя возможно больше жизненныхъ благъ, увеличивая этимъ массу всеобщаго зла. Мое тѣло въ неодолимомъ терпѣніи выковало печальныя картины страждущаго міра, и чѣмъ глубже я взираю въ ихъ непроницаемо темную глубину, тѣмъ болѣе вливается въ мою душу любви и кротости, безъ свѣтлаго сіянія которыхъ мертвы станутъ даже эти образы, одушевленные стѣнами безконечной гибели безконечнаго множества людей.

Всѣ эти писатели, за малыми исключеніями, кончаютъ впадая въ delirium tremens; умираютъ отъ неопасной операціи, которой не выносятъ пропитанный алкоголемъ организмъ; чахотка или безуміе стерегутъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, въ своей жаждѣ ученія, совершенно безъ средствъ прошесть соти верстъ пѣшкомъ, направляясь въ университетъ, и потомъ за какую-то глупость его отсылаютъ на дальній сѣверъ; тамъ кончается всякое сопротивленіе, приходится начинать пить, убѣжать отъ демона алкоголя здѣсь невозможно. Другой въ школѣ четыреста разъ подвергался сѣченію розгами, не считая другихъ наказаній; третьяго сѣканъ не такъ часто, зато основательно, онъ мѣсяцами лежалъ въ госпиталь, и когда бѣднягу увезли въ монастырь, для исправленія, монахи сообщили юношѣ вкусъ къ горячимъ ваниткамъ—къ пиву, перебродившему на табачныхъ листьяхъ. Потрясающе ужасныя картины давала Ртищениковъ, Помяловскій, Левитовъ, Габбъ Успенскій и др., но болѣе потрясающими были ихъ собственныя біографіи, безконечный мартирологъ русской литературы.

Г. Н. Успенскій.

Ртищениковъ сдѣлался извѣстенъ благодаря своимъ, напечатаннымъ въ «Современникѣ» (1864, онъ умеръ уже въ 1871) «Подлиповцамъ», бурлакамъ на Камѣ и другихъ рѣкахъ; этотъ и слѣдующіе «романы» заняты въ сущности вопросомъ «Гдѣ лучше?»; такъ называется одинъ изъ его романовъ: крестьянинъ, чтобы не умереть съ голоду, бросаетъ неблаго-

чить заключение. Это было многообещающее начало; авторъ задолго до Горькаго показалъ намъ циничнаго босая, котораго онъ такъ прилежно изучать во всевозможныхъ притонахъ; онъ хотѣлъ въ новомъ движеніи отдѣлить пшеницу отъ мякины, снять маску съ тѣхъ, которые подъ прогрессивными фразами скрывали самую обыкновенную грязь—смерть прервала работу, вызвавшую противъ него, быть можетъ, немало необоснованныхъ подозрѣній и непонятій.

Левитовъ формально объединилъ въ себѣ Рѣшетникова и Помяловскаго; его описанія обобщаютъ «бѣдствія деревень, улицъ и городовъ», только развѣ что онъ, вмѣсто дальняго сѣвера, избралъ южныя степи и вмѣсто Петербурга, Москву. Писатель—дитя деревни, ея идиллическаго, счастливаго спокойствія. Такъ ему представлялись, по крайней мѣрѣ, воспоминанія ранней юности, въ то время когда онъ писалъ тамъ, на сѣверѣ, въ суровомъ Шенкурскѣ. Вмѣстѣ со многими онъ погибъ среди мѣзмовъ большого города, въ трущобахъ его бѣдноты и порока. Мы не можемъ вдоволь насмотрѣться на «степные эскизы», описанія сельской жизни и особенно ея дѣтскаго міра; всюду съ жаднымъ любопытствомъ выглядывающимъ маленькія головки; старая школа съ дычкомъ, обучающимъ птицъ пѣнію; переворотъ въ деревнѣ съ появленіемъ новой школы,—все напоминаетъ объ идилліи; насъ вводятъ въ глубокое суевѣріе этого міра, въ его сказанія и преданія; антихристъ и сѣтопреставленіе стоятъ тамъ въ центрѣ. Господа совершенно оставлены въ сторонѣ, хотя и тѣхъ недостатка въ подробностяхъ безчеловѣчнаго обращенія съ крѣпостными. Немало и старыхъ воспоминаній, напр., о борьбѣ силча съ напоенымъ до-пьяна медвѣдемъ и т. д. Мы среди паллороднаго ландшафта, среди простыхъ, но «цѣльныхъ» людей; и иногда тихо пролетаютъ мимо грозныя бури, какъ, напр., мимо мнимаго колдуна Есѣева и его Сашки, столь близкой къ природѣ дѣвушки.

Не то въ городѣ, въ ресторанѣ «Крымъ», гдѣ я буду цѣлую ночь созерцать различныя формы нашего русскаго несчастья, молча замкнутыя со своею больною душой, видящей, что она такъ же шагаетъ къ краху, какъ и весь народъ; въ «меблированныхъ комнатахъ» съ ихъ полусумасшедшими полунуголодавшими обитателями, питающимися украденными собаками и пользующимися пожарными сигналами, чтобы красть среди первой суматохи; въ пустынныхъ улицахъ, гдѣ пьяный замерзаетъ до смерти—тамъ теперь «надломленные», уже измѣтые люди, пьяницы, даже въ трезвомъ состояніи чувствуящие себя навеселѣ, и слышащие, какъ смерть бродитъ вокругъ нихъ—слова Левитова о самомъ себѣ. Я буду вызывать къ тебѣ, бѣдный народъ! Я спую пѣсню о тебѣ, вѣчно истомленный, вѣчно голодающій обитатель «меблированныхъ комнатъ». Миръ вамъ, всемогущую нуждою согбенные люди! Миръ вашимъ безпокойнымъ снамъ, вашимъ вѣчно утомленнымъ и никогда незнающимъ отдыха ногамъ, вашему постоянному огорченію желая у успокоенія. Ибо ваша озлобленность—ваша смерть. И какъ тяжело умирать одному въ этихъ меблированныхъ вертепахъ, одному, только съ собственнымъ ожесточеніемъ даже противъ дня, который такъ сѣтло заглядывается въ комнату, даже противъ противнаго шума городской жизни, который немолчно гремитъ за стѣною. Пожалуй не повѣривъ, что такое душевное состояніе можно переносить съ юморомъ, и, однако, итѣхъ недостатка въ юмористическихъ описаніяхъ различныхъ типовъ: господина Бжебякичаго, «героя», ищущаго денегъ только для выпивки, молодого купческаго сына, къ ужасу своихъ людей постоянно убѣгающаго изъ дому и всегда снова обрѣтаемаго, различныхъ умныхъ и хитрыхъ сторожей и т. п. Однако, юморъ саникомъ быстро переходитъ въ сатиру, и эта послѣдняя въ слезы—переходы, какихъ и слѣдуетъ ожидать отъ

пьяныхъ. Но безъ водки здѣсь нѣтъ ни одного эскиза, каждый—описание ея жертвъ, напрасной борьбы, соблазна минутнаго счастья, и страшныхъ послѣдствій. Несмотря на то, что эти листы пропитаны алкоголемъ, мы никогда не чувствуемъ ихъ противными. Ожесточеніе, зависть чужому счастью быстро уступаютъ мѣсто прощающей, грустной любви, и Левитовъ воплощенный представитель идеаловъ лучшихъ русскихъ, гуманнаго сочувствія всякой нуждѣ, необходимости способствовать ея смилженію, открывавъ глаза жестокимъ, безсердечнымъ дѣтямъ міра на ихъ долгъ—безъ какой-либо навязчивости, безъ тенденціи и поучительства. Этотъ алкоголикъ несравненно гуманнѣе, чѣмъ прежніе эротики.

Наибольшей выеоты среди народниковъ достигли Глѣбъ Успенскій и Златовратскій, одинъ имени которыхъ, какъ всѣхъ Знаменскихъ, Покровскихъ, Вознесенскихъ и т. д., указываютъ на духовное происхожденіе. Глѣба Успенскаго не слѣдуетъ смѣшивать съ его двоюроднымъ братомъ, Николаемъ Успенскимъ. Послѣдній тоже народникъ, большею частью шавшій комическія сценки изъ жизни мужиковъ, весьма напоминающъ своего рѣзкою, публицистическою живою Салтыкова, и не Златовратскій, а онъ имѣлъ бы право на псевдонимъ «маленькій Щедринъ»; онъ напоминаетъ его и своимъ желчнымъ юморомъ; въ остальномъ ихъ дороги не сходились несмотря на общіе идеалы,—темы были слишкомъ различны. Г. Успенскій началъ съ изображенія быта маленькихъ губернскихъ городовъ, Тулы съ ея фабричнымъ населеніемъ; другихъ меньшихъ, среди которыхъ теряется напр., Волоховъ; этому герою, однако, скоро такъ надѣдаетъ «обрызгиваніе лба свѣжею водою», что его единственнымъ принципомъ становится «тише воды, ниже травы», одна изъ пословицъ, т. е. часто продуктъ изъ намеры пытокъ человѣчества, называемой также «исконною опытностью и мудростью». «Иправы Растеряевой улицы», къ которымъ послѣ примыкаютъ другіе эскизы, говорили о мастерахъ, слесаряхъ, ихъ зависимости, о томъ какъ они, высосанные мастерами, предаются пьянству и терпятъ всякую выдержку. Когда «Современникъ» былъ запрещенъ, продолженіе этихъ эскизовъ должно было появиться въ одномъ журналѣ для дамъ. Успенскому пришлось своихъ пьяницъ умыть и причесать; эти гигиеническія мѣры, однако, только испортили ихъ. Увеличилось число очерковъ, особенно изъ жизни провинціи, напр., изображается чрезмѣрное рвеніе высшей полиціи при поимкѣ нигилиста и т. п.; кто читалъ героическую борьбу съ полицейскими мизанго нигилиста, могучаго купца, никогда не забудетъ этой сцены и совершенно невѣроятнаго богатства русскихъ брачныхъ выраженій. Большею частью желчная сатира характеризуетъ эти эскизы; потомъ слѣдуютъ письма изъ-за границы (изъ Сербіи 1877). По своему возвращеніи, Успенскій, съ 1878, совершенно измѣнилъ поле своихъ наблюдений; онъ отправился въ собственный центръ страны, къ крестьянину, и то, что онъ нашелъ здѣсь, возбудило величайшій интересъ. Прежде всего разрушились иллюзіи, господствовавшія относительно крестьянина, благодаря славянофиламъ и романтикамъ; явились міръ и община, мизанго напавъ отъ всѣхъ социальныхъ золъ человѣчества, стало очевидно, какъ эти устарѣвшія формы тяготятъ, какъ онѣ подъ руками кулаковъ все далѣе притѣсняютъ экономически болѣе слабыхъ; былъ показанъ «интеллигентъ» въ своихъ тщетныхъ попыткахъ добиться довѣрія крестьянина, работать съ нимъ, какъ старшій братъ; самому безкорыстному ничто другому не оставалось, какъ избѣгать деревни, если онъ не хотѣлъ окончательно погибнуть морально и физически. Это была одна сторона медали, какою Успенскій увидѣлъ ее въ центральной Руси у «безсердечнаго крестьянина съ его денежнымъ хозяйствомъ», но онъ пошелъ и въ другія области, гдѣ связь съ матерью-землей была, повидимому, не такъ

сильна, благодаря возможности легкаго заработка на фабрикахъ и въ городахъ. Такъ писатель точно узналъ и изобразилъ эту «власть земли», которая дѣлаетъ крестьянина прямо безвольнымъ, каждое мгновение подчиняетъ его требованіямъ хозяйства, не позволяетъ ему мыслить и соображать; мужикъ просто естественный продуктъ, какъ дерево, лошадь, долженъ приспособляться къ любымъ условіямъ. Микроэкономическій анализъ того безразвѣтнаго денежнаго хозяйства и этой патриархальной зависимости отъ природы, наконецъ, разсмотрѣніе напрасныхъ попытокъ интеллигенціи, которая, порывая съ своимъ прошлымъ, хочетъ войти въ жизнь деревни и здѣсь является оторванной отъ стада, затерявшеюся овецю, составляетъ содержание совершенно особенныхъ эскизовъ, которые, конечно сознательно, страдаютъ недостаткомъ беллетристической отдачи и намеренно приближаются къ научно-обоснованному изложенію, хотя беллетристы всегда соперничаютъ съ изслѣдователями, особенно, при изображеніи конфликта между интеллигентами и крестьянами, иллюзіей и дѣйствительностью.

Въ противоположность Успенскому, Златовратскій только беллетристъ: отъ очерковъ и фельетоновъ «деревенскаго» содержанія онъ возвышается до большихъ крестьянскихъ романовъ, изъ которыхъ самый знаменитый и обширный «Устонъ» (1884). Но какъ далеки мы отъ блаженнаго Ауербаха, который, какъ и Шницельгансъ, однажды нашелъ самую благодарную общину въ Россіи! Въ сущности, и его воззрѣніе на крестьянскую жизнь пессимистически-фатальное; его герои-крестьяне, которые благодаря какому-либо постороннему толчку, случайно приобретенному образованію, большому благосостоянію, не дѣлающему ихъ рабами хозяйства, благодаря своей энергіи выдѣляются изъ массы, отказываются отъ «основъ», заявляютъ себя главарями, даже деспотами, пока, наконецъ, преслѣдуемые всеобщее ненавистію, не порываютъ всякой связи съ общиною. Община и артель идеалы автора; только въ нихъ спасеніе. Первобытную гарантію, нравственное довольство нарушаетъ уметвующій, испытующій крестьянинъ, желающій жить по новому; интеллигенція потеряла покой, она должна стремиться къ единенію съ народомъ. Эти положительныя идеалы придаютъ романамъ Златовратскаго тотъ ясный отпечатокъ, который существенно отличаетъ ихъ отъ очерковъ Успенскаго; къ этому присоединяется искусство автора въ живописи и изображеніяхъ, въ созданіи цѣльныхъ картинъ, вмѣсто простыхъ эскизовъ большинства остальныхъ народниковъ. Романъ становится эпопеею сельской жизни, прославленіемъ носителя старинной крестьянской мудрости, стараго Мина, патриарха Пимена и его многочисленнаго семейства съ ихъ неутомимую работою, распределенною у нихъ словно въ ульѣ; въ противоположность имъ изображаются меланхолическій мельникъ, безжалостный и безпощадный деспотъ Борись и, во имя просвѣщенія и уваженія къ людямъ, не менѣе деспотическій Петръ, истинный человѣкъ реформы, которые потерявъ, наконецъ, венскую почку въ деревнѣ, все бѣгутъ въ городъ.

Въ этой необыкновенно богатой народной литературѣ—мы назвали только самыхъ выдающихся представителей ея, пропуская Якушкина, Сазыкова и др., часто чрезвычайно оригинальныя явленія,—занимаетъ совершенно особое мѣсто Мельниковъ (или Андрей Печерскій), полудѣдователь, доносчикъ и притѣснитель, полупоклонникъ людей, которыхъ онъ изображаетъ, во всякомъ случаѣ преносходный знатокъ совершенно особаго міра, который обнимаетъ цѣлыя милліоны и рѣзко отличенъ отъ остальной русской половины міра—старовѣровъ самыхъ различныхъ толковъ. Эта область полтора столѣтія была неистощимымъ золотымъ дномъ для поэзіи и прозы—ср. ниже расчетъ купца въ «Современной идилліи» Сазыкова;

и теперь нашелся чиновникъ, для котораго они должны были сдѣлаться литературнымъ рудникомъ. Изъ поблдокъ, допросовъ и изслѣдованій, изъ официальныхъ докладовъ и частныхъ записокъ Мельниковъ хорошо изу-

Мельниковъ-Печерскій.

чилъ быть старовѣровъ волжскихъ, ветлужскихъ, керженскихъ, познакомился съ ихъ мужскими распадающимися, и женскими дѣвственными монастырями, съ корыстностью ихъ духовенства, никогда не перестающими и почти всегда напрасными попытками организаціи изъ Австріи, (напр., отъ липовановцевъ изъ Буковины они привозятъ «епископа»); увидѣлъ преслѣдованія, каковыя они подвергаются, преступленія, косность, господствующія въ ихъ средѣ, чувство солидарности, какъ слѣдствие притѣсненій; видѣлъ высокія нравственные достоинства отдѣльныхъ лицъ, не могущія удержать паденія и гибели цѣлаго; угрожающіе признаки этого. Съ другой стороны, передъ авторомъ стояли обиліе преданій, особенности жизни различныхъ индустрій, сообществъ, патриархальная Русь доиконовскаго времени,

которая учитъ священное писаніе не по печатнымъ книгамъ, а только по старымъ рукописнымъ, крестится двумя пальцами, чуждается табака, страшно боится антихриста и Петра Великаго, какъ воплощенія его, трепещетъ, о спасеніи души напоминаетъ къ могиламъ самосожженныхъ. Послѣ краткихъ очерковъ, Мельниковъ избралъ болѣе широкія рамки и помѣстилъ въ трехъ романахъ, часто съ повторяющимися дѣйствующими лицами, «По ту сторону Волги», «Въ горахъ», «На горахъ», 1868—1874, въ довольно безразличной нити разсказа почти неистощимый рядъ картинъ изъ жизни скитовъ и толковъ. «Романъ», какъ таковой, оставляетъ насъ равнодушными къ тому, дастъ ли Потапъ обмануть себя видомъ ветлужскаго кошачьяго золота или нѣтъ, «изсыхаетъ» ли его сестра по любви къ приказчику и находитъ ли преданная служанка любовныя травы; заплатитъ ли Настя, его дочь, за эту любовь своею жизнью; какъ часто старовѣръ, московскій «посланецъ», поддается женскимъ искушеніямъ и т. д.; что драгоцѣнно въ романахъ, такъ это описанія быта страны и людей. Тамъ, «прятки» съ ихъ разсказами и мірскими пѣснями, противъ которыхъ напрасно борются богобоязненные старая монахиня; жизнь въ лѣсу со сказаніями о печеныхъ, о владахъ; одни скрыты самими Богомъ, открываются извѣстному человѣку, изъ тучъ и грозъ, опустошающей все вокругъ они входятъ въ землю, гдѣ солнечный лучъ остается золотомъ, лунный серебромъ; другіе клады стережетъ чортъ, на нихъ лежатъ кровь, они прокляты, и всеохватъ къ «свободѣ», когда народъ еще «казаковалъ» по всей Волгѣ, къ Стенькѣ Разину и его рѣчной жертвѣ. Эти клады достаютъ волшебствомъ и магическими словами; для этого существуютъ знаки; но кто ихъ подыметъ, пусть будетъ милосердъ къ бѣднымъ и церквамъ, если хочетъ спасти свою душу отъ погибѣли. Хороши картины природы, пробужденіе весны, господство и всемогущество Арилы, праздники мертвецовъ на пасхальной недѣлѣ, когда они выходятъ на зовъ изъ своихъ могилъ, перечисленіе праздниковъ и танцевъ, въ общемъ, получается первокласный этнографическій матеріалъ, изложенный

въ безлестристической формѣ. Слѣдуетъ упомянуть, что авторъ говоритъ о жизни артели дровосѣковъ: артель не переноситъ никакихъ споровъ, все улаживается единогласно (старый славянской принципъ: большинство рѣшаетъ въ противѣтъ *liberum veto* одного), отсюда часто рѣшеніе выносить жребіемъ; въ работѣ артель не имѣетъ цѣны, наоборотъ, при совѣщаніяхъ она слишкомъ безпокойна. Нельзя довѣрять одному верховнаго нѣбоденія и рѣшенія во всемъ, иначе были бы оскорблены другіе, вышло бы, что остальные, какъ наемники, работаютъ на одного. Дядя Онуфрій превосходный артельный хозяинъ, но, дай только ему полную власть, онъ сейчасъ бы заважничалъ, и если бы даже дѣйствовалъ честно, ему не повѣрили бы и не стали бы слушать, какъ прежде; думаешь, что читаешь сообщенія епископа Мерзбургскаго Х столѣтія относительно совѣщательныхъ соборій славянъ на Эльбѣ и на Одерѣ. Артель соблюдаетъ въ своей средѣ самую строгую пристойность, честность; но постороннихъ она грабитъ по силамъ. И еще характерная черта: редакція «Русскаго Вѣстника», печатавшаго романы, должна была замѣтить: романы изображаютъ двѣ стороны: что въ сектантахъ выставляются добродѣтельными людьми съ идеальными чертами, наоборотъ, православное духовенство—пьяница на пѣльницѣ, воръ на ворѣ,—сравненіе навязывается слишкомъ рѣзкое; необходимо убавить количество водки и филаретна у нашихъ пастырей душъ, епископовъ и игуменовъ.

Специально духовенствомъ безлестристка не могла заниматься; теперь она отговариваетъ себя и эту область, особенно благодаря «Соборникамъ» Лѣскова. Авторъ рисуетъ истиннаго пастыря, ставшаго въ конфликтъ съ духовнымъ управленіемъ. Туберозовъ (эти странная имена, Мармеладовъ, Априкосовъ, Беневолентскій, Сперанскій, Ерихонскій и т. д., молодые люди получали въ семинаріяхъ, такъ какъ до поступленія они часто не имѣли никакой фамилии—дома довольствовались двумя именами, собственнымъ и отцовскимъ) любитъ правду и свою службу, что вызываетъ неудовольствіе со стороны духовнаго управленія, ибо до сихъ поръ русскому священнику воспрещалась всякая инициатива, всякое энергичное дѣйствіе; онъ могъ быть всюду только слугою. Поэтому ему запрещаютъ свободную проповѣдь—онъ можетъ только прочитывать заранее установленные отрывки изъ гимидики и отцовъ церкви, и высказывать рвеніе въ борьбѣ противъ злоупотребленія алкоголемъ; его обвиняютъ въ подкупѣ старообрядцами, разъ онъ считалъ возможнымъ только обращаться къ нимъ, а не доносить на нихъ и не грабить ихъ. Туберозову приходится вести и другую борьбу, со своимъ безпокойнымъ, могучимъ, діакономъ Ахилломъ, который, однако, пренебрегаетъ золотой простотой сердца и сильнѣйшей вѣрой; оба вырываютъ плетви невѣрія, разбѣгаемые среди молодежи атенствомъ учителемъ, Варнавкою, который, въ ужасу своей старой благочестивой матери дерзнетъ дома скелетъ и части трупа; еще и теперь въ Россіи учителя и врачи—«внутренніе враги», на которыхъ натравливалась чернь въ 1905 г. Катастрофа, однако, избѣжать нельзя: Туберозова поражаетъ отлученіе отъ должности, смерть его любимой жены, и когда, глубоко потрясенный, онъ платится за всѣ страданія собственной жизнью, для Ахилла, лишившагося духовнаго опора, жизнь тоже теряетъ всякую цѣну. Лѣсковъ коснулся высшихъ круговъ, написалъ «Мелочи архіерейской жизни»; въ послѣдніе годы онъ ограничивался передачею старыхъ легендъ изъ прологовъ, житій святыхъ или составленіемъ стиховъ въ старомъ стилѣ: Христосъ въ качествѣ гостя у крестьянина и т. п. Писемскій, Мельниковъ и Лѣсковъ еще и донынѣ не отбичены по достоинству критикомъ, они какъ бы пренебрегаются ею.

Послѣ этого отступленія возвратимся опять на мнѣніе къ литературѣ народниковъ.

Жизнь русскихъ (не «инородцевъ», бурятъ, якутовъ и т. д.) крестьянъ,

въ Сибири особенно захватывающе изобразить Наумовъ. Мужикъ здѣсь не зналъ крѣпостного права, зато тѣмъ болѣе терпѣть отъ тиранническаго произвола безконтрольных чиновниковъ и судоевъ и тѣмъ послѣдовательно разорался тамошнимъ деревенскимъ кулакомъ. И Наумовъ, родившійся въ Тобольскѣ, воспитанный въ Томскѣ, былъ постояннымъ свидѣтелемъ этой мучительной жизни. Среди болѣе молодыхъ счастливо дебютировалъ сибирскими разсказами Мачетъ, выразившій потомъ свою ненависть къ господамъ, ихъ лакеямъ и паушинкамъ въ большомъ романѣ, самомъ тенденціозномъ изображеніи деревенскаго Тартюффа. Односторонни были своей идеализацией простаго народа и его патриархальныхъ добродѣтелей, терпимости интеллигенціи à la Толстой, очерки и разсказы Коронина (т.-е. Петропавловскаго, изъ духовнаго званія судя по имени), сосланнаго въ Тобольскъ и работавшаго тамъ; въ такомъ же духѣ повѣсти Эртеля, который началъ «Записками степняка» à la Тургеневъ и въ своихъ «Духъ парихъ» или въ «Гарденинскихъ» противопоставлялъ разрушающее вліяніе либеральныхъ воззрѣній, гармонию и гуманность первобытности, близость послѣдней къ народу.

Тенденція, наконецъ, проникаетъ всюду; почти одинъ только Маминъ, псевдонимъ «Сибирякъ», приобрѣлъ себѣ имя постоянствомъ въ изображеніи страны и людей по ту сторону Урала. Но, напр., такъ называемый, «сибирскій поэтъ» Омлевскій, собственно Федоровъ, родившійся на Камчаткѣ и напечатавшій «Сибирскіе разсказы», ничего общаго съ Сибирью не имѣетъ ни въ своемъ романѣ «Свѣтловъ», ни въ своихъ стихотвореніяхъ. «Пѣсни жизни»; «Свѣтловъ» частью имѣетъ автобиографическое значеніе: воспитаніе и среда, окружающая радикальнаго юношу, пробужденіе энтузіазма, общающагося потомъ и читателю; пѣсни жизни составляютъ поэтическое дополненіе къ этому: либеральныя тирады, декламации, жалобы, напр., крестьянина: лежишь ты на печи, тебѣ хоть ударъ топоромъ и ничего не вобьешь въ голову; болтаешь съ женой,—только ругательство и крики; стоишь на міру, словно проглотилъ языкъ; ѣдешь на поле—не годишься пахать, смотришь на дѣтей,—можешь ихъ только пороть и бить; идешь въ лѣсъ, смотришь кругомъ, какъ бы не натолкнуться на лѣсного духа—но въ шинкѣ ты советъ другой человекъ—рѣчь льется, словно весною потокъ, разсудокъ и пониманіе словно ведрами у тебя, и ничего не стоитъ тебѣ заткнуть за поясъ самого чорта!—это, дѣйствительно, «мѣщанская» поэзія, идеальный порывъ которой, радостныя надежды рѣзко выдѣляются на мрачномъ жизненномъ пути преслѣдуемаго, изгнаннаго, дошедшаго до величайшаго бѣдствія автора. Станюковичъ, своимъ отцомъ, адмираломъ, предназначенный къ морской службѣ, начинаетъ съ «морскихъ разсказовъ», описаній флотскихъ офицеровъ и экипажей въ картинахъ, полныхъ души и юмора, но отказывается отъ этой карьеры, становится сельскимъ учителемъ, политическимъ ссыльнымъ и пишетъ тенденціозные романы, между прочимъ, и комедію направленную противъ воровъ—концессионеровъ желѣзныхъ дорогъ; однако, эти въ послѣдній моментъ помѣшались постановки пьесы.

Самый многосторонній, плодотворный и наиболее читаемый среди тенденціозныхъ беллетристовъ, еще и нынѣ неустанно дѣятельный, Боборыкинъ, въ 1904 г. справлявшій свой пятидесятилѣтній юбилей; отказавшійся отъ научной карьеры химика и медика, онъ сталъ въ одно и то же время романистомъ, драматургомъ, критикомъ, теоретикомъ (теорія романа и др.), въ сущности, быть можетъ, только репортеромъ, фельетонистомъ, хроникеромъ. Въ его позднѣйшихъ романахъ, особенно появившихся въ «Вѣстникѣ Европы», отражается самымъ точнымъ образомъ современная эволюція Россіи; каждое новое явленіе, особенно внутри вновь образующагося

третьего сословія, онъ схватываетъ налету и сейчасъ же заносить на бумагу, часто такъ, что его можно указать пальцемъ; писатель не отстываетъ отъ фотографической передачи образовъ своихъ знакомыхъ или известныхъ ему личностей. Полнота эпизодовъ, анекдотической обстановки, остроумныхъ замѣчаній обезпечиваетъ автору интересъ читателя. Боборыкинъ безусловный почитатель запада, поклонникъ французовъ, парижскихъ бульваровъ и ихъ литературы; онъ не устаетъ вводить въ свои романы и эротическій элементъ съ чертами чисто французской откровенности, что до него покажутъ дѣтали лишь Пигемскій и Авенаріусъ (въ своихъ социальных романахъ «Современная и виллы» и «Изма», соединенныхъ подъ заглавіемъ «Блуждающія силы»), сводя современное, радикальное движеніе къ простому освобожденію чувственности. Эта односторонность позже исчезла, осталась способность схватывать все дѣйствующее въ настоящій моментъ, подвергать его беллетристической обработкѣ. Часто беретъ онъ потомъ формулировать противоположность между умирающимъ дворянствомъ, и воскресающимъ плебеемъ, напр. въ «Басилии Теркинѣ», съ картинами Поволжья и его быта.

Н. Боборыкинъ.

Эти фотографические снимки общества въ его различныхъ занятіяхъ заключаютъ если не большую художественную, то во всякомъ случаѣ культурно-историческую цѣнность, и имѣютъ при либеральныхъ тенденціяхъ автора воспитательное значеніе.

Его совершенно недоставадо высоко-консервативному издателю «Гражданина» (первой консервативной газеты въ Петербургѣ), князю Мещерскому, который въ противоположность реакціоннымъ «Московскимъ Ведомостямъ», «Дню» и др., оплачивающимъ всякое прогрессивное движеніе въ обществѣ, дѣлающимъ доносы и преслѣдующимъ тѣмъ безуміемъ, чѣмъ безпомощіе ихъ ярость, наблюдаетъ совѣтливое приличіе и сдержанность въ пріобрѣтѣть немалое значеніе—въ 1904 г. ему предлагали постъ министра просвѣщенія. Его многочисленные романы нашли переводчика, несмотря на свою сомнительную цѣнность; они взяты изъ жизни высшего петербургскаго общества, какъ уже показываетъ самое ихъ заглавіе, «Одинъ изъ нашихъ Висмарковъ», «Одинъ изъ нашихъ Мольтке» и т. п., и не лишены сатирическаго привкуса, единственное, что можно сказать въ пользу «внука Карамзина» (въ политическомъ отношеніи).

Гибель дворянства, разореніе всѣхъ «дворянскихъ гнѣздъ» и «Затѣшій», деревенскія Буеиретиро и Мопрено, выступленія лишенныхъ традицій и почта плебеевъ, кулака, купца, часто скандальныя попытки дворянства найти новые средства для стараго *dolce far niente*, все это служить темами разнообразныхъ картинъ Терпигорева (псевдонимъ Атава, фелетонистъ «Новаго Времени»); знаменательны уже заглавія серій, въ которыхъ появились сборники отдѣльныхъ очерковъ, напр., первая, возбуждавшая наибольшее вниманіе, «Оскуднѣе»; въ другой серіи, «Потрешенная тѣня», авторъ заклеивалъ позоръ стараго крѣпостничества. Дворянству, крестьянству и побѣдоносно вышедшему надъ обоими кулаку посвящаетъ свои

эскизы и повести Саловъ, въ блужданіяхъ по обѣдѣннѣмъ деревнямъ и разрушающимся дворамъ, дающій положительно современное продолженіе «Записокъ Охотника». Особую специальность избралъ себѣ Лейкинъ, въ мелкихъ разсказахъ котораго помѣщаются юмористическія описанія купеческаго быта, сильно утрированныя, хорошія для фельетоновъ въ «Стрелѣ», менѣе удачны его ужасно растянутыя повести и романы. Кое что переведено; иностранная читатель удивляется этимъ некультурнымъ, невѣжественнымъ, грубымъ, добродушнымъ патронамъ, которые, запасшись большимъ денежнымъ мѣшкомъ, вмѣстѣ со своими прекрасными половинками отправляются за границу; при полномъ незнаніи страны и людей, въ дѣтской и наивной безпомощности вылазаютъ въ Дирнау вмѣсто Берлина, переживаютъ цѣлый рядъ комическихъ qui-pro-quo; въ Парижѣ, Монте-Карло, Римѣ попадаютъ въ руки первыхъ плутовъ и кокотокъ, и ограбленные съ ахами и охами, снова возвращаются въ свои «патестины». Интересные не переведенныя вещи, раскрывающія тайны Гостиннаго и Апраксина дворовъ, большихъ купеческихъ домовъ въ Петербургѣ, практику биржевиковъ, артельщиковъ. Таковы Лейкинъ, человѣкъ удивительной, невѣроятной продуктивности; онъ составлялъ драмы, самъ былъ актеромъ, писалъ въ страшномъ количествѣ фельетоны, очерки и т. д., обезпечивъ себѣ тему, своихъ

купецъ, которыхъ онъ не устаетъ проводить по всѣмъ выставкамъ, во все время года, по всѣмъ странамъ, приводя ихъ во всевозможныя столкновѣнія; большею частью это разсчитано на простое возбужденіе смѣха, и авторъ никогда не боится даже грубаго балаганнаго остроумія.

Прямо невыносимая растянутость вредитъ и романамъ Маркова и особенно безконечно плодovitаго Немировича-Данченко. Оба приобрѣли себѣ имя, собственно, какъ описатели путешествій, Марковъ къ тому же, какъ и критикъ, Данченко, какъ военный корреспондентъ, начиная отъ «Года войны», 1877, до корреспонденцій изъ Маньчжуріи въ 1904 г. Оба видѣли много странъ и людей; особенно точно изображали ихъ репортеры и публи-

Вас. Пав. Немировичъ-Данченко.

цистъ высшаго ранга, Данченко, впервые возбуждившій всеобщее вниманіе своими описаніями дальняго Сѣвера, Лапландіи, Соловецкаго монастыря. Данченко

также и авторъ превосходныхъ очерковъ изъ солдатской и крестьянской жизни, его «Святочные рассказы» больше заслуживали бы перевода, чѣмъ романы, благодаря гуманной тенденціи и захватывающему содержанию. Маркони въ своихъ немногихъ романахъ пытался показать интеллигенціи, что она сама дѣлала въ теченіе постоянной жизни въ деревнѣ, въ качествѣ врача и т. д., какъ найтись, приобрести себѣ благодарную общественную задачу. Чрезвычайно многочисленныя романы Данченко, равно какъ, напр., прежніе Ахшарумова, не преслѣдовали никакой другой цѣли, кромѣ забавленія непритязательнаго читателя романтическими запутанностями, мелодраматическими эффектами, искусно завязанными интригами. Эти современныя, т. е. сильно разбавленные водою, Марлинскіе прямо незамѣнимы для фельетонныхъ романовъ ежедневныхъ газетъ. Ахшарумовъ принадлежалъ, правда, еще къ старой гвардіи сороковыхъ годовъ, и рядомъ съ нимъ можно назвать, пожалуй, Авдѣя, который уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ своимъ «Тамаринымъ», новою настоякою сверхромантическаго Печорина, смущалъ всѣ дѣвическія сердца. То же самое ему удавалось и въ началѣ шестидесятихъ годовъ своимъ «Подводнымъ камнемъ»; его специальность въ разводахъ и брачныхъ нарушеніяхъ скоро потеряла свою привлекательность; послѣдній романъ «Въ сороковые годы» авторъ посвятилъ кружку Бѣлинскаго и Герцена. Писатели въ родѣ Мещерскаго и др.—Авѣенко и Головинъ (или псевдонимъ Орловскій); для нихъ было предназначено сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Оба высоко-консервативные писатели не боялись, впрочемъ, представлять вовсе не въ свѣтлыхъ краскахъ реакціонныя сферы, вращались ли они въ чиновничьемъ мірѣ или въ высшемъ кругу.

И историческій романъ нашелъ новыхъ представителей. Въ которое время онъ совершенно не пользовался популярностью; Загоскинъ, Лажечниковъ, Кукольникъ, Зотовъ, съ ихъ фантастическими измышленіями, какъ напр., «Таинственный монахъ» Зотова, т. е. гетманъ Дорошенко, мнимый spiritus rector русской исторіи до битвы подъ Полтавою и т. п., не нашли, особенно во время «обличительной» суматохи, никакихъ послѣдователей; даже Тургеневъ и Гончаровъ всецѣло занимались темами на злобу дня. Только оба Толстые, Алексѣй и Левъ, сохраняли свое право всегда быть иного мѣтла, чѣмъ другіе, и работали, не безпокоясь шумомъ вскружить, одинъ за своимъ «Княземъ Серебрянымъ», другой за «Войной и миромъ». Но и эти неподражаемые произведенія лишь медленно создавали почву для новаго рода литературнаго искусства. Историкъ по призванію, малоросъ Костомаровъ, пытался беллетристически воплотить фигуры Стеньки

Гр. Алексѣй Конст. Толстой.

Разина и Ивана IV; но его строго историческое изображение, напр., эпохи смутного времени или Богдана Хмельницкого, несравненно интереснее, чѣмъ псевдо-исторические романы, изъ которыхъ первый, «Сынъ», своею сухостью, другой, «Кудеяръ» (разбойничій атаманъ, мнимый братъ Ивана IV), своею фантастичностью не разъ заставляютъ насъ вспомнить объ археологической точности и научной добросовѣстности.

Послѣ Костомарова излюбленными дѣлаются произведенія Данилевскаго. Исторические романы составляютъ собственно послѣднюю фазу писательской дѣятельности этого автора. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ писалъ повѣсти съ этнографическимъ содержаніемъ, изображать жизнь южно-русскихъ степенъ съ ея ширью и волею—въ родѣ старыхъ американскихъ Техаса или Канзаса—куда недовольные крестьяне убѣгали отъ ужасовъ крепостного рабства, чтобы иногда попасть въ еще худшее положеніе, такъ какъ при своей безправности имъ часто приходилось отдаваться на милость и немилость всевозможныхъ авантюристовъ; сюда относятся: «Бѣглецы въ Новороссіи», «Возвращеніе бѣглецовъ», «Свобода». Послѣ нѣкотораго промежутка времени появился «Девятый валъ» (т. е. самый большой, другіе народы считаютъ таковымъ десятый), романъ, касающійся рѣдкой темы, жизни православныхъ монаховъ. Богатая мать, чтобы искупить грѣхъ, отдала свою дочь въ монастырь въ качествѣ невесты Христа; эта монастырская жизнь не есть собственное основаніе романа, героиня которого колеблется между любовью и призваніемъ; настоящій герой земецъ Ветлугинъ, съ своимъ энергичнымъ характеромъ дѣйствующій въ непривычной для него, послѣ работы въ Азіи, средѣ. Только подъ конецъ Данилевскій обратился къ историческому роману XVIII и XIX столѣтій; его интересовали попытки переворота Миропича съ несчастнымъ, томившимся въ Штисельбургѣ царевичемъ Іоанномъ, мнимыя попытки княжны Таракановой, о чѣмъ эта вовсе и не думала, весьма реальныя мнимыя Петра III, Пугачева, «Черный годъ», «Сожженной Москвой» авторъ соперничалъ съ романами «Война и миръ», поставивъ на первый планъ то, что для Толстого было бы ужасомъ, сдѣлавъ героинею измѣнившую своему полу патриотку, ставшую въ ряды воиновъ для отраженія нашествія. Одновременно обратился къ романамъ историкъ Мордовцевъ, черпая темы для нихъ, преимущественно, изъ прошлаго казачества и Малороссіи, «Сагайдачный», «Царь и гетманъ» и простирающееся до XIV столѣтія «Мамаевъ побоище». Несравненно большій успѣхъ, чѣмъ всѣ эти, часто весьма растинутые, романы, имѣлъ «Пугачевцы» графа Саласа де Турнемиръ, сына графини-писательницы, Е. Туръ 1874 г. Графъ, получившій выдающееся литературное образованіе и рано выступившій съ разсказами и путевыми письмами изъ Испаніи, употребилъ чрезвычайный трудъ на этотъ романъ, на добросовѣстное изученіе архивныхъ подробностей, топографіи и т. д. Романъ имѣетъ и бесспорныя достоинства; характерно для него перенесеніе консервативнаго шаблона современныхъ романовъ въ XVIII столѣтіе, противопоставленіе національнаго героя *sans phrase à la* Катюшь и петербургскихъ ничианствоновъ съ ихъ прокламаціями и преступными связями съ польской *szpawa*; ибо сосланные поляки суть настоящіе соблазнительницы невинныхъ русскихъ, они выставляютъ претендента, отправляютъ Библикова и т. д., такъ боролся графъ Саласъ противъ *szpawa* въ романѣ, какъ графиня Саласъ, варшавская помянутого, дѣлала это въ дѣйствительности. Успѣхъ «Пугачевцевъ» былъ рѣшающимъ; съ того времени графъ далъ много томовъ историческихъ романовъ: «Одинъ милліонъ», т. е. конецъ Потемкина, «Графы Орловы», «Поэтъ Державинъ», «Сынъ Аракчеева» и т. д.; однако, романы эти не обладаютъ добросовѣстностью и точностью первой работы. Его лавры не давали спать старшему сыну извѣстнаго московскаго историка Соловьева, Всево.

лоду, который написал множество историческихъ романовъ, начиная съ «Княгини Острожской» (1876), до «Вольтерланца» и др. Рядомъ съ Саласомъ и Соловьевымъ и другіе поставщики фабриковали этотъ патристическо-историческій товаръ для всевозможныхъ журналовъ. Въ сторонѣ отъ нихъ стоятъ поэты, критикъ и журналистъ Д. Мережковский, обращающійся къ другимъ временамъ и людямъ, авторъ «Смерти боговъ», Юліана Отступника, послѣднего залпа на тронѣ цезарей, и біографическаго романа «Воскресеніе боговъ», Леонардо да Винчи. Оба романа, переведенные на многие языки, весьма почтенные труды, свидѣтельствующіе о настойчивомъ изученіи, о знаніи времени и идей, но въ изложеніи они нѣсколько безцвѣтны и сухи.

Еще одно слово о дамахъ писательницахъ. Блестящій примѣръ великой императрицы и ея бывшей покровительницы, какъ и фаворитки, княгини Дашковой, долгое время оставался безъ подражанія; выдающіеся въ литературѣ женщины, княгиня Волконская, госпожа Свѣчина, отнали отъ православія; еще слишкомъ давила русскій женскій міръ прежняя зависимость. Объ отдѣльныхъ поэтессахъ мы упоминали, но только романъ, именно любовный и семейный, въ родѣ Фредерика Бремера, возбудилъ дѣятельность многочисленныхъ писательницъ. Однако, русская представительница беллетристики не играла той большой роли, какая выпала на долю ея заграничныхъ сестеръ, Орзешко, Залютъ, не говоря уже о такъ много значущей для Россіи Зандѣ; ея успѣхи несравненно скромнѣе. И здѣсь слѣдуетъ назвать только нѣкоторыя имена и произведенія. На первомъ мѣстѣ стоитъ Хвоцинская, пикетная подъ вседонимомъ В. Крестовскій, не смѣшивая съ В. Крестовскимъ, авторомъ «Петербургскихъ трущобъ», ни съ его дочерью М. Крестовскою, также писательницею, которая послѣ мелкихъ попытокъ успѣшно дебютировала романомъ «Артистка». Живя въ губернскомъ городѣ, Хвоцинская ограничилась въ своихъ первыхъ, съ 1850 ежегодно появлявшихся романахъ, изображеніемъ печальныхъ семейныхъ картинъ, преслѣдованій любящихъ другъ друга существъ со стороны всевозможныхъ тирановъ, безсердечныхъ матерей, насмѣшливаго общества, жестокихъ мужчинъ; менѣе освѣщены были положительные типы. Со временемъ горизонтъ писательницы расширился; она пыталась представлять современное общество; были проникнуты пессимизмомъ всѣ ея произведенія. Среди современниковъ она рисуетъ охотно, какъ отчасти и Боборыкинъ, тѣхъ, которые отворачивались отъ своихъ идеаловъ или исповѣдуютъ ихъ только словами, лицемеровъ всякаго рода, если и не явныхъ отщепенцевъ. Всюду просвѣчивается ея сочувствіе поруганнымъ, преслѣдуемымъ, надломленнымъ существамъ, чѣмъ авторъ приобретаетъ глубокую симпатію читателя. Несравненно менѣе плодотворна была госпожа Соханская, псевдонимъ Кохановская, которая зато выказала себя весьма энергичною славянофилою. Романы Виницкой, Шапиръ и др. вращаются въ колѣхъ женскаго романа, съ его шаблонными,

Хвоцинская-Зайончковская.

Среди современниковъ она рисуетъ охотно, какъ отчасти и Боборыкинъ, тѣхъ, которые отворачивались отъ своихъ идеаловъ или исповѣдуютъ ихъ только словами, лицемеровъ всякаго рода, если и не явныхъ отщепенцевъ. Всюду просвѣчивается ея сочувствіе поруганнымъ, преслѣдуемымъ, надломленнымъ существамъ, чѣмъ авторъ приобретаетъ глубокую симпатію читателя. Несравненно менѣе плодотворна была госпожа Соханская, псевдонимъ Кохановская, которая зато выказала себя весьма энергичною славянофилою. Романы Виницкой, Шапиръ и др. вращаются въ колѣхъ женскаго романа, съ его шаблонными,

мало индивидуальными героями, съ тонкимъ содержаніемъ, незначительностью мысли, что, впрочемъ, возмѣщается подробнымъ психологическимъ анализомъ героевъ и ихъ чувствъ. Въ самое послѣднее время у русскихъ писательницъ, какъ и у ихъ нѣмецкихъ сестеръ, мы находимъ чрезвычайный реализмъ въ изображеніи любовныхъ вѣщей. Оригинальнѣе, мужественнѣе талантъ Дмитріевой, женщины вышедшей изъ народа, дочери крѣпостного; крестьянскіе темы съ соціальной окраской, свободныя отъ обычной шаблонной эротики дамъ-писательницъ, составляютъ ея область. На границѣ двухъ литературъ, малорусской и великорусской, стояла Марко Вовчокъ (псевдонимъ Марія Марковичъ). Русская или, правильнѣе, малорусская Бичеръ-Стоу дебютировала съ 1859 г. очерками изъ малорусской крестьянской жизни, которые отчасти ею, отчасти Тургеневымъ были переведены на русскій языкъ; это сентиментальныя идилліи и ужасы изъ эпохи крѣпостного права, громкій протестъ противъ господъ, одушевленная апологія рабовъ. Такъ какъ вопросъ занималъ всѣхъ, и протестъ превосходилъ по своей силѣ даже Тургенева, Григоровича и др., успѣхъ писательницы явился необыкновеннымъ; фантастичности, слабости и неестественности изображеній тогда не замѣчали. Отсюда, конечно, успѣхъ не могъ быть продолжительнымъ; теперь живетъ воспоминаніе о Вовчокъ только въ малорусской литературѣ. Романы и рассказы изъ быта интеллигенціи, написанные ею впоследствии на русскомъ языкѣ, не выдаются ничѣмъ надъ посредственностью и также забыты.

Интереснѣе, чѣмъ эти писательницы, которыя не стоятъ выше самаго скромнаго средняго уровня (и госпожа Гиппіусъ, теперь Мережковская), двѣ типичныя русскія, Софія Ковалевская и Марія Башкирцева, пусть онѣ и имѣютъ мало связей съ русской балетристикой, несмотря на свои дарованія. Одна—ученая, геттингенскій докторъ и стокгольмскій профессоръ математики, такъ тѣсно тосковавшая по любви, другая,—начинающая художница; обѣ пишутъ отчасти на иностранныхъ языкахъ. Кто интересуется, какъ былъ принятъ въ деревнѣ дворянствомъ и крестьянствомъ манифестъ 19 февраля, какъ Волохоу увлекать Вѣру, и какъ она послѣдовала за своимъ пигмистомъ въ Сибирь, пусть прочтеть «Ингилистку» Ковалевской, которая во введеніи къ исторіи Вѣры характеризуетъ самое себя. Но интереснѣе, трагичнѣе, чѣмъ все, что написали женщины, было то, какъ онѣ жили, что онѣ чувствовали, чему Башкирцева дава особенно захватывающее изображеніе. Поднялись, наконецъ, крылья и русской женщины, столь богато одаренной славянки, которая несравненно больше пугается пошлости современной жизни, чѣмъ ея нѣмецка или романская сестра.

ШЕСТИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Сатира. Салтыковъ.

Сатира шестидесятыхъ годовъ. Первые опыты Салтыкова: Губернскіе очерки. Какъ его юное стаго юлосомъ хора одновременихъ русскихъ трагедій. Его вынужденное молчаніе; быство отъ самого себя въ беллетристику. Отдѣльные произведенія. Исторія Гаунова. Въ средѣ умренности и акуратности. Современная идиллія. Помехонская старина. Госнода Голомѣвы. Значеніе сатиры Салтыкова.

Освобожденіе литературы отъ цензурнаго гнета должно было прежде всего освободить ея сатиру. Эта здоровая черта русской природы свойственна уже наиболѣе характернымъ изъ прежнихъ произведеній; таковы сатиры Грибоѣдова и Гоголя; около нихъ группируются болѣе мелкія вѣнцы, которыми, понятно, до 1848 г. занимались только самыми невинными темами, напр., изображалъ въ русско-французскихъ стихахъ, Мятлева, смѣшное французство мадамъ Курдюковой и т. п. Съ наступленіемъ новой эпохи сатира

дерзнула вступитъ на путь «обличенія». «Обличительная литература» стала модою, специально направлявшейся по всякой формѣ, повѣствовательной, драматической, даже поэтической, противъ безчестнаго чиновничества, противъ изитки; такъ, появился графъ Соллогубъ съ романами и комедіями, представлявшими чиновника; особенное вниманіе возбуждала драматическая трилогія (изъ нея только первая часть попала на сцену, «Свадьба Кречинскаго») Сухово-Кабалына, имѣвшая своимъ содержаніемъ злоупотребленіи и практику старыхъ судовъ. Въ «гражданской» лирикѣ съ большимъ успѣхомъ подвизался Розенгеймъ съ своими сатирическими элегіями и т. п. Онъ вызвалъ на сцену настоящихъ сатириковъ.

Радикальному литературному критику «Современника», Добролюбову, было мало рецензій и журнальных статей: успѣхъ Розенгейма побуждалъ его открыть при «Современникѣ» особый сатирическій отдѣлъ, «Свистокъ», въ которомъ онъ подъ именемъ «Конрада Лиленинбагера» и подъ другими названіями работалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сотрудниками, помѣщая стихи и прозу. Весьма характерно было, какіе объекты избирала себѣ эта сатира; она боролась не противъ реакціи, злоупотребленій и т. п., а специально обратилась противъ либераловъ, Розенгейма и др., понятно, не пощадила и Погодина и его знаменитого спора съ Костомаровымъ по варяжскому вопросу. Добролюбовъ упрекали за эту односторонность; но въ немъ говорить только радикальный ревнитель, которому казалось, что все реформенное движеніе приняло подозрительно — медленный темпъ, который боялся, какъ бы общество, гордое «достигнутымъ», упоенное красною фразою: «мы созрѣли», не стало бы довольствоваться мелочами; поэтому то онъ боролся противъ этого равнодушнаго, безразднаго либерализма. «Свистокъ» «Современника» вскорѣ послѣ ранней смерти Добролюбова былъ превзойденъ «Цескою» издателей поэта Курочкина, превосходнаго переводчика Беранже, и каррикатуриста Степанова, которые положительно образовали ренданъ Герценовскому Колоколу, съ тою разницею, что они занимались только маленькими злободневными, особенно провинциальными скандалами, рѣшительно пренебрегая всѣмъ и всѣми остальными. Ихъ успѣхъ былъ, однако, кратковременъ; преслѣдованіе цензуры, вынужденное однообразие, ослабленіе силы протеста и отливъ прогрессивной волны похоронили любовь къ нимъ уже послѣ 1866 г.; ихъ мѣсто не было занято никѣмъ. Старый юмористическій журналъ «Стрекоза» на ряду съ кушеческимъ міромъ Лейкина занимался болѣе дѣлами полускѣта, чѣмъ социальными и политическими явленіями. Фельетонисты Суворинъ, Буренинъ, Астрономовъ, Дорошеничъ, сотрудники «Новаго Времени» и др. газетъ становились излюбленными сатириками, особенно Буренинъ, который, слѣдуя реакціонному теченію времени, высѣивалъ и немногія либеральныя завоеванія, напр., судъ присяжныхъ въ своей «Мертвой ногѣ», преимущественно же, занимался литературной сатирой, не уставая осмѣивать декадентовъ. Какъ незначительна стала литература, какія мелкія задачи ставились ею, ясное всего показываетъ сатира, ибо что значатъ всѣ нынѣшніе сатирики въ сравненіи съ ихъ гениальнымъ предшественникомъ Салтыковымъ, который цѣлую четверть вѣка своимъ трагически-злобнымъ хоромъ сопутствовалъ и обозначалъ эволюцію общества, — правительству, хранимое своимъ черберомъ, цензурою, понятно, оставалось въ игры.

Самый желчный изъ всѣхъ писателей, какіе когда-либо жили, одинъ изъ величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ, вмѣстѣ съ тѣмъ бездвѣстническій талантъ перваго ранга, это русскій Свифтъ, Михаилъ Салтыковъ. Въ теченіе трехъ четвертей литературнаго творчества его постоянно тревожилъ вопросъ: «Пропустятъ ли?»; въ послѣднюю четверть отвѣтъ: «нѣтъ!»; тѣмъ большая радость, когда «они», наконецъ, пропускали. От-

сюда необходимость описания, самого тщательного унаковывания всего колющего въ густой слой ваты, чтобы цензоръ не оцарапался; необходимость

Мих. Евгр. Салтыковъ-Щедринъ.

совершенно особеннаго языка, языка востока и рабовъ, аллегорій, поговорокъ, особой терминологіи; приходилось нападать не на то, на что слѣдовало, но хвататься за невиннаго, преслѣдовать его съ скрежещущею яростью, держаться такъ, чтобы казаться безопаснымъ, отступая передъ невозможностью, ставить надлежащее слово на надлежащемъ мѣстѣ.

Салтыковская сатира отсюда страшно растянута, повторяется, терается въ общихъ излобахъ и описаніяхъ; она требуетъ вчитыванія, поисковъ; благодаря этому, мѣстами она совершенно устарѣла; новое поколѣніе часто не читаетъ ее совсѣмъ, и если раньше нѣкоторые бѣдѣли отъ ярости при одномъ имени, то теперь не легко найти столь значительнаго писателя, который былъ бы въ такомъ забвеніи. Конечно, не всѣ произведенія Салтыкова подвергались подобной участи; отдѣльныя сочиненія будутъ читаться, доколѣ будетъ существовать литература, заслуживая причисленія къ перламъ всемірной литературы; кое-что весьма оригинальное онъ не могъ вообще опубликовать, напр., переписку Николая I съ Поль-де-Кокомъ. При обилии его сочиненій мы отказываемся отъ поминыванія всѣхъ; мы охарактеризуемъ отдѣльныя десятилѣтія дѣятельности писателя посредствомъ нѣсколькихъ примѣровъ. Его сатира измѣняла матеріалъ и краски; никогда она не была исключительно политическою, никогда, только личною; темами ей были: «помпадуры», Молчалины, «ташкентцы» — пионеры русской «культуры» въ Варшавѣ или Самаркандѣ, въ Мервѣ или Ригѣ, ораторы и писатели, корреспонденты и адвокаты; директоры банковъ и желѣзныхъ дорогъ и ростовщики, особенно «кулаки», эксплуатировавшіе крестьянина, въ сравненіи съ которыми крѣпостное право было шуткою. Она занималась городомъ Глуховымъ, т. е. Россіей и ея невинными, думающими только о покой гражданъ, гдѣ даже во время вавилонскаго столпотворенія, французской революціи, только собачки помахивали хвостиками и ложиваясь на другой бокъ. Эта сатира боролась съ Гаупкевскимъ равнодушіемъ и индифферентностью, фразею, лицемеріемъ; она выставила напоказъ произволъ, разнузданность, полное отсутствіе отвѣченныхъ понятій объ отечествѣ, законѣ и т. п., наивную страсть къ наслажденіямъ, которая ищетъ только средствъ къ удовлетворенію и никогда не спрашиваетъ о ихъ дозволительности; она безпощадно разрушала русскія иллюзіи о томъ, «какъ далеко мы ушли». Притомъ, она не имѣетъ ничего общаго съ морализующей сатирой XVIII столѣтія; этого рѣшительно остерегается авторъ; онъ никогда не говоритъ о порокахъ, о которыхъ постоянно травятъ моралисты, о порокахъ, которые совершаютъ только негодяи, дураки или

люди, желающие сдѣлать скорую карьеру. Онъ говоритъ только о порокахъ, относительно которыхъ общество не знаетъ, пороки ли это или добродѣтели, которые за таковыя принимаются совѣстью; и литература должна ихъ считать вмѣстѣ съ совѣстью; моралистъ, напр., всегда будетъ называть воровъ похитившаго грошъ, но совѣсть и литература могутъ объявить безсовѣстнымъ отнять этотъ грошъ у совершившаго кражу... Писатель вѣрить въ благотворительную силу «абстракцій», только съ ними человеческая жизнь можетъ приобрести законныя и вѣрныя основы; не вдавайтесь въ «частности» настоящего, но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго, солнечные лучи, безъ которыхъ земля камнѣетъ; смотрите чаще и внимательнѣе на тѣ свѣтящіяся точки; только близорукимъ онѣ могутъ показаться совершенно оторванными отъ всякой дѣйствительности; онѣ вовсе не отрицаніе прошлаго или настоящаго, но результатъ лучшаго изъ того, что первое завышало, послѣднее переработало, причѣмъ свѣтлая мысль устранила алое и темное. Но голосъ автора былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь; временами казалось, что общество вступило на путь вѣры, но скоро тучи затуманили свѣтъ.

Сатира Салтыкова имѣетъ несравненную цѣну; многое написано только для даннаго момента, фельетоны съ юмористическими подробностями, прямо лишь для возбужденія смѣха; полемическія статьи, полныя сильной горечи, противъ Достоевскаго, напр., противъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ противниковъ, напр., возникшихъ изъ-за взаимнаго *qui-pro-quo* нигилистовъ и Чернышевскаго, съ «Русскимъ словомъ», гдѣ «своя своихъ не познаша», подобно одновременнымъ нападкамъ «Современника» на Базарова; все это теперь забыто по праву, напр., вещи пазъ времени сотрудничества въ «Современникѣ»; когда авторъ думалъ продолжать «Свистокъ». Мы не всегда отождествляемъ себя съ этою сатирою, съ ея точкою зрѣнія, хотя никогда не согласились бы съ излюбленнымъ и удобнымъ отрицаніемъ ея «зубокальства», ея бесполезнаго-де осмысливанія всего и всѣхъ, ради скандала или просто насмѣшки; въ частностяхъ Салтыковъ тамъ и здѣсь могъ сбиваться тономъ, особенно въ ранніе годы, когда кажется, что онъ смѣется ради смѣха, но не позидѣе, когда его сатира выросла до грандіозной, потрясающей трагикки, когда ни ему, ни читателю не было смѣшно на душѣ, ибо Салтыковъ или Щедринъ, (его псевдонимъ), не сразу нашелъ свой настоящій путь. Раньше, какъ питомецъ царскоевельскаго лицея, онъ, понятно, считалъ себя обязаннымъ посѣдовать по стопамъ Пушкина; отказавшись отъ стихотворства, онъ, въ примѣру Достоевскаго и др., началъ писать повѣсти изъ жизни бѣдняковъ, умирающихъ съ голода въ столь плодородной Россіи. Повѣсти были пропущены цензурою; это не помѣшало, однако, чтобы, по докладу Кукольника, такъ метилъ благородный «романтикъ» «натуральной» школы Гоголя и Бѣлинскаго, въ одно прекрасное утро передъ жилищемъ петербургскаго чиновника появилась тройка съ жандармами, имѣвшими приказъ отвезти его въ Вятку; здѣсь онъ могъ посѣдовать примѣру Герцена, сосланнаго сюда десять лѣтъ тому назадъ. Бутурлинскій терроръ опять оказалъ литературѣ неоцѣненную услугу; теперь молодой губернскій совѣтникъ, онъ потому самъ дошелъ до «помпадура», изучалъ патриархальную провинцію дореформенной эпохи. Все, что Салтыковъ увидалъ и узналъ, онъ изложилъ въ «Губернскихъ очеркахъ», которые появились въ Катковскомъ «Вѣстникѣ», 1856, 1857 г. и произвели литературную сенсацию; они дали толчокъ въ богатой обличительной литературѣ слѣдующихъ годовъ. Мы присутствуемъ при погребеніи старыхъ добрыхъ временъ, еще нѣсколько моментальныхъ снѣжковъ, прежде чѣмъ они навсегда исчезнутъ; чиновники съ ихъ притѣсненіями—статистикъ, требующій отъ крестьянина назвать ему число всѣхъ

пчель, а не ульевъ; съ ихъ формализмомъ: летить «бумага», архивариусъ даже совсѣмъ не понимаетъ ея содержанія—но отвѣчать онъ готовъ на нее сейчасъ; губернский городъ съ его страшною, разлагающею скукою; его просвѣщенный кругогорскій Мефистофель, разсчитывающій на милыхъ маленькихъ, которые потомъ въ гостиниой выбалтываютъ: «у моего папы только краденныя деньги» и т. п.; другой изъ университета вынесъ только эстетическія впечатлѣнія, убѣжденіе, что лишь искусство есть настоящая жизнь, все остальное случайности; тюрьмы съ картинами въ духѣ Достоевскаго, выпустившаго свои записки только черезъ нѣсколько лѣтъ; нѣтъ недостатка въ юмористическихъ подробностяхъ, напр., человекъ, убѣжденный, что Лондонъ лежитъ при устьѣ Волги, и что существуетъ цѣлый народъ, приготавлиющій только мази для роженій волосъ; наконецъ, простонародье, паломники, старообръцы и т. д.; народъ изображенъ въ весьма симпатичныхъ чертахъ; въ цѣломъ нѣсколько сильно приправленная беллетристика, чего позднѣе Салтыковъ изыбалъ; она прославила псевдонимъ, пусть Тургеневъ и не признавалъ ее.

Въ Салтыковской сатирѣ шестидесятихъ годовъ выступили опять беллетристическіе моменты, особенно въ отдѣльныхъ повѣстяхъ изъ крѣпостного права и крестьянскаго мартиролога; на сцену снова выводитъ провинціи; реформа оставляетъ желать многого; конечно, старыя злоупотребленія, всякаго рода исторіи ревизоровъ исчезаютъ; но все остается по-старому: какъ провинція играетъ вмѣстѣ съ «Волоховымъ», какъ въ этой Патагоніи освобожденіе мысли представляется совершенно безплоднымъ; намѣчаются и отдѣльныя темы, которыя позднѣе разрабатываются ближе. Тамъ все рѣчь о Глуховѣ и его обитателяхъ, авторъ не устоялъ предъ искушеніемъ углубиться въ прошлое Глухова и, въ противоположность оффиціальнымъ исторіографамъ, написать сатирическую исторію Россіи; это единственная во всемірной литературѣ «Исторія одного города по подлиннымъ документамъ»: будто бы по запискамъ четырехъ городскихъ архивистовъ, которые простираются отъ 1731 до 1826, ибо уже съ 1825 г. прекратилась для архиваріуса возможность записывать. Понятно, это не исторія, даже и не сатирическая; многіе «герои» сливаются въ одного, наоборотъ, одинъ раскалывается на многихъ, и хронологическія границы призрачны, ибо «исторія» тѣсно примыкаетъ къ нашимъ днямъ. Позднѣе, въ «Современной идилліи», онъ присоединилъ сюда еще добавленіе, «Основаніе Руси»: призываютъ варяговъ, чтобы привести въ систему прежнія безпорядочныя убійства, грабежи, сожженія—напрасно спрашиваютъ Гостомысль, что же собственно этимъ выигрывается; три брата приходятъ и видятъ во снѣ въ первую ночь слѣдствія ихъ предпріятія: нашествіе татаръ, московскій періодъ, періодъ лейбъ-ротъ, установленія губернаторовъ и прокуроровъ; отъ ужаса два брата предпочитаютъ повѣстись сейчасъ же; Юрийъ излагаетъ народу дѣло, но его ободрило: «Шлюсь на все, что послѣ будетъ изучаться въ школахъ, какъ исторіи!».

Препосланнымъ подражаніемъ русскому языку XVIII столѣтія начинаютъ архивариусъ свои записки: «Ужаси во всей странѣ найдутся и Черныи преславныи и Калигузы, доблестью сіяющіе, и только у себя мы таковыхъ не обрящемъ?.. Не только страна, но и градъ всякій, и даже вѣякая малая вещь—и та своихъ доблестью сіяющихъ и отъ начальства поставленныхъ Ахилловъ имѣть и не имѣть не можетъ. Взгляни на первую луку—и въ ней найдешь гада, который геройствомъ своимъ всѣхъ прочихъ гадовъ превосходитъ и затемняетъ... И нашъ градъ на семи горахъ построенъ, на коихъ въ гололеднико великое множество экипажей ломается и столь же безчисленно лошадей побивается. Разница въ томъ только состоитъ, что въ Римѣ сіяло несчестіе, а у насъ—благочестіе; Римъ

заражало буйство, а мы — кротость; въ Римѣ бушевала подлая чернь, а у насъ — начальники». Историческое время начинается приказомъ перваго князя въ Глуховѣ: «Запороть до смерти!»; восьмой градоначальникъ знаетъ только два приказа: «не дозволять» и «раззорять»; но этотъ фонографъ портится. Конечъ смуты полагаетъ Двоекуровъ, который въ Глуховѣ учреждаетъ академию, имѣющую задачу не распространять знанія, но испытывать ихъ, чтобы вмѣсто добрыхъ не стали бы распространяться безполезныя. Среди послѣдующихъ слѣдуетъ упомянуть Беневолентека-Сперанскаго, съ его сводомъ законовъ, напр., «Всѣмъ людямъ да опасно ходить, откупщикъ же да принесетъ дары. Въ уставѣ о добропорядочномъ пирогахъ печенія говорити: дѣлать пироги изъ грязи, глины и стропильныхъ матеріаловъ навсегда возбраняется и т. д. Потомъ слѣдуетъ Грустиловъ съ своею «Пфейфершею», т. е. Крюденеръ; но уже раньше Александръ I былъ охарактеризованъ подъ именемъ Микалая.

На высоту прямо трагика восходитъ Салтыковъ при изображеніи городского головы Угрюмъ-Бурчеева, который долженъ символизировать собою Аракчеева съ его военными колоніями. Наверно, это онъ, но Аракчеевъ сливается вмѣстѣ съ Николаемъ I въ одинъ образъ человѣка, желющаго униформировать и оказармить Русь, готоваго отвести потокъ проsvѣщенія отъ Глухова; страшная ненависть Салтыкова къ системѣ сказывается на каждомъ шагѣ: Бурчеевъ учреждаетъ фаланстеру — мы во времена Фурье — все живутъ парами въ казармахъ, науки удалены, ариметика изучается по пальцамъ, лѣтосчисленіе устраняется, такъ что теперь нѣтъ ни прошлаго ни настоящаго; вводитъ два праздника, одинъ для приготовленія къ будущимъ страданіямъ, другой — въ воспоминаніе о мучахъ, выдержанныхъ въ началѣ весны и осенью; они отличаются отъ обыкновенныхъ дней усиленной маршировкой. Всюду стерегутъ шпионы; все дѣлается сообща и по командѣ, работа, обѣдъ и т. д. Женщины могутъ рожать только зимою, чтобы не пострадала лѣтняя работы. Конечная цѣль — казармы; все проникнуто фанатизмомъ прямой линіи, нивелировка всего; маршированія въ одномъ направленіи. И потомъ грандіозная заключительная картина, напрасныя возведенія насыпей для отвода «потока»; дикое, тупое отчаяніе царя.

Что не насмѣшка и прихоть руководили этимъ перомъ, ясно само собою. Фаланстера была, правда, задумана, но дѣйствительность не была утѣшительна: Бурчеевъ, ограниченный, недалеконидный, банзоровый, съ стальными, безсмысленными глазами, тупо смотрящими всегда впередъ; въ райовъ, который онъ охватывалъ своимъ взоромъ, глуховцы могли спокойно дышать, даже громко говорить и ходить распоясанными, но простакъ сначала постоянно попадался ему подъ глаза, по примѣру всѣхъ обезумѣвшихъ отъ правительствъ народовъ, и отсюда дѣло доходило до безчисленныхъ конфликтовъ и напастей. Совѣмъ неправильно получилъ Бурчеевъ прозвище сатаны; глуховцы при одномъ только вопросѣ уже дрожали. Результатъ глуховской исторіи оглушенія и исторію этихъ оглушеній расказываютъ какъ разъ архивархусы, новсе не затѣмъ, чтобы смѣяться; изъ ихъ словъ замѣтно часто сочувствіе черни, которая обыкновенно стоитъ вѣд исторіи. На одной сторонѣ дѣйствуетъ организующая сила, на другой стекаются людшини и спроты; противоположныя отношенія выражаются формулой: по какому праву вы порете меня, милостивый государь, а онъ мнѣ только въ зубы: ты имѣешь свое право — печальная тавтологія, гдѣ одна пошечина всегда объясняетъ другую. Глуховские людшини могли бы походить на другихъ, но они обросли такимъ множествомъ наносныхъ атомовъ, что ничего нельзя видѣть. Мы всего ждемъ отъ будущаго.

Особенно захватывает мартиролог глуховскаго либерализма, Радищевъ и др. Первый, Юнка, собралъ афоризмы въ книгѣ «о смѣненіи добродѣтели съ земли», за что онъ былъ привязанъ къ позорному столбу и исчезъ, «какъ могутъ только исчезать радѣтели глуховскаго блага»; потомъ умеръ на дѣш Иваншка за то, что училъ, что всѣ люди должны бѣть, и кто много бѣть, пусть подѣлится съ бѣднѣшимъ мало. Позднѣе были разсѣяны по землѣ три философа за то, что учили, что работающій долженъ бѣть, не работающій — пользоваться плодами своего бездѣлія; благородный Алеша Безмятовъ признавалъ только неписанные природные законы, за это онъ умеръ на допросѣ отъ страха и боли; наконецъ, погибъ учитель каллиграфіи Линкинъ за то, что училъ, что скотъ равно, какъ и человѣкъ одинаково подверженъ смерти, отирались къ чортовой бабушкѣ: допросъ Линкина, жесивидтели — классически; попытается онъ только открыть ротъ для оправданія, какъ сейчасъ всѣ бросаются на него: «Стой, подожди развязать свою пасть, зажмите ему глотку, смотри, какъ онъ разговариваетъ»; наконецъ, его обвиняетъ его собственный защитникъ, онъ обвиняетъ самъ себя. Это былъ памятникъ, который Салтыковъ поставилъ униженію и оглушенію народа и специально николаевской эпохѣ. Намеки на декабристовъ, Бѣлинскаго и т. д. часто весьма прозрачны; но гораздо важнѣе, чѣмъ эти подробности, общій характеристика.

Послѣ 1866 г. горизонтъ видимо омрачился; тогда не было никакого повода насмѣхаться надъ глуховцами за ихъ фразы и иллюзіи; это называлось — наблюдать новыхъ людей за работой: двореане, теперь безъ крѣпостныхъ, проматывали деньги и тѣснились къ государственными яслими; мужики пропивали свое послѣднее; удача выпадала на долю однихъ только ростовщиковъ, и скоро расцвѣла шеница реакціи. Салтыковъ далъ картину этого времени во всѣхъ характерныхъ чертахъ его: сначала сверху, «помпадуры», портретная галлерей всевозможныхъ типовъ; напр., «сомѣвляющійся» узнать къ своему удивленію, что законы существуютъ; — но зачѣмъ помпадуры? Писатель идетъ внизъ къ народу и убѣждается, что и этотъ не знаетъ ничего, кромѣ природнаго закона и господства «паниды»; — онъ успокоивается, когда, наконецъ, слышитъ: «брось его», т. е. законъ. Другой понимаетъ подъ децентрализацией Россіи освобожденіе помпадуровъ отъ закона и мелочей, только мѣшающихъ имъ въ проведеніи «внутренней политики». Гордый либерализмъ третьяго сначала меланхоличенъ, а потомъ переходитъ въ эвзекцію, въ драку безъ особаго повода, лишь по привычкѣ; въ заключеніи вокругъ него собираются старые либералы и приносятъ покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ: Лавренцій, такъ какъ послѣ 1861 года хочетъ немного поправить свои мнѣнія; Райскій — въ виду того, что намѣренъ сдѣлаться камеръ-юнкеромъ, чтобы не шокировать своей бабушки, и т. д.

«Помпадуры» одинъ не могутъ ничего; рядомъ съ ними въ помощь стоитъ «среда умренности и акуратности». Особый рядъ очерковъ посвященъ этимъ Молчалинымъ всѣхъ сортовъ. Мы живемъ въ печальное время. Лучшихъ мучаетъ стремленіе бѣжать, исчезнуть; каждая выдающаяся извѣстность въ такіа времена можетъ сильно скомпрометировать, однихъ въ глазахъ настоящаго — иная жизнь есть непрестанная борьба съ участковыми надзирателями, другихъ — въ очахъ будущаго; ибо, наконецъ, и не особенно лезно остаться въ исторіи съ не особенно красивымъ именемъ, а исторія, какъ извѣстно, требовательна, опиравшая даже Сенекъ и Галлизеевъ; а много ли теперь Галлизеевъ, напр., на Колтовской? И вотъ изображается весь жизненный путь Молчалина, создается эпопея подобныхъ героевъ; какъ онъ долженъ устраниваться, чтобы найти нужную поддержку; какъ ему приходится приручать своего разнузданнаго коня, начальника; какъ сначала онъ принужденъ отказаться отъ отдѣльныхъ сво-

ихъ признаковъ, принадлежащихъ въ немъ къ подобію Бога, ибо въ этомъ таится своего рода упрекъ, критика, которыхъ не терпятъ «нужные люди»; однимъ душоюлемъ тушить Молчалина ту единственную искру, какая въ немъ еще тлѣла. Удивительнѣйшіе очерки, посвященный либеральному издателю либеральной газеты «Чего изволите»; вся его жизнь—постоянная лихорадка, его разоряютъ прежде всего передовики; они начинаютъ писать о новыхъ способахъ вывоза нечистотъ и все-таки угрожаютъ въ Сибирь—хорошо, если бы только они одинъ, но достается и на долю сообщниковъ, попустителей да укрывателей; потому онъ слышитъ, какъ на всякомъ перекресткѣ его ругаютъ ренегатомъ, и, существуя такимъ образомъ между молотомъ и наковальней, онъ уже въ три года заподучилъ себя отличительную болѣзнь сердца. Сцена, какъ два друга, чиновникъ и издатель, составляютъ и «исправляютъ» статью для номера, безподобна; напр., передовая писалась такъ: «нашъ противникъ (о другой газетѣ)» выступаетъ за прямое единовластіе, мы же присвокупляемъ къ нему излюбленное и вполнѣ почтительное народосодѣйствіе, ибо то, предоставленное одиѣмъ своимъ силамъ, не только ничего не достигаетъ, но нерѣдко приводитъ на край гибели»—но послѣдніе слова исправляются: «не только не приводитъ государствъ на край гибели (какъ думаютъ нѣкоторые распространители превратныхъ идей), но даже полагаютъ основаніе ихъ несокрушимости»; только статья о «материалистическихъ ученіяхъ» выбрасывается, какъ совершенно невозможная, къ величайшему сожалѣнію издателя, ибо, какъ и многіе подписчики, онъ уже тѣмъ могъ выгодать, что «материализмъ» былъ упомянутъ безъ сопровожденія отборной ругани. Наконецъ, очередь доходить до фельетона и корреспонденцій: въ петербургскомъ очеркѣ упоминается «о нашихъ будущихъ государственныхъ мужахъ», которые готовы къ своимъ будущимъ обязанностямъ, бѣгая за шлейфомъ всякой кокетки; ради «государственныхъ мужей» оба замѣняютъ неудобное слово «инициаль» словомъ «адвокатъ»; наконецъ, фельетонистъ чуетъ «звѣря ненасытнаго, что сосетъ-грызетъ нужду народную. Въ деревню тотъ звѣрь зайдетъ—огнемъ-полымемъ деревня загорается; въ поле загнѣнеть—засыхаютъ злаки добрые, въ стадо приближитъ—падають-мрутъ бѣдные коровушки»; это все исправляется: «ахъ, зачуять ты того ангела свѣтлаго, нужду народную крыломъ осеняющаго; на пожаръ онъ прилетитъ—вырастаютъ кругомъ трубы пожарныя, со бочками, со баграми, со крочьями! про безкормицу услышитъ—вырастаютъ кругомъ закромы полные, выдаютъ изъ нихъ хлѣбъ члены земскихъ управушекъ! на коронѣ падаетъ взглянуть—вырастаютъ кругомъ его врачи ветеринарные!»; этимъ онъ все устроилъ и соблюли къ тому же законъ о свѣтотѣняхъ; изъ корреспонденцій выяснилось, что мы полагаемся только на «Бога подаетъ»; это измѣняется: необходимая агропріятія приняты и (добавлено) не слѣдуетъ отчаиваться, есть еще мѣста, которыя не выгорѣли, избѣгли падежей скота и т. д., конечно, и они въ рукахъ Божіихъ... Это лояльное настроеніе нарушаютъ только къ концу словъ: мнѣ кажется, братъ, словно я эти два-три часа (время работы) въ помойной ямѣ просидѣлъ...

Такъ преусиляли Молчалина, однако, и они имѣютъ свою ахиллесову пятую—дѣтей! Дѣтей начинается настоящая русская трагедія, которая, конечно, не можетъ быть написана. Салтыковъ возвращается къ ней еще второй разъ въ «Большомъ мѣстѣ». Вѣрный, незамѣнимый чиновникъ уволенъ, такъ какъ поминадуръ пожелалъ разрушить легенду о его незамѣнимости; онъ теперь привязывается искреннею любовью къ своему сыну, студенту, которую этотъ заслуживаетъ и за которую платитъ взаимностью; но новыя идеи молодежи вносятъ скоро все большее отчужденіе; сына беретъ страхъ за отца, свѣло выполняющаго лишь приказы свыше; дилемму между отцов-

скою любовью и исполненіемъ долга юноша разрѣшаетъ самоубійствомъ. «Что ты надѣлаешь?» въ ужасѣ вызываетъ мать къ отцу, какъ разъ въ тотъ день, когда онъ былъ уволенъ въ отставку. И развѣ дѣти забываются? Стенографическіе протоколы политическихъ процессовъ ничего не говорятъ о тѣснившейся толпѣ отцовъ и матерей, сердце которыхъ обливаеся кровью и глаза дѣлаются слѣзыми отъ плача. И Салтыковъ утверждаетъ, что русская трагедія немислина, ибо сейчасъ же въ первомъ актѣ разражается катастрофа—начальство смотритъ въ оба! Салтыковъ существенно ошибался: нигдѣ не существуетъ столько настоящихъ трагедій, какъ въ Россіи, такихъ настоящихъ героевъ, какъ тамъ;—но что русская литература не можетъ говорить объ истинныхъ герояхъ, что она можетъ, самое большее, со стороны, напр., въ нѣкоторыхъ главахъ «Воскресенія», взирать на этихъ повахъ Гармодія и Аристокитона, которые намъ безконечно болѣе импонируютъ, чѣмъ герои «прославленной древности», что она должна молча проходить мимо этого дивнаго мученика, не уступающаго древне-христианскому—тѣмъ печальнѣе для нея. Однако, последуемъ сами ея примѣру. На одно мгновеніе новыя событія отвращаютъ ея вниманіе отъ внутреннихъ трагедій, которыя теперь только что намѣчаются, которыя должны были такъ сильно назрѣть только въ слѣдующіе годы вплоть до нынѣшняго времени.

Мы въ годъ войны, 1877, и Салтыковъ заставляетъ своихъ корреспондентовъ писать отчеты, лучше которыхъ не писалъ и Винченъ изъ Бернау; но русский юморъ переходитъ тотчасъ въ трагикъ: на одной сторонѣ слабость и беззащитность, на другой суровый произволъ. И если иной станетъ возмущаться глушцами, допустившими все это, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что они не только хлопали ушами, но и истекали кровью; ихъ нечего судить, разсуждая слѣдующимъ образомъ: не то ты человѣкъ, не то ты быкъ подъ ярмомъ; итѣ, здѣсь есть еще одна категория: человѣкъ подъ ярмомъ, дрожащій отъ страха, что его каждое мгновеніе могутъ уничтожить. У насъ итѣ никакихъ трагедій въ нашемъ однообразномъ быту, но привычка къ постояннымъ трагедіямъ, эта жизнь среди настоящихъ трагедій достаточно трагична—лучше объ этомъ не думать; я зналъ одного, который былъ веселъ, пока ничего не понималъ,—понявъ, онъ сейчасъ же повѣсился; кто не понимаетъ, тотъ не будетъ пынствовать до смерти: часто въпрочемъ невозможно не идти до смерти.

Въ провинціи господствуютъ тѣ же трагедіи; дворянинъ забирается теперь въ свое Монрепо, какъ въ гробъ, чтобы умереть спокойно; этому спокойствію заводитъ крестьянинъ, жизнь котораго такова, что и патентованные живописцы ада, суздальскіе богомазы, не нашли бы для нея краевъ на своей палитрѣ; все еще лицо и синяя мужика представляютъ противоположные предметы, на которыхъ каждый собственноручно можетъ подписываться. Интересенъ разсказъ, какъ одинъ мужичишко кормилъ двухъ (статскихъ) генераловъ. Занесенные на необитаемый островъ, они хотѣли уже пожать другъ друга, хотя островъ кишѣлъ живыми средствами; генералы совершенно не умѣли воспользоваться ими;—попадаетъ спящій мужичишко; пришельцы застаиваютъ его позаботиться обо всемъ, между прочимъ и о веревкѣ, которую они связываютъ несчастнаго, чтобы онъ не убѣжалъ; наконецъ, онъ доставляетъ ихъ назадъ въ Петербургъ къ ихъ хозяйкамъ, получаетъ грошъ на чай и большую ругань.

Этотъ сборникъ содержитъ и знаменитую «Петергофскія», какъ одинъ подсовываетъ другому компрометирующую находку, какія послѣдствія выходятъ изъ этого для обоихъ; Шмуэль Брескскій, занятый счетомъ ростовщическихъ процентовъ, легко вышутывается изъ дѣла, послать конвертъ со сторублевой бумажкой для благотворительныхъ цѣлей, и въ тотъ

же вечеръ придумываетъ такую операцію, что на другое утро всё ахиули! Совѣсть, уставшая отъ вѣчнаго блужданія, проситъ наконецъ: Найди мнѣ русское дитя, открой мнѣ его чистое сердце; оно вырастетъ меня съ собою, пойдетъ къ людямъ; передъ его великою совѣстью исчезнетъ всякая неправда, произволъ, месть, такъ какъ совѣсть тогда не будетъ скрываться робко, а покорится себѣ все!

Отъ этого оптимизма рѣзко выделяются трагическія «Похороны» журналиста, оставагося вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, плохо чувствующаго себя среди модной драги и все ниже падавшаго съ своего высокаго пьедестала, какъ дѣвушка въ домѣ терниности, которая сначала только забавляетъ публику, но когда розы на щекахъ поблѣкнуть, она посылаетъ уже за пивомъ. Наконецъ, онъ умеръ; литературный фондъ, убѣдившись, что умершій вовсе не былъ запойнымъ пьяницей, выдаетъ издержки на погребеніе; панихида отслуживается въ церкви цензурнаго вѣдомства, чтобы хотя при этомъ случай сошлись бы цензора и прессы; панихидаръ вноситъ ведро красныхъ чернилъ—«невинно пролитую кровь русскаго писателя». И размысленны по поводу участіи писателя завершаются воплемъ: «Никто не поддерживаетъ насъ; читатель, русскій читатель, защити!» И тамъ приходится на умъ сравненіе со старымъ временемъ, которое все же имѣетъ свое хорошее: Салтыковъ, какъ Герценъ, какъ Пушкинъ, гордъ чистотою русской литературы, къ которой нельзя причислить нравственныхъ выродковъ, какъ Булгаковъ, Гречъ и т. д.: въ виду того, что ни одинъ русскій поэтъ не взялся прославлять восточныхъ на престолъ Николая I, то пришлось для этой цѣли вербовать французскія и нѣмцы. Эта незапятнанность литературы потерялась лишь съ наступленіемъ новаго времени.

Да и вообще нельзя было свысока смотрѣть на это старое время. Теперь русскіе дѣлятся на благо- и неблагомыслищихъ, раньше существовали только первые—отроки были сейчасъ же обрѣзаны, похититель кассы шелъ въ Сибирь, кто отращивалъ себѣ болѣе длинные волосы—на гауптвахту; тогда не существовало ничего, кромѣ маршированія, и такъ какъ каждый маршировалъ отъ себя, то курные воры,—чинovníки,—вовсе не бродили вокругъ занятые, не вынюхивали, а принимали только дары и остальное время пили безъ промыву; теперь, когда испытываются сердце и почки, ловишь себя на нелѣпой мысли, что простое маршированіе все же слѣдовало предпочесть. Каково Салтыкову «По ту сторону границы»? Его сердце имѣетъ другую структуру, чѣмъ тургеневское: только разъ посетилъ онъ югъ, но когда горячіе солнечные лучи охватили его, у него все сердце облилось кровью при воспоминаніи всѣхъ голодныхъ, пожарныхъ мѣстъ и заразныхъ уголковъ тамъ, дома; ни одной минуты онъ не могъ думать, такъ какъ сердце рвалось къ Россіи; ибо любовь имѣетъ свою логику: чѣмъ болѣе она, тѣмъ лучше! Слѣдуютъ самыя ошущенныя странницы, какія когда-либо писалъ Салтыковъ; какъ для одного отечество нестерпимая боль, грызущая, давящая человѣка, непрестанная тоска; другому падалъ, выброшенная на растерзаніе ему и другимъ мастерамъ кроваваго раба; корнетъ Прогорѣловъ, потерянный человѣкъ, бывшій самъ однажды господиномъ крѣпостныхъ, несмотря на свое воодушевленіе Грановскимъ и Бѣлинскимъ, довольный, что его не беспокоятъ въ его пещерѣ, апеллируетъ во имя всѣхъ другихъ погибшихъ сороковыхъ годовъ къ будущему и развиваетъ противоположность между отечествомъ, которое привлекаетъ, государствомъ, которое облызываетъ, начальствомъ, которое приказываетъ; одно говоритъ: живи, государство, живи и повинуйся закону, другое: живи, но жди предисаній и подтвержденій.

«По ту сторону границы» содержитъ драгоценныя блестящіе юмор, смѣлой сатиры и глубокой мысли; такъ, разговоръ между юношей въ брюкахъ, нѣмцемъ, и безъ брюкъ, русскимъ—острое проникновеніе въ народную

психологию; другіе разговоры, съ двумя совѣтниками, проводникомъ, шпionомъ и т. д.; интермеццо, напоминающее Лейкина, безъ его несносной растянутости; характеристика русскаго «новаго слова», о которомъ литература столько бредитъ, не зная его, тогда какъ слѣдуетъ только нагнуть, чтобы поднять новыя слова, т. е. чуждыя Европѣ, напр., исканіе первопричины или какое-тобъ дѣло, и т. п. Но за-границей, безъ подремляющаго ока начальства, русскій попадаетъ на распутіе и видитъ такіе ужасные сны, что на другое утро прямикомъ удираетъ домой. Онъ видитъ «торжествующую свинью», сцену между свиньей и тощей правдой въ ея классической формѣ, т. е. обнаженной; свинья не правитъ образъ женщины, она набрасывается на нее, эта защищается всѣми силами, но среди хохота и шума публики свинья поканчиваешь съ противницей; мимо-комичная сцена проникнута величайшимъ трагизмомъ.

Онъ видитъ действительность: дома, правда, торжествовало хрюкающее животное. Все время своей литературной карьеры Салтыковъ былъ тѣмъ утопающимъ, который хватался за соломинку; теперь и эта послѣдняя точка опоры исчезла, онъ долженъ окончательно погибнуть;—въ 1884, его гордость, которой онъ посвящалъ свое время и силы, «Отечественныя Записки», съ 1867 г. издаваемые имъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ, были запрещены навсегда, что для писателя было страшнымъ ударомъ. Онъ и его другъ Глаузовъ стараются теперь спастись; предостереженные Молчаливымъ, они хотятъ снова попасть въ добрую славу у полицейской инспекціи, отказываются мыслить и говорить, держать только Катковскую газету, напращиваются на всевозможныя испытанія своего образа мыслей—по желанію полицейскаго, Глаузовъ женится на метрессѣ; отвѣчаютъ, напр., при «Пенитанціи сердца и почекъ» на вопросъ: «бессмертна ли душа?»—«нужно обратиться къ источникамъ; если есть параграфы или предисловія высшаго начальства относительно этого, то можно судить объ этомъ; если нѣтъ, слѣдуетъ дальнѣе ожидать относящихся сюда постановленій, и т. д.». Новая супружеская чета предпринимаетъ провинціальное путешествіе, опасности котораго описываются; они посвящаютъ себя собранію статистическихъ данныхъ въ деревняхъ и пинутъ, напр., подъ рубриками: питаніе—жители склонны къ этому, но не имѣютъ для сего никакихъ средствъ; торговля гвоздями и досками, которые выбираютъ изъ собственныхъ хижинъ, все для пропитанія. Но и продолженіе этого лояльнаго путешествія становится невозможнымъ при возрастающемъ недовѣріи начальства; возвратившись, они обвиняются, оправдываются и издаютъ газету съ передѣлками на тему объ уничтоженіи мышления и т. п. Тутъ проходятъ наилучшіе эпизоды, напр., съ купцомъ Парамоновымъ, біографія котораго, сведенная къ цифрамъ, состоитъ изъ суммы въ 1.167,465 рублей 77 копеекъ, изъ нихъ 15 копеекъ на памятникъ Пушкину въ Москвѣ, остальное утекло въ карманы полицейскихъ генераловъ и т. п., ибо старовѣръ долженъ былъ покусать себя спокойную жизнь; съ журналистомъ «Очищеннымъ», съ такой на лицѣ съ словесныя безъ упоминанія и съ упоминаніемъ родителей, и оскорбленія действіемъ, за вымазываніе лица матеріалами, конхъ вывозъ въ дневное время воспрещается. Ибо въ чистую литературу,—доселѣ она была заперта въ полублестящій дворецъ—отъ всякаго прикосновенія къ обиденной действительности—проникаютъ или Поздравы, «историческіе» люди, ибо каждое мгновеніе съ ними происходитъ какія нибудь исторіи; или ретирадные писатели, готовые заключить томъ всю свою жизнь; они грозно спрашиваютъ людей, стремящихся къ самосохраненію: «почему вы смотрите такъ угрюмо, когда долгъ каждому взглянуть весело?» Таковыя «ретирадинки» дѣйствовали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, «right honorable» (онъ былъ однажды англomanомъ!), изобрѣтателя патристички

и самодержавіи. Ему помогли обращенные, напр., нѣкто Саша, который тринадцать лѣтъ вышелъ революціонизировать деревню, посаженный же въ тюрьму, изъ страха донесъ на пилотскаго человѣка, ерди нѣхъ на собственную мать; — тогда нѣкоторые пожали то, что постигли... Наконецъ, прерывается эта современная идиллія съ ея угрозой; настойчиво рекомендованнаго Тургеневымъ «большаго романа съ группами характеровъ и событій, руководящей мыслей и широкимъ выполненіемъ» Салтыковъ не написать его приходится составлять изъ безчисленныхъ очерковъ, которые онъ опубликовалъ и собралъ въ различныхъ серіи сначала въ «Современникѣ», потомъ въ своихъ «Отечественныхъ Запискахъ, наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы».

Когда настоящее, съ его «жизненными мелочами», разлагающее вліяніе которыхъ рисуетъ столь извѣстная серія, все невыносимѣе тяготѣло надъ писателемъ, утомленный, онъ обратился къ своимъ юношескимъ воспоминаніямъ, мало свѣтлымъ и радостнымъ, къ этимъ временамъ крѣпостнаго права и «полной чаши» за счетъ мужицкихъ хребтовъ, временамъ «патріархальной», но безправственной семейной жизни, духовнаго и политическаго индифферентизма. Такъ возникла большая, потрясающая картина «Пошехонской старины». «Что описываемое мною похоже на адъ—объ этомъ я не спорю; но въ то же время утверждаю, что этотъ адъ не вымысленъ мною. Это—«пошехонская старина» и ничего больше. И, воспроизводя ее, я могу, положа руку на сердце, подписаться: съ подлиннымъ вѣрно... На склонѣ лѣтъ, охота къ преувеличеніямъ пропадаетъ, и является непреодолимое желаніе высказать правду, одну только правду. Рѣшившись возстановить картину прошлаго, еще столь недалекаго, но уже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утопающаго въ пучинѣ забвенія, я взялъ за перо не съ тѣмъ, чтобы полемизировать, а съ тѣмъ, чтобы свидѣтельствовать истину». Эта семейная хроника, не доведенная авторомъ до конца, однако, хорошо знакомая намъ со старыми, добрыми временами, со всею ихъ заразою рабства, представляетъ для исторіи русской культуры 1820—1850 г.г. въ высшей степени цѣнный матеріалъ. Изображаются страна и люди, зимнее «раздолье» въ гостепріимныхъ дворахъ, ради котораго выжимаются послѣдніе соки изъ мужика,—отдаленная деревня, сама какъ бы отъ природы предназначенная для мистерій крѣпостнаго права. Дается характеристика крѣпостной массы: благочестивая Аннушка, учащая переносить власть господъ, какъ «крестьян»: только такъ мы, «темные люди», достигнемъ небеснаго вѣнца; «мѣщанка» Мавруша, которая, выйдя замужъ за крѣпостнаго, не можетъ примириться со своимъ положеніемъ и вѣшается и т. д.; помѣщики, добродушный, легкомысленный, жизнерадостный предводитель дворянства Струинниковъ, кончившій кельнеромъ въ «лакейскомъ городѣ» у Рейна или въ Швейцаріи, который ежедневно заставлялъ одного обѣдѣннаго дворянина представлять «комедіи», подражать звѣринымъ голосамъ, отвѣчать на вопросы въ родѣ, напр., такихъ: «Зачѣмъ ты бороду отпустилъ?—Борода глазамъ заміна: кто бы плюнулъ въ глаза—плюнетъ въ бороду», или: «Каковъ ты есть человѣкъ?—Человѣкъ божій, обшить кожей, покрыть рожей». Издали ни то ни се, а что ближе, то тоже и т. д. Приблизительно такъ же кончилъ тургеневскій Веретевъ, изъ-за котораго тоится Маша. Дается картина жизни въ Москвѣ, центрѣ для неслужащаго дворянства, гдѣ игроки находятъ свои клубы, мотовщины—свои «трактиры» и играютъ съ ихъ тавцами и пѣвцами, набобники—церкви, дворянскіе дочери черезъ посредство патентованныхъ свахъ—женеховъ. На этомъ фонѣ изображается семейное воспитаніе, физическое въ дурномъ воздухѣ и при плохомъ питаніи, вдаль отъ природы и деревни; моральное совершенно безправственное, съ доносами и шпионствомъ, лестью и т. д.; религиозное только внѣшнее—молитва была лишь ожиданіемъ и полученіемъ

того, о чемъ просишь, евангеліе—опредѣленнымъ моментомъ церковно-службы, и, однако, здѣсь встрѣчались совершенно неслыханныя слова, терлась мерзкая, рабская номенклатура, таѣли искры человеческой совѣсти. Наконецъ, отдѣльные типы: родители, братья и сестры, дальніе родственники, которыхъ цѣнили лишь съ точки зрѣнія наслажденія и т. п.

Исторію такого семейства добраго стараго времени Салтыковъ писалъ уже за много лѣтъ раньше; это—«Господа Головлевы», быть можетъ, самая мрачная семейная картина всемирной литературы, написанная одними черными красками, безъ единой свѣтлой черты. Лица «Пошехонской старины» и другихъ очерковъ взяты изъ «Головлевыхъ», отсюда наше право на этогъ разъ пренебречь хронологіей и упомянуть здѣсь произведение 1872 г.

«Бываютъ семьи, надъ которыми тяготеетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе. Особенно это замѣчается въ средѣ той мелкой дворянской сошки, которая, безъ дѣла, безъ связи съ общою жизнью и безъ пріпасающаго значенія, свисала разсыпанная по лицу земли русской, ютилась подъ защитой крѣпостного права, а нынѣ, уже безъ всякой защиты, дожидаетъ свой вѣкъ въ разрушающихся усадьбахъ. Въ жизни этихъ жалкихъ семей и удача, и неудача,—все какъ-то слѣпо, негаданно, неожиданно. Иногда надъ подобной семьей вдругъ прольется какъ бы струя счастья... появляются дѣти «умницы», что столь важно въ наши дни по случаю возникновения спроса на, такъ-называемыхъ, «свѣжихъ людей»... Но на ряду съ удачливыми семьями существуетъ великое множество и такихъ, представляемыхъ которыхъ домашніе пенаты съ самой колыбели ничего, помимо, не дарятъ, кромѣ безвыходнаго положенія. Вдругъ, словно вша, нападаетъ на семью не то невзгода, не то порокъ, и начинается со всѣхъ сторонъ вѣсть... Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній три характеристическія черты проходили черезъ исторію этого (Головлеваго) семейства: праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и запой.

Первый дѣй приводилъ за собой пустословіе, пустомысліе и пустоутробіе; послѣдній являлся какъ бы обязательнымъ заключеніемъ общей жизненной неурядицы». Окончательное паденіе сдерживалось Ариною Петровной. Это энергичная хозяйка, невидимая своимъ мужемъ, приводившая въ страхъ всѣхъ окружающихъ, но и она ничего не могла сдѣлать. «Появляются коллекціи слабосильныхъ людшекъ, пьяницъ, мелкихъ развратниковъ, безсмысленныхъ празднолюбцевъ и вообще неудачниковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ мельче вырабатываются людшки, пока, наконецъ, на сцену не выходитъ *худосютные заморыши*»...

Такого рода и семейство Головлевыхъ; центръ его—Иудушка, кровопийца, какъ называется его собственная мать, русскій Тартюфъ. После катастрофы съ братьями, самоубійства и сумасшествія, онъ живетъ съ матерью и ея внучками, переводя на себя все отцовское имѣніе; мать подчиняется своей участи, внучки бѣгутъ, падаютъ со ступени на ступень, одна отравляется, другой не хватаетъ для этого мужества, и она возвращается къ дядѣ, пьяницей; Иудушка все больше уходитъ въ фантастическое, не-людимое муравованіе. Въ сущности онъ даже и не Тартюфъ; это въ чужихъ странахъ различаются Тартюфы религій, семейства, собственности и т. д. Намъ безпокойтъ не то, оставьте свободно расти жгучую крапиву у плетня; мы существуемъ совершенно свободно, т. е. мы прозябаемъ, лжемъ и молотимъ солому собственнымъ кулакомъ. Чего лучше? Сознательное лицемеріе возбуждаетъ досаду, боязнъ; безсознательная ложь—только пресмыченіе и отвращеніе. Иудушка оберегалъ себя отъ всего безпокойнаго, возбуждающаго, былъ по самымъ уши погруженъ въ болото мелочей самаго мерзкаго самоохраненія. Его существованіе не оставило никакихъ слѣдовъ, оно лопнуло,

словно дождевой пузырь; такіе люди не имѣютъ дружественныхъ связей; ибо для этого нужны были бы общіе интересы; повсе не дѣловые, такъ какъ даже въ дѣлахъ мертвой бюрократіи они выказываютъ лишь полную несносную косность. Онъ зато жаждетъ, безсознательно, живить, наконецъ, отъ племянницы онъ научился пьянству; оба мучаютъ себя упреками; изъ стараго дома, изъ всѣхъ его ненавистныхъ угловъ положительно выползаютъ мертвецы, начиная отъ отца въ блѣдомъ ночномъ колпакѣ, показывающаго языкъ и цитирующаго порнографа Баркова и т. д.; жизнь дѣлается невозможнымъ мученіемъ; въ одну великую пятницу пробуждается въ немъ совѣсть... Меня должны простить ради всѣхъ, ради меня, ради тѣхъ, которыхъ уже болѣе нѣтъ... Что тогда случилось... Гдѣ они всѣ? Онъ цѣнитъ у гроба матери передъ пасхальнымъ воскресеніемъ.

Страшно пораженный запрещеніемъ своего журнала, Салтыковъ началъ замирать; онъ, повидимому, спокойно переносилъ горе, приготовившись къ неизбежному. «Внезапность» не была для него чѣмъ-либо новымъ; и такъ привыкъ къ ней, что даже не спрашивалъ, убьетъ ли она меня или помилуетъ; но донимъ «внезапность» имѣла иной характеръ, ихъ было много, одна нарушала другую. Было не легко ориентироваться, но при извѣстной привычкѣ можно было кое-что отгадать, и это называлось: лови моментъ. Игра была не нравственная, но интересна. Теперь, наоборотъ, «внезапность» сдѣлалась единственною, неизмѣнною, самодевяущею; моменты ушли, нѣтъ болѣе никакой «лови!» Теперь начали медленно порываться всѣ связи; Крамольниковъ, либеральный писатель (въ его имени заключена программа), замѣчаетъ, что онъ непухень, компрометируетъ, что его ненавидятъ, ждуть-не дождутся, когда это отребье околетъ. Салтыковъ кончаетъ сборникомъ «Сказокъ»; это сказки о зѣбряхъ и людяхъ, среди нихъ какъ разъ и о Крамольниковѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не были пропущены цензурою и напечатаны за границей, напр., сказка объ «Орлѣ» (русскій гербъ), какъ онъ изъ надменности извѣлъ науки въ своемъ отечествѣ, какъ сталъ учиться у сокола и совы, и чѣмъ это ученіе кончилось для учителей, для него, для воронъ (крестьянъ), которыя въ одинъ прекрасный день улетѣли. Здѣсь каждое слово—ударъ бича для самодержавія, и аллегорія Горькаго о Буревѣстникѣ прямо жалко выглядитъ рядомъ съ Салтыковскимъ Орломъ. Другіе не достигаютъ этой высоты «орла», безсмертной «торжествующей свиньи», которая также должна относиться сюда. Очень интересна защита «бѣднаго волка», невиновнаго, что природа сдѣлала его разбойникомъ, и сужденіе «Идеалиста карася», который со своими тирадами о добродѣтели (а самъ пожираетъ улитокъ) проглатывается шукою. Въ противоположность этому отчаянному пессимизму, «Христова ночь» и «Рождественскія сказки» даютъ мѣсто большому идеализму: Христосъ воскресъ, онъ прощаетъ, утѣшаетъ, укрѣпляетъ бѣдныхъ, которые, плача, упадаютъ къ его ногамъ, пробуждаетъ совѣсть злыхъ. Здѣсь Салтыковъ находитъ освобождающее, искупающее слово, здѣсь сильная, рѣзкая дисгармонія его безжалостной желчной сатиры звучитъ гармоническимъ тономъ.

Россия неблагоприятна къ своимъ великимъ сыновьямъ. Среди нихъ однимъ изъ величайшихъ, по меньшей мѣрѣ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ типичнѣйшихъ—все до капли русское,—былъ Салтыковъ; и ему платятъ теперь незаслуженною неблагоприятностью. Конечно, здѣсь нельзя забывать быстроты роста русскаго развитія; уже Бѣлинскій отмѣчалъ, что иногда пять лѣтъ въ Россіи значатъ то же самое, что гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ пятнадцать лѣтъ; такъ быстро старались здѣсь нагнать ушедшій на столѣтія впередъ Западъ. Ничего удивительнаго, если въ Россіи люди, произведенія, направленія скоро старѣютъ, и тутъ всегда

можно воскалениуть вмѣстѣ съ Чацкимъ: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Д р а м а.

Островскій и его драмы изъ «царства тьмы». «Обличительныя» драмы. Удавленіе со сцены; творчество историческихъ драмъ. Возвращеніе къ современной сценѣ безъ рыцарскихъ усилій. Его школа. Другіе драматурги. Потапкинъ. Историческая драма. Толстой. Аверкиевъ. Современная сцена.

До сихъ поръ русская драма еще не имѣла никакой оригинальной фizioноміи; совершенно отдѣльно, внѣ всякой связи между собою и сценою, стояли «Горе отъ ума» и «Ревизоръ». На самой сценѣ господствовали водевилисты; переводчики, поставщики романтическо-патріотическихъ драмъ, Кукольникъ, восхваляемый Булгариннымъ. Перемѣну внести впервые Островскій, который въ неустанной дѣятельности на сценѣ достигъ ея самостоятельности; черезъ него уже умирающій въ дѣйствительной жизни элементъ въ русскую сцену влилъ новую жизнь въ самой жизни.

Литература, руководимая дворянствомъ, занималась прежде исключи-

тельно этимъ привилегированнымъ сословіемъ и образующимся изъ него чиновничествомъ. Ниже дворянства и чиновничества стояло защищенное отъ всякой иностранной конкуренціи, отсюда заколѣванное въ традиціонной темнотѣ, купечество, элементъ враждебный къ образованію въ воззрѣніяхъ на міръ и людей, въ правахъ и обычаяхъ тяготящій къ національной, благочестивой простотѣ крестьянской традиціи, элементъ грубый и необразованный, какъ мужикъ, но несравненно болѣе испорченный погоней за наживою; это люди, цѣняще другихъ только по деньгамъ, никогда не спрашивающіе о происхожденіи этихъ денегъ, беззащитные и безсознательные, ликующіе при успѣхѣ хитраго или сильнаго. Честь, солидность

А. Н. Островскій.

въ торговлѣ замѣняли они болѣе удобнымъ принципомъ: не обманешь—не продашь. Безпошадные, соблюдающіе только свою выгоду, они недостаткомъ въ характерѣ и самоуваженіи замѣняли животными отношеніями къ своимъ роднымъ, подчиненнымъ, слабымъ, рабствомъ по отношенію къ высшимъ. Во имя традиціи крѣпко держались они патріархальнаго порядка или, скорѣе, непорядка по «Домострою» временъ Ивана IV; дѣти и прислуга были объектами, на которыхъ проявлялся отцовскій или господскій произволъ. Да если мужъ и дѣйствительно любилъ свою жену, плетка все-таки выѣзла для нея на стѣнѣ; ибо и жена была лишь рабою; только дѣвухой она пользовалась свободой, только дѣвухой она могла уходить изъ дому, пѣть пѣсни и плясать; въ замужествѣ же она была лишена всякой свободы; она могла потомъ, будучи матерью или тещею, съ одинаковымъ ти-

ранствомъ отличавать обращеніе съ нею. Островскій вывелъ теперь на сцену это характерное «царство тьмы», царство коллизій и катастрофъ: молодые, къ удивленію стариковъ, возстаютъ противъ ихъ произвола; бѣдные, къ великому негодованію денежнхъ мѣшкоч, заявляютъ о своихъ человѣческихъ правахъ; прежде беззащитныя жертвы дерзаютъ теперь поднимать свою голову.

Съ духомъ и воззрѣніями этой среды Островскій познакомился черезъ свою семью—его отецъ былъ стряпчимъ московскихъ купцовъ—и по своимъ служебнымъ занятіямъ въ торговомъ судѣ. Университетская молодежь издавна питала энтузіазмъ къ театру, постояннымъ посѣщеніемъ его и шумными овациями выражалъ свои эстетическіе, часто единственные интересы: «натуральная школа», Гоголь, рекомендовали изображеніе самой окружающей жизни. Такъ возникли первыя пьесы, которыя, правда, не сейчасъ проникли на сцену, но сдѣлали извѣстнымъ имя автора, отчасти черезъ печать, но больше черезъ чтеніе въ тѣсныхъ кругахъ. Матеріалъ предварительно ограничивался Москвою. Сначала въ 1847 г. появилась «Семейная картина»: сватаніе купца, который на старости лѣтъ вздумалъ жениться; роль брата невесты, разчитывающаго провести жениха при выдачѣ приданого; самая фигура купца, честнаго, степеннаго, въ пьяномъ состояніи благодушно настроеннаго человѣка. Глубже, чѣмъ эта одноактная пьеса, слѣдующая комедія: «Свои люди—сочтемся». Купецъ Большой не хочетъ удовлетворить своихъ кредиторовъ и объявляетъ себя несостоятельнымъ, переводя свое состояніе на дочь и зятя, въ увѣренности, что эти его не оставятъ. Но любящая парочка держится того взгляда, что слѣдуетъ радоваться увеличившемуся состоянію, и отпускаетъ ихъ съ чѣмъ родителей и сватовъ, (эти дѣйствуютъ еще обязательно при всякомъ брачномъ союзѣ). Родители идутъ по дорогѣ въ долговую тюрьму, зять обращается къ публикѣ: Мы открываемъ новую лавку, почти насъ; поспѣйте къ намъ смѣло хоть ребенка, мы не обманемъ его ни на грошъ. На сценѣ вещь была невозможна, все купеческое сословіе протестовало бы противъ такого оскорбленія; даже въ печати пьеса возбудила препятствія. Бутурлинскій комитетъ, не знавшій никакихъ законовъ, приказалъ указать, что пѣли таланта не только каррикатура и представленіе смѣшного и дурного, но также и торжество морали на землѣ; и авторъ долженъ былъ измѣнить сообразно съ этимъ постановленіемъ конецъ пьесы; зять вызывается къ судѣ, и ему открывается въ будущемъ Сибирь. Успѣхъ комедіи былъ необыкновенный.

Уже эта пьеса характеризуетъ всѣ признаки таланта Островскаго: абсолютную естественность, неподражаемый реализмъ, удивительную законченность чрезвычайно простаго языка, точность въ изображеніи всего окружающаго, безъ единой фальшивой черты.

Слѣдующая комедія перешла отъ купцовъ къ московскимъ мѣщанамъ и чиновникамъ; «Бѣдная невеста» должна принести въ жертву старому, грубому, зато «солидному» чиновнику; свою молодость, красоту, образованіе, молодые люди, окружавшіе ее были легкомысленными вѣтриками, не думавшими о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Здѣсь обозначилась новая особенность Островскаго: его драмы, какъ и жизнь, не дѣлаютъ никакого вывода, предлагая только эпизодъ, въ которомъ намъ раскрываются или собственные характеры или подѣ ихъ постоянной маской или съ героями происходитъ рѣшительная перемѣна, послѣдствій которой нельзя предвидѣть, теперь невеста идетъ какъ жертва на плаху, но черезъ нѣсколько лѣтъ быть можетъ Беневолентскій будетъ заслуживать большаго сожалѣнія. Въ другихъ драмахъ Островскаго еще очевиднѣе выступаетъ эта намѣренная неясность относительно дальнѣйшаго хода со-

бытій; онѣ притязаютъ только на точность и картинность изображенія жизни. Въ ближайшихъ драмахъ, (большинство его пьесъ вовсе не комедіи), несмотря на ихъ заглавіе и оптимизмъ автора, рѣшительно предпочитающаго счастливый, часто совершаемый при помощи *deus ex machina* конецъ, Островскій возвращается къ своимъ кушамъ, отмѣчаетъ первое проникновеніе новыхъ элементовъ въ закоснѣвшую касту; они, однако, вносятъ лишь новое разложенье. Тамъ есть кавалеріетъ, который пытается устроить денежный бракъ съ дочерью богатаго купца, бросаетъ соблазнительную дѣвушку; описывается неумолимая твердость старика въ дѣлѣ приданого. Тамъ купецъ, въ противоположность своимъ сотоварищамъ, гордящійся образованіемъ; это состоитъ въ отказѣ отъ традиціонныхъ обычаевъ, пісенъ, въ приобретеніи новой мебели и фраковъ, употребленіи шампанскаго вмѣсто мадеры и своей домашней фруктовой наливки, въ пользованіи услугами «фиціанта» въ бѣлыхъ нитинъ-хъ перчаткахъ, вмѣсто дѣвки или молодца въ камзолѣ. Теперь впервые пушено въ обращеніе слово самодуръ: человѣкъ, который никого не слушаетъ, топчетъ ногою, и кричитъ «кто и?», домашніе должны всѣ лежать у ногъ его, иначе прошехочетъ несчастіе; самодуръ успокаиваетъ свою дрожкащую жену: матушка тебя милая, никто не осмѣлится обидѣть, ты обидишь всякаго. Рядомъ съ этимъ въ цѣлой трилогіи выводится юноша: поступаетъ онъ на должность; прослужитъ безъ году недѣлю; смотришь, песноспособъ, ума не хватаетъ; плохо учились, лѣтностъ родилась еще до него, а барина разыгрывать хочется, во что бы то ни стало—онъ называетъ это потребностью, имѣетъ слишкомъ много вкуса, не можетъ жить въ бѣдности; теперь онъ ходитъ всюду, въ падеждѣ найти дуру съ деньгами. Въ дѣйствительности это и удастся найвноту въ своей безграничной глупости «Иванушкѣ», Бальзаминову, который послѣ нѣкоторыхъ блужданій находитъ богатую купеческую вдову, толстую до невозможности—мы на востокѣ, для котораго худощавая женщина ужасъ,—такую же глупую, лѣнливую, скучающую, какъ онъ самъ. И дураку Бальзаминову больше повезло, чѣмъ умишку Прекневу, который тоже женится на богатой вдовѣ, только она послѣ свадьбы накрѣпко записываетъ денежный мѣшокъ: «въ нашемъ купеческомъ кругу нѣтъ обычая бросать деньги».

«Что я буду значить, если останусь безъ денегъ?» — Что Прекневъ будетъ дѣлать, этого мы не узнаемъ.

Рядомъ съ этимъ мы находимъ обращенія къ прошлому, довольно (излишнему) обильно, кромѣ того, когда должны прославляться жестокости традиціонной морали: жена, позорно обманутая мужемъ, убиваетъ къ своимъ родителямъ, но эти по своей бѣдности или по своимъ нравственнымъ (?) изгладамъ протгоняютъ ее: что Богъ связалъ, т. е., что сваха свела вмѣстѣ и т. д.; *deus ex machina* на этотъ разъ является въ видѣ насхальныхъ колоколовъ и приводитъ кающуюся домой; на долго ли? Немало драмъ и изъ быта чиновниковъ, напр. «Доходное мѣсто»: молодой чезвѣкъ, образованный, преданный современнымъ лозунгамъ честиности и правдивости, противъ воли и убѣжденій по настоянію своей красивой жены, наученной родственниками, рѣшается просить мѣста у того, кто ненавидитъ ко всѣмъ «ученымъ» связываетъ съ подкупностью и низкокклонничествомъ передъ высшими. Наконецъ, писатель обращается къ помѣщикамъ и развертываетъ мрачную картину: тиранна помѣщика выдаетъ воспитанную сироту Падю за пѣвицу; дѣвушка сначала думала сдѣлаться человѣкомъ, какъ и другіе, но когда видитъ, что она отовсюду связана и не имѣетъ никакой защиты, ее охватываетъ отчаяніе: «куда дѣвался страхъ, куда мой стыдъ, не знаю—будь только одинъ день, но будь мой,—что послѣ будетъ, о томъ ничего не хочу знать». Она отдается ухаживаю-

шему за ней баричу, но этотъ тряпка, какъ и всѣ молодые господа у Островскаго, не будучи въ состояніи защитить ее отъ ярости своей матери, убѣждаетъ. Кончить ли Надя въ барскомъ пруду—мы этого не знаемъ.

Выше всего Островскій сталъ въ «Грозѣ», которую радикальный критикъ Добролюбовъ пріиствозвалъ, какъ «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» (1859). Однако, едва ли съ достаточнымъ основаніемъ, ибо обнаруживается, что и въ этомъ коеномъ мірѣ съ его мертвой моралью и живымъ безчестіемъ возможны чувствительные люди, которые за свой иной складъ платятъ и смертью. Катерина воспитана въ старорусскомъ, строго религіозномъ домѣ, въ простой, полной любви обстановкѣ; замужество переводитъ ее въ домъ Кабановой, жестокой властолюбивой старухи, которая держитъ сына въ желѣзныхъ тискахъ, тиранствуетъ надъ снохой, боязливо остерегая домъ и дворъ отъ «врывающейся порчи нравовъ».

Другое типичное лицо—купецъ Дикой, котораго лучше всего характеризуетъ сцена съ простыми, честными мѣщаниномъ Кулигинимъ; послѣдній спрашиваетъ, зачѣмъ же онъ, Дикой, рѣшается оскорблять порядочнаго человѣка, на что тотъ отвѣчаетъ: «Отчесть, что-ли, я стану тебѣ давать! И я поважѣ тебѣ никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жъ ты судиться, что-ли, со мною будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю, и т. д.; зато онъ человѣкъ «благomyслящій», т.-е. чуждый всѣмъ нововведеніямъ, и когда Кулигинъ говоритъ о громадѣ, онъ называетъ его за это татаринѣмъ и грозитъ помиліей. Но Дикой, въ сущности, можетъ спастись передъ всякимъ энергичнымъ напоромъ; вѣдь не боится же его Кабанова. Царства тѣмъ не потреплютъ робко избѣгающей всякаго конфликта Кулигинъ и Катерина; эти сами падаютъ жертвою. Катерина, покинутая мужемъ, поддается впечатлѣнію момента и кончаетъ самоубійствомъ; мужъ, которому жаждущая любви жена могла бы броситься на шею, былъ, конечно, только трусомъ;—но и безъ этого мнимаго неудачнаго брака для голубки не было никакого убѣжища отъ нападенія воронъ.

Дальнѣйшіе комментаріи даютъ «Тяжелые дни»—ихъ дѣйствующія лица повторяются частью изъ прежнихъ комедій. Юрскъ, желанный остаться честнымъ, не могъ такъ жить—взятка служить необходимымъ дополненіемъ скуднаго содержанія; онъ отказался отъ должности и сдѣлался стряпчимъ «бородъ», кушцовъ, презирающихъ только честнаго чиновника. На вопросъ, какъ живетъ, Досужевъ отвѣчаетъ: я живу въ странѣ, гдѣ дни раздѣляются на «легкіе» и «тяжелые»; гдѣ убѣждены, что земля поконится на трехъ китахъ: по новѣйшимъ воззрѣніямъ одинъ изъ нихъ кажется хочетъ двинуться, что можетъ кончиться плохо; въ странѣ, гдѣ заболѣваютъ отъ дурного глаза; гдѣ находятся собственные астрономы, наблюдающие лишь кометы; гдѣ господствуетъ собственная политика и денешніе прибываютъ, большую частью изъ «бѣлой Араціи»; словомъ, я живу въ «пучинѣ», окончательно скатившейся въ нее. Этой «пучинѣ» посвящена особая комедія, которая описываетъ семейную жизнь съ эпиграфомъ совѣтъ:—мирно, спокойно, хорошо, душа въ душу,—съ нравственнымъ Содомомъ и Гоморрой внутри; люди ничего, вообще, не читали, но войну всѣхъ противъ всѣхъ они изучаютъ настойчиво; у нихъ немало семейнаго смысла: развѣ это по совѣсти, распоряжаться деньгами жены и дѣтей какъ чужими? Ты живешь для семьи, здѣсь ты будь чистъ и честенъ, но со всѣми другими сражайся какъ въ бою; посчастливится тебѣ урвать что-нибудь,—тащи домой! Въ семействѣ,—«чистая необразованность... болото, которое такъ по-

глаголетъ»—куда несчастная вышла замужъ, дѣло идетъ плохо; оно живетъ почти лишь работою молодой хозяйки, которая видитъ, какъ увядаетъ ея красота; работа скоро противѣтъ ей, дѣлается ненавистной, она уже слышитъ о богатомъ сосѣдѣ, который хочетъ содержать ее и ея семью, съ удивительнымъ реализмомъ передано, какъ бабушка, которая изъ чистаго эгоизма, считаетъ вниучку за невиннаго ангела, чтобы она дальше жертвовала для семьи, отказывается дать ей какой-либо совѣтъ, какъ дурныя мысли овладѣваютъ дѣвушкой, которая нигдѣ не находитъ опоры и помощи. Суровая, свободная отъ всякой романтики правда жизни, съ которой Островскій разоблачаетъ своихъ героевъ и героинь тѣмъ рѣче выдѣляется на ряду съ золотыми дѣлошками и другими удачами въ лотереѣ счастья, въ послѣдній моментъ совершенно измѣняющими необходимыми, естественными, трагическимъ ходъ событій. Прочія комедіи, говорящія о многосторонности автора слѣдуетъ отмѣтить лишь мимоходомъ; тутъ, между прочимъ, типиченъ мѣщанскій *Отелло*, которому, правда, его Дездемона даетъ основательный поводъ къ ревности; интересно описание его семейства: старый, слѣпой отецъ, со спокойною веселостью духа, благодарностью къ Творцу, жизнерадостностью, и большой, первый братъ и т. д. Замѣчательны второстепенныя фигуры, часто болѣе интересныя, чѣмъ главные лица, особенно въ позднѣйшихъ пьесахъ; есть великолѣпные шаржи, свидѣтельствующіе о большомъ комическомъ талантѣ.

Это вина не публики, а сценическаго начальства Москвы и особенно Петербурга, что заслуженному автору была совершенно отравлена радость творчества.

Недовольство перваго, переутомившагося художника заставило его уклониться отъ неблагодарной работы для новой сцены. Онъ обратился къ историческому жанру, драматическимъ хроникамъ въ стихахъ. Но выборъ трагическаго матеріала изъ совершенно недраматической славянской исторіи, гдѣ развязка создавалась пространствомъ, терпѣливымъ ожиданіемъ а не энергическимъ дѣйствіемъ,—былъ крайне ограниченъ; Островскій не расширилъ его. И онъ останавливается на священномъ времени смуты, продолжая хронику Пушкина въ своемъ «*Лжедмитріи* и *Василии Шуйскомъ*»,—двѣ части—и въ «*Козьмѣ Мининѣ*».

Выборомъ этого матеріала Островскій совершилъ только насилье надъ своимъ талантомъ; то, чего онъ не могъ наблюдать непосредственно, онъ не сумѣлъ оживить; славянофильская фантастика, сыгравшая у него роль уже въ современныхъ драмахъ—кокетство съ добрыми старыми временами и ихъ традиціей!—скрыла отъ него историческія фигуры за густымъ туманомъ древне-русской набожности, законности; блѣдныя, безжизненныя, мало индивидуальныя фигуры, полное достоинство, сильное выраженіе пустыхъ чувствъ нисколько не замѣняютъ отсутствія, собственно, драматическаго конфликта. Хуже всего дѣло обстоитъ со второй пьесой, которая по времени предшествовала, гдѣ антинаціональная партія помимо простаго руганія и заподозриванія не проявляетъ никакого дѣйствія, такъ что великому патриоту, Минину, его игра удается легко; величайшій противникъ героя—быстрое охлажденіе быстро возбужденныхъ массъ: легкомысленность, непостоянство умовъ,—послѣдственная болѣзнь славянъ. Удачѣ уже историческія драмы, свободныя отъ политической основы, напр., «*Воевода*». Эти историческія драмы не знаменуютъ никакого шага впередъ въ сравненіи съ «*Борисомъ Годуновымъ*»; Пушкинъ несравненно менѣе держался документальной исторіи и несравненно удачѣе попалъ на историческія тоны. Въ «*Воеводѣ*» болѣе интересуютъ приложенія и вставки, народныя пѣсни и танцы, и Островскій теперь въ своей «*Ситѣгурочкѣ*» сдѣлалъ еще болѣе рѣшительный шагъ впередъ, выведя на сцену самое народную фан-

таizio. «Сибгурочка», ибжная дочь мороза и весны, прельщается пбснями людей и вопреки предостереженіямъ отца стремится къ нимъ; солнечныя лучи убиваютъ ее. Но сказочная область Берендеевъ, юмористическія описанія, народныя пбси и обычаи, причудливая обстановка, среди которой живетъ Сибгурочка, доставляютъ высокое эстетическое наслажденіе, несмотря на всю наивную непосредственность, простоту темы, въ основаніи которой не лежитъ никакой глубокой мысли, какъ напр. въ «Потонувшемъ колоколѣ»; это вовсе не аллегорія и не символъ, кромѣ развѣ прославленія поэзии, волшебства пбси.

Уже на закатѣ дней Островскому было вручено руководство московскимъ театромъ, что въ короткое время подточило остатки его силъ. Онъ былъ слишкомъ страстнымъ любителемъ сцены, чтобы надолго отказаться отъ нея.

Возвратившись къ современнымъ сценическимъ темамъ, онъ долженъ былъ теперь останавливаться уже на другихъ типахъ. Въ царство мрака проникъ, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, свѣтъ и воздухъ, именно благодаря реформѣ, но не черезъ Кулигина и Катерину; ихъ причудливая оригинальность заключала въ себѣ начала быстрого вымирания, отсюда Островскій все рѣже возвращается къ своимъ излюбленнымъ образамъ, напр. въ «Горячемъ сердцѣ», гдѣ богатый купецъ постоянно видитъ во снѣ апокалипсисъ и конецъ свѣта, въ то время какъ другой совсѣмъ не знаетъ, какъ ему убить свое время и средства; мѣщанинъ долженъ устраивать всевозможныя забавы и представления лишь бы только разсѣять его. Третій, Ахонъ, не выдаетъ своему управляющему и племяннику давно заработанныхъ денегъ; только угрозою самоубійства—этого грѣха Ахонъ никогда не изылъ бы на себя въ своемъ собственномъ домѣ, итѣ его ему было бы все равно—племянникъ получаетъ надлежащую сумму и женится на дѣвушкѣ, на которую имѣлъ виды самъ старикъ. Ничто не оскорбляетъ такъ купца, какъ то, что молодые отказываются упасть ему въ ноги въ знакъ почтенія. вмѣсто трагическаго конфликта мы находимъ теперь комическій: какъ, напр., нянька добивается того, что ея дитяице противъ воли домашней тиранни и ея сына—парочка въ родѣ Кабановыхъ; смѣхъ въ полномъ подчиненіи, такъ какъ всякая спекуляція безъ внимательства матери постоянно приводитъ его въ долговую тюрьму—женится на богатой вначѣ; тутъ же великодушная карикатура близкая къ фарсу, на старого солдата, его юношескую любовь и т. п. Зато Островскій все чаще выводитъ провинцію, жизнь въ тихихъ углахъ городковъ и деревень; и здѣсь на первомъ планѣ все любовная исторія, съ нерѣдкими вариациями той мысли, что женщина или дѣвушка научаются цѣнить истинное чувство лишь послѣ того, какъ на мгновеніе дали увлечь себя блуждающему огоньку. Какъ почти во всѣхъ драмахъ Островскаго, и теперь темы остаются совершенно незначительными, какъ сама окружающая жизнь; насъ вознаграждаютъ подробности и эпизоды; напр., въ «Искѣ» весьма интересны русскіе Гераклитъ и Демокритъ, два актера безъ санаго и средствъ, ихъ блудланія по русскимъ «палестинамъ»—оказывается, красивый, благородный языкъ, да и у актера! могутъ кипѣть въ груди благородныя чувства они пристыжаютъ богатыхъ; одинъ жертвуетъ своимъ послѣднимъ для приданаго бѣдной дѣвушкѣ; всѣ восхваляютъ его поступокъ, однако, бродершафтъ никто съ нимъ не выщепъ. Онъ мститъ за себя декламацией изъ «Разбойниковъ», къ счастью для него допущенныхъ къ представленію, иначе дѣло было бы «разсѣдовано». И пьесы, изображающія жизнь самой Москвы, сильно напоминаютъ провинцію, напр., «Послѣдняя жертва», съ иностранцемъ, который въ клубѣ не можетъ дожидаться надлежащаго момента для буфета и т. п. -

Авторъ ищетъ новыхъ темъ, изображаетъ, напр., Гарпагона—Крутицкаго, который вѣшается, потерявъ свой кошелекъ, тутъ же и второстепенныя фигуры: купецъ, бьющій свою жену тѣмъ, что попалъ, его дочь съ своимъ идиотомъ-женихомъ, который будущей тещѣ вымазываетъ лицо сажей, и т. д. Дидактика начинаетъ пробиваться, напр., въ «Бѣшеныхъ деньгахъ»; честолюбивыя деньги приносятъ спокойствіе, чужія, наоборотъ, впрокъ не идутъ, проматываются, что испытала на себѣ Чебоксарова, женщина изъ богатой, теперь обидѣвшей семьи; когда хорошую жизнь оказалось невозможнымъ продолжать, она должна была рѣшиться отдать руку провинціалу, заставившему ее пройти суровую школу, прежде чѣмъ дать ей возможность блеснуть въ Петербургѣ. Хуже было для «Безприданницы», которая и провинціала предпочитаетъ тиетно ожидаемому богатому жениху, однако, даетъ себя увлечь и платится за это жизнью.

Среди всѣхъ этихъ «дебашей» стоитъ обособленно простая купеческая семья Каркунова въ комедіи «Сердце не камень»; старикъ женится на молодой дѣвушкѣ, предоставляетъ ей дѣла благотворительности, которыми она и занимается постоянно, хотя это не нравится родственникамъ мужа, хотѣвшимъ было лишитъ молодую жену наслѣдства. Она твердо противостоитъ всѣмъ интригамъ и своею чистотою и невинностью разстраиваетъ ихъ. Старикъ, думая только о спасеніи души, хочетъ все отдать нищимъ, которые будутъ молиться за него, тогда, какъ молодая вдова сейчасъ же забудетъ его. Но когда жена объясняетъ ему, правдиво какъ всегда, что она вовсе не думаетъ остаться вдовою, старикъ не выполняетъ угрозы: доброта молодой женщины, жертва, которую она принесла ему, заслуживаетъ награды. Хотя и здѣсь нѣтъ недостатка въ «дебаширствующимъ» кушачъ, это одна изъ самыхъ привлекательныхъ пьесъ Островскаго; мужъ и жена не являются здѣсь, какъ въ «Невольникахъ», двумя борющимися постоянно сторонами: тяжелый надсмотрщикъ и его жертва, стремящаяся всѣми средствами хитрости и коварства убѣжать отъ врага, хотя, наконецъ, оказывается, что Аргусъ, не будучи вовсе тираномъ, наоборотъ, Селадонотъ, какъ всегда у Островскаго, думалъ только о своей выгодѣ.

И театральную жизнь привлекаетъ драматургъ для своего изображенія, особенно въ «Талантахъ и Поклонникахъ», сценахъ изъ театральной жизни провинціи, съ помѣщикомъ-театроманомъ, который, не имѣя возможности быть директоромъ, остается вѣрнымъ своей страсти, сдѣлавшись режиссеромъ; съ хитрымъ, думающимъ только о выгодѣ тираномъ-труппы, директоромъ; съ трагикомъ, рѣдко трезвымъ и еще рѣже бывающимъ при деньгахъ, и его покровителемъ, кушомъ; съ глупой и жадной примадонной; съ беззастѣнливой актрисой; съ «почтателями». Въ этой средѣ выдѣляется преданная искусству, равнодушная ко всякимъ любезничаніямъ, артистка Иггина, которая совершенствуется свое образованіе и такъ любитъ въ себя своего заслуженнаго, нѣсколько сухого учителя, что оба навѣрное обвѣчались бы; имъ дорогу переходитъ богатый, тактичный почитатель; она послѣдуетъ его предложеніямъ, ибо отъ сцены она отказаться не можетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждается въ деньгахъ. Изъ прежнихъ драматурговъ ни одинъ уважающій себя не обошелся бы въ темѣ безъ мелодрамы и сентиментальностей.

Островскій разрѣшаетъ интригу просто, какъ это бываетъ въ самой жизни; онъ даетъ только уголокъ жизни.

Такимъ образомъ, Островскій самый плодовитый русскій драматургъ, почти единственный, который въ продолженіе почти сорокалѣтней дѣятельности исключительно посвящалъ себя сценѣ, тогда какъ обычно русскіе беллетристы почти всѣ одновременно писали романы и сценическія произведенія.

Даже Тургеневъ оставилъ рядъ драмъ, написанныхъ между 1848 и 1850, которые, не выходя дальше посредственности и разыгрываясь въ той же сферѣ, какъ и его романы, вносятъ мало новаго для характеристики романиста, хотя онѣ содержатъ благодарныя роли, особенно въ «Провинціалкѣ», и сатирическія картины дворянской жизни, болѣе удачныя, чѣмъ въ романахъ; относительно другихъ авторовъ можно даже затрудниться, считать ли ихъ романистами или драматургами. Въ этомъ отношеніи Островскій стоитъ совершенно отдѣльно. Его интенсивная дѣятельность формально дѣлится на три періода.

Самаго значительнаго успѣха достигъ онъ, когда поставилъ на сцену «Царство тьмы». Историческими хрониками онъ сильно разочаровалъ общество, несмотря на всю солидность работы, такъ что, судя только по нимъ, ему, вообще, можно было бы отказать въ драматическомъ чувствѣ.

Вторичное возвращеніе къ современнымъ темамъ не возстановило успѣха пятидесятихъ годовъ; превосходныя подробности, раньше не такъ рельефно выступавшія, не спасли цѣлаго. Напр., въ «Волкахъ и Овцахъ», опять провинціальной драмѣ, сцена сватанья энергической дѣвушки за воплощеннаго холостяка, когда онъ долженъ былъ подчиниться своей участи, или великолѣпный негодный и болванъ племянникъ со своею собакою Тамерланомъ. Довольно банальныя наброски изъ довольно банальной жизни составляютъ главный недостатокъ «комедій»; ихъ главное преимущество состоитъ въ удивительномъ діалогѣ, нѣсколько растянутомъ для сцены, но доставляющемъ читателю тѣмъ большее наслажденіе; кто хочетъ изучить русскій языкъ, пусть всегда читаетъ Островскаго. Никогда Островскій не беретъ за трудныя проблемы, — Салтыковъ со своей цинической грубостью сказалъ бы: «Мы еще рывомъ для нихъ не вышли». Онъ не хочетъ быть искателемъ новыхъ путей, довольствуясь изображеніемъ жизни, какъ она есть. Именно потому его драмы оставляютъ удивительно реальное впечатлѣніе, какъ будто мы не въ театрѣ, какъ будто только отстранена «четвертая стѣна». Потому нашъ писатель отказывается отъ мнѹгаго, безъ чего не обходится европейскій драматургъ, напр., отъ всякаго заключительнаго эффекта, отъ изысканныхъ репликъ; никогда онъ не прерываетъ діалога на рѣшительномъ мѣстѣ, гдѣ у европейскихъ драматурговъ самъ собою падаетъ занавѣсъ; всегда онъ будетъ продолжать его изъ-за мелочей, будетъ ослаблять, уничтожать возбужденіе. Поэтому его пьесы мало соответствуютъ требованіямъ иностранныхъ сценъ; даже «Гроза» и «Доходное мѣсто» не могли имѣть большого успѣха; онѣ для этого слишкомъ однообразны. Зато въ чтеніи тѣмъ труднѣе отрываешься отъ нихъ; на ряду съ простой, естественной правдивостью къ нимъ привлекаетъ ихъ проникновеніе гуманнымъ чувствомъ; болѣе достойнаго любви человѣка, чѣмъ Островскій едва ли можно представить. Свои душевныя сокровища авторъ обнаруживаетъ, постоянно выступая за беззащитныхъ; безъ тирадъ и декламаций слишкомъ ясно дѣйствуетъ сила фактовъ. Удивляешься непереносимой изобразительности писателя, множеству рѣзко очерченныхъ типовъ; даже въ «табуитѣ» его купцовъ, Брусковыхъ, Дикихъ, Аховыхъ, Каргуновыхъ и т. д., не повторяется ни одна фигура. Самая незначительная пьеса содержитъ, тѣмъ не менѣе, интересныя роли, напр. Корытлова въ «Трудномъ хлѣбѣ», — провинціальная сцена, pendant къ Дыушкину «Бѣдныхъ людей», — который теряетъ свою послѣднюю отраду, племянницу, и, однако, поетъ воодушевленный гимнъ въ честь жизни, какъ таковой, представляя въ себѣ воплощеніе жизнерадостности, за которую постоянно выступаетъ несправильный оптимизмъ и идеализмъ Островскій, «Донъ-Кихотъ», по Тургеневскому дѣленію въ противовѣсъ русскимъ Шоненгауерамъ и Гамлетамъ. Что эти типы безусловно національны, нѣтъ необходимости доказывать; Ост-

ровскій является самымъ народнымъ, непосредственнымъ изъ всѣхъ беллетристовъ; характерно, что слабый и у него полъ оказывается болѣе сильнымъ. Среди многихъ лицъ «Грозы» единственный человекъ—старая Кабанова; ибо Дикой вовсе не человекъ, только кусочекъ бульдога, которого, кажется, нельзя выгнать на улицу безъ намордника. Даже Катерина или Нада въ «Воспитанницѣ», несчастная жертва чужого темперамента, знали, что онъ хотѣлъ лишь одинъ бы день пожить въ свою волюшку, дать сердцу свободу, тогда пусть будетъ, что будетъ.

Совершенно иначе мужчины, которые либо маіаки, скряги, дебоширы, пьяницы, игроки, либо прямо слабоумны и кажутся намъ людьми безъ сердца, безъ мысли и энергіи; это соломённые чучеза, прожигающіе приданое невѣсты, дѣйствующіе глупо и легкомысленно, Меричи, различные Копровы и т. д.

Наконецъ, комическія фигуры; тутъ главную роль играютъ вовсе не остроумныя положенія, балаганная шутка, какъ это бываетъ, вопреки природѣ и дѣйствительности, у европейскихъ драматурговъ, но безсознательная, невольная комичность, лишь въ позднѣйшихъ пьесахъ уступающая мѣсто неодолимому шаржу. Поле наблюденія Островскаго вовсе не велико; оно не захватываетъ дворянства и военного круга, духовенства и ученыхъ; прежде всего совершенно отсутствуетъ крестьянннъ; мы вращаемся болѣею частью среди мѣщанъ, мелкихъ инновниковъ, мелкихъ купцовъ и большихъ плутовъ. Это все почти «бѣдные люди», въ рядѣ которыхъ богатый купецъ или богатая дворника, представленные во многихъ экземплярахъ, одинъ несимпатичнѣе другого,—прекрасный опекунъ Гибывшевъ или «Поклонники таланта» ищутъ своихъ жертвъ.

Вполнѣ къ школѣ Островскаго принадлежитъ Николай Соловьевъ; оба составили вмѣстѣ нѣсколько пьесъ, потомъ Соловьевъ сочинилъ одинъ, не расставивъ нисколько прежняго круга темъ. Другіе драматурги пробивали самостоятельные пути, среди старинныхъ особенно Пальмъ, раннее преслѣдуемый, какъ «петрашевецъ»; болѣе всего правился его «Старый баринъ», типъ бонвивана старой школы, художника жизни, первымъ вопросомъ котораго при пробужденіи было: *Jacob, avous vous de l'argent?*—Non monsieur, что, однако, ничуть не мѣшало проводить день весьма приятно. Въ противоположность этому старому «маркизу» изображена современная петербургская молодежь, его зять, постоянно «блестяще лакированный», дрянъ съ прогрессивными ярыками.

Биржевикова ѧ ла Юханцевъ вывела на сцену его пьеса «Нашъ другъ Неклюжевъ» и др. Несравненно значительнѣе Алексѣй Потѣхинъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ братомъ Николаемъ, тоже драматургомъ.

На Алексѣй Потѣхинъ удобнѣе всего изучить задерживающіе моменты русской театральной жизни.

Въ крестьянскомъ царствѣ, насчитываемомъ до девяноста миллионовъ, мужикъ, понятно, настоящій сфинксъ общества, и нѣтъ ничего удивительнаго, если литература была переполнена народниками и ихъ крестьянскими исторіями, русскими Анценгуберами и Ауэрбахами. Вполнѣ понятно, если и начинающій беллетристъ прежде всего обращался къ этимъ темамъ.

Крестьянскими исторіями и мужицкими драмами дебютировали, рядомъ съ Ауэрбахомъ, Григоровичемъ и Тургеневымъ, два такихъ выдающихся таланта, какъ Писемскій и Потѣхинъ; первый «Горькой судьбиной», самой эффектной крестьянской драмой до «Власти тьмы» Толстого; въ ней крестьянннъ, въ гордомъ сознаніи своего права, допустивъ несправедливость по отношенію къ женѣ, нарушившей супружескую вѣрность—безъ

этого никогда не обходится у Писемскаго—мужественно переносить последствия своего поступка. Потѣхинъ еще раньше поставилъ свою, оставляющую сильное впечатлѣніе, пьесу: «Человѣчскій судъ—не Божій судъ» однако, другіе опыты не прижили на сцену. Князь Вяземскій, глава цензуры, допускалъ только научное, историко-экономическое, но не безлестническое трактованіе крестьянскаго вопроса, въ то время, когда все думало только о мужикѣ. Съ послѣдующими тенденціозными пьесами Потѣхина «Отрѣзанный ломоть» и т. п., дѣло вышло не лучше; онѣ были допущены на сцену лишь спустя много лѣтъ или, вообще, не были разрѣшены, а то послѣ нѣсколькихъ представленій навсегда снимались съ нея. Теперь онѣ уже устарѣли. Естественно, что подобный способъ поощренія отбивалъ у человѣка всякую охоту писать для театра; Потѣхинъ снова обратился къ роману.

Пальмъ тоже писалъ романы, беря, напр., темы изъ эпохи сороковыхъ годовъ.

Лучшій романъ Потѣхина, «Бѣдные дворяне», описываетъ тѣ круги и ту эпоху, которую изображалъ Григоровичъ въ «Проселочныхъ дорогахъ»: бытъ дворянскихъ помѣстій до реформы съ бюдолизмами и дворяными шутами. Рядомъ съ этимъ бывший Анненбургскій писатель повѣсти изъ крестьянской жизни à la Ауэрбахъ, повѣсти рѣшительно далекія отъ обычнаго пессимистическаго тона, положительно дышавшія мужествомъ и жизнерадостностью и уже, за свои свѣтлыя краски не нравившіяся радикальной критикѣ. Наконецъ, Потѣхинъ опять возвратился къ театру, въ качествѣ драматурга и руководителя, какъ и Островскій въ послѣдніе свои годы.

Въ шестидесятыхъ годахъ интересъ публики поддерживалъ Дьяченко, который прибѣгалъ къ помощи душевныхъ эффектовъ на почвѣ «обличительной» литературы, но скоро онъ былъ забытъ совершенно, какъ и другіе «обличающіе» драматурги этой эпохи.

Неутомимый постановщикъ сезонныхъ пьесъ — это Викторъ Крыловъ, или по псевдониму Александровъ, авторъ сотни произведеній; онъ началъ въ стилѣ Дьяченко, какъ врагъ и обличитель всѣхъ злоупотребленій, но затѣмъ перешелъ къ обработкѣ французскихъ пьесъ для репертуара Александринки.

Съ тенденціозной драмой, занимавшей женскимъ вопросомъ и т. п., напр., въ «Испорченной жизни» Чернышева, составалась въ шестидесятыхъ годахъ драма историческая. Островскій, Алексѣй Толстой, Чаевъ, Аверкиевъ и т. п. часто одновременно обрабатывали одну и ту же тему; особенно излюблены были сюжеты объ Иванѣ IV или Лжедмитріи. Самыми значительными произведеніями оказались пьесы Толстого, не забытыя до сихъ поръ. Графъ Алексѣй Толстой, товарищъ Александра II въ дѣтствѣ, бывший много лѣтъ гофъегермейстеромъ—охота его любимая страсть, съ раннихъ годовъ—ростъ подъ впечатлѣніями прекрасной природы Малороссіи. Созерцаніе памятниковъ искусства во время итальянскихъ путешествій, посѣщеніе Веймара и Гете, величественный языкъ котораго производилъ сильное впечатлѣніе на мальчика, знаніе литературы,—пониманіе ея и любви къ ней онъ находилъ у своихъ ближайшихъ родственниковъ,—неволью способствовали тому, чтобы Толстой сдѣлался поклонникомъ искусства ради искусства, почитателемъ Пушкина, пренебрежительно относящимся къ модной тенденціозной литературѣ. Впрочемъ, онъ не боялся вмѣстѣ съ братьями Жемчужниковыми подъ псевдонимомъ Козмы Пруткова годахъ пародировать въ пятидесятыхъ тогдашнюю романтическую поэзію Кукольника и т. д. и составлять формулы жизненной мудрости, которыя по своей поразительной банальности дѣйствуютъ, какъ великолѣпные комическіе шаржи; писатель, вообще, обнаруживалъ талантъ къ пародіи; извѣстны, напр., его сатирическая исторія

Россія въ короткихъ стихахъ съ постояннымъ приѣвомъ «а порядку все не было, какъ и прежде», или «Бунтъ въ Ватиканѣ», или «Статскій совѣтникъ Поповъ», пришедшій къ министру безъ брюкъ; названныя произведенія въ собраніи его сочиненій блистаютъ отсутствіемъ, они напечатаны только «на границѣ», хотя въ высшей степени невинны. Что только въ Россіи ни «запрещено»!—европеецъ не перестаетъ удивляться жеманности старой дѣвы, русской цензурной мимозы. Вѣрный вкусъ, живое чувство, форма, большая многосторонность, почти напоминающая Пушкина, характеризуютъ лирическіе и эпическіе опыты Толстого, особенно его баллады, сѣверныя, шотландскія, славянскія на темы изъ эпохи борьбы съ христіанствомъ и нѣмцами; сюда слѣдуетъ отнести эпико-драматическія стихотворенія о Донтъ-Жуанѣ, испугающаго свои грѣхи, напрасно ищущаго идеалъ красоты, разочаровывающагося при всякомъ соприспособленіи съ дѣйствительностью; или о драконѣ, — мнимые переводы съ итальянскаго, въ дантовскомъ стилѣ. Наиболее замѣчательнымъ, однако, произведеніемъ писателя, остается его историческая трилогія, въ сущности, трилогія о Борисѣ: «Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Федоръ Ивановичъ», «Царь Борисъ», 1866—1870 (историческая драма «Посадникъ» осталась неоконченною), и историческій романъ «Князь Серебряный», 1861, наиболее читаемый изъ всѣхъ древне-русскихъ романовъ, далеко превосходящій «Кудеяра» Костомарова и всѣ другія произведенія подобнаго рода. Мы можемъ говорить о трилогіи и романѣ вмѣстѣ, не потому, что они содержатъ одинаковый матеріалъ, но потому, что они являютъ одинаковыя преимущества и недостатки. Чувствующій себя въ европейской литературѣ и неуставъ словно дома, авторъ попытался примѣнить западную схему къ древне-русскому роману и драмѣ. Въ то время какъ Островскій подступаетъ къ прошлому какъ къ алтарю, къ святаянице и благоговѣйно рисуетъ неподвижные лики святыхъ, а не образы людей и страстей, Толстой пытается влить въ этотъ византизмъ западно-европейскую жизнь и страсть; этимъ онъ чрезвычайно оживилъ матеріалъ, конечно, за счетъ исторической правды. Большая интеллигентность, солидное литературное образованіе, тщательность и чистота работы, самостоятельное продумываніе матеріала, вселенское избытчаніе шаблонности, точное археологическое изученіе эпохи даютъ въ результатъ чрезвычайно интересныя произведенія. идѣтъ Федоръ дѣлается представителемъ высшей морали, благодаря истинную правильно разбирается среди окружающихъ его соперниковъ; тѣлесные и вслѣдствіе этого психическіе недостатки, слабость воли дѣлаютъ для него невозможнымъ выступленіе въ защиту своего идеала христіанской любви, онъ игнорируетъ въ рукахъ Бориса; его отецъ прежде всего маньякъ самодержавія, одушевленный только страхомъ, передъ возможностью какой-либо опасности, русскій Людовикъ XI. Наиболее слабое впечатлѣніе производитъ драма «Борисъ», ей недостаетъ даже сценическихъ эффектовъ первыхъ двухъ. Интересно, чѣмъ это рифмованное повѣствованіе о государственныхъ дѣяніяхъ со сценами бояръ и шутовъ—романъ съ его полнотою жизненной правдивости, историко-археологическихъ деталей, съ его цѣлью представить не факты, но характеръ эпохи, ея понятія, вѣру, обычаи, степень культуры. На десять лѣтъ приковалъ писателя романъ, его оттачивало не то, что могъ существовать Иванъ IV, но что существовало общество, которое безъ негодованія терпѣло такого главу. Волшебныя сцены съ мельникомъ, который, какъ и всякій мельникъ заключилъ договоръ съ чортомъ, сцена отравленія за царскимъ обѣдомъ, игры и танцы деревенской молодежи, разбойники, переодѣтые слѣпными пѣвцами и разсказчицами, подробности одежды и оружія у Морозова и Вяземскаго и т. д. могутъ помѣряться съ лучшими изображеніями Вальтеръ-Скотта; но самъ Морозовъ, съ его ревнивостью испанца, и Вяземскій, съ его «по ту

сторону добра и зла» *coudottieri*, совершенно выходить изъ русскихъ рамокъ. Герой самаго романа, при всей его прямотѣ и честности, нѣсколько наивенъ и ограниченъ—совѣтъ другимъ былъ Курбскій! Археологически-эпизодическая часть романа безконечно интересна, чѣмъ неудачный сердечный романъ Серебряного.

То же самое можно сказать о «Каширской старинѣ» (1872), лучшимъ среди многочисленныхъ историческихъ драмъ и романовъ Аверкіева. Этого стоитъ гораздо ниже Толстого какъ по уму и образованію, такъ и по стилю; онъ превосходить его въ знаніи народа и быта. Характеры главныхъ героевъ съ ихъ рѣзкими переѣздами, не только для второй четверти XVII столѣтія, но и, вообще, не мыслимы въ Россіи; большую цѣну имѣютъ картины быта, напр., свадебныя пѣсни, обычаи; интересные, второстепенные герои, какъ подъячій Живула, настоящий прототипъ того «крапивнаго сѣмени», которое нѣкогда съ такою свирѣпостію преслѣдовалъ Сумароковъ, или Глаша, оставшаяся въ дуракахъ стараго селадона.

Русская драма и въ отдаленной степени не могла достигнуть значенія русскаго романа при воспитательномъ значеніи театра слѣдовало бы ожидать противоположнаго,—вспомнить лишь о его роли во время эпохи просвѣщенія; при любви народа къ драматическимъ представленіямъ,—русскіе уже въ XVIII столѣтіи имѣли настоящій народный театръ; при реалистическомъ смыслѣ русскаго; при его неоспоримой способности къ комедіи; несмотря на отдѣльные, почтенные опыты, еще XVIII-го столѣтія; несмотря на то, что при недостаткѣ политической и социальной жизни и общенія (Петербургъ еще въ 1905 г. не имѣетъ ни одного европейскаго кафе)—театръ долженъ или могъ бы занять самое выдающееся мѣсто. Много обстоятельствъ мѣшало свободному возрастанію театра: строгость цензуры, недопускавшей ничего разумнаго—Грибоедовъ и Гоголь никогда не были бы поставлены на сцену, если бы не вышлася императоръ; на сценѣ нельзя было даже намекать на то, о чемъ свободно говорилось въ романахъ, въ стихотвореніяхъ (напр., произведеній Некрасова цензура не преслѣдовала), и т. п. Потомъ присоединилось безсмысленное ограниченіе времени игры; во время великаго поста играть воспрещалось,—такъ проходило даромъ лучшее время, ко вреду театра и къ разбору директора и труппы; зато во время поста гастролируютъ въ Петербургъ и Москвѣ иностранныя: очевидная система преніятивъ для родного искусства. Немало тормазила дѣло привилегія императорскихъ театровъ въ Москвѣ и Петербургѣ, уничтоженная лишь въ послѣднія десятилѣтія, которая не допускала частной конкуренціи: теперь русскія образцовыя произведенія можно видѣть и въ частныхъ театрахъ. Наконецъ, театральная дирекція заботилась о блестящихъ и вѣликолѣпныхъ операхъ и французскаго театра въ Петербургѣ; русскій театръ оставался на положеніи судомойки, «Александринка» всегда считалась «грязной». Только въ послѣдніе годы положеніе улучшилось.

Мы назвали не всѣ извѣстныя имена, пропустивъ, напр., Шнягинскаго, который былъ даже переведенъ на иностранныя языки; князи Сумбатовъ и др., потому что они слишкомъ мало характерны, несмотря на отдѣльные удачныя типы. Относительно новѣйшихъ драмъ Чехова и Горькаго, на которыхъ заграничье тоже съ жадностью набрасываются переводчики, даже театральные директора, мы скажемъ ниже; оба писателя вовсе не драматурги, это русскіе беллетристы, по-старому дурному обычаю дѣлающие опыты и въ драмѣ, хотя они лишены всякаго драматическаго таланта; однако, безпримѣрнаго успѣха «На дѣтѣ» (500 представленій въ Берлинѣ) отрицать нельзя.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Лирика.

Поэзія умолакаетъ, особенно въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Поэты чистаго искусства, Тютчевъ, Майковъ, Фетъ, Полонскій. Тенденціозные поэты, Некрасовъ. Народные поэты, Никитинъ, Суриковъ. Современные поэты пессимисты, Надсонъ. Лирики и декаденты послѣднихъ годовъ.

Времена и люди были мало благоприятны для развитія жизнеспособной лирики. Съ того времени, какъ послѣ Бѣлинскаго социальные вопросы стали занимать литературу, субъективное искусство должно было отступить на задній планъ; благодаря стѣсненію свободнаго слова, оно должно было постоянно повторять чуждые, напр., антологическіе мотивы, держаться вдали отъ впечатлѣній дѣйствительной жизни и этимъ терять связь съ обществомъ. Литература, если хотѣла имѣть читателей, должна была быть проникнута извѣстной тенденціей и, такимъ образомъ, она искажала свою природу. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ, даже еще въ семидесятыхъ годахъ, было весьма немногихъ поэтовъ, выстунавшихъ со своею лирикой, и изъ этихъ немногихъ не болѣе двухъ-трехъ пользовались настоящею популярностью; пожалуй, знатоки и цѣнили Тютчева, Фета, Полонскаго или Майкова, но популярнѣе былъ лишь Некрасовъ; было время въ пятидесятыхъ годахъ, когда стихотворенія не принимались въ журналы даже для замѣщенія бѣлыхъ мѣстъ. И, однако, имѣлись таланты всегда.

Къ таковымъ неоспоримо принадлежитъ Тютчевъ, старѣйшій изъ этихъ лириковъ; болше даже называть въ этомъ ряду современника Пушкина, тридцати лѣтъ оплакивавшая смерть Гете, еще послѣ паденія Варшавы написавшаго стихотвореніе, которое поэтическими и гуманными достоинствами возвышается надъ «патріотической» лирикой Пушкина и Жуковскаго. И, однако, мы имѣемъ въ извѣстной степени право упомянуть его только здѣсь; хотя большинство пѣсень Тютчева относится ко времени до 1850 г., онъ сдѣлался извѣстнымъ обществу только послѣ 1854. Пронсходя изъ рода поэта изъ Италіи, какъ Толстые изъ Германіи и Иванъ IV отъ императора Августа, или вѣтъ, свои лучшіе годы онъ провелъ за границей, въ Мюнхенѣ и Туринѣ, получили превосходное литературное образованіе и могъ, вдали отъ родины, еще легче замѣниться въ своемъ собственномъ мірѣ прекраснаго, добраго, въ мірѣ природы. Его стихотворенія стоятъ какъ бы внѣ времени и пространства; его темы субъективныя, исключительно лирическія; зато на ряду съ прямо подкупающими мастерствомъ формы онъ умѣетъ очертить и сѣтые образы въ неожиданныхъ отношеніяхъ и глубоко проникнуть въ тайны бытія. Относительно его поэзіи дѣйствительно можно сказать: «Среди громовъ, среди огней, среди хлопочущихъ зыбей, въ стихійномъ пламенномъ раздорѣ, она съ небесъ слетаетъ къ намъ—небесная—къ земнымъ сынамъ, съ лазурной ясностью во взорѣ, и на бунтующее море льетъ примирительный елей». Столь коротки и сжаты обыкновенно его лучшія, напр., многочисленныя весеннія пѣсни; однако, антологическія, спокойно-веселыя настроенія рѣдки; тайны природы; вѣчное великолѣпіе сѣвѣрныхъ полей на вершинахъ горъ; ужасы неси, сбрасывающей свѣтлый покровъ дня съ вѣчной пропасти; надувающихся и темнѣющихъ подъ дыханіемъ грозы воды; темный пурпуръ вечера, освѣщающій ихъ суровый блескъ; вѣчные демоны, въ блескахъ молніи держащіе рѣчь; хаосъ сфинкса природы, быть можетъ вовсе не скрывающей никакой загадки; невыразимое чувство тоски: безтѣлесный міръ сновъ, видѣній,—такова собственно область Тютчева. Рядомъ съ этимъ онъ поэтъ о человеческомъ сынѣ, о людскихъ слезахъ, — которые проливаются рано и поздно, проливаются неслышныя, незримыя, неистощимыя, неисчислимыя,

какъ дождевыя капли, падающія въ глубокую осеннюю ночь. О славяно-фильскихъ стихотвореніяхъ его мы уже говорили; его Русь нельзя охватить разумомъ, измѣрить обычною мѣрою; въ нее можно только вѣрять. «Эти бѣдныя селенія, эта скудная природа—край родной долготерпѣнья, край ты русского народа! Не поймешь и не замѣтишь гордый взоръ ино-племенный, что сквозить и тайно свѣтитъ въ наготѣ твоей смиренной. Удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходитъ, благословляя».

Въ противоположность Тютчеву, который ограничивается описаніемъ картинъ природы и изображеніемъ душевныхъ настроеній, оставляетъ въ сторонѣ социальные вопросы и нужды, никогда не служить требованіямъ момента, Некрасовъ сдѣлался популярнымъ какъ разъ благодаря своей публицистической, сатирической, обличительной лирицѣ; въ высшей степени тенденціозныя иѣсны русскаго Беранже переходили изъ устъ въ уста, отѣснили произведенія «чистаго» искусства и стали опаснымъ оружіемъ въ рукахъ полемиста. Совершенно незаслуженная, неожиданная жизненная нужда опредѣлила его призваніе журналиста, писателя безконечныхъ романовъ и безчисленныхъ статей, который положительно лишь укрادкою могъ служить своей музѣ «мести и печали». Свыше двадцати лѣтъ слушала молодежь эти желчныя строфы, направленные противъ столповъ общества, эти потрясающія жалобы пролетарія на свою недостойную участь, тягости которой онъ забываетъ только въ винѣ, эту поэзію большого города и его горя, эти воодушевленные гимны въ честь Гоголя, Бѣлинскаго, Добролюбова. Онъ привѣтствовалъ свободу 1861

Н. А. Некрасовъ.

года: «Родина-мать! по равнинамъ твоимъ не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ! Вижу дитя на рукахъ у родимой, сердце волнуется думой любимой; въ добрую пору дитя родилось, милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезы! Съ дѣтства вѣкъ не запуганъ, свободенъ, выберешь дѣло, въ которому годеишь; хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ, сможешь—подъ небо взойдешься орломъ! Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ: умъ человѣческій тонокъ и глубокъ; знаю: намѣсто свѣтъ крѣпостныхъ, люди придумаютъ много иныхъ, такъ!.. но распутать ихъ легче народу. Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!». Тонко-чувствующіе умы, Тургеневъ, напр., никогда не могли освоиться съ этой поэзіей.

Одинъ примѣръ можетъ освѣтить его искусство. Мы въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ въ осеннюю ночь со свѣжимъ легкимъ морозомъ. Маленькій Ваня спрашиваетъ отца-генерала, кто построилъ дорогу? «Ниже-

неры это». Тогда выѣшивается поэтъ: «Въ мірѣ есть царь: этотъ царь безпопадентъ; голодъ—название ему!.. Онъ то согналъ сюда массы народныя. Многие—въ страшной борьбѣ, къ жизни воззвать эти дебри бесплодныя, гробъ обрѣли адскіе себѣ». Мертвые мчатся около поѣзда, заглядываютъ въ окна, поютъ печальную пѣсню: «Въ ночь эту лунную люблю намъ видѣть свой трудъ! Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ, съ вѣчно согнутой спиной, жили въ землянкахъ, боролись съ голодомъ, мерзли и мокли, болѣли пылкой, грабили насъ грамотники—десятники, съѣло начальство, давила нужда... Все претерпѣли мы, Божеи ратники, мирныя дѣти труда! Братья! Вы наши плоды пожинаете! Намъ же въ землѣ изгнѣваться суждено... Все ли насъ, бѣдныхъ, добромъ помните, или забыли давно?». Особенное вниманіе Вани привлекаетъ высокій, бѣлый, больной блѣнорусецъ, съ волтуномъ въ волосахъ, съ упавшими вѣками, безкровными губами, со впалой грудью, которую ему постоянно приходилось опираться на лопату, съ лъзлами на тонкихъ рукахъ, распухшими ногами. «Стыдно робѣть, закрываться перчаткою, ты ужъ не маленький!.. Эту привычку къ труду благородную намъ бы не худо съ тобой перенять... Благослови же работу народную и научись мужика уважать. Вынесъ достаточный русский народъ, вынесъ и эту дорогу желѣзную—вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ!—Вынесетъ все и широкую, ясную грудью дорогу проложить себѣ. Жаль только—жить въ эту пору прекрасную ужъ не придется—ни мнѣ, ни тебѣ...» Отецъ протестуетъ противъ этихъ темныхъ картинъ и требуетъ для восстановления равновѣсія свѣтлыхъ. Сейчас же поэтъ даетъ такіе: «труды ровные кончены... мертвые въ землю зарыты; большіе скрыты въ землянкахъ; рабочий народъ тѣсной гурьбой у конторы собрался... Крѣпко затылки чесали они; каждый подрядчику долженъ остался, стали въ копѣйку прогульные дни!—Кто можетъ провѣрить, все ли правильно?—Вотъ «толстый, присидетный, красный какъ мѣдъ, ѣдетъ подрядчикъ по линии въ праздникъ, ѣдетъ работы свои посмотреть». Потъ отираетъ кучина съ лица и говоритъ, подбоденный картиною: «Ладно... нешто... молодцы!.. молодцы!.. Съ Богомъ теперь по домамъ,—поздравляю! (Шапки долой—коли я говорю!)—бочку рабочимъ вина выставляю я—педоньку дарю!..» «Ура» подхватили... Выпрігъ народъ лошадей—и кучину съ крикомъ «ура!» по дорогѣ помчалъ... Кажется, трудно отразить картину парисовъ, генералъ?.. Подобными стихотвореніями (напр., извѣстною «Дорогою») онъ дебютировалъ еще въ сороковыхъ годахъ.

Эта суровая насмѣшка надъ настоящимъ идетъ рядомъ съ прославленіемъ идеальныхъ образовъ прошлаго, жень декабристовъ, княгини Трубецкой и Волконской. Ихъ поѣздка въ Сибирь, ихъ свидѣнія, представляющія свѣтлое дѣтство, балы, свадебное путешествіе, печальную дѣятельность, напрасный протестъ семьи, начальства, потрясающее свиданіе съ мужьями въ глубинѣ рудниковъ,—эти картины, правда не лишены въ некоторыхъ сентиментальныхъ преувеличеній, составляютъ поэтический памятникъ, который благодарный поэтъ воздвигъ этимъ характерамъ античнаго величія. Авторъ вспомнилъ, и о другихъ «герояхъ», о современной интеллигенціи, совершенно, однако, лишенной античныхъ «чертъ»: его «Саша» рисуетъ проиходящую среди деревенской идилліи исторію а la «Рудинъ»; съ истинностью вспоминаетъ поэтъ своихъ близкихъ, особенно свою мать. Преобладаютъ горячія самообвиненія, упреки современникамъ, которымъ дано много благородныхъ порывовъ, но не суждено ничего совершить, которые будучи еще на землѣ, давно уже мертвы. Они любятъ сильно, но ненавидятъ еще сильнѣе, а дойдеть до дѣла,—не обидятъ и мухи; говорятъ даже, что любовь возмущаетъ ихъ разумъ, а не кровь. «Я за то глубоко презираю себя, что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,

что любить я хочу... что люблю я весь миръ, а брожу дикаремъ безпритонъ и сирь, и что злоба во мнѣ и сила, и дика, а до дѣла дойдесть—замираетъ рука...» «Съ тѣхъ поръ не часты были встрѣчи: украдкой блѣдная (муза) придетъ и шепчетъ пламенные рѣчи, и пѣсни гордыя поетъ... Но загнѣмать внезапно цѣпи — и мигомъ скроется она. Не повее я ея чудялся, но какъ боялся! какъ боялся! Когда мой ближній утопалъ въ волнахъ сущаго неба — то громъ небесъ, то ярость моря и добродушно воспѣвать. Бичуя маленькихъ ворнишекъ, для удовольствія большихъ, давилъ я дерзостью мальчишекъ и похвалой гордился ихъ.

Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась, остыла ко всему она, и муза повее отвернулась, презрѣвъ горькаго поэта...

...И простился съ столицами. Мирно живу среди полей, но и крестьяне съ улымыми лицами не усаждаютъ очей! Ихъ нищета, ихъ терпѣние безмѣрное только досаду рождаетъ... Что же ты любишь дитя малолѣтнее, гдѣ же твой идолъ стоитъ?»

Мать природа, должна заставить умолкнуть музу гнѣва, но доступъ къ ней для Некрасова возможенъ лишь черезъ посредство крестьянина; въ этомъ его характерное отличие отъ всѣхъ другихъ лириковъ. Онъ создаетъ удивительныя картины природы, сцены неописуемой идиллической предельности, сцены дикой потрясающей скорби; но, какъ у Толстого, непосредственного интереса къ природѣ нѣтъ; дѣло идетъ о людяхъ въ ихъ зависимости отъ природы. Поэтъ Петербурга, его внутреннихъ красавицъ, Некрасовъ, рано или поздно, долженъ былъ прійти къ крестьянину: для социальнаго поэта основа «Музыкаго царства», его миллоны, альфа и омега Россіи, особенно, послѣ освобожденія составляли все. Такъ, среди интеллигентныхъ поэтовъ Некрасовъ сталъ самымъ выдающимся поэтомъ крестьянина, такимъ остался и донынѣ. И здѣсь раскрывается двойственное направление, субъективное, обличительное, ностальгическое, наказующее, насмѣхающееся и объективное, восходящее до безпристрастнаго описанія крестьянскаго быта, его радостей и скорбей, его трагедій, иногда все слегка идеализованное навсегда оставляющее высокое художественное впечатлѣніе. Сравнить только образъ крестьянской женщины въ «Тройкѣ» и въ poemѣ «Морозъ — красный носъ». Тамъ говорится: «За периху пойдешь мужика... будешь бить тебя мужъ — привередникъ и свекровь въ три погубятъ гнуть. Отъ работы и черной, и трудной, отцвѣтешь, не успѣвши расцвѣсть, погрузишься ты въ сонъ непробудный, будешь плянчить, работать и бѣть, и въ лѣтъ твоимъ, полною движенья, полною жизни, — повлется вдругъ выраженіе тупого терпѣнья и безсмысленный, вѣчный яснугъ. И схоронятъ въ сырую могилу, какъ пройдешь ты тяжелей свой путь, бесполезно угашую силу и нѣтъ, не согрѣтую грудь». Совсѣмъ иное Дарья, несчастная жертва мороза. «Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ съ спокойною важностью лицъ, съ красною силой въ движеньяхъ, съ походкой, со взглядомъ парницъ, — ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ, а зрячій о нихъ говоритъ: — пройдешь — словно солнце освѣтитъ! посмотритъ — рублемъ подаритъ!»

Такова Дарья, но горька ея доля; умеръ мужъ — работникъ, она должна кормить семью, взять на себя мужицкую работу; она замерзаетъ потомъ въ лѣсу. Описание ея смерти, необыкновенно красиво; какъ «Морозъ-воевода» дозоромъ обходитъ владѣнія свои. Глядитъ — хорошо ли мятеля лѣбная тропя замесилъ, и итъ ли гдѣ трещины, щели и итъ ли гдѣ голой земли? Пушисты ли сосенъ вершины, красивъ ли узоръ на дубахъ? И крѣпко ли скованы льдины въ великихъ и малыхъ водахъ? Идетъ — по деревьямъ шагаетъ, трещитъ по замерзлой водѣ, и яркое солнце играетъ въ косматой его бородѣ. Вотъ онъ увидѣлъ свою жертву, и на-

чинаетъ пѣть хвастливую пѣсню: «взглядишь, молодица, смѣѣе каковъ воевода Морозъ! Наврядъ тебѣ парня сильнѣе и краше видать привелось?... Поиду на моря-окияны—построю дворцы изъ льда, задумаю—построю мосты ледяные, какихъ не построишь народъ... Люблю я въ глубочинахъ могилахъ покойниковъ изъ иней радить, и кровь вымораживать въ жилахъ, и мозгъ въ головѣ леденить. На горе недоброму вору, на страхъ сѣдоку и коню, люблю я въ вечернюю пору затѣять въ лѣсу трескотню. Бабенки, пеняя на лѣсныхъ, домою удираютъ скорѣй.. А пѣльныхъ—и конныхъ и пѣшихъ дурачить еще неселѣй. Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу, а нощь запылаетъ огнемъ, и бороду такъ приморожу къ вѣзкамъ—хоть руби топоромъ! Богать я, казны не считаю, а все не скудѣть добро; а царство мое убираю въ алмазы, жемчугъ, серебро. Войди въ мое царство со мною, и будь ты царцею въ немъ! Поцарствуемъ славно зимою, а лѣтомъ, глубоко уснемъ. Войди! приголублю, согрѣю, дворецъ отведу голубой».— И стать воевода надъ нею махать ледяной булавой.—«Тепло ли тебѣ, молодница?» «Тепло—а сама коченѣетъ... Морозко коснулся ее: въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ и иглы колючія сѣетъ съ сѣдой бороды на нее... И въ Проклуинку вдругъ обратился и стать онъ ее цѣловать. И такъ-то ли любю ей было вникать его сладкимъ рѣчамъ, что Дарыюшка очи закрыла, топоръ уронила къ ногамъ; улыбка у горькой вдовицы играетъ на блѣдныхъ губахъ, пушисты и блѣды рѣсницы, морозныя иглы въ бровяхъ...

Въ продолженіе десяти лѣтъ (1866—1876) Некрасовъ писалъ сатирическую народную поэму «Кому на Руси живется вольготнѣе, хороше?» Смерть (27 декабря 1877) помѣшила выношенію любимого труда; оно точно выдержано въ народномъ стилѣ съ его короткими стихами, съ удивительно народнымъ языкомъ, съ особеннымъ русскимъ оптимизмомъ, отчаяніемъ. Крестьяне рѣшили не возвращаться домой, не видѣть жены малыхъ дѣтей, стариковъ, пока не найдутъ разрѣшенія спорнаго вопроса, пока не узнаютъ самымъ точнымъ образомъ, кому на Руси живется вольготнѣе, хороше. Мы сопровождаемъ ихъ въ путь, по широкой дорожкѣ, обсаженной березками, заброшенной вдали, печальной, нѣмой; по сторонамъ дорожки идутъ крутые обрывы, склоны заняты полями, сѣнокосами... Мы наталкиваемся на дилемму: какъ понѣ живеть въ деревнѣ; на страшныя трагедіи: какъ Савелій съ товарищами законалъ живымъ тираніемъ, нѣмца-управляющаго, что за это постигаетъ ихъ; слышимъ жалобы женщинъ: ключи отъ женскаго счастья, отъ нашей вольной волоушки брошены и потеряны у самаго Бога—отцы, живущіе въ пустыняхъ, жены непорочныя, киянки и ученые по писанію искали ихъ и не нашли; встрѣчаемъ идеалиста Гришу и узнаемъ его пѣсню о родной странѣ: «Ты и убогал, ты и обильная, ты и могучая, ты и безсильная, матушка—Русь! Въ работѣ спасенное сердце свободное — золото, золото сердце народное! Сила народная, сила могучая: — совѣсть спокойная, правда живучая! Сила съ неправдою не уживается, жертва неправдою не выживается — Русь не шелохнется, Русь—какъ убитая! А загорѣлась въ ней искра сокрытая, — встали—не бужены, вышли—не прошены, жита по зернышку горы напошены! Рать подымается нечеловѣческая, сила въ ней скажется несокрушимая! Ты и убогал, ты и вѣссильная, матушка—Русь!»... Не забудутся эти слова: «Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому! А горе наше мѣрили? Работѣ мѣра сѣти? Вино валить крестьянина, а горе не валитъ его? Работа не валитъ? Мужикъ бѣды не мѣряетъ, со всякою справляется, какая не приди... У каждаго крестьянина душа, что туча черная—гибнѣя, грозна—и надо бы громамъ гремѣть оттудова, кровавымъ лить дождямъ, а все виною кончается. Пошла по жиламъ чарочка—и раземѣлась добрая крестьянская душа!»

И такъ, веселыя картины (одна изъ самыхъ красивыхъ, — дѣти въ полѣ, у отца, съ любимой лошадкой), страданія и жалобы (плачь бѣдной матери по своему Демускѣ) постоянно чередуются въ этомъ калейдоскопѣ. Къ стихотвореніямъ Некрасова Левитовъ и Успенскій написали комментарии въ прозѣ.

Изъ однихъ изъ остальныхъ лириковъ не можеть соперничать съ Некрасовымъ; да они и не хотѣли этого; вмѣсто суровыхъ, жестокихъ стиховъ; вмѣсто сатиръ (сюда принадлежить и сатирическая трагикомедія «Современники», въ двухъ частяхъ, юбилейные старцы и триумфаторы, герои нашего времени, 1875); вмѣсто народныхъ пѣсней, они обратились къ чистому искусству, цѣнному знатоками, писали для немногихъ, не-извѣстные большому публикѣ, но крайней мѣрѣ молодежи, которая вмѣстѣ съ Писаревымъ, казалось, подняла крестовый походъ противъ поэзии и эстетики. Имъ не доставало страстнаго темперамента и великой ненависти Некрасова: этотъ ожесточенный самую жизнь, испытавшій столько бѣдствій интеллигентнаго пролетарія, терпѣвшій голодъ и холодъ, всегда оставался невозможнымъ обличителемъ злѣе высшаго общества. А тѣ старались противобѣдствовать антипоэтическому теченію времени, утверждать свои собственные пути, не заботясь о равнодушіи толпы о пародіяхъ Некрасова. Имъ не доставало и пророческаго дара Тютчева, который отторгнувшись отъ чувственнаго міра, кажется охватить созерцаніемъ безконечнаго; Некрасовъ — противоположность Тютчеву, совершенно привязывается къ землѣ: онъ такой же реалистъ, какъ и Толстой, но одновременно онъ протестуетъ и ведетъ лирическую пропаганду; его идеалистическое содержаніе выходитъ за пределы формы, которая часто теряется за простымъ созвучіемъ рифмъ. Отъ этихъ небрежностей и недостатковъ Некрасова совершенно свободны Майковъ, Фетъ, Полонскій; какъ служители чистаго искусства они создаютъ нечто формально вполне законченное.

Всѣ эти писатели выступили почти одновременно, 1840 г. Тогда Некрасовъ печаталъ свой первый сборникъ «Мечты и звуки», скупленный и уничтоженный имъ потомъ. Тютчевъ, Майковъ, Полонскій служили въ вѣдомствѣ иностранной цензуры, гдѣ, впрочемъ, скорѣе несли просто почетный караулъ. Они достигли глубокой старости, сохранивъ полную свѣжесть, послѣ пятидесятилѣтней службы на Парнасъ; это настоящіе русскіе парнасцы. Характернѣйшій обликъ среди нихъ имѣетъ Майковъ, принадлежащій къ фамилии уже въ четырехъ поколѣніяхъ выдающейся въ литературномъ и художественномъ отношеніи. Изъ его братьевъ одинъ, многообъщавшій критикъ, Валеріанъ, рано умеръ, другой, Леонидъ, былъ выдающимся изслѣдователемъ литературы; самъ онъ намѣревался быть художникомъ по примѣру отца, но успѣхъ стиховъ заставилъ его измѣнить свое предположеніе. Уже въ 1841 г. появилось первое собраніе стихотвореній Майкова, болѣею частью антологическихъ и анакреонтическихъ; классическому міру поэтъ остался вѣренъ до конца жизни. Не то, чтобы онъ не отвѣчалъ выступать въ другихъ областяхъ, онъ подражаетъ стверной Эддѣ, перелагаетъ пѣснь о неаполитанскомъ Пульчинелло, со своею любовью къ Коломбинѣ сдѣлалъ предметомъ насмѣшекъ со стороны

А. Н. Майковъ.

собраніе стихотвореній Майкова, болѣею частью антологическихъ и анакреонтическихъ; классическому міру поэтъ остался вѣренъ до конца жизни. Не то, чтобы онъ не отвѣчалъ выступать въ другихъ областяхъ, онъ подражаетъ стверной Эддѣ, перелагаетъ пѣснь о неаполитанскомъ Пульчинелло, со своею любовью къ Коломбинѣ сдѣлалъ предметомъ насмѣшекъ со стороны

всѣхъ. Поэта привлекаетъ Италия, религиозная борьба, Саванарола, Густъ въ Константиѣ, Каэрмонтскій соборъ и др.; онъ дѣлаетъ опыты въ древнерусскихъ балладахъ, какъ Толстой, равнымъ образомъ пишетъ и на современные темы, напр., «Принцесса», трагедія изъ жизни одной молодой нигилистки, но всегда его тянетъ къ античному міру. Самое большое произведение Майкова, надъ которымъ онъ трудился въ продолженіе тридцати лѣтъ, лирическая трагедія «Два міра» или «Два Рима», приблизительно съ тѣмъ же самымъ планомъ, который четверть столѣтія спустя принималъ Сенкевичъ въ своемъ «Quo vadis»; Петроній, который у Майкова называется Дециемъ; рисуется противоположность между цезаревскимъ и христіанскимъ Римомъ, дается картина паденія нравовъ, самаго грубого материализма и небеснаго идеализма; во всемъ произведеніи мы находимъ обиліе пластическихъ фигуръ. И рядомъ съ этой драмой къ которой принадлежатъ и «Три смерти» Сенки и т. д., множество прекраснѣйшихъ антологическихъ вещей; въ противоположность такъ страшнаму смерти Тургеню или Толстому, Майкову по античному воззрѣнію она представляется старымъ другомъ человечества; однако, замѣтно влияние и христіанскаго представленія: жизнь вовсе не мечта и видѣніе, нѣтъ, она священнѣйшій лучъ, который освѣщаетъ міръ на мгновеніе небесный и земной міръ и смерть вовсе не моментъ уничтоженія живущаго во мнѣ «я», но новый шагъ и восхожденіе къ высшимъ сферамъ бытія.

Напротивъ, Фета (Шеншинъ, исторія имени въ родѣ Герцена-Иковлева) и Полонскаго труднѣе поставить рядомъ; Фетъ держится исключительно русскихъ темъ. Муза Полонскаго много блуждаетъ за границей въ Италию, на Востокъ и т. д.; Фетъ, быть можетъ, большій художникъ формы; онъ сочиняетъ даже стихотвореніе изъ однихъ существительныхъ, безъ глагола; напр. «Ночныя тѣни». Человѣкъ нѣсколько односторонній онъ, подобно Тютчеву, довольствуется въ своихъ, болѣею частью, короткихъ, выточенныхъ стихотвореніяхъ образами природы, переносимой и на человѣка. Полонскій прежде всего богатъ мыслями; разнообразіе его тоновъ гораздо обширнѣе; восходя только иногда къ социальной поэзіи, онъ задается

А. Н. Фетъ-Шеншинъ.

большими задачами, пытается писать въ народномъ тонѣ, и не безъ успѣха. Въ Фетѣ вызываетъ удивленіе связность чувства, сохранившася до семидесятилѣтняго возраста; послѣ онъ прямо воспоминаетъ объ Анакреонѣ и шути спрашиваетъ себя, 1888, (родился въ 1820), какъ онъ подумываетъ гроба, осмѣливается пѣть о любви; я чахну и ною, ты и восхищена; въ мелодіяхъ старика живетъ твое молодое чувство; такъ и въ молодомъ хорѣ все еще поетъ старая цыганка. Въ 1886 онъ поетъ: охваченный безпокойствомъ, жду я, жду здѣсь на дорогѣ, ты обѣщала прійти по трошнѣкѣ черезъ садъ; тихо подъ тѣнью лѣса спать молодые кустарники. Ахъ какъ запахло весной, конечно, это ты!

Стихотворенія Полонскаго богаты мыслями, содержательнѣе; благородная, симпатичная личность — ничто не напоминаетъ духовнаго сибарита, какъ иногда у Фета. Какъ восхитительно дѣтское стихотвореніе о солидѣ и мѣсяцѣ! «И взмолилось Солнце брату: — братъ мой, Мѣсяцъ золотой! ты зажги фонарь и ночью обойди ты край земной! Кто тамъ молится, кто пла-

четь, кто мѣшаетъ людямъ спать,—все развѣдай и поутру приходи и дай мнѣ знать!.. И начнеть разсказъ свой Мѣсяцъ,—кто и какъ себя ведетъ... если почъ была спокойна, Созиде весело взойдетъ. Если жъ ить,—взойдетъ въ туманѣ, вѣтеръ дунеть, дождь поидеть, въ садъ гулять не выйдетъ няня и дитя не поведетъ». Полонскій дѣлаетъ опыты въ греческихъ «балладахъ»: Кассаноре, Прометей: «Я шель подъ скалами, мглою ночи одѣтъ, я несъ темнымъ людямъ божественный свѣтъ,—любовь и свободу отъ страха и чаръ, и жажду познанья, и творческій даръ. Вдругъ, разорвался почъ занавѣса,—брызнули въ пространство молніи Зевеса, и проснулись боги, и богини съ дожа поднялись, пугливымъ крикомъ мѣръ встревожа» и т. д.; его перу принадлежатъ нѣкоторыя современины повѣсти—«Анна Галдина», милая любовная исторія, разсказанная отъ лица уличнаго пѣвца; раньше — «Мимн» съ дивными картинками сельской природы; онъ приветствуетъ поэтовъ:—Фета, Надсона, Пушкина и т. д., ставитъ ихъ высоко надъ окружающею обстановкой (оставаясь здѣсь, пока кто-либо тебя не смѣнитъ), надъ эгонистической, дикой кутерьмой, достойной ихъ; и на закатѣ долгой, дѣятельной жизни въ звукъ вечерняго колокола ему слышится ободрающий призывъ къ покою, вѣчному миру.

Это былъ поэтический триумфъ, который, не оробѣвъ передъ социалистическимъ и реалистическимъ шумомъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, пошелъ навстрѣчу новому расцвѣту, возращенію поэзии. Они не оказались одиноками. Объ А. Толстомъ мы уже говорили; до нихъ слѣдовало бы упомянуть друга Герцена, Огарева, послѣдовавшаго за ними въ изгнаніе, помогавшаго издавать «Колоколъ» и писавшаго политическія брошюры; это истинный поэтъ, байронистъ, нессимистъ, муза котораго казалась была лишена всякаго, радостнаго, бодратаго полета; когда же кончится наконецъ, скучный день; ахъ, какъ хорошо, что все стало безмолвно,—но не идетъ сонъ, долгая темь давить! Все, что хочу я, все пропикнуто тоскою по знанію, по работѣ, по любви; я хочу чувствовать трепетъ жизни, и въ тайнѣ чувствую я, что тѣсны стремленія, скупа жизнь, что внутренне я болѣю... жизненный кубокъ пью я глотокъ за глоткомъ, все видите мнѣ его пустое дно, и отчаянною храбростію кажется жизнь! Нессимистомъ былъ и Плещеевъ, выплывшій въ житейское море со столь смѣлыми надеждами, съ такою радостію, столько обѣщавшій себѣ отъ пробужденія спящаго, отъ залейменія преступнаго, преисполненный вѣры, что приближается моментъ воскресенія,—уже блистаетъ изъ облаковъ лучъ правды. Вмѣсто этого на Семеновскомъ плану заблестали ружейный дула, направленные противъ Петрашевцевъ; однако, онъ былъ помолованъ, какъ и Достоевскій, и возвратился черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ; только свой оптимизмъ, надежды и радости онъ оставилъ въ Сибири.

Ничего утѣшительнаго не вижу я вокругъ себя, всюду ночь и ночь, куда ни кинешь глазъ; ранній морозъ безпощадно убилъ милые цвѣты беззаботной юности... Моя душа скрывала тяжелое разочарованіе, убѣжденіе въ безплодности борьбы... по чего жизни суровая тяжесть не могла загубить, то я самъ, тѣлный работникъ, закопалъ въ землю, заключилъ со зломъ позорный миръ, оставался глухъ къ зову правды; о какъ болить моя душа, какъ мучаетъ меня палачъ-совѣсть, и въ книгѣ прошлаго со стыдомъ читаю я безплодную жизнь путь.

Эта субъективная лирика-жалобъ и упрековъ лучше всего характеризуетъ Плещеева, прежде пытавшагося писать въ Некрасовскомъ общительномъ стилѣ и заслужившаго извѣстность въ качествѣ переводчика. Къ парнасцамъ относится и Щербина, съ греческою кровью въ жилахъ, своимъ антологическимъ, греческимъ пѣснями соперничающій съ Майковымъ, въ общемъ, весьма односторонній талантъ; болѣе многостороннимъ, извѣст-

нымъ особенно какъ отличный переводчикъ Анакреона, Феокрита, Беранже или польскихъ поэтовъ, былъ Мей, удачно перелагавшій на стихи Ветхій Заѣтъ, особенно Пѣснь Пѣсей, писавшій баллады и драмы изъ древнерусской жизни, «Псковитянка» и «Иванъ IV», цѣнные своими лирическими партіями. Въ этой поэтической симфоніи звучали и два поэта изъ «народа»: Никитинъ, изъ того же Воронежа, которому мы обязаны Кольцовымъ, и Суриковъ, младшій; произведенія послѣдняго не сохраняютъ черты происхождения автора; его колыбель одинаково могла бы быть повѣшена въ дворянскомъ домѣ или въ крестьянской избѣ; онъ слагаетъ лирическія пѣсни, пишетъ баллады и т. п.; зато Никитинъ дѣйствительно продолжатель Кольцова. Самое извѣстное его стихотвореніе — «Кулакъ», рассказываетъ о томъ, какъ Лукичъ принуждаетъ свою дочь выйти за немизаго; подробности ярмарочной суматохи, затруднительное положеніе Лукича и тѣсно нищущаго помощіи у богатаго жестокаго ростовщика описаны съ жизненною правдивостію; мораль цѣлаго мало утѣшительна: жалобы на мелочную нужду и ея тяжесть, которая дѣйствуетъ не какъ молнія, а подкрадывается такъ, что и боль не закришишь, и думишь, думишь, пока жертва не погибаетъ. Интересно, чѣмъ эта народная повѣсть — ея маленькіе городки связаны съ народомъ? — созданныя поэтомъ картины природы, описанія медвѣдцы, бурныхъ ночей, кладбища съ его зарытымъ горемъ; у могилы дитяти, несмотря на воспитательную обстановку кругомъ, писатель восклицаетъ: сны, дитя, едва ли стоишь пробуждаться, разбивать сердце о людское горе; превосходно изображеніе ребятъ, етерегущихъ коней, описаніе деревни, вообще, ея великолѣпія при заходѣ солнца, описаніе жизни природы въ лѣсу и полѣ.

Никитинъ интересенъ какъ своею собственною личностію, такъ и народными темами своихъ произведеній; его имя сдѣлалось довольно извѣстнымъ уже во время крымской войны, когда онъ выступилъ съ патриотическими пѣснями; «Кулакъ» наметъ теплый приемъ, но скоро поэтъ умолкъ навсегда; лишь немного переживъ Кольцова. Какъ, однако, неблагоприятно было время, показывая судьба двухъ другихъ поэтовъ: Случевского и Апухтина; начать писать уже въ

Апухтинъ.

шестидесятыхъ годахъ, они робко ретировались передъ позитивистическимъ шумомъ, чтобы снова выступить лишь спустя десятилѣтія. Апухтинъ менѣе значителенъ; его стихотворенія, пусть они формально закончены, не заслуживаютъ большаго вниманія; интересъ повѣсти. Напротивъ, поэтъ-философъ Случевскій особенно въ послѣднія десятилѣтія (онъ умеръ въ 1904) пользовался немалой популярностію, сумѣвъ поставить себя въ первыхъ рядахъ среди писателей; его даже называли «королемъ современной поэзіи»; онъ лирикъ, и въ формѣ описательныхъ стихотвореній создаетъ чудныя вещи; въ «Пѣсняхъ изъ уголка» представляется психологія Россіи: страна, лишенная живой красоты; въ ней найдешь лишь намеки и штрихи; все мрачно, полно тѣной, начиная даже съ людей: плачутъ они, ихъ горе не глубоко; любятъ — легко; вѣчно смущенно, безпокойно смотрятъ они всѣ, какъ будто о чемъ-то умоличиваютъ. Эта блѣдность объясняется самою природою: цѣны косыхъ, маленькихъ холмовъ,

непривѣтливая глубина лѣсовъ, рѣки, льющія свои воды словно во снѣ; сѣрый, влажный горизонтъ, суровые холода свирѣпой зимы, дни слишкомъ безсильные, чтобы освободиться отъ тумана, молчаливая гладь безбрежныхъ равнинъ—таковы видъ страны; рядъ неоконченныхъ картинъ; кто-то подумалъ о нихъ, сдѣлалъ набросокъ,—бросилъ кисть, и самъ уснулъ!

Сибирскій вихрь («Въ снѣгу») мчится то здѣсь, то тамъ, кружится, рвется о камни и стволы; идетъ по стени, прорывается черезъ лѣсъ, борется съ могучимъ пространствомъ; проникаетъ въ горы, въ темныя пустыни, въ ущелья; выползаетъ изъ мертвого гниющаго болота къ свѣтлымъ зубцамъ твердыхъ вершинъ; ползетъ по краю мшистыхъ скалъ; прыгаетъ черезъ пропасти; сѣло подымается вверхъ, въ воздухъ, какъ бы шута остается висѣть и рвется внизъ и тайно уходитъ въ Божію пустыню, обнятую сномъ.

Въ то время, какъ старшіе лирики, Тютчевъ, Фетъ и др., и особенно Некрасовъ—широко распространены въ переводахъ, Случевскій остался неизвѣстнымъ за границей.

Послѣ того, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ литературный интересъ къ злѣбъ дня, крестьянскому и другимъ вопросамъ ослабѣлъ, и благодаря реакціи усилилось эстетическое направленіе, число поэтовъ возрастаетъ необычайно; немногіе старые, Фетъ, со своими четырьмя сборниками «Вечерніе огни», Полонскій, съ «Вечерними звуками», почти исчезли среди подавляющаго множества новыхъ именъ; однимъ перечисленіемъ ихъ можно было бы заполнить цѣлую страницу, а прослѣдить отдѣльныя фазіономы было бы почти невозможно. Эта лирическая волна еще не отлила, въ послѣднее время ее даже усилили и окрасили декаденты.

Самый популярный изъ нихъ, самый симпатичный—это рано умершій Надсонъ, иѣжная, чувствительная натура, нервно-безпокойная, печальная, какъ современная молодежь, натура, лишенная твердой воли, твердой вѣры, но гуманная и благородная, сострадающая, гармоничная, убѣжденная, искренняя. «Умерла моя муза!... Недолго она озаряла мои одинокіе дни;

облѣтали цвѣты, догорѣли огни, непрорзидная ночь, какъ могила темна!..; но «былъ тотъ голосъ съ нервною дрожью, какъ голосъ брата, въ часъ глухой, подслушавъ пылкой молодежью и чуткой женскою душой»—говоритъ о немъ Полонскій. «Безсилень стихъ мой блѣдный и больной!... холодеетъ и жалокъ нишій языкъ»,—однако, онъ создавалъ незабвенныя вещи: «Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ кто бы ты ни былъ, не падай душой: пусть неправда и зло полновластно царятъ надъ омытой слезами землей, пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ и струится невинная кровь:—вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ, и вернется на землю любовь! Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей, не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—въ мирѣ придетъ она въ снѣгъ и славѣ своей. Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ. И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни пражды, ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ, ни нужды, безпросвѣтной, умирающей нужды, ни меча, ни позорныхъ столбовъ. О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ, не пустая надежда одна: оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ, ночь вокругъ черезчуръ ужъ

С. И. Надсонъ.

темна! Миръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови, утомится безумной борьбой,—и подниметь въ любви, въ безавѣтной любви очи, полныя скорбной мольбы!..».

Эта сангвиническая увѣренность продолжается не долго; отчаянный скептицизмъ овладѣваетъ сердцемъ: въ борьбѣ и смутѣ мірозданья цѣль одна—покой небытія! Для вѣчнаго мученія не существуетъ вѣчнаго рая, и этотъ быль бы также жалокъ, незначителенъ.

Въ теченіе немногихъ лѣтъ сразу десять изданій выдержали стихотворенія этого юноши-поэта, увеселеннаго такъ жестоко свирѣпствующею среди русскихъ писателей чухоткою. Позднѣйшіе поэты положительно называютъ новую лирическую эпоху. Ихъ признаки: законченность формы, необыкновенное чувство природы—этимъ они подобны «парнасцамъ»;—въ основѣ ихъ мечтаній глубокой, терзающей скептицизмъ». Три дара,—поэтъ одинъ изъ лучшихъ, Фофановъ,—дало небо міру, утѣнять печальныя сердца. Хорошо начало, однако, печаленъ конецъ.

Въ снѣгу лучей, въ вихрѣ наслажденія пролетаетъ гений и исчезаетъ словно сонъ; среди мрака свѣтятъ намъ словно звѣзды, счастливыя мечты, но ихъ волшебныя цвѣты спалить суровая дѣйствительность. Любви, свѣтлая, подобная богамъ, даритъ намъ восхищеніе и сладкіе звуки. Ахъ, милый другъ, наскучитъ и она! Какъ прекрасно описываетъ онъ пробужденіе весны: Все таесть... сбѣгаетъ мутный снѣгъ, серебряный дождь спадаетъ съ крышъ... Послѣднія слезы мороза красное солнце осушаетъ своимъ поцѣлуемъ, послѣдняя мечта зимы разлетается дымомъ, но пріветствію весну, тяжелыя думы я думаю. Все таесть, надежды и годы, растаетъ какъ ледъ пробуждающагося природы и воспоминаніе о прежней любви, и дружба, какъ и счастье не вѣчна, и сердце, какъ слезы, охладѣетъ, и все что мы лезлемъ, все забудетъ усталая память.

Итакъ постоянно. Поэтъ выпускаетъ весною проснувшуюся муху въ лазурь солнечнаго дня, смотритъ затѣмъ, что будетъ дѣлать это дитя компатнаго воздуха, усталая тѣлостная какъ мысль рабочаго дня, прожорлива какъ земная жадность; лети ты, лети, о если бы съ тобой меня покинули забота и печаль! Или: шарманщикъ къ радости дѣтей заводитъ свой ящикъ: вотъ отворится окно, итѣжные пальцы дрожащей руки бросаютъ монету, чтобы онъ шелъ; умоляетъ дворъ, слаще спать въ беззвучной тишинѣ порванныхъ струнъ порванной души. Ничего удивительнаго, если у Мерекковского природа господствуетъ надъ людьми: все тебѣ я отдаю, жизнь, молодость, свободу, и въ этомъ прекрасномъ мірѣ ты не умѣешь быть счастливой какъ всѣ, какъ звѣрь въ лѣсу, въ воздухѣ ласточка и въ серебряной роетъ снѣгъ дѣткою; радость бытия ты разрушаешь сомнѣніемъ,* противень ты мнѣ, безсильный больной! Съ испытующимъ разумомъ и гордою душой нищ себѣ счастья безъ меня, какъ знаешь. Мисскій (иссѣдонимъ Виленикина) прославляетъ благотѣльную грозу, что прекратила безконечную засуху. Онъ входитъ въ благоухающій садъ и видитъ гнѣздо, разоренное грозой; безутѣшная мать кружится надъ нимъ; поэтъ думаетъ, если бы эта мать въ ея горѣ могла узнать, что эта гроза спасла цѣлую страну!.. Ахъ, что родная страна, если навсегда разрушено родное гнѣздо! Другъ говорить о надеждѣ, какъ якорь въ жизненномъ морѣ и добавляетъ: это наемѣшка и обманъ. Можно бросить якорь, когда море неглубоко передъ тобой! А если оно бездонно, что твой жалкій якорь?

Въ этой масѣ поэтовъ представлены всѣ сословія, начиная съ великаго князя Константина, президента Академіи Наукъ, толкователя Гамлета, съ его скромнымъ пріятнымъ талантомъ; князь Цертелевъ, скорѣ философъ, чѣмъ поэтъ, какъ и Владимиръ Соловьевъ; графъ Голенщевъ-Кутузовъ, съ его военными пѣснями и повѣствовательнымъ стихотворе-

нѣмъ «Сумерки» и т. д.; наконецъ, самоучка Фругъ, сынъ еврейскаго колониста, преимущественно останавливающийся на древне-еврейскихъ темахъ. Нѣкоторые изъ нихъ перешли въ лагерь декадентовъ, такъ. Виленькинъ (Миускій) и Мережковский, къ Брюсову, Соллогубу, Бальмонту и т. д.

Декаденты образуютъ самый молодой и пока все еще весьма тонкій слой лирики и драмы; для нихъ уже заранѣе почва была неблагоприятна. На публику, большую часть критики, особенно на заклятыхъ приверженцевъ обличительной, «гражданской» и народной лирики Некрасова, декаденты и символисты съ ихъ строго индивидуальной поэзіей, бичевавшей излюбленные альтруистическіе мотивы, съ ихъ необыкновенной, мимозной чувствительностью, съ ихъ почти инстинктивной рефлексіей на всякія дѣйствія внѣшняго міра, съ ихъ господскимъ презрѣніемъ ко всякимъ «гражданскимъ» катехизисамъ, намѣреннымъ отчужденіемъ отъ народа, боязнью передъ банальностью обывающаго, — производили только чуждое, безпокойщее впечатлѣніе. Можно смѣло утверждать, общество знаетъ декадентовъ большею частью только изъ пародій и пасквилей, которые не устаетъ фабриковать публицистъ «Новаго Времени» — Буренинъ. Его желчныя насмѣшки, конечно, забудутся, но декаденты останутся, и съ ними придетъ освѣженіе поэзіи, ея содержанія, формъ, Россія, наконецъ, была захвачена этимъ движеніемъ, хотя большого, выдающагося таланта, кажется, еще не появилось. Трезвый, реалистическій строй русскаго духа не можетъ благопріятствовать новому направленію, но оно есть и не можетъ быть замолчано; впрочемъ, мы отказываемся отъ перечисленія именъ представителей русскаго декадентства, такъ какъ для исторіи литературы они большого значенія не имѣютъ.

Въ области лирики женщины-писательницы играютъ еще меньшую роль, чѣмъ въ прозѣ; нѣтъ ни одной, которая могла бы раздѣлить славу своихъ нѣмецкихъ или польскихъ сестеръ (Конопницкая). Современныя представительницы поэтическаго творчества, Бекетова, Соловьева, изъ московской фамиліи литераторовъ и изслѣдователей, и др. не могутъ считываться даже на нѣкогда существовавшую извѣстность Расточниной, поэтессы баловъ, или Жадовской, меланхолической созерцательницы природы, исчезнуващаго прошлаго.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о переводчикахъ. Въ переводахъ, имѣющихъ большую художественную цѣнность, нѣтъ недостатка, начиная съ Пушкина, перелаживающаго стихи Мицкевича, и др.; у отдѣльных поэтовъ переводческая дѣятельность составляетъ значительную часть ихъ творчества, напр., Фетовскій «Гораций» (вся сочиненія) объемомъ превосходитъ собственныя произведенія шекспира; нѣкоторые исключительно посвящаютъ себя переводу, такъ Гербель далъ родной литературѣ Шиллера, Гете, Шекспира, Байрона; М. Михайловъ, политическій «преступникъ», сосланный въ Сибирь и умершій тамъ, прежде всего познакомилъ русскихъ съ пѣснями Гейне, но переводилъ и многое другое; впрочемъ, онъ самъ былъ дѣлательнымъ беллетристомъ, напр., написалъ романъ «Птицы перелетныя», изъ бродячей жизни провинціальныхъ актеровъ; не слѣдуетъ смѣшивать съ Михайловымъ — Щедеромъ; Вейнбергъ — переводчикъ Шекспира, Байрона, Шелли, Гюгго, Гете и Гейне, и т. д.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Новеллисты.

Оскуднѣе литературы. Преобладаніе мелкихъ формъ, особенно очерковъ и рассказовъ. Отступленіе народниковъ. Новеллисты-нессимпатичны, какъ Горюхины, Короленко и Потапенко. Чеховъ и Горькій. Андреевъ. Заключеніе.

Теперь русская литературная почва совершенно истощена, русская

современная музыка может претендовать въ Европѣ на большее значеніе, чѣмъ нынѣшняя литература.

Ея успѣхъ былъ безпримѣрный, и, однако, она еще не вполне оценена по достоинству. Вина лежитъ на посредникахъ, на переводчикахъ, которые, предлагая дрянные товары, проходили мимо самаго цѣннаго. Что за вкусъ руководить этими замѣчательными людьми, совершенно непонятно; они переводятъ, напр., Николая Потѣхина, вмѣсто Алексѣя Потѣхина, переводятъ драмы Потапенко, съ которыми въ Россіи, самое большее, считаются театральныи кассиръ, переводить историческіе романы Данилевскаго, романы изъ жизни общества, которыхъ въ самой Россіи никто не читаетъ, и т. д. Сами переводы часто дѣлаются не съ русскаго, а съ французскаго, и переведшій «Анну Каренину», понятію съ французскаго, просто выпустилъ всѣ настоящія толстовскія главы и сдѣлалъ, такимъ образомъ, изъ романа обыкновенную любимую булавочную исторію. Только медленно замѣчался поворотъ къ лучшему, но старыя грѣхи надолго еще оставить слѣды. Такъ я, напр., читаю что, «Бѣсы» Достоевскаго существуютъ только въ единственномъ нѣмецкомъ переводѣ, «который страдаетъ недостаточнымъ пониманіемъ русскаго оригинала, иногда искажаетъ смыслъ и посему не можетъ быть рекомендованъ». А дѣло идетъ о произведеніи, стоящемъ тысячи нѣмецкихъ и французскихъ романовъ. Сюда присоединяется разница русскихъ отношеній, благодаря которымъ часто соотвѣтственные слова, напр., «Kaufmann», «Adliger», «Student», «Bauer» и т. д., имѣютъ совершенно иное значеніе, неизвѣстное нѣмцамъ, чѣмъ сильно затрудняется пониманіе. И теперь языкъ! Такъ какъ на нѣмецкій переводится больше всего, съ языкомъ всѣхъ частей свѣта, то считается аксіомою, что нѣмецкій наилучше приспособленъ для цѣлей перевода. Но, не говоря о другихъ языкахъ, несомнѣнно, что, по отношенію къ русскому, нѣмецкій совершенно не годится; самый добросовѣстный переводчикъ никогда не въ состояніи взять надлежащаго тона и беретъ слишкомъ высоко или слишкомъ низко. Причина въ самомъ языкѣ; всѣ тонкости русскаго совершенно теряются въ нѣмецкомъ. Русский можетъ уменьшать даже свой глаголъ, выразиться нѣжно или фамильярно, нѣмецъ не можетъ дѣлать того же даже съ прилагательнымъ; въ то время, какъ русскій вмѣсто малый, милый и т. д. говоритъ маленький, миленькій и т. д., нѣмецъ принужденъ обходиться съ klein, lieb и т. д.; такъ же дѣло обстоитъ и съ грубыми выраженіями и т. п.; русскій слогъ несравненно конкретнѣе, чувственнѣе, очевиднѣе, нѣмецкій абстрактнѣе, блѣднѣе. Сравните только Тургенева въ оригиналѣ съ лучшимъ нѣмецкимъ переводомъ, чтобы увидѣть колоссальную разницу, а Тургеневская проза еще одна изъ самыхъ легкихъ для перевода. Попытайся сдѣлать это съ Достоевскимъ или Левитовымъ, останется лишь грубый остовъ.

Несмотря на эти, отчасти, неизбежныя, отчасти, обусловленные малою тщательностью недостатки переводовъ, успѣхъ русскаго романа—ибо дѣло шло только о немъ одномъ—былъ безпримѣрнымъ въ лѣтописи исторіи литературы. Литература, на которую привыкли смотрѣть свысока, какъ на бережно вращенный на чуждой, неблагоприятной почвѣ отводокъ Европы, самое большее, какъ на комнатное растеніе, въ томъ случаѣ, если, вообще, обращали на нее вниманіе, проявила себя богатою величественными, оригинальными явленіями, рядомъ съ которыми ничего нельзя найти даже въ собственной, старой, богатой письменности. Назовите произведенія, которыя можно было бы сравнить съ «Войной и миромъ» и «Преступленіемъ и наказаніемъ»! Удивленному міру было показано, что русскіе въ реализмѣ и натурализмѣ, безъ порнографіи Золя, въ знаніи человѣческой души превосходятъ всѣхъ; что имъ, призваннымъ нанослѣдокъ къ виноградинку,

была дана отъ Господа такая же награда, какъ и тѣмъ, которые трудились съ наступленія дня. Да, они проявили удивительную глубину анализа, выказали любовь къ человеку, исканіе божественнаго образа въ самыхъ отверженныхъ даже людскихъ созданіяхъ. И при всемъ этомъ, надо помнить, что въ коротенькая ибсеновская драма скорѣе находить распространене, чѣмъ многотомный, безконечный русскій романъ.

Единственнымъ въ своемъ родѣ было то обстоятельство, что почти всѣ таланты появились какъ-то въ одно время. Въ Германіи напр., годы рожденія ея классиковъ отстоятъ другъ отъ друга чрезвычайно далеко; въ Россіи наоборотъ; только Толстой нѣсколько отделяется со своей датой 1828 г., а то всѣ они родились около 1820 г., Достоевскій въ 1821 г., Тургеневъ въ 1818, Некрасовъ въ 1821, Григоровичъ въ 1822, Островскій въ 1823 и т. д., и всѣ вмѣстѣ выступили, опять-таки за исключеніемъ Толстого, въ сороковыхъ годахъ, еще подъ руководствомъ Блжнскаго: лирики, драматурги, романисты и новеллисты. Но почва истощилась, дѣятельность великаго періода продолжали лишь энгионы; писателей много, но нѣтъ выдающихся талантовъ; оригинальнѣйшіе, многообещающіе или рано умолкли, или ихъ продуктивность, вообще, незначительна, ограничиваясь мелкими произведеніями.

Отчасти это зависѣло и отъ самихъ обстоятельствъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, ликовали, что наконецъ-то на ряду съ избѣженными, неспособными къ жизненной борьбѣ русскими культурными людьми изъ дворянства, въ литературу должны внести свѣжіе соки бодрый, энергичный, закаленный сынъ крестьянина, священника, мѣшанина. Надежды выполнялись лишь въ малой степени; писатели-палачи регулярно погибали, въ лучшемъ случаѣ отъ чахотки (Чеховъ напр.), болѣею частью отъ *delirium tremens*, въ сумасшествіи, отъ самоубійства и вина, въ неслучайныхъ, совершенно ненормальныхъ условіяхъ, заставляющихъ молодежь расти въ величайшей бѣдности, подъ страшнѣйшимъ гнетомъ; такъ обычно, не только у русскихъ, метить за себя непосредственный переходъ изъ прозябанія къ напряженной умственной дѣятельности; человекъ, рано или поздно, падаетъ подъ непереносною тяжестью; Достоевскій, Некрасовъ и т. д., страшно много терпѣли въ молодости, но какъ отпрыски культурныхъ людей они выказали себя несравненно болѣе способными къ измучающей работѣ, чѣмъ Ршетиновъ и т. д. Демократизація литературы сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, почти исключительно созданіемъ дворянствомъ, не вызвала никакого переворота; потомство выказало себя мало надежнымъ. Обстоятельства другого рода однакоже задерживали ходъ дѣла. Молодежь, выступившая въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, была явно надломлена реакціей; ей недостаетъ наивнаго полета пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ; она потеряла старую, патріархальную вѣру, но ее не удовлетворяетъ простое отрицаніе, «очищеніе почвы», о которомъ мечтали еще Базаровъ и Писаревъ; она не въ состояніи создать себѣ новой вѣры; отсюда раздвоенность, отчаяніе, безвольность этихъ людей, лишенныхъ энергіи и убѣжденія, надѣявшихся утонченными нервами, гуманнымъ чувствомъ; отсюда отсутствіе смѣлости, большого творчества; всюду дѣло ограничивается новеллой, искусно отдѣланнымъ стихотвореніемъ; выше этого честолюбіе не идетъ; сравни Надсона и Гаршина, типичныхъ представителей—лучшихъ—этого поколѣнія. Понятно теперь преобладаніе новеллы, эскизовъ, силуетовъ; понятно и право этотъ послѣдній отдѣлъ озаглавить: новелла и новеллисты.

По времени мы ставимъ впереди Гаршина; это меланхоликъ, въ духовной безпомощности кончившій самоубійствомъ.—1888 г., 33 лѣтъ, работая на литературномъ поприщѣ съ 1877. Писателемъ его сдѣлала война; все

видѣнное и передуманное здѣсь онъ сообщилъ сначала въ эскизѣ «Четыре дня»: четыре дня лежить тяжело раненый русскій, мучимый жаждою и

В. М. Гаршинъ.

чтобы скрыть свою болязнь; самоубійца пишетъ патетическое письмо къ людямъ, «кровожаднымъ, гримасничающимъ обезьянамъ»; особенно интересенъ художникъ Рябининъ, уметователь въ противоположность своимъ жизнерадостнымъ, кромѣ ландшафтовъ ничего не признающимъ товарищамъ. Нѣкая произведенія представляютъ собою отчасти аллегоріи, гордая *Athalea princeps*, которая изъ тѣсноты оранжерей стремится въ свободный холодный воздухъ, приносящій ей смерть, и др.; въ сущности, все это «сдавленные крики боли»; однако, не столько для изображенія «собственного «я», какъ для изображенія большого вѣшняго міра», поэтъ не дожидается, — удалась ли ему борьба съ нимъ? Его героямъ по крайней мѣрѣ рѣшительно недостаетъ силы, эти слабые сосуды не выдерживаютъ никакого давленія. И все-таки рѣдко суждено было количественно столь небольшимъ произведеніямъ производить такое глубокое дѣйствіе.

Съ Гаршинимъ пожалуй могъ соперничать Короленко, малоросъ, какъ показываетъ самое имя, родившійся въ западномъ краѣ, изъ городковъ и деревень котораго онъ выбираетъ себѣ темы, послѣ заглавныя на самый дальній востокъ, сосланный добрымъ правительствомъ въ Якутскъ для «отрезвленія». Писатель имѣлъ всѣ причины благодарить начальство. Ибо извѣстнымъ онъ сталъ своимъ «Сномъ Макара», спившагося якута который, замерзая въ лѣсу, видитъ, какъ его притащили на судъ къ великому Тойону, и какъ онъ здѣсь защищается. Затѣмъ последовали «Сибирскіе рассказы», изъ жизни тамошнихъ разбойниковъ и др.; повѣсти изъ быта польско-русскихъ городовъ, Житомира и т. д., трогательная своей простотой, напр., «Въ дружномъ обществѣ» — дѣти видныхъ родителей увлекаются романтичностью жизни нищихъ, заброшенностью ихъ пещеры; «Слѣпой музыкантъ», пробужденіе чувства міра у слѣпорожденного, музыкально чрезвычайно одареннаго дитяти, психологическое изслѣдованіе, — самое обширное изъ того, что до сихъ поръ написано авторомъ, если не говорить объ его этнографическихъ работахъ, которыми также руководить гуманная, филантропическая цѣль. Но у Гаршина, какъ и у Короленко, мы скорѣе имѣемъ дѣло съ «стихотвореніями въ прозѣ» (особенно «Старый

голодомъ, рядомъ съ заколотымъ имъ туркомъ, трупъ котораго разлагается въ солнечной жарѣ; послѣ въ — «Запискахъ рядового Иванова». Всюду изложеніе строго объективно, безъ сатирическихъ или сентиментальныхъ уклоновъ; попадаются отдѣльные сложные характеры, напр., поручикъ, тиранитъ солдата, котораго они хотѣли убить, вдругъ плачетъ, какъ дитя о потерѣ своихъ людей. Знаменателенъ для автора и выборъ прочихъ темъ: сумасшедшій, въ печально-прекрасномъ «Красномъ дѣтѣхъ», кажушемся герою воплощеніемъ зла; чтобы вырвать это зло, страдалецъ жертвуетъ жизнью; разбитые, борющіеся сами съ собою и съ судьбою люди: тусклъ тѣмъ, не мѣняе плетъ на ненавистную ему войну.

звонарь» или «Пасхальная ночь»), чѣмъ съ повеллами.—Короленко скоро уже тридцать лѣтъ какъ выступилъ на литературное поприще, но его произведенія остались столь же скудными какъ и у Гаршина! Несмотря на всѣ административныя любезности, Короленко твердо держался своихъ убѣжденій; какъ онъ думаетъ о системѣ, доказываетъ его «Чудная», психиатка въ освѣщеніи жандарма, оставшагося человѣкомъ, несмотря на свою службу; это видно изъ открытаго письма по адресу петербургской Академіи, въ которомъ онъ, какъ и Чеховъ, благодарилъ за честь избранія членомъ, послѣ того какъ Академія такъ постыдно вычеркнула его же избраннаго Горькаго—только въ Россіи (или я ошибаюсь?) возможна подобная безмысленность и такая вмѣстѣ съ тѣмъ безхарактерность.

Необыкновенною продуктивностью отличается землякъ Короленко, Потапенко, относительно котораго прежде можно было думать, что онъ печальную, желчную, мрачную русскую литературу снова оживитъ малорусскимъ юморомъ Паржанаго и Гоголя; но его талантъ не далъ того, что обѣщали въ началѣ. Забавны были его малорусскія крестьянскія повѣсти, т. е. не ихъ темы, но какъ онъ ихъ рассказывалъ; интересны описанія петербургской литературной богемы, въ которую попадаетъ провинціальный учитель, открывающій въ себѣ большой литературный талантъ—«Святое искусство»—но скоро потухла эта искра смѣха, появляющаяся только еще въ отдаленныхъ эпизодахъ и роляхъ, напр., при изображеніи представителей молодежи въ «Здравыхъ понятіяхъ»; сами сюжеты были мало смѣшны: «Генеральская дочь», которая не можетъ освоиться въ своей роли сельской учительницы, несмотря на трогательный примѣръ предшественницы, и умираетъ; «Секретарь его превосходительства», который въ своемъ служебномъ рвеніи,—насмѣшка надъ бюрократической формальностью,—забылъ познать собственную жизнь; «На дѣйствительной службѣ», гдѣ высокообразованный духовный отказывается отъ богатыхъ городскихъ доходовъ, чтобы идти въ деревню, работать для меньшого брата, къ ужасу всѣхъ тетокъ и всѣхъ окружающихъ—какъ ученикъ духовной семинаріи, Потапенко знаетъ духовную жизнь, —приписывающихъ ему всевозможныя побудительныя причины, кромѣ дѣйствительной, непонятной для нихъ. «Здравы» были понятія юноши, который позволяетъ своей возлюбленной выйти замужъ за стараго богача и получить отъ него наслѣдство, чтобы потомъ вернуть ей себѣ,—расчетъ былъ составленъ удивительно; однако, результатъ мало утѣшительный. Многописание погубило талантъ, особенно, когда Потапенко обратился къ сценѣ и снабжалъ русскій репертуаръ ежегодно одной пьесой à la Крыловъ; эти пьесы теперь уже навсегда забыты, приносятъ лишь матеріальную выгоду, не доставляя литературнаго успѣха, идутъ по истоптаннымъ дорогамъ и не даютъ ничего новаго.

И Ясинскій (или Бѣлискій) обѣщалъ много; онъ, казалось, избралъ себѣ спеціальностью область любви, которую и описывалъ со всевозможныхъ сторонъ, отъ дѣтской склонности между молодыми кузеномъ и кузиной до старческихъ увлеченій. Охотѣе всего онъ останавливался на профессиональныхъ крушителяхъ сердецъ и сильныхъ на словахъ, но робкихъ въ рѣшительный моментъ интеллигентахъ; мѣсто дѣйствія, преимущественно, бывало на юго-западѣ, въ Кіевѣ, откуда происходилъ самъ авторъ. Рутинна, погоня за дешевою популярностью, кокетство съ модными лозунгами лишили Ясинскаго, наконецъ, всякаго кредита; если наталкиваешься въ его повѣстяхъ на оригинальныя положенія, задачи, фигуры, то это лишь мимоходомъ; авторъ не относится серьезно къ своему искусству, ему достаточно самой дешевой забавы читателя. Несмотря на упорную работу, его товарищамъ, Азбкову, Баранцевичу, Поводворскому и др., не удалось пріобрѣсти значительнаго круга читателей; причина этого объясняется съ

одной стороны ограниченностью ихъ темъ: интеллигентный петербургскій пролетаріатъ у одного и тотъ же обанкротившійся герой у второго; съ другой—недостаткомъ искусства, углубленіемъ въ излишнія, неинтересныя детали, мѣшающія болѣе сильному дѣйствию; то же самое и съ княземъ Голицынымъ (псевдонимъ Муравинъ) съ его романами изъ быта петербургской аристократіи, съ его изображеніемъ «выродковъ», декадентовъ, психопатовъ и психопатокъ, кандидатовъ на самоубійство, слабоумныхъ и т. д.; герои, преимущественно, изъ высшего круга («Теноръ», слабостъ княгини къ забывшимъ художникамъ, «Князья» и др.); авторъ—пессимистъ, хотя пишетъ не безъ чувства. Изъ другихъ писателей слѣдуетъ упомянуть двухъ Луговыхъ, изъ которыхъ Алексѣй выдвинулся особенно своею повѣстью изъ жизни древняго Рима (*Pollice verso*)—впрочемъ, безъ выдающейся литературной фizioноміи; Гитдича, въ «Китайскихъ тѣняхъ» давшаго силуэты изъ петербургской жизни, и т. д.

Высоко надъ всѣми ими стоитъ художникъ, надѣленный дарами Бога, Антошъ Чеховъ, по профессіи врачъ—отсюда въ его повѣстяхъ часто встрѣчаются типы врачей и больныхъ, особенно психическихъ, напр., черный монахъ и др. Началь оу свою быструю, блестящую карьеру въ тѣхъ же юмористическихъ журналахъ, которые Лейкину никогда не суждено было покинуть; псевдонимъ Чехонте обозначалъ вещи, разчитанныя казалось бы для парижскаго Жиль Блаза, и еще въ мартѣ 1905 г. переводчику въ Берлинѣ было предъявлено обвиненіе за разнузданность въ печати: часто это статейки «Стрелкозы» съ неприязнательными островами на купцовъ, почетныхъ свадебныхъ гостей, которыхъ занимаютъ по установленной такѣ, и т. п. Фельетоны расширились, и съ ними, вопреки обычному праву, расширился талантъ, переходя ко все болѣе длиннымъ повѣстямъ, скоро поставившимъ Чехова во главѣ современныхъ повелителей. Теперь лежитъ его неоконченный трудъ; и Чехова чухотка вогнала въ преждевременную смерть, послѣ юности, полной тяжкихъ лишений—въ десяти томахъ, одинъ изъ которыхъ посвященъ интересному описанію Сахалина, страны и обитателей, другой—

Ант. П. Чеховъ.

разказы.

Какое обиліе фигуръ! не только человѣческихъ, ибо и животныя выступаютъ въ качествѣ дѣствующихъ и говорящихъ лицъ: несчастный чудесный пудель, равно какъ и бурый лисица и др. Чеховъ избѣгаетъ только высшихъ сословій; а то вся Россія представлена въ его произведеніяхъ: маленький почтовый чиновникъ, уступающій свою жену страшному полиціймейстеру, чѣмъ обезпечиваетъ себя отъ другихъ «жениховъ»; судебные слѣдователи, учителя гимназій, духовенство въ страшной бѣдности; цѣлцы (т. е. церковные цѣлцы), трактирщики, купцы, дворяне, это опять часто только чиновники и т. д., до паромщиковъ, ночныхъ сторожей, воротовъ; лишь совершенно случайно попадаетъ иногда дѣйствительное сѣятельство въ простую обстановку и его появленіе вызываетъ настоящій переполохъ. Мы слушаемъ среднюю и малую «Русь», съ ея обманчивыми надеждами (лотерейнаго выигрыша), съ ея разочарованіями и лишеніями, съ ея борь-

бою за жизнь, съ напраснымъ стараніемъ сломать рѣшетку своей темницы, рѣдкими протестами, постоянными компромиссами. Комичны многіе изъ этихъ типовъ: незабвеннымъ останется толстый помѣщикъ, собирающийся войти въ воду, чтобы отцѣпить запутавшіеся крючокъ, и не могущій объяснить стоящей тутъ англійской миссъ, губернантѣ его дѣтей, чтобы она удалилась—уже подборъ ругательныхъ словъ, которыми онъ осыпаетъ англичанку, необъяснѣнъ; или ловкій ораторъ, держащій рѣчь надъ открытой могилей, и поставившій по недоразумѣнію одного изъ присутствующихъ на мѣсто умершаго; философскіе разговоры сильно выпившихъ чиновниковъ въ маленькомъ городкѣ; мелкій чиновникъ, раздумывающій, нельзя ли ему улучшить свое положеніе доносомъ, который надо сдѣлать умѣючи, а то попадешь впросакъ и т. д. Писатель просто нестоимъ въ выдумкахъ; сюжеты въ родѣ того, что юноша, который въ полночь безпозвонно всѣхъ знакомыхъ и родственниковъ, обрадованный что его имя отпечатано въ газетѣ—по поводу полицейскаго протокола попадаютъ у Чехова сплошь и рядомъ и т. п. Бросается въ глаза несимметрическое отношеніе Чехова къ женщинамъ; безсознательное ограбленіе мужа и безземельное легкомысліе слишкомъ частыя свойства его женщинъ и дѣвушекъ, которыя представляются искусными только въ ловлѣ «кавалеровъ»; онѣ постоянно нарушаютъ супружескую вѣрность, какъ, напр., въ пресловутой юмористической повѣсти «Шведскія спички», съ удивительнымъ полчищамъ, представленнымъ противъ убійцы, жалъ только, что убитый благодушно живетъ (какъ и у Буренина), и т. д. Рядомъ съ этими смѣлыми темами, или скорѣе анекдотами, существуютъ цѣлыя тонкія психологическія изслѣдованія, напр. очеркъ о профессорѣ, въ день своего юбилея такъ пессимистически оценивающемъ свою жизнь, и т. д.

Петербургская жизнь совершенно отступаетъ на задній планъ, московская выступаетъ чаще, но, главнымъ образомъ, по Чехову мы знакомимся съ провинціей, и если суммировать общее впечатленіе, то приходишь къ выводу, высказанному Писемскимъ полъ-столѣтія тому назадъ въ «Старческомъ Грѣхѣ»: «чтобы жить въ такомъ обществѣ, какъ вамъ угодно, а для этого нуженъ большой запасъ мужества». Такъ русская жизнь остается прежнею, и юмору Чехова, какъ, вообще, русскому, не совсѣмъ слѣдуетъ довѣрять. Комическія детали часто скрываютъ трагическую суть, которая скоро дѣлается видною. Прощанье съ жизнью провинціального актера, напр., выполнено съ смѣлымъ юморомъ, но какалъ мрачная драма таетъ тамъ! Или письмо бѣднаго мальчика, положенное имъ въ ящикъ, съ надписью «моему дядѣ»,—трогательная дѣтская трагедія! Потрясающіе рассказы стараго купца о своемъ заморзаніи, когда онъ былъ вожакomъ слѣпыхъ,—здесь видятъ отрывокъ изъ автобіографіи.

Чеховъ остается строгимъ реалистомъ, даже тамъ, гдѣ изображается психическое («Случай изъ практики»—психическая, до физической болѣзни, возрастающая неудовлетворенность молодой, богатой дѣвушки), или чистое сумасшествіе («Черный монахъ»); вселенъ мистичизмъ чуждъ ему; его карандашъ не знаетъ неясныхъ, колеблющихся чертъ. Полное отсутствіе чрезмѣрныхъ деталей; при всей сжатости величайшая наглядность—однако, мало живыхъ, свѣтлыхъ чертъ, его картины сѣры, какъ сама жизнь, которую онъ изображаютъ. Есть и черты символическаго («Человѣкъ въ футлярѣ», лживо закопавшійся отъ всякаго общенія съ вѣщимъ міромъ); языкъ аллегорій хорошо знакомъ Чехову, какъ и всѣмъ русскимъ, напр., свое петербургское по поводу такъ незамѣтно ползущаго прогресса, по поводу постоянныхъ ссылокъ на «законосообразность», онъ выражается такъ: законосообразно ли это, что я, живой, мыслящій человѣкъ, стою у рва и ожидаю, пока онъ заростетъ или наполнится иломъ—въ то

время, какъ и могу перепрыгнуть черезъ него или перебросить чрезъ него мостъ! Или: за дверью каждаго довольнаго, счастливаго долженъ стоять кто-то съ молоткомъ и своимъ стукомъ постоянно напоминать, что есть несчастные, и т. д. Символами и аллегоріями писатель любитъ пользоваться особенно въ своихъ драмахъ. Ибо повеллисть сдѣлался драматургомъ, хотя и былъ лишишь всякаго драматическаго таланта. Онъ началъ затѣмъ просто переводить свои новеллы въ диалогическую и драматическую форму—сюжеты повторяются почти буквально, напр. «Беззащитное созданіе» и «Женитьба по расчету»; его драмы суть просто драматизованныя новеллы, «Чайка», «Три сестры» и др., съ ихъ безконечными диалогами, съ ихъ описаніемъ среды, съ отсутствіемъ драматически живого дѣйствія, дѣйствительныхъ контрастовъ; рисуетъ та же самая жизнь, сърая на сѣромъ фонѣ, который въ своемъ повседневномъ, повседнежномъ дѣйствіи медленно, но вѣрно размельчаетъ и растираетъ самые рѣшительные характеры. Впрочемъ, немало очень оригинальныхъ типовъ, напр., «три сестры» съ ихъ стремленіемъ въ Москву, гдѣ онѣ надѣются сбросить съ себя болото провинціальной жизни,—и однако, мы знаемъ, что эти планы и ожиданія ни къ чему не ведутъ, что сестры гибнутъ въ вязкой тинѣ безсмысленнаго прозябанія провинціи. Глубокимъ пессимизмомъ проникнуты эти герои, колеблющіеся, не вѣряще въ самихъ себя и свое дѣло;—однако, въ отличіе отъ поэтесей, въ драмахъ у Чехова выступаютъ часто мечтатели, люди съ болѣе твердой надеждой въ иное, лучшее будущее; мы невольно сомнѣваемся, правы ли эти идеалисты, но уже указаніе на возможность исхода заслуживаетъ всякаго признанія. Безотрадна эта старая чеховская Русь: мирнымъ сномъ покрываютъ ея широкія равнины, ничто не прерываетъ могильнаго покоя; лишь временами раздаются отчаянные вопли тамъ, въ городахъ, гдѣ скука разслабляетъ всѣхъ самыхъ крѣпкихъ, въ деревняхъ, гдѣ среди грубѣйшаго суевѣрія нескончимымъ остается старое недовѣріе къ интеллигенціи (напрасныя попытки сближенія), гдѣ мучаетъ жестокая пужда. Устали и ослабли тѣ, которые раньше думали объ оживленіи умомъ; свое банерство они топятъ въ алкоголь; лучше всего чувствуютъ себя эгоисты *sans phrase*, живущіе на счетъ ближнихъ и часто еще умѣющіе обезпечить себѣ снѣгъ превосходства («Дядя Ваня»), въ глазахъ жертвъ ихъ эгоизма, это люди, въ устахъ которыхъ указаніе на жизненную цѣль, *sperare contra spem*, звучитъ почти богохульствомъ. Всюду господство сѣлаго случая, давящаго собою неосмотрительныхъ людей. Полная побѣда рутинѣ, привычекъ, грубѣйшаго эгоизма; увы, горе тому, кто слѣдуетъ движенію своего сердца, кто рвется изъ душевной обстановки. Но частямъ слагается эта мозаика несовно-русскаго бѣдствія, и невыносимо тяжела была бы картина, если бы глубокая симпатія къ жертвамъ, просвѣщенная гуманность (отраженіе поэта отъ идеаловъ Толстого) и, прежде всего, скромное искусство писателя не смягчали бы тоновъ мрачнаго полотна. Почти неистощимое обиліе образовъ, всегда новыхъ, рѣзко индивидуальных (обобщеній, типовъ Чеховъ избегаетъ); богатая фантазія; здоровый реализмъ, иногда единкомъ смѣлый; сильный юморъ, въ русской литературѣ столь рѣдкій; пріятная тщательность выношенія—все это въ высокой степени характеризуетъ талантъ Чехова. Онъ можетъ быть названъ русскимъ Монпассаномъ—хотя бы вслѣдствіе преобладанія эротическихъ темъ (въ драмахъ почти всѣ пары связаны незаконно)—отъ француза Чехова отличается болѣе блѣдная кисть, стараніе избѣгать эффектовъ (даже при трагическихъ зашутанностяхъ), большая дробь въ людяхъ (только ихъ, а не природу представляетъ и изображаетъ онъ; даже зѣбры кажутся у него передѣлтыми людьми). Мы видимъ старую Русь, прозябающую, мечтающую и спящую въ ожиданіи нисшествія ангела.

въ купель Сизовамскую, и удивленно спрашиваемъ, гдѣ же тутъ признаки перемѣны, гарантіи поворота къ лучшему?

Чеховъ строго объективный художникъ, настоящий ученикъ Тургенева, примыкающий этимъ къ старой дворянской литературѣ, несмотря на перемѣну въ выборѣ матеріала и типовъ, пессимистъ, оставляющій мѣру цѣти своимъ ходомъ;—протестъ противъ этого міра, рѣшительное требованіе коренной перемѣны воплощаетъ Горькій (псевдонимъ Пышкова, ученикъ Короленко, если у этихъ самоучекъ можно говорить о школѣ). Оба, Чеховъ и Горькій, вышли изъ того же простого народа, но какъ существенно различны ихъ характеры; между ними можно провести ту же параллель, какъ между Пушкинымъ и Лермонтовымъ; объективный художникъ, наконецъ примиряющійся съ нерадостною дѣйствительностью; и второй, неспособный къ компромиссамъ, настаивающій, пусть онъ изъ-за этого и погибнетъ, на своемъ протестѣ противъ «порядка». Этотъ рѣзкій, протестъ есть самая интересная черта Горькаго. Не имѣющій литературнаго образованія, лишенный болѣе тонкаго таланта, державшійся почвы, несмотря на всякія неудачи идеалистически—аллегоризирующаго полета, для котораго ему недостають крыльевъ, представитель босяковъ въ литературѣ (едва ли что-либо другое знаетъ онъ), есть новое, важное явление. Недовольные всегда были и до него, но они терзали себя въ безысходной злобѣ, тайно скрежетали зубами и сжимали кулаки въ карманѣ, не желая сдѣлать кому-либо серьезнаго вреда; имъ не доставало энергии и инициативы. Герои Горькаго, съ которыми въ ночное время лучше не встрѣчаться, не безвольные, разъяренные рефлексією Гамлеты всѣхъ сословій, возрастовъ и родовъ, столь характерные для русской, не только дворянской литературы, не загадочная натура, болѣе популярная въ Россіи, чѣмъ на родинѣ Шпильгагена, но люди полные боевой рѣшимости, безпощадные, хвалящіеся своимъ кулакомъ или пожомъ, спрятаннымъ за голенище. Натуры властныя, возмущающіяся надъ добромъ и зломъ, слѣдующія своему инстинкту или настроенію, ни передъ чѣмъ не останавливающіяся, они совершенно выходятъ изъ своей роли, когда выдаютъ себя за жертвъ, которыхъ привлекаютъ общество къ отвѣтственности, пародируютъ скрытой романтикой, ищутъ правду и нападаютъ на зло.

Максимъ Горькій.

Новость темъ и отношеніе къ нимъ писателя, явно становящагося на сторону сильнаго и его права на жизнь (горе, если попадаетъ болѣе слабый), совершенно въ противоположность къ альтруистическому, гуманитарному главному теченію русской литературы, обезпечило прежде всего у молодежи, потомъ у людей недовольныхъ вообще, безпримѣрный успѣхъ Горькаго; къ этому присоединялась прелесть этнографической по-

визны; тишь этих бродячь, потерянныхъ существъ, призывавъ необыкновенное вниманіе. Горькій показалъ еще менѣе драматикъ, чѣмъ Чеховъ; его діалоги и описанія среды въ «Мѣсцанахъ», «На дѣ» и т. д. лишены драматической обстановки; область сюжетовъ ограничена, въ сущности, онъ знаетъ и описываетъ только босняка; его безвольные, слабые люди, напр., въ «Мѣсцанахъ», съ давнихъ уже поръ извѣстны намъ. И такъ же ограниченно искусство Горькаго; пока его грубые герои грубо ругаются и дѣйствуютъ, мы находимся на твердой почвѣ, а то тотчасъ же попадаемъ въ туманъ и бездну, и толстолицъ Лука («На дѣ») въ данномъ случаѣ ничего не можетъ измѣнить. Въ противоположность Чехову, Горькій необычайно переоцѣняетъ особенно заграничей: литературное его значеніе раздуто выше всякихъ мѣръ.

Для меня Горькій интересенъ, какъ русскій «протестантъ», а не какъ художникъ; своимъ матеріаломъ, тономъ, но не формою, мелодіей; въ Горькомъ отмѣчаютъ и благодарны ему за то, что онъ не входитъ въ слабые компромиссы, все требуетъ и не удовлетворяется мелкимъ уплатамъ въ зачетъ будущаго; онъ сильный человѣкъ, вовсе не большой художникъ, предвѣстникъ (буревѣстникъ) новаго поколѣнія, которое быть можетъ спѣшитъ съ быстротою вѣтра и объявитъ войну меланхоли, «дворянской нищондрин», русскому долготерпѣнію народа, европейскому пессимизму образованныхъ. Горькій важенъ для русской жизни, чѣмъ для русскаго искусства; Европѣ ему, вообще, нечего сказать, если намъ не будетъ импортировать его безграничное презрѣніе къ культурнымъ людямъ, извѣженнымъ и неспособнымъ для жизненной борьбы, всегда готовымъ на сдѣлку.

Наиболѣе рѣзкое выраженіе этого презрѣнія Горькій далъ въ своемъ рефератѣ, прочитанномъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отважный писатель, извѣщенный успѣхомъ у публики, преподнесъ своимъ почитателямъ такіе слова правды, что всѣ слушатели медленно удалились и оставили его одного, какъ нѣкогда Чацкаго: приходилось выслушивать рѣчи о жалкой трусости, позорныхъ компромиссахъ, объ измѣнѣ принципамъ. Горькій остается вѣрнымъ себѣ и когда онъ переноситъ свои повѣсти въ вышеіе круги; тамъ его «Варенька Олеся» — постоянный боевикъ, хотя и въ самомъ обаятельномъ костюмѣ — она въ состояніи совершить убійство, это ей было бы нипочемъ; нельзя придумать болѣе жалкой противоположности, какъ высоко образованный, современно чувствующій петербургскій приватъ-доцентъ ботаники, весьма приличій представитель мыслящихъ людей и полный банкротъ своей личности на ряду съ необразованнымъ, извращеннымъ на него съ такимъ почтеніемъ дитятею природы, которое въ такой же мѣрѣ, насколько энергично онъ слабъ: заключающаяся картина прямо оскорбляющей грубости почти символична для Горькаго и его направленія; настоящая насѣтка и издѣвательство надъ всякою интеллигенціей, сытой, рыхлой, робкой, которая должна уступить мѣсто голоднымъ, дерзкимъ, сильнымъ.

Наоборотъ, значительнымъ художникомъ представляется Леопидъ Андреевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ только благодаря своимъ новелламъ. Отъ предшественниковъ онъ отличается особенно новостью импрессионистскаго стиля. Авторъ пытается чередать вещи не таковыми, каковы онъ въ дѣйствительности, но какими ихъ видятъ утонченно-большинное, иногда ненормальное чувство; въ результатѣ, исключительно субъективное творчество, по характеру рѣзко отличное отъ Чехова и Горькаго. Фантастическое освѣщеніе предмета, банальнаго по своей обыденности, искусственное усиленіе впечатлѣнія, слышаніе неслышимаго, видѣніе невидимаго — таковы черты, свойственныя кисти Андреева. Въ противоположность обычной трезвости русскихъ красокъ, эта яркость имѣетъ въ себѣ что-то новое и напоминаетъ доходящій до малярничанья, выверченности стиль нашихъ модернистовъ. Прочитайте, напр., «Красный смѣхъ» — полное прищипанный изображеніе ужа-

совѣ послѣдней войны въ отрывочныхъ эскизахъ участника, тяжело раненаго офицера; описаніе его мучительной для всѣхъ жизни дома.

Извѣстныя картины Верещагина никогда не могли бы такъ ясно изобразить ужасы войны, озырѣніе людей, ихъ сумасшествіе, физическія страданія, полное отупѣніе, даже жертвъ, ведомыхъ на плаху, какъ эти грубыя, отчаянныя, негодующія слова, эти вопросы: къ чему? зачѣмъ? Или «Набатный колоколъ», распространяющій паническій, подкашивающій страхъ, и т. д.

Для насъ цѣна психологія; интересенъ новый стиль; онъ всегда былъ силою русскихъ художниковъ и искусства, какъ, напр., Чеховскій стиль, сразу очерчивающій людей немногими штрихами; вспомнить только стараго лакея Финюгина, который, словно насѣда за утенкомъ, бросающимся въ воду, бѣжитъ за своимъ бариномъ, рвущимся «Въ неизвѣстную даль» — революціонной пропаганды.

Если уже Короленко или Чеховъ не щадилъ читателя изображеніемъ мрачныхъ темъ, то изъ повѣстей Андреева идетъ навстрѣчу самое воплощенное горе. Я не припомню ни одного разсказа, который не ударилъ бы рѣзко по нервамъ; даже «Иностранецъ», кандидатъ на чахотку, собирающій гроши отъ часовыхъ уроковъ для заграничнаго путешествія, съ несчастнымъ сербскимъ патриотомъ, несмотря на юмористическія остроты, звучитъ трагически; таковы всѣ повѣсти, и самая смѣшная маска не обманетъ насъ.

«Бездна» дала недавно поводъ къ крайне характерной въ Руси полемикѣ: герои Горькаго форменно изнасиловали молодую дѣвушку на глазахъ спутника, не смогшаго защитить ее. Филистеръ, самое большее, сказалъ бы, не ходи съ дѣвушкой слишкомъ поздно по опаснымъ мѣстамъ; наивныя большія дѣти, наоборотъ, спорили о дальнѣйшемъ отношеніи героя къ жертвѣ своей непредусмотрительности, и въ споръ о возможности подобной баллетристики, вообще, вмѣшалась даже графиня Толстая. Какъ разозлится потомъ талантъ Андреева, доселѣ, подобно Гаршину, утверждавшійся исключительно въ мрачно-трагическихъ настроеніяхъ, сказать нельзя.

Рядомъ съ Андреевыми можно было бы назвать Чирикова, извѣстнаго своими повѣстями и драмою «Евреи», на тему объ эпидемическихъ еврейскихъ погромахъ въ Кишиневѣ, Гомелѣ и т. д.

Въ общемъ, еврей не играетъ никакой роли въ русской литературѣ, такъ какъ онъ мало встречается въ великорусскихъ губерніяхъ и то лишь въ городахъ, какъ представитель интеллигенціи; еврейскіе типы мимоходомъ попадаются въ общественныхъ романахъ, у Писемскаго, напр., во «Взбалтывающемъ морѣ» и т. п.; у Толстого, Тургенева они совершенно отсутствуютъ; встречаются еще у Достоевскаго въ смѣшныхъ эпизодическихъ роляхъ; но что за силы пробуждаются теперь въ средѣ еврейства, какія идейныя теченія живутъ въ немъ, этого до Чирикова литература совершенно не знала.

Наконекъ, слѣдуютъ писатели: Скиталецъ (псевдонимъ Петрова), новеллистъ и романистъ («Шинирутены»), Протопоповъ (драматургъ) и т. д.

Такъ дальнѣе жить нельзя! Это крикъ, который теперь раздается отъ Петербурга до Ялы и отъ Варшавы до Тифлиса. Врачи и адвокаты, аптекарскіе помощники и желѣзнодорожники, рабочіе и студенты, чиновники и учителя, городскія думы и земства, представители литературы и прессы, за единственнымъ исключеніемъ «ретирадныхъ писателей» Московскихъ Вѣдомостей, съ которыми заодно нѣкоторые профессора, — все повторяетъ этотъ возгласъ.

Пробудились даже мертвые. Духовенство, совершенно подавленное современи Петра Великаго, духовенство, усталое своею ролью полицейскаго органа, не хочетъ больше быть подъ командою штабъ-офицеровъ, гусаръ

скихъ генераловъ и профессоровъ, явныхъ или тайныхъ атеистовъ, материалистовъ, мистиковъ. Нынешняго «командира» духовенства, человека достойнаго своихъ предшественниковъ, Толстой въ своемъ «Воскресеніи» прославилъ въ лицѣ оберъ-прокурора—титутъ—столь же красивымъ, какъ «великій инквизиторъ».—Топоровъ; конечно, цензура выбросила эту часть романа. Даже косная церковь требуетъ самостоятельности, духовнаго главы, патриарха. Топоровъ, понятно, ничего знать объ этомъ не хочетъ.

Какъ измѣнились времена! Еще за пятьдесятъ лѣтъ Добролюбовъ предсказывалъ смерть николаевскому сановнику, радуясь, что будетъ постепенно отваливаться одна опора за другой. Однако, его сыновья и внуки давно уже не довольствуются терпѣливымъ ожиданіемъ естественнаго процесса тѣлѣнія и ускоряютъ его самымъ основательнымъ, рѣзкимъ образомъ. Гдѣ то время, когда московская университетская молодежь, ликуя, возмывала до небесъ Каткова? Теперь москвиче профессоръ протестуютъ уже противъ того, что университетскій гербъ оксиперидается, украшая собою Катковскую газету. Если еще недавно завѣряли правительство, что оно дѣйствуетъ по доброй воли общества, то теперь даже выступивше для борьбы съ холерой врачи заявляютъ, что общество потеряло всякое довѣріе къ полиціи и бюрократіи, стоящей во главѣ государства.

Въ этически неподвижной Руси, кажется, всему суждено повторяться. Прочитаешь программу, письма, меморіи 1855 и 1856 годовъ, Погодина, славнофиловъ и т. д., и готовъ снова отпечатать ихъ безъ всякаго измѣненія, они такъ и кажутся какъ бы созданными для 1905 г. Невозможно спрашивать: не затянется ли пескомъ и нынѣшнее движеніе, какъ въ 1801 и 1855 г.? 1855 г. однако, далъ весьма важныя результаты, которыхъ нельзя было отнять, несмотря на все ворчаніе ретирандиковъ, и отъ 1905 г. мы можемъ съ опредѣленностью ожидать, если не всего, то опять многого. Должна исчезнуть цензура, дабы о прессѣ и объ общественномъ мнѣніи въ Россіи не говорили, какъ нѣкогда о школахъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, что онѣ терпятъ, какъ публичные дома. Прекратиться долженъ административный произволъ, чтобы опять Амфитеатровъ не выслазлся неизвестно куда, за одинъ фельетонъ, безъ всякаго суда. Итакъ, будутъ устранены еще нѣкоторые тормазы, будетъ обезпечена соответствующая свобода для дальнѣйшаго движенія. Свобода мысли и совѣсти только что дарована, т. е. то, чего Радичевъ напрасно требовалъ цѣлымъ столѣтіемъ раньше, а славнофилы за полстолѣтіе.

Что дѣло зашло такъ далеко за это сдѣлать бытъ благодарнымъ также и литературѣ, несмотря на экзъ-поляка Бузгарина, экзъ-англичанина Каткова, экзъ-еврея Грингмута, несмотря на Рунича, Толстого и Будиловича, несмотря на всѣхъ обскурантовъ, ренегатовъ и измѣнниковъ. Литература успѣшно вела къ самопознанію, къ пробужденію самосознанія русскихъ; ея дальній, трудный, усильный столякими жертвами путь, ея развитіе было именно направлено въ эту сторону. Изъ полной несостоятельности, механическаго подражанія, изъ забавы ума она сдѣлалась носительницею правды и просвѣщенія, будила совѣсть, указывала идеалы тогда, когда проклинались всякое мышленіе, кромѣ официального шаблона. Она измѣнила свою собственную дорогу, показала себя зрѣлой для той великой задачи, какаѣ выпала ей на долю; далеко за предѣлы Руси сялетъ теперь ея значеніе. «Долготерпѣніе» русскаго народа увѣчалось устройствомъ мірового государства. Твердая выдержанность и высокій полетъ русскаго духа создали всемірную литературу. Пусть она и въ будущемъ остается вѣрною гуманнымъ и эстетическимъ традиціямъ своего славнаго прошлаго! Міръ не можетъ болѣе обойтись безъ нея.